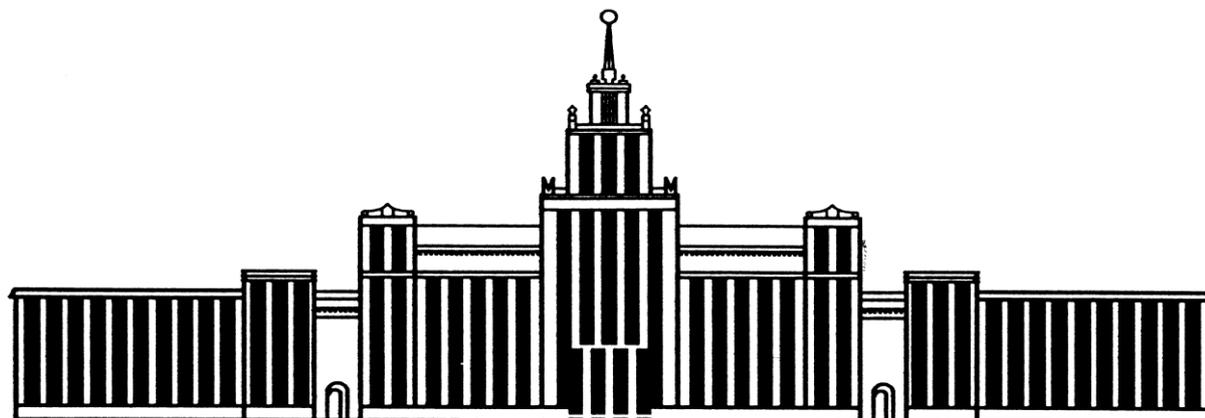

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю9
П863

ПСИХОЛОГИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов
научной конференции с международным участием,
посвященной 25-летию факультета психологии

Челябинск
2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Высшая медико-биологическая школа
Факультет психологии
Кафедра психологии управления и служебной деятельности

Ю9
П863

ПСИХОЛОГИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов
научной конференции с международным участием,
посвященной 25-летию факультета психологии

Под редакцией Е.А. Рыльской,
А.С. Мальцевой

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2021

УДК 159.9
ББК Ю9.я43
П863

*Одобрено
Советом факультета психологии*

*Рецензенты:
к.психол.н., доцент Л.Г. Матвеева,
к.психол.н., доцент Е.И. Титова*

Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, перспективы: сборник материалов научной конференции с международным участием, посвященной 25-летию юбилею факультета психологии / под ред. Е.А. Рыльской, А.С. Мальцевой. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – 287 с.

ISBN 978-5-696-05251-9

В сборнике размещены статьи в соответствии с определенными в рамках конференции направлениями: психологические исследования личности в мультипарадигмальной психологии; психология инноваций и творчества; психологические ресурсы человека и вызовы пандемии Covid-19; личность в социальной группе; актуальные проблемы клинической психологии; психология развития и возрастная психология; психолого-педагогические проблемы общего, инклюзивного и коррекционного образования; психология служебной деятельности; достижения организационной психологии, управленческой психологии и психологии бизнеса. Материалы, представленные в сборнике, основаны на эмпирических и теоретических исследованиях в рамках приведенных направлений и предназначены для студентов бакалавриата по направлению подготовки «Психология» и специалитета по направлениям «Клиническая психология» и «Психология служебной деятельности».

Материалы конференции предназначены оказать помощь студентам в подготовке к семинарским занятиям и работе над курсовыми и дипломными проектами.

УДК 159.9
ББК Ю9.я43

ISBN 978-5-696-05251-9

© Издательский центр ЮУрГУ, 2021

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ

С.А. Башкатов, С.М. Гайнуллина

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

В статье ответственность рассматривается как психологическая категория в динамике своего онтогенетического развития. Рассмотрены различные подходы к определению понятия ответственности. Обсуждается типология ответственности, разбираются механизмы ответственного поведения. Описаны тренды развития ответственности, ее типы и стадии формирования. Описывается феномен безответственности как антипод личностной ответственности. Особо подчеркивается, что безответственность представляет собой индивидуальную личностную позицию, предполагающую отсутствие целей, задач и обязательств, а также уклонение и неспособность отвечать за последствия собственных действий. Психологическим противодействием безответственности выступает постоянное личностное развитие, умение понимать и прогнозировать последствия собственных действий и желание отвечать за свои поступки.

Ответственность как психологическая категория в динамике развития. Ответственность как психологическая категория имеет длительную и многогранную историю своего изучения. Сначала термину «ответственность» приписывалось исполнение обязанности или долга. По мере развития процесса научного познания ответственность начала трактоваться как форма самоконтроля личности. В научной литературе категория ответственности была впервые использована А. Бейном в книге «Эмоции и воля», вышедшей в 1865 г., в которой ответственность связывалась с наказуемостью, обвинением и осуждением [5, с. 137]. Позднее Ж. Пиаже [9] дал следующую типологию ответственности, поделив ее на объективную коллективную (поступки оцениваются окружающими по своим последствиям) и субъективную индивидуальную (поступки самооцениваются на основе смыслов и убеждений). Вслед за ним Л. Kohlberg [16] предложил теорию морального развития, постулирующую активное взаимодействие сознания индивида с социальной средой, и на этом основании предложил классификацию стадий развития именно морального сознания. Первая стадия, названная объективной ответственностью, подразумевает оценку ответственности как материального результата действия. Вторая стадия – субъективная ответственность – включает цели и мотивы человека. Третья стадия – инструментального обмена – учитывает группоцентрические качества

личности. Четвертая (заключительная) стадия развития моральной ответственности представляет собой мораль всего социума как принятие ответственности в качестве социального обязательства. К. Nelkama [15], развивая теорию L. Kohlberg, описывает расширение социальной позиции в качестве наиболее важного психологического фактора, определяющего осознание ответственности. В свою очередь, К. Муздыбаев [6, с. 45] описывает следующие векторы развития ответственности: от коллективной к индивидуальной; от внешней к внутренней, осознанной личностной ответственности; от ретроспективной к перспективной (ответственность и за прошлое, и за будущее); срока давности (влияния прежних отношений между людьми на настоящие).

Типология ответственности. Е.В. Панькина [8, с. 75], опираясь на труды экзистенциальных философов С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера, рассматривает личностную ответственность как основу психического здоровья человека. В.А. Пшенай-Северин [10, с. 31] характеризует два противоположных подхода к пониманию ответственности как качества личности. Первый подход рассматривает формирование ответственности как интериоризацию внешних социальных норм и заключается в переходе внешних табу (по З. Фрейду) во внутренние (в Сверх-Я) в процессе социализации индивида. Второй подход предполагает зависимость ответственности от глубинных психологических механизмов, описанных Э. Фроммом, как бессознательное стремление человека к гармонии с миром. Основываясь на идеях персональной ответственности, С.Р. Rogers [17] выдвигает постулат о свободе и недетерминированности личности, утверждая, что действие влечет за собой ответственность за персональные трудности. Автор уточняет, что человек, субъективно переживая за собственные проблемы, чувствует ответственность за свой вклад в их развитие. С.Р. Rogers подчеркивает, что ответственность есть ключевое качество личности, являющееся полноценно функционирующим.

Психологические механизмы ответственного поведения. И. Ялом [13], анализируя ответственность с психологической точки зрения, считает, что осознание личной ответственности как фактора позитивного изменения играет особую роль в функционировании человека. Автор выделяет в ответственности два уровня, которые играют решающую роль в успешности психотерапии. Это оценка значимости биографических событий в рамках ответственности за жизненное поведение, понимание того, что принятие ответственности способствует психическому здоровью. С.В. Шевцова и А.М. Жуков [12, с. 77] обращают внимание, что потребность в ответственности формируется при участии процесса смысло-жизненных ориентаций человека. При этом происходит интеграции многочисленных запросов, обусловленных жизнедеятельностью, и концентрирует потенциал личности, обусловленный имеющимися у нее способностями. Н.А. Кравчук [4] представляет ответственность «как личностную характе-

ристику человека, которая описывает его способность обстоятельно анализировать ситуацию, заранее прогнозировать последствия своих действий или бездействий в данной ситуации и делать выбор формы своих поступков с готовностью принять последствия выбора, как неизбежные свершившиеся факты». Рассматривая структуру ответственности в рамках концепции мотивации помощи, Sh.H. Schwartz [18] заключает, что личностная ответственность выражается в нравственной обязанности принять на себя ответственности в ситуации оказания помощи другому человеку. R.W. Genthner [14, с. 402] демонстрирует тесную связь между личностной ответственностью с процессом формирования ценностных ориентаций.

Ответственность и безответственность. В процессе анализа вопросов этики и морали Ф. Ницше [7, с. 298], рассуждая о дилемме безответственности и невиновности личности, утверждает, что безответственный поступок вызывает негативные переживания человека, которые он должен принять для того, чтобы сохранить свою человечность. Е.Ю. Вавилова и А.Е. Смирнов [2, с. 204] обобщая понятие безответственности, описывают такие антонимы проявлений ответственности, как беспечность, невмешательство, уклонение от ответственности и другие.

Я.А. Корнеева и Н.Н. Симонова [3, с. 86] отождествляют безответственность с выученной беспомощностью и относят к одному из видов профессиональной деформации, критерием выраженности которой выступает уход от ответственности, безинициативное и формальное выполнение своих обязанностей. Т.В. Садолина [11, с. 177] в своем исследовании также пришла к выводу о том, что формирование личностной безответственности влечет за собой синдром выученной беспомощности. Автор обращает внимание на определение Ю. Куля о выученной беспомощности как нарушении способности к преодолению имеющихся трудностей и отказе от возможных действий на основе опыта предшествующих неудач в аналогичных ситуациях. Ю. Куль на этой основе выделяет следующие компоненты формирования выученной беспомощности: невозможность самому справиться с поставленной задачей; ощущение невозможности самому контролировать ситуацию; неверие в свои собственные силы и прогнозирование ситуаций неуспеха.

В.В. Байлук [1, с. 11] выделяет причины и формы проявления безответственного поведения человека, основными из которых являются такие, как невежество в области нормативных основ деятельности и нежелание преодолеть их; игнорирование самих норм деятельности; абсолютизация ответственности или гиперответственность и другие.

Таким образом, личностная ответственность представляет собой одно из индивидуальных человеческих качеств высшего порядка, которое выступает как интегральный показатель становления субъектности, в формировании которой ведущую роль играют воспитание и самовоспитание. Значимыми аспектами ответственности выступают ее осмысление, пред-

ставления о ней, суждения, понятия и сознательные намерения, благодаря чему человек способен к рефлексии в отношении уровня и состояния ответственности. Эмоциональное переживание своей ответственности есть результат успешной социализации человека, что в свою очередь выступает предпосылкой ответственного отношения к процессу деятельности. Важным фактором, обуславливающим наличие или отсутствие ответственности, является психическое здоровье как индивида, так и социума в целом. Безответственность можно определить, как индивидуальную личностную позицию, предполагающую отсутствие целей, задач и обязательств, а также уклонение и неспособность отвечать за последствия собственных действий. Безответственность освобождает человека от привязанности к общественным отношениям, делает его безрезультатным и дезорганизует личность. В таком ключе безответственность выступает в качестве психологического механизма, позволяющего человеку скрыть такие личностные особенности, как лень, страх и тревожность. Психологическим противоядием безответственности выступает постоянное личностное развитие, умение понимать и прогнозировать последствия собственных действий и желание отвечать за свои поступки.

Литература

1. Байлук В.В. Свобода, ответственность и социальная ответственность студентов // Педагогическое образование в России. – № 2. – 2016. – С. 7–23.
2. Вавилова Е.Ю., Смирнов А.Е. Ответственность и ее контрдискурс // Инновационная наука. – № 9 (21). – 2016. – С. 203–205.
3. Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. профессиональная личностная деформация сотрудников органов внутренних дел // Организационная психология. – № 2. – Т. 10. – 2020. – С. 80–106.
4. Кравчук Н.А. Взаимосвязь личностной и профессиональной ответственности как одна из главных качеств руководителя // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». СГА. Тольятти. 2013. – URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013004214> (дата обращения: 27.02.2021 г.).
5. Молчанов С.В. Проблема формирования внутренней ответственности в трудах П.Я. Гальперина // Национальный психологический журнал. – № 3 (27). – 2017. – С. 136–143.
6. Муздыбаев К. Психология ответственности: виды проявления ответственности, связь разных форм ответственности с определенными психологическими и социальными явлениями, результаты экспериментальных исследований ответственности в разнообразных жизненных ситуациях, значение ответственности для достижения успеха, справедливости, благополучия и выживания / Под ред. В.Е. Семенов. – М.: URSS. – 2010. – 238 с.

7. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. – М.: Мысль. – 1990. – 829 с.
8. Панькина Е.В. К вопросу о понимании личностной ответственности в гуманистической психологии // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – № 3. – 2011. – С. 72–78.
9. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка / Пер. с фр. В. Большакова. – М.: Акад. Проспект. – 2006. – 479 с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002953148> (дата обращения: 28.02.2021 г.).
10. Пшенай-Северин В.А. Психологические основы ответственности человека // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета: к 111-летию СПбГАУ. – № 5. – 2015. – С. 31–34.
11. Садолина Т.В. Деструктивные отношения с отцом, как фактор, влияющий на формирование «выученной беспомощности» // Человеческий фактор: социальный психолог. – № 1 (35). – 2018. – С. 176–183.
12. Шевцова С.В., Жуков А.М. Научные подходы к изучению ответственности в зарубежной психологии // Вестник Екатеринбургского института. – № 1 (25). – 2014. – С. 73–78.
13. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Дрabbкина. – URL: <http://psylib.org.ua/books/yalom01/txt09.htm#1> (дата обращения: 28.02.2021 г.).
14. Genter R.W. Personal Responsibility. Encyclopedia in Clinical Assessment by R.H. Woody. San Francisco. California. – 1980. – 410 p.
15. Helkama K. Toward a cognitive developmental theory of attribution of responsibility. Helsinki. – 1981. – 201 p.
16. Kohlberg L. The philosophy of moral development. New York: Harper and Row. – 1981. – URL: <http://psychyogi.org/kohlberg-1981-the-philosophy-of-moral-development/> (дата обращения: 25.02.2021 г.).
17. Rogers C.R. Freedom to Learn. Columbus, Ohio: C.E. Merrill. – 1969. 372 p. – URL: <https://archive.org/details/freedomtolearn00roge/mode/2up> (дата обращения: 20.02.2021 г.).
18. Schwartz Sh. H. Normative evaluations of helping behavior: A critique, proposal, and empirical test // Journal of Experimental Social Psychology. – № 9. – 1973. – P. 349–364.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН УСТАНОВКИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С.А. Башкатов, А.А. Шахов

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

В статье приведены результаты анализа 95 отечественных диссертационных исследований, посвященных психологическому феномену установки и выполненных за последние 30 лет. Установлено, что в XXI веке большинство авторов придерживается иерархической уровневой природы установки, предложенной А.Г. Асмоловым. Наибольшее количество исследований посвящено описанию целевых и смысловых установок в области восприятия, общения, брачно-семейных и гендерных отношений, воспитания, образования, становления в профессии, юриспруденции, отношений в силовых структурах, политике. Имеются работы, в которых установки исследуются с позиций зарубежной социальной психологии как аттитюды, в структуре которых анализируются когнитивные, аффективные и конативные компоненты.

На протяжении длительного времени, охватывающего практически весь период становления научной психологии и ее функционирования вплоть до сегодняшнего дня, большим количеством отечественных и зарубежных авторов используется термин «установка». Бросается в глаза, что этот термин редко является простым, то есть состоящим из одного слова «установка». Чаще он является составным: например, «первичная установка», «фиксированная установка» и другие. Следствием этого является появление различных семантических содержаний понятия «установка» при сохранении некоторого общего стержневого смыслового наполнения. Целью настоящего исследования является анализ современного содержания понятия «установка», описание специфики, придаваемой ему отечественными авторами, выявление особенностей и общих закономерностей в структуре этого психического явления. Для достижения цели мы проанализировали научную литературу и в том числе 95 отечественных диссертационных психологических исследований, посвященных установочной проблематике и защищенных за последние 30 лет.

В отечественной психологии существует два основных подхода к определению понятия «установка». Первый, исходный классический, сформировавшийся в пятидесятые годы XX века, принадлежит Д.Н. Узнадзе и приверженцам его научной школы [8, с. 49; 9, с. 69]. Второй появился в середине семидесятых годов XX века после критического переосмысления основных положений теории установки А.Г. Асмоловым и активно развивается в настоящее время [1, с. 13; 2, с. 56; 3, с. 26].

Основными терминами, используемыми Д.Н. Узнадзе и его школой, являются «установка», «фиксированная установка» и «первичная установ-

ка» [8, с. 26; 9, с. 73]. По Узнадзе, установка – это целостное изменение организма, предшествующее целесообразному поведению организма для удовлетворения актуальной потребности; специфическое состояние, возникающее у субъекта под воздействием объективной ситуации удовлетворения потребности. При этом взаимодействие живого существа и среды может быть представлено следующим образом: на живое существо, движимое импульсом удовлетворения определенной потребности, начинает воздействовать определенная ситуация и вызывает в нем соответствующее ситуации целостное изменение – определенную установку. Также подчеркивается, что установку животного создает ситуация актуального импульса, тогда как в основе установки, определяющей поведение человека, лежит воображаемая ситуация. Последователь школы Узнадзе И.В. Имададзе [5, с. 11] уточняет: «Установка – это не только теоретический конструкт, объяснительный принцип, но и реальное психическое явление, представляющее собой динамическое состояние готовности субъекта к определенной форме реагирования».

По оценкам представителей школы Узнадзе, наиболее часто на практике встречается фиксированная установка, формирующаяся в результате многократных воздействий одной и той же жизненной ситуации, становится привычной и легко активируется. Введение понятия первичной установки обусловлено необходимостью объяснить психологический механизм формирования фиксированной установки, то есть каким образом начинается зарождение установки в момент первой встречи потребности с источником своего удовлетворения. Для этого вводится понятие объективации, то есть феномена побуждающего характера предметов, запускающий установочный процесс. Д.Н. Узнадзе [8, с. 162] пишет: «Акт объективации имеет ввиду наличие в действительности объектов, на которые можно было бы человеку направить свои акты, с тем, чтобы повторно заметить и в этом смысле объективировать их, а затем при помощи специальных познавательных функций уяснить себе, что они представляют собой». Уточняя понятие первичной установки в рамках подхода Узнадзе, Н.И. Сарджвеладзе [7, с. 124) замечает: «Первичная установка – это актуальное и «здесь и теперь» состояние готовности субъекта к определенной активности, в каждый конкретный момент жизни выступая в качестве действенного начала и модуса существования человека в мире. В этом смысле основной признак первичной установки – постоянная актуальность, в потоке жизнедеятельности одна установка сменяется другой, однако ее основной признак – актуальность остается неизменной».

В 1976 г. А.Г. Асмолов [1] защитил диссертацию «О месте установки в структуре деятельности», а в 1979 г. вышла его монография «Деятельность и установка» [2]. О обоих трудах проведен тщательный анализ парадокса проблемы первичной установки. Суть парадокса заключается в следующем: условием формирования установки является встреча потребности

с ситуацией своего удовлетворения, но ситуация удовлетворения потребности воспринимается субъектом как таковая только при условии наличия уже существующей установки. А.Г. Асмолов отмечает, что для выхода из парадоксальной ситуации Д.Н. Узнадзе помимо двух факторов формирования установки (потребности и ситуации удовлетворения потребности) вводит третий фактор, представляющий собой «особое восприятие», которое у человека получило название объективации. При этом смысл объективации заключается в наличии определенной активности субъекта, позволяющей воспринять объект и предвещающей возникновение первичной установки. По мнению А.Г. Асмолова, допущение этой активности приводит к введению деятельности в схему возникновения установки. Получается, что в процессе образования первичной установки наблюдаются 3 явления: потребность, активность (деятельность), ситуация удовлетворения потребности. Эта триада позволяет А.Г. Асмолову говорить об установках как о стабилизаторах деятельности (установки выводятся из анализа деятельности) и предложить эмпирическую гипотезу об иерархической уровневой природе установки. Он описывает в порядке возрастания уровня сложности организации операциональные, целевые и смысловые установки.

А.Г. Асмолов [2, с. 62] дает следующие определения:

– смысловая установка, представляет собой выражение личностного смысла в виде готовности к определенным образом направленной деятельности, стабилизирует процесс деятельности в целом, придает деятельности устойчивый характер;

– целевая установка, представляет собой готовность, которая вызвана предвосхищаемым осознаваемым образом результата действия, выполняет функцию стабилизации действия;

– операциональная установка представляет собой готовность к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации разрешения задачи на основе учета условий наличной ситуации и предвосхищения этих условий, опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях.

Асмолов отмечает, что смысловые установки могут быть как осознаваемые, так и неосознаваемые и это сближает их понятием аттитюда (социальной установки), введенного первоначально в зарубежной психологии. Наиболее общим определением аттитюда является предрасположенность (склонность) субъекта к совершению определённого социального поведения; при этом предполагается, что аттитюд имеет сложную структуру и включает в себя ряд компонентов: предрасположенность воспринимать, оценивать, осознавать и, как итог, действовать относительно данного социального объекта (явления) определенным образом [6, с. 45].

Анализу всех отечественных диссертационных исследований, выполненных за последние 30 лет (всего 95 исследований) и связанных с исследованием различных аспектов и видов психологической установки, показал,

что по предмету исследования, то есть по специфике изучаемых установок, они подразделяются на следующие группы: 1) установки фиксированные; 2) установки восприятия; 3) установки смысловые; 4) установки в общении; 5) установки брачно-семейные и гендерные; 6) установки в образовании, воспитании и становлении в профессии; 7) установки в сфере юриспруденции, в силовых структурах и политике; 8) установки негативные. Также было установлено, что современные авторы практически не обращаются к концепции установки в рамках теории Д.Н. Узнадзе, основными понятиями которой выступают фиксированная и первичная установки. Большинство проанализированных работ содержит результаты эмпирических исследований установочных явлений в различных сферах функционирования общества: межличностное общение, брачно-семейные и гендерные отношения, воспитание, образование, становление в профессии, правовые отношения, силовые структуры и политика. Методологические разделы этих исследований, как правило, содержат перечень фамилий всех авторов, имеющих отношение к психологии установки, описываются теория установки Д.Н. Узнадзе и ее модификация А.Г. Асмоловым, теория социальной установки (аттитюда) с позиций зарубежных и отечественных исследователей, а также экологическая концепция социальной установки А.А. Девяткина [4, с. 145]. Приводится общая структура социальных установок (аттитюдов), включающая когнитивный, аффективный и конативный (поведенческий) компоненты.

Таким образом, анализ диссертационных исследований показывает, что в них часто смешиваются понятия социальной установки (аттитюда) и уровневых установок по А.Г. Асмолову (операциональной, целевой и смысловой). При этом уровневые установки, описанные А.Г. Асмоловым, анализируются не с позиций теории деятельности, а с позиций структуры аттитюдов. То есть в структуре целевой и смысловой установок анализируются нетипичные для них когнитивные, аффективные и конативные компоненты, что неизбежно ведет к методологическим ошибкам, искажающим результаты исследований.

Литература

1. Асмолов А.Г. О месте установки в структуре деятельности: автореферат дис. ... канд. психол. н. – М. – 1976. – 26 с.
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка / А.Г. Асмолов. – М.: Изд-во МГУ. – 1979. – 150 с.
3. Асмолов А.Г. Установочные эффекты как предвидение будущего: историко-эволюционный анализ // Российский журнал когнитивной науки. – 2017. – Т.4. – №1. – С. 26–32.
4. Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века: Монография. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та. – 1999. – 309 с.

5. Имедадзе И.В. Категория поведения и теория установки: автореферат дис. ... д-ра психол. н. Тбилиси. – 1989. – 44 с.
6. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК. – 2007. – 672 с.
7. Сарджвеладзе, Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси: Мецниереба. – 1989. – 204 с. – URL: http://pedlib.ru/Books/1/0199/1_0199-179.shtml#book_page_top (дата обращения: 16.03.2021).
8. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер. – 2001. – 416 с.
9. Узнадзе Д.Н. Общая психология. – М.: Смысл; СПб.: Питер. – 2004. – 413 с.

РОЛЬ АЛЕКСИТИМИИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

М.С. Косинова, Н.С. Зубарева

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи алекситимии с помехами в межличностных отношениях и эмоциональным интеллектом, проведенного на 100 студентах НГТУ в возрасте от 17 до 24 лет, среди которых 53 девушки и 47 юношей. Результаты показали, что даже в группе студентов без явных алекситимических проявлений с повышением выраженности алекситимии понижается эмоциональный интеллект и возникает больше помех в установлении эмоциональных контактов между людьми. Разработана программа коррекции алекситимических проявлений у студентов, цель которой: помочь студентам лучше понимать, осознавать и управлять эмоциями в межличностных отношениях, а также различать эмоции и телесные ощущения.

Роль эмоций чрезвычайно важна в жизни человека. С их помощью мы реагируем на изменяющуюся действительность, людей и ситуации, которые тем или иным образом влияют на нас. «Эмоции появляются не столько в ответ на благоприятные или неблагоприятные условия, сколько в ответ на актуальные или ожидаемые изменения условий» [3]. Данное высказывание Н. Фрижде можно проинтерпретировать следующим образом: чем больше изменений во внешней или внутренней среде организма, тем сильнее эмоции человека. Можно предположить, что с изменением мира пропорционально возрастает количество эмоций, испытываемых людьми. Таким образом, основной причиной возросшего внимания психологов к изучению эмоций являются последствия изменений в социальной жизни человека [2].

Общество меняется и вместе с ним меняется человек, его эмоциональный фон, привычки, поведение и способ взаимодействия. Нередко возника-

ют конфликты из-за недопонимания, недосказанности или неточной интерпретации поступка другого человека или его эмоций. Мы придерживаемся такой точки зрения, что возникающие трудности в понимании собственных эмоций и эмоций других людей накладывают отпечаток на человека и способствуют возникновению и формированию такого психологического феномена, как алекситимия. Алекситимия – это психологическая характеристика, которая проявляется в затруднении понимания и описания чувств, в различении эмоций и телесных ощущений, в снижении способности к символизации, о чем свидетельствует бедность фантазии, а также фокусировании в большей мере на внешних событиях, чем на внутренних переживаниях [1]. Алекситимические проявления накладывают отпечаток на межличностное общение субъектов. В процессе их взаимодействия возникают проблемы, конфликты или недопонимание, которые могут быть связаны с неточной интерпретацией эмоций партнера по общению. Поэтому, данное исследование позволит нам определить конкретные проблемы в коммуникации и особенности проявления эмоционального интеллекта у студентов.

В исследовании приняли участие 100 студентов Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) в возрасте от 17 до 24 лет (53 девушки и 47 юношей). Цель исследования заключается в том, чтобы выявить взаимосвязь алекситимии с помехами в межличностных отношениях и эмоциональным интеллектом. Нами были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Алекситимия взаимосвязана с эмоциональным интеллектом студентов.
2. Алекситимия взаимосвязана с проявлением трудностей в установлении контакта у студентов.

В качестве диагностического инструментария использовались такие методики, как: Торонтская шкала алекситимии TAS-20 (Toronto Alexithymia Scale – TAS-20-R; Г. Д. Тэйлор; адаптация: Е.Г. Старостина); Тест на эмоциональный интеллект (Н. Холл); Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов (В. Бойко). Статистический анализ выполнен с помощью программного обеспечения Statistica 12.0. Обработка данных включала корреляционный анализ критерием ранговой корреляции Спирмена (R_s).

Результаты тестирования показали, что среди 100 человек только у 13% выявлен повышенный уровень алекситимии, у 12% – высокий уровень алекситимии. У преобладающего большинства респондентов в размере 75% выявлен низкий уровень алекситимии, что свидетельствует об их способности описывать собственные переживания, различать чувства и телесные ощущения, которые возникают при эмоциональном возбуждении.

Корреляционный анализ был проведен на выборке из 75 человек, у которых выявлен низкий уровень алекситимии. В результате были обнаружены отрицательные связи между показателем алекситимии и компо-

нентами эмоционального интеллекта – «Эмоциональная осведомленность» ($R_s = -0,4$; $p = 0,0002$), «Эмпатия» ($R_s = -0,3$; $p = 0,02$), «Распознавание эмоций других людей» ($R_s = -0,3$; $p = 0,002$), «Общий показатель эмоционального интеллекта» ($R_s = -0,4$; $p = 0,0003$). Это означает, что при повышении уровня алекситимии понижается осознание и понимание своих эмоций, понимание эмоций других людей, умение воздействовать на эмоциональное состояние других людей за счет распознавания их эмоций, а также в целом понижается эмоциональный интеллект.

Были обнаружены положительные связи между показателем алекситимии и следующими шкалами методики «Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов с людьми» – «Неадекватное проявление эмоций» ($R_s = 0,3$; $p = 0,03$), «Негибкость эмоций» ($R_s = 0,3$; $p = 0,02$), «Доминирование негативных эмоций» ($R_s = 0,2$; $p = 0,04$), «Нежелание сблизиться с людьми на эмоциональной основе» ($R_s = 0,4$; $p = 0,0004$) и общий показатель по методике ($R_s = 0,5$; $p = 0,00004$). Это означает, что при возрастании непонимания собственных эмоций у группы с низким уровнем алекситимии возникает излишняя выраженность эмоций при помощи жестов, скованность и затруднение в выражении эмоций, в поведении чаще начинают возникать негативные эмоции, а также нежелание сблизиться с людьми на эмоциональной основе и в целом затруднения в осознании и понимании эмоций, которые могут осложнять взаимодействие с людьми.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что сложности во взаимодействии с людьми в эмоциональном плане (т.е. понимание, распознавание, выражение эмоций) возникают не только у людей с повышенным и высоким уровнем алекситимии, но также и у тех, кто имеет низкий уровень выраженности данного феномена. Нами были подтверждены выдвинутые гипотезы: с повышением выраженности алекситимии понижается эмоциональный интеллект и возникает больше помех в установлении эмоциональных контактов между людьми.

Полученные результаты являются обоснованием необходимости проведения профилактических и психокоррекционных мероприятий для помощи студентам в понимании, осознании собственных и чужих чувств и эмоций, а также в различении эмоций и телесных ощущений. Поэтому в рамках нашей научно-исследовательской работы нами была разработана программа коррекции алекситимических проявлений у студентов. Данная коррекционная программа будет полезна не только для групп людей с алекситимическими проявлениями, но и для тех, у кого отсутствует алекситимия, так как данные студенты могут оказаться в зоне риска развития алекситимических проявлений.

Основным подходом нашей коррекционной программы является когнитивная терапия, где основное внимание уделяется познавательным структурам психики и упор делается на личность, личностные конструкты

и в целом на логические способности. Также мы будем использовать техники арт-терапии, игротерапии и психодрамы.

Психокоррекционные занятия будут проводиться с группой студентов высших учебных заведений, в возрасте от 18 до 24 лет, имеющих сложности в понимании собственных эмоций, нарушения межличностного общения и затруднения в различии чувств и телесных ощущений. Данные показатели мы будем выявлять при помощи таких методик, как: Торонтская шкала алекситимии TAS-20 (Г.Д. Тэйлор; адаптация: Е.Г. Старостина); Тест на эмоциональный интеллект (Н. Холл); Диагностика помех в установлении эмоциональных контактов (В. Бойко).

Размер группы составит 10 человек. Тренинги будут проводиться 1 раз в неделю на протяжении 2,5 месяцев, т.е. 10 занятий. Каждое из занятий будет включать в себя:

1. Вводную часть – рассказ о своем актуальном эмоциональном состоянии, о своих чувствах, переживаниях и мыслях в данный момент времени;

2. Теоретическую часть – рассмотрение подходов и теорий, в рамках которых исследуются эмоции, их виды, классификации, формы проявления в поведении в виде жестов, мимики, голоса, позы, а также патологии, связанные с эмоциями;

3. Практическую часть – проведение различных техник и методик, направленных на улучшение понимания эмоций, чувств, настроения;

4. Заключительную часть – подведение итогов по занятию, разбор домашнего задания и обратная связь от участников тренинга.

С помощью данной программы мы сможем научить студентов лучше понимать собственные и чужие эмоциональные состояния, и настроение, а также устанавливать эмоциональный контакт и выстраивать отношения с другими людьми.

Литература

1. Карвасарский Д.Б. Клиническая психология. – СПб: Питер. – 2011. – 446 с.

2. Прихидько А.И. Проблема эмоций в зарубежной социальной психологии / А.И. Прихидько // Вопросы психологии. – М.: Вопросы психологии/ – 2009. – № 1. – С. 141–152.

3. Frijda N.H. The emotions. Cambridge, England: Cambridge University Press/ – 1986.

ЭТИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК КАК НАДСИТУАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ

К.С. Крючков, В.А. Петровский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Данная работа посвящена теоретическому анализу внутренней этики и этического поступка как надситуативной активности. Авторы разделяют этику на внешнюю по отношению к субъекту, закрепленную во «внешних» источниках – кодексах, правилах, законах, и внутреннюю – собственно этические установки и поступки человека. При этом, этический поступок есть проявление надситуативной активности, так как ставит человека в субъектную позицию, позицию «причины своих действий», не вписывается в рамки здесь-и-сейчас целеполагания или удовлетворения непосредственно данного мотива, выходит за рамки базовых «требований ситуации».

Как справедливо отмечают авторы, пишущие об этике, вопросы психологической этики, несмотря на их безусловную актуальность, получают довольно слабое освещение в отечественной психологической литературе [2, 4]. При этом необходимо отметить то, что как в отечественной, так и в западной литературе, посвященной психологической этике, не так уж часто рефлексится собственно природа этики. Некоторые авторы [10, 11] проводят философский или социально-политический анализ феномена психологической этики, но все же зачастую этика определяется через систему норм и правил, «кодексов», которым стоит следовать [4].

В отечественной психологии ситуация не слишком отличается от зарубежной. Этика довольно часто определяется как система «этических норм», как «свод правил о приемлемых и неприемлемых формах поведения в профессиональном контексте» [7].

Можно сказать, что этика остается для значительного числа исследователей как бы «вещью в себе», само понятие этики раскрывается через внешнюю форму его проявления или, если быть точным, фиксации – кодексы и правила.

По мнению ряда авторов [8], этическое поведение зачастую основано на следовании некоторому «внешнему» авторитету. В качестве данного «внешнего» авторитета могут выступать «кодексы, нормы, своды правил». Этические нормы как бы «закреплены» на «внешних» носителях/источниках.

Вместе с тем, как показывает исторический опыт, собственно «внешняя этика» является недостаточным условием и ни в коем случае не гарантией собственно этического поведения людей [3, 4, 9].

Итак, важным фактором является этика внутренняя. Как указывают некоторые авторы [8] «идеальное» этическое решение базируется на следовании внешнему авторитету, однако далеко не всегда случаются ситуации с четким и единственно верным ответом. В таком случае профессионалу требуется некоторый внутренний авторитет, внутреннее качество, которое позволяет ставить под вопрос и сомневаться в правилах, решениях, исходить из уважения к другим и ненанесения вреда.

Так, например, обсуждая проблему лицензирования и регулирования психотерапевтической профессии, ряд авторов отмечают, что протест и сопротивление вызывают не сами нормы как таковые. Для профессионалов важна релевантность данных норм сути профессии и самому сообществу. Проблема не в том, что вводятся кодексы, но то, что мнение сообщества не учитывается, а также то, что нормы не соответствуют принципам самих специалистов [13, 14, 15].

Итак, помимо этики *внешней* необходима *внутренняя* этика. Подробнее разберем ее структуру.

Анализируя собственно психологическую структуру этики, стоит отметить, что это также не единая структура. Важным компонентом внутренней этики является «этическая установка». Принципиально, что этическая установка зачастую не «дана» человеку и тем более не дана наблюдателю [12].

Однако, выражается этическая установка в форме, доступной стороннему наблюдателю, исключительно в виде *этического поступка*.

Согласно А.Г. Асмолову [1] поступок включает в себя отношение к себе и к миру. Поступок – это всегда движение в социальной системе координат. Поступок не есть простое действие. Как указывает С.Л. Рубинштейн: Поступок – это действие, которое воспринимается и осознается действующим субъектом как общественный акт, как проявление субъекта, которое выражает отношение человека к другим людям [6]. Отличие поступка от обычного действия по Рубинштейну в том, что действие становится поступком, когда осознается самим действующим субъектом в своем воздействии на других людей, на свои взаимоотношения с ними.

По нашему убеждению, поступок не всегда включает в себя рефлекссию, но выражает подлинную этическую установку, осознаваемую человеком или нет. И поскольку этика диалогична, поскольку она существует лишь в системе взаимоотношений Я – Другой (и даже в гипотетических примерах этических отношений к самому себе, скажем, в вопросе о самоубийстве, сам человек выступает в обеих ипостасях как сам-себе-другой), то не просто действие или операция есть этическое действие, но лишь поступок или деяние.

Всякое ли действие, связанное с этическими нормами или правилами, есть поступок? Нет. В том случае, когда ситуация является условно «простой» и не требует решения, когда не затрагиваются собственно этические

установки человека, когда действие является скорее неререфлексивным «автоматизмом» о поступках речь не идет. Однако, как указывали вышеприведенные авторы (и многие другие), далеко не все ситуации являются этически «простыми». Вот именно в таких ситуациях, когда внутренняя этика активизируется, хочет того человек или нет, когда возникает необходимость принятия решения, возникает ситуация этического поступка и подлинного соприкосновения с внутренней этикой человека.

Принципиально, что этический поступок есть надситуативное действие [5]. Такой поступок безусловно ставит человека в субъектную позицию, позицию «причины своих действий». Он не вписывается в рамки здесь-и-сейчас целеполагания или удовлетворения непосредственно данного мотива. Более того, такой поступок явно выходит за рамки базовых «требований ситуации» (если для примера говорить про психотерапевтическую ситуацию) и далеко не всегда соотносится с изначальной целью деятельности.

Этический поступок есть социальное действие, в котором проявляется отношение субъекта к себе и миру (то есть, этическая установка), который является единственно-наблюдаемым актом, на основании которого возможно судить собственно о внутренней этике личности и об этической установке личности.

Этический поступок всегда надситуативен, так как он никогда не рядоположен ситуации, а выходит за ее пределы и вынуждает человека становиться носителем свободной причинности [5] или, иными словами, становиться субъектом своей деятельности.

Этические решения всегда неадаптивны в смысле удовлетворения «здесь-и-теперь» потребности, хотя они и сонаправлены цели деятельности, но не тождественны.

Для иллюстрации заявленного выше тезиса достаточно весьма простого и распространенного примера: достаточно часто встречаемая на практике ситуация – отсутствие денег у клиента в какой-то момент времени – требует принять решение, редко прописанное в каких-либо кодексах, как продолжать работу или не продолжать. И даже если (представим себе) кодекс эксплицитно запрещает нам работать задаром, в долг или снижать цену, то для принятия личного решения требуется совершить определенное усилие – этический поступок (многие коллеги, например, предоставляют бесплатные сессии или сессии по сниженной цене для успешного завершения терапии, насколько нам известно, кодексы большинства отечественных профессиональных сообществ не регулируют этот вопрос, следовательно, можно говорить о «выработке» внутренней этики).

Итак, в настоящей работе мы разделили этику на внешнюю и внутреннюю. При этом, к внутренней этике мы отнесли этическую установку или внутреннее этическое отношение человека и этический поступок.

Этический поступок, определяемый автором в соответствии с понятием поступка, введенным А.Г. Асмоловым, как всегда социальное действие, в котором заключено отношение к миру, к другим людям, по мысли автора является единственным «внешне наблюдаемым» проявлением внутренней этики. Вне зависимости от того, рефлексирована ли человеком этическая установка или нет, ее зримые проявления заключаются в этических поступках.

Этический поступок всегда надситуативен, он всегда ставит человека в субъектную позицию как «носителя собственной причинности» и несводим к конкретной цели деятельности и удовлетворению здесь-и-сейчас потребности.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл. – 2007. – 526 с.
2. Гаранян Н.Г., Захарова Ю.В., Сорокова М.Г. Этические установки российских психологов-консультантов: область разногласий и потенциальных конфликтов // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Том 28. – № 1. – С. 87–112. doi:10.17759/cpp.2020280106.
3. Крючков К.С. Как же сделать практическую психологию этичной? Или об этике внешней и этике внутренней // Психология и психотехника. – 2018. – № 3. – С. 49–57. doi:10.7256/2454-0722.2018.3.26603.
4. Крючков К.С. Отчет Хоффмана: психологи и пытки. Этический урок для психологов // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Том 28. – № 1. – С. 148–165. doi:10.17759/cpp.2020280109.
5. Петровский В.А. Человек над ситуацией. – М.: Смысл. – 2010. – 559 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии СПб: Издательство «Питер». – 2000.
7. Шаболтас А.В. К обсуждению проекта этического кодекса российского психологического общества // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. – 2012. – №2.
8. Allphin C. An ethical attitude in the analytic relationship. *Journal of Analytical Psychology*. – 2005 – № 50 (4). – P.451–468.
9. Pope K.S. The code not taken: The path from guild ethics to torture and our continuing choices. *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*. – 2016 – № 57 (1). – 51 p.
10. Proctor C. Virtue Ethics in Psychotherapy: A Systematic Review of the Literature // *International Journal of Existential Psychology and Psychotherapy*. – 2018. – Vol. 8. – № 1. – P. 1–22.
11. Proctor G. The dynamics of power in counselling and psychotherapy: Ethics, politics and practice. London: PCCS books. –2017. – 240 p.
12. Starc M. Ethics and the ethical attitude. *Jung Journal*. – 2017. – № 11 (1). – P. 47–52.

13. Tudor K. Pluralism in Psychotherapy: Critical Reflections from a Post-regulation Landscape. Resource Books. – 2017.

14. Tudor K. The question of regulation and registration. The turning tide: Pluralism and partnership in psychotherapy in Aotearoa New Zealand. – 2017. – P. 129–158.

15. Younger G. The baby and the bathwater: psychodynamic psychotherapy and regulation in: Tudor, K. (Ed.). (2017). Pluralism in Psychotherapy: Critical Reflections from a Post-regulation Landscape. Resource Books. – 2017.

СОДЕРЖАНИЕ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК У СТУДЕНТОВ

В.А. Мальцева, А.С. Мальцева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В данной статье описываются особенности содержания экологических установок у студентов: рассматриваются структурные компоненты установок (эмоциональный, когнитивный, поведенческий).

Одна из важных проблем современности – это экологический кризис. Так как каждый человек является частью экосистемы, которая видоизменяется в результате нашей жизнедеятельности, то решение этого кризиса кроется в сознательности людей, их правильном экологическом поведении. Актуальным направлением в рамках изучения психологии экологического сознания выступает изучение психологических установок людей в отношении способов сбережения природных ресурсов. Изучение данных установок позволит скорректировать способы осуществления экологической агитации. В связи с этим необходимо изучить вопросы, связанные с определением установок, а также рассмотреть ее структурные компоненты.

Установка – это состояние субъекта, готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им появления определенного объекта и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту, т.е. психологическая готовность в определенных условиях действовать определенным образом [2]. Понятие «установка» следует рассматривать, как диспозицию – готовность к определенному поведению в конкретной ситуации. Это понятие выражает связь между внутренним и внешним [3].

В отечественной психологии изучением психологических установок начал заниматься Д.Н. Узнадзе. По его мнению, установка — это готовность организма или субъекта к совершению определенного действия или реагирования в определенном направлении. Если делать акцент на готовность к действию или реагированию, как он считал, можно предположить,

что человек будет реагировать на некоторый раздражитель с определенной скоростью и точностью, и эти показатели будут зависеть от того, насколько этот навык хорошо развит, поэтому понятия «навык» и «установка» имеют одинаковое значение. Однако обнаруживаются эти понятия в разное время, навык – в период выполнения действия, а готовность предшествует его выполнению. Установка определялась им как целостное, недифференцированное и бессознательное состояние субъекта, которое предшествует деятельности и выступает опосредующим звеном между психическим и физическим, позволяя снять постулат непосредственности. Только при совместном появлении потребности субъекта и объективной ситуации возникает установка. Д.Н. Узнадзе полагал, что внимание напрямую связано с установкой. По его мнению, установка внутренне выражает состояние внимания. При восприятии внешних факторов за счет влияния установки происходит формирование образа и впечатления. Именно объективизацией и был назван этот образ, или впечатление, которые и становятся объектом внимания [1].

Рассматривая феномен установки, П.Н. Шихирев [4] предложил следующие ее структурные компоненты:

1) когнитивный (перцептивный, информативный) – осознание объекта установки;

2) аффективный (эмоции, чувства) – чувство симпатии или антипатии к объекту установки;

3) конативный (поведенческий, действенный) – устойчивая последовательность реального поведения относительно объекта установки.

Цель исследования: выявить особенности содержания экологических установок, связанных с различными сферами потребления у студентов.

Объект исследования: экологические установки личности.

Предмет исследования: содержания экологических установок у студентов.

Эмпирическое исследование было проведено на группе студентов Южно-Уральского государственного университета. Экспериментальную выборку составили 40 студентов 3 курса.

Содержание экологических установок студентов исследовалось с помощью кейсовых заданий, которые были разработаны Д.В. Валько, А.С. Мальцевой. Каждый испытуемый получал 9 кейсовых заданий, которые по содержанию объединены в четыре тематических блока: переработка отходов, экопокупки, ресурсосбережение, транспорт.

Каждый блок включает 2 кейса. Девятый кейс является дополнительным и дифференцирует преобладание установки на комфорт или экономию. Кейсы имеют единую конструкцию – они описывают некую ситуацию, в которой два героя выбирают разные стратегии поведения: более и менее экологичные (приложение А). При этом обе стратегии являются дос-

таточно привлекательными и имеют свои выгодные стороны. В отношении каждого кейса респондентам предлагается ответить на 3 вопроса и оценить:

1) чье поведение больше нравится респонденту (эмоциональный компонент установочной системы как предпочтение той или иной стратегии),

2) чью стратегию респондент выберет в подобной ситуации (поведенческие интенции – поведенческий компонент установочной системы),

3) чья стратегия является типичной для большинства (когнитивный компонент установочной системы как представление о стереотипном социальном поведении).

Шкала каждого кейса биполярна (2 стратегии поведения в некоторой ситуации). Респондент оценивает степень согласия с выбранной альтернативой – от 1 до 3 баллов. В результате мы можем оценить предпочитаемые в группе стратегии поведения в представленных ситуациях (на эмоциональном, поведенческом, когнитивном уровнях), согласованность этих элементов установок для каждой ситуации.

Последовательно рассмотрим содержание эмоционального, поведенческого и когнитивного компонентов установок, связанных с различными ситуациями потребления, у студентов

Эмоциональный компонент описывается через предпочтение более или менее экологичной стратегии поведения, описанной в каждом из 8 кейсовых заданий. В каждом кейсе респондент выбирает одну из двух предложенных стратегий, отвечая на вопрос о том, какая из них ему больше нравится, и выбирает интенсивность эмоционального предпочтения от 1 до 3 баллов. В результате все респонденты, принявшие участие в исследовании, разделяются на 2 группы – эмоционально предпочитающие более экологичную стратегию и эмоционально предпочитающие менее экологичную стратегию. Соответствующее распределение испытуемых, предпочитающих разные варианты стратегий по каждому кейсу, представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение студентов на основе эмоционального предпочтения более или менее экологичных стратегий поведения

Тематические блоки кейсовых заданий		Студенты, эмоционально предпочитающие варианты стратегий				Х _{кр} -Пирсона
		более экологичные		менее экологичные		
		Кол-во	%	Кол-во	%	
Блок 1. Переработка бытовых отходов.	Кейс 1	47	61%	30	39%	3,324*
	Кейс 2	28	36%	49	64%	5,194*
Блок 2. Экологичность покупок	Кейс 1	44	57%	43	43%	1,298
	Кейс 2	19	25%	58	75%	18,753**
Блок 3. Ресурсосбережения	Кейс 1	52	68%	25	32%	8,779*
	Кейс 2	43	56%	34	44%	0,831

Окончание таблицы 1

Блок 4. Использование транспортных средств	Кейс 1	32	42%	45	58%	1,870*
	Кейс 2	18	23%	59	77%	20,779**
Дополнительный кейс		Ориентация на комфорт		Ориентация на экономию		
Блок 5. Предпочтения комфорт/экономию	Кейс 1	56	72%	21	22%	21,079**

Условные обозначения: ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$

В соответствии с результатами, представленными в таблице 1 в 2-х тематических блоках (тематический блок №1. «переработка отходов» тематический блок №2. «Экологичность покупок») студенты предпочитают различные по степени экологичности стратегии в зависимости от ситуации.

В тематическом блоке №3 («ресурсосбережения») независимо от типа ситуации большинство больше студентов предпочитают более экологичную стратегию.

В тематическом блоке №4 («использование транспортных средств»), независимо от типа ситуации больше студентов предпочитают менее экологичную стратегию.

В тематическом блоке №5 в ситуации выбора между альтернативами, обеспечивающими комфорт или экономию, больше студентов предпочитают достижение комфорта, по сравнению с возможностью сэкономить. Можно предположить, что студенты эмоционально предпочитают более экологические стратегии.

Поведенческий компонент описывается через выбор стратегии более или менее экологичной стратегии поведения, описанной в каждом из 8 кейсовых заданий. В каждом кейсе респондент выбирает одну из двух предложенных стратегий, отвечая на вопрос о том, какую стратегию поведения он выбирает в подобной ситуации, и отмечает интенсивность выбора от 1 до 3 баллов. В результате все респонденты, принявшие участие в исследовании, разделяются на 2 группы – выбирают более экологичную стратегию и выбирают менее экологичную стратегию. Соответствующее распределение испытуемых, предпочитающих разные варианты стратегий по каждому кейсу, представлено в таблице 2

В соответствии с результатами представленные в таблице 2 студенты чаще выбирают более экологичные стратегии в качестве предпочитаемой и более вероятной для себя модели поведения в различных ситуациях.

В тематических блоках №1, №2, №3, независимо от типа ситуации больше студентов предпочитают более экологичную стратегию.

В тематическом блоке № 4 («использование транспортных средств»), в зависимости от типа ситуации при выборе поездки на общественном транспорте или на личном, студенты выбирают поездку на личном транспорте, таким образом, выбирают менее экологическую стратегию.

Таблица 2

Распределение студентов на основе предпочтения на поведенческом уровне более или менее экологических стратегий

Тематические блоки кейсовых заданий		Студенты, предпочитающие на поведенческом уровне варианты стратегий				$\chi_{кр}$ – Пирсона
		более экологичные		менее экологичные		
		Кол-во	%	Кол-во	%	
Блок 1. Переработка бытовых отходов.	Кейс 1	61	79%	16	21%	25,142**
	Кейс 2	41	53%	36	47%	0,207*
Блок 2. Экологичность покупок	Кейс 1	53	69%	24	31%	10,181*
	Кейс 2	43	55%	34	44%	0,831*
Блок 3. Ресурсосбережения	Кейс 1	61	79%	16	21%	25,142**
	Кейс 2	55	71%	22	28%	13,298*
Блок 4. Использование транспортных средств	Кейс 1	43	56%	34	44%	0,831
	Кейс 2	25	32%	52	68%	8,779*
Дополнительный кейс		Ориентация на комфорт		Ориентация на экономию		
Блок 5. Предпочтения комфорт/экономика	Кейс 1	60	70%	17	22%	24,042**

Условные обозначения: ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$

В дополнительном блоке №5 в ситуации выбора между альтернативами, обеспечивающими комфорт или экономию, больше студентов вновь предпочитают достижение комфорта, по сравнению с возможностью сэкономить. Можно предположить, что студенты с большей вероятностью будут предпочитать экологичные варианты поведения в том случае, если они будут сопряжены с повышением комфорта и удобства.

Когнитивный компонент экологической установки в данном исследовании описывается через представление респондентов и поведении большинства. В каждом кейсе респондент выбирает одну из двух предложенных стратегий, отвечая на вопрос о том, какую стратегию поведения выбирают большинство в подобной ситуации, и отмечает интенсивность предпочтения от 1 до 3 баллов. В результате все респонденты, разделяются на 2 группы – считающие, что большинство людей поступают в соответствии более экологичной установкой или менее экологичной стратегией. Соответствующее распределение испытуемых, обозначивших различные варианты представлений о стратегии поведения большинства по каждому кейсу, представлены в таблице 3.

В соответствии с результатами, представленными в таблице 3, большинство студентов независимо от ситуации считают, что большинство других людей выбирают менее экологичные стратегии.

В тематических блоках №1, №2, №3, №4 независимо от типа ситуации больше студентов считают, что большинство выбирает менее экологичные стратегии.

Таблица 3

Распределение студентов на основе их представления
о стратегии поведения большинства

Тематические блоки кейсовых заданий		Студенты, обозначающие в качестве предпочитаемых большинством людей варианты стратегий				$\chi_{кр}$ - Пирсона
		более экологичные		менее экологичные		
		Кол-во	%	Кол-во	%	
Блок 1. Переработка бытовых отходов.	Кейс 1	16	20%	61	80%	25,142**
	Кейс 2	20	26%	57	74%	16,831*
Блок 2. Экологичность покупок	Кейс 1	9	12%	68	88%	43,688**
	Кейс 2	11	14%	66	84%	37,870**
Блок 3. Ресурсосбережения	Кейс 1	18	23%	59	77%	20,779*
	Кейс 2	23	30%	54	70%	11,688*
Блок 4. Использование транспортных средств	Кейс 1	21	27%	56	72%	15,012*
	Кейс 2	37	48%	40	51%	0,051
Дополнительный кейс		Ориентация на комфорт		Ориентация на деньги		
Блок 5. Предпочтения комфорт/экономия	Кейс 1	52	67%	25	33%	1,025

Условные обозначения: ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$

В дополнительном блоке №5 в ситуации выбора между альтернативами, обеспечивающими комфорт или экономию, больше студентов считают, что большинство выбирают достижение комфорта, по сравнению с возможностью сэкономить.

Таким образом, у студентов отличается содержание компонентов (эмоциональный, поведенческий, когнитивный) экологических установок, связанных с различными ситуациями потребления. Эмоциональный компонент: в различных ситуациях, связанных с ресурсосбережением, эмоциональный компонент у большинства студентов включает приверженность, симпатию к более экологичным стратегиям поведения; в ситуациях использования транспортных средств, наоборот – включает предпочтение менее экологичных стратегий поведения; в ситуациях, связанных с переработкой отходов и потреблением экотоваров, содержание эмоционального компонента зависит от конкретной ситуации потребления и может содержать предпочтение, как более, так и менее экологичной стратегии. Поведенческий компонент: независимо от содержания ситуации потребления студенты выбирают в качестве наиболее вероятной для себя стратегии поведения более экологичные варианты. Когнитивный компонент: независимо от содержания ситуации потребления студенты обозначают в качестве наиболее вероятных вариантов поведения большинства окружающих их людей менее экологичные стратегии. Таким образом, наблюдается рассогласование эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов экологических установок, связанных с различными сферами потребления.

Так же, студенты в выборе между двух альтернатив эмоционально предпочитают и склонны выбирать стратегии, обеспечивающие достижения комфорта, по сравнению с возможностью сэкономить. Так же они считают, что окружающее их большинство выбирает именно ориентацию на достижение комфорта.

Литература

1. Маклаков А.Г. Общая психология. / А. Г. Маклаков; серия «Учебник нового века». – СПб.: Питер. – 2001. – 67 с.
2. Психологический словарь / под общ. ред. Ю.Л. Неймера. – Ростов-наДону: Феникс. – 2003. – 385 с.
3. Социальная психология / Под ред. А. Н.Сухова, А. А.Деркача. – М. – 2001. – 256 с.
4. Шихирев П.Н. Исследования социальной установки в США // Вопросы философии. – 1973. – № 2.
5. John O.P., Donahue E.M., Kentle, R.L. The Big Five Inventory-Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research. – 1991.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

А.В. Мишустина, Л.С. Рычкова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье представлен исторический обзор изучения мотивации в психологии, начиная с периода Античности и Средневековья, во времена которых мотивация была представлена рациональными и иррациональными подходами; описано влияние теории эволюции Ч. Дарвина и работ А. Шопенгауэра 19-го века на формирование концепции мотивации; рассмотрена бихевиористская теория, классификация потребностей А. Маслоу, а также основные мотивационные концепции, возникшие в 20-м веке.

В настоящее время, в связи с развитием общества и сменой ценностей, внимание исследователей заострено на особенностях человека, которые обуславливают его стремление к успешной деятельности и позволяют этого успеха добиваться. Взгляды большинства авторов сходятся на том, что такая деятельность становится возможной и обеспечивается адекватными мотивами и возможностью поддержания соответствующей мотивации.

Мотивация и мотивы относятся к побудительной стороне поведения и являются одной из основных проблем психологии. Почти каждая сфера дея-

тельности человека так или иначе имеет отношение к мотивационному процессу.

А.Н. Леонтьев определяет мотивацию как внутреннюю психологическую характеристику личности, которая находит выражение во внешних проявлениях, в отношении человека к окружающему миру, различным видам деятельности [5].

К структурным компонентам мотивации относят потребности, они выступают как источники активности, мотивы, выступающие как причины деятельности, задающие ей направление, цели – на них направлена активность и переживания, выступающие как регулятор поведения.

Для того чтобы более полно рассмотреть понятие «мотивация» необходимо ознакомиться с историей возникновения и развития теорий и концепций мотивации, она представлена ниже [4].

Несмотря на то, что термин «мотивация» появился лишь на стыке 19 и 20 века, теории мотивации существовали задолго до этого. Самые первые представления о ней возникли в период Античности и Средневековья. Условно их можно разделить на иррациональные и рациональные. Представители первых занимались описанием поведения животных, предполагая, что оно регулируется некими неосознаваемыми силами, которые детерминированы органическими потребностями. Вторые, в частности Аристотель, предполагали, что поведение человека является следствием его же логических умопостроений [4].

Первыми научными теориями мотивации принято считать теорию автомата и теорию принятия решений, которые были разработаны в 17–18 веках. Они были выстроены также в русле иррационального и рационального подходов. В центре теории автомата лежит рефлекс, рассматриваемый как врождённый ответ организма на раздражители внешней среды. Теория принятия решений объясняла поведение человека, рассматривая проблемы выбора при решении математических задач. Вплоть до конца 19 века теории мотивации существовали раздельно, одни объясняли поведение животных (идеализм), другие – человека (материализм) [3].

Сформулированная Ч. Дарвином в середине 19 века теория эволюции оказала значительное влияние на разработку мотивационных теорий в том числе. Пристально начали изучаться животные, демонстрировавшие разумные формы поведения (В. Келер, Э. Торндайк), а также человеческие инстинкты (У. Макдауголл, И. П. Павлов, З. Фрейд) [4].

В этот же период в литературе можно встретить первое упоминание термина «мотивация». Его представил А. Шопенгауэр в работе «О четвероножии корне закона достаточного основания», изданной в 1900 г. В ней автор рассматривал мотивацию как одну из четырёх форм закона о познании и давал следующее определение: «мотивация – есть причинность, рассматриваемая изнутри» [10].

К 20-м годам 20 века теория инстинктов была вытеснена концепцией, объясняющей поведение человека биологическими потребностями. Но у неё, как и у её предшественницы, был существенный недостаток – она не учитывала возможность когнитивных факторов оказывать влияние на поведение. В это же время возникают бихевиористская теория мотивации и теория высшей нервной деятельности, схемой анализа мотивации которой становится S–O–R (стимул–организм–реакция) [4].

В 30-е годы 20-го века начали активно формироваться концепции мотивации, объясняющие поведение только лишь человека. Одной из первых стала теория поля К. Левина, и ставшая основой для многих других концепций того времени. Особое внимание уделяется изучению потребностей, их классификации и упорядочиванию. У. Макдауголл на основе разработанного им ранее перечня инстинктов, выделяет перечень первичных потребностей. Позже Г. Мюррей предложил список вторичных потребностей, возникающих в результате воспитания и обучения. Затем на его основе А. Эдвардс составил методику диагностики мотивации, получившую название «Список личностных предпочтений», а также появится «Форма по изучению личности» Д. Джексона для измерения мотивационной сферы. Также Г. Мюррей разработал проективную методику диагностики мотивации «ТАТ» [7].

Иную классификацию потребностей предложил А. Маслоу. В его представлении потребности следуют одна за другой в иерархической последовательности, которая отражает очередность возникновения потребностей в онтогенезе и развитость мотивационной сферы человека. Порядок, в котором проявляются потребности, представляется следующим образом:

1. Физиологические потребности (питание, дыхание, сон и пр.).
2. Потребности в безопасности (стабильность, защищенность и пр.).
3. Потребности в любви и принадлежности (дружба, семья и пр.).
4. Потребности в признании (престиж, уважение и пр.).
5. Потребности в самореализации (развитие, духовность и пр.) [12].

Далее пирамида Маслоу была несколько видоизменена К. Альдерфером и названа теорией ERG Альдерфера. Он выделил основные группы потребностей:

- потребности существования (экзистенциальные);
- потребности связи (социальные);
- потребности роста (стремление к развитию).

Эта классификация не иерархическая, Альдерфер не признавал идею удовлетворения потребностей в определенном порядке. Согласно его взглядам, человек может стремиться к развитию при неудовлетворенных, например, экзистенциальных потребностях. Также только в редких случаях он стремится удовлетворять потребности только одной группы, зачастую, они чередуются, возможны даже ситуации, когда параллельно суще-

ствуется несколько разных потребностей. Теория Альдерфера была неоднократно подтверждена различными исследованиями, однако, она всё еще продолжает считаться направлением развития идей А. Маслоу, а не самостоятельной теорией [8].

К 50-м годам 20 века стали возникать мотивационные концепции, дополняющие существовавшие на тот момент теории мотивации. Наиболее распространённые принадлежали Д. Мак-Клелланду, Дж. Аткинсону, Х. Хекхаузену, Г. Келли, Дж. Роттеру. Можно выделить черты, которые характеризуют направление мысли того времени:

1. Произошло окончательное разведение теорий мотивации, которые объясняли поведение животных и человека, утвердилась невозможность создать единую теорию, которая была бы в состоянии объяснять поведение и тех, и других.

2. Использование для человека отрицательных подкреплений таких же, как для животных, было признано неэффективным и упразднено.

3. Редукция напряжения стала неосновным мотивационным принципом человека, на её место пришёл принцип активности, утверждавший, что человек активен в своём поведении и эта активность берёт своё начало в его психике.

4. Поведение начало объясняться не только бессознательными стимулами, но и сознанием.

5. Был произведен ввод специфических для человеческой мотивации понятий, среди них «мотивы», «социальные потребности», «жизненные цели» и другие. А также подбор методов диагностики мотивации, подходящих исключительно для человека, следовательно, методы были связаны с речью и сознанием [4].

Одним из первых предложил единую теорию мотивации, которая объясняла поведение человека Дж. Аткинсон. Она отражала моменты инициации, ориентации и поддержания поведенческой активности человека на определённом уровне. Также она считается одной из первых мотивационных теорий, представляющих систему взаимодействующих факторов символически. Основываясь на теории Дж. Аткинсона А. Мехрабиана создал «Опросник для измерения результирующей тенденции мотивации достижения» [4].

В 60-х годах 20 века А.Н. Леонтьевым была разработана теория деятельностного подхода к происхождению мотивационной сферы. Согласно ей, мотивационная сфера исходит из практической деятельности. Концепция предлагает объяснение происхождения мотивационной сферы человека, а также её динамики, показывает возможности трансформации системы деятельностей, в частности изменение. Теория даёт объяснение происхождению и динамике мотивационной сферы человека, демонстрирует, как может изменяться система деятельностей, в частности, как возникают и исчезают отдельные виды деятельности и изменяется иерархия их структуры [5].

Также мотивация человека рассматривалась в рамках когнитивного подхода. Его основоположник – Л. Фестингер. Согласно разработанной им теории когнитивного диссонанса, система знаний человека всегда стремится к согласованности. Какие-либо возникающие неточности или дисбаланс индивид старается свести к минимуму, это стремление и является мотивом его поведения [9].

Важным понятием в современных теориях мотивации является инструментальное действие. Инструментальность действия тем выше, чем сильнее оно помогает достичь поставленной цели. Так, В. Врумом было предложено определять стремление человека к успеху. Само стремление, по его мнению, складывается из вероятности достижения цели и ожидания того, что действие действительно будет иметь успех и приведёт к достижению цели [4].

Очередным этапом в изучении мотивации становится атрибутивная теория мотивации Б. Вайнера. В ходе проведения исследований ему удалось выявить важность того, как человек трактует для себя исчезновение положительного подкрепления. Если он убеждён, что это временно – действия продолжатся, если будет уверен, что подкрепления больше не будет – перестанет действовать. Результаты экспериментов показывают, что атрибуция играет важную роль при оценке индивидом возможности достижения успеха. Он анализировал мотивацию по схеме S–когниция–R [1].

Ещё одним важным феноменом для изучения мотивации является выученная беспомощность, выведенная М. Селигманом. Выученная беспомощность – состояние, при котором индивид не видит связи, между прикладываемыми усилиями и получаемым результатом, оно включает в себя нарушения в мотивационной сфере, когнитивных и эмоциональных процессах. Также Селигман ввел понятие атрибутивного стиля – того, как человек объясняет себе свои успехи и неудачи, что значительно влияет на мотивацию [7].

К. Двек удалось выявить значительное влияние, оказываемое на мотивацию представлениями человека о себе и влияние самооценки интеллекта на мотивацию достижения. Она интегрировала конструкт выученной беспомощности, выведенный М. Селигманом и конструкт целей в модель мотивации достижения, которая достаточно распространена в наше время [7].

Следует отметить, что в настоящей работе приведены только самые основные и известные теории, концепции мотивации их можно классифицировать на содержательные и процессуальные, являющиеся двумя подходами к рассмотрению мотивации. К содержательным принято относить теорию А. Маслоу, теорию приобретённых потребностей Мак-Клелланда, теорию трёх факторов Альдерфера и другие. К процессуальным – теорию ожиданий Врума, бихевиористские теории, теорию Селигмана и другие. Первые основываются на идентификации потребностей, вторые на исследовании поведения с учётом знаний и воспитания человека.

Таким образом, мотивация является одним из главных условий протекания деятельности и успешного достижения целей, она направляет поведение человека, являясь сложным и многоаспектным феноменом, который изучается на протяжении многих десятилетий или даже веков, оставаясь при этом актуальной в современной психологии.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: Изд-во «Евразия». – 2000. – 320 с.
2. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения / Т.О. Гордеева. – М.: Смысл. – 2006. – 336 с.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер. – 2011. – 512 с.
4. Кураев Г.А. Психология человека: Курс лекций / Г.А. Кураев, Е.Н. Пожарская. – Ростов-на-Дону: УНИИ валеологии РГУ. – 2002. – 232 с.
5. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции / А.Н. Леонтьев. – Москва // Психология мотивации и эмоций: учебное пособие / ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. – М.: ЧеРо: Омега–Л: МПСИ. – 2006. – 378 с.
6. Магомед–Эминов М.Ш. Анализ когнитивного подхода в зарубежных теориях мотивации / М.Ш. Магомед–Эминов, И.А. Васильев // Вопросы психологии. – 1986. – № 5. – С. 161–163.
7. Макмелланд Д. Мотивация человека / Д. Макмелланд. – СПб.: Питер. – 2007. – 672 с.
8. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер. – 2019. – 400 с.
9. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / Л. Фестингер. – СПб.: Речь. – 2000. – 318 с.
10. Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений в 6-ти томах / А. Шопенгауэр. – М.: Дмитрий Сечин. – 2015. – 1873 с.

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ УЧИТЕЛЕЙ

Е.А. Моисеева, О.П. Цариценцева

Оренбургский государственный педагогический университет
г. Оренбург, Россия

Статья посвящена исследованию особенностей психологического благополучия учителей. Психологическое благополучие мы определяем, как понимание своей жизни, отношение к профессиональной деятельности, восприятие своих достижений, роль в профессиональной деятельности, отношение к собственным

возможностям, ощущение своей нужности и причастности. Исследование показало, что можно говорить о психологическом благополучии учителей в целом, а также, что наибольший результат был у показателя «личностный рост», а наименьший у показателя «управление средой», что говорит о противоречии между тем, что учитель хочет быть полезным и значимым в своей профессии и недостаточными внешними и внутренними условиями для реализации своего потенциала и целей.

На современном этапе происходят стремительные изменения в образовательной сфере. Появляются новые внешние требования к профессиональной подготовке учителей, к его умениям, навыкам и методам преподавания, повышается физическая и эмоциональная нагрузка. Также в образовательных учреждениях появляются новые структуры и виды деятельности в школе, появляются информационные центры, происходит активное внедрение дистанционного обучения, обучения детей с ОВЗ. Эти изменения могут затронуть всю систему образования, а также ее субъектов. Они требуют от «современного учителя» не только высокой подготовленности к выполнению своих функций в настоящий момент, но также требуют сохранения психологических возможностей вести свою работу и в долгосрочной перспективе при построении карьеры, другими словами, у учителя должен быть высокий уровень психологического благополучия.

Нам представляется важным изучить, через какие характеристики может быть описано психологическое благополучие у такой профессиональной группы как учителя, так как весь образовательный процесс во многих аспектах зависит от педагога. С изменениями в системе образования, с эмоциональными нагрузками с которыми приходится сталкиваться, способен справиться учитель, у которого уровень психологического благополучия находится на достаточно высоком уровне, ведь только такой педагог сможет организовать психологически безопасную атмосферу как для себя, так и для всех участников образовательного процесса.

Проблему рассмотрения психологического благополучия рассматривали: Т.Р. Абсатарова, 2013 г.; Э. Диннер (1999 г.); А. Ватерман (1993 г.); Маслоу (1954 г.) и др., однако на сегодняшний момент нет общепризнанной концепции, наиболее полно раскрывающей суть и структуру феномена. Т.Р. Абсатарова в своих исследованиях поднимает тему эмоционального выгорания педагогов [1, с. 102]. Н. Бредбёрн в своих исследованиях приравнивал психологическое благополучие с субъективным ощущением счастья и общей удовлетворенностью жизнью. Э. Диннер ввел термин «субъективное благополучие» [4, с. 542]. К. Рифф определила психологическое благополучие как субъективное самоощущение целостности и осмысленности индивидом своего бытия [5, с.233].

И.В. Заусенко, рассматривала проблему психологического благополучия у работников педагогической сферы [3, с. 63], А.А. Кроник, А. Маслоу

являясь сторонниками эвдемонистического подхода предполагали, что психологическое благополучие педагога выступает неким критерием самореализации.

М.В. Ермолаева говорила, что основой психологического благополучия учителя выступает его личность [2, с. 79]. Если уровень психологического благополучия будет низкий, то учитель будет не в состоянии обеспечить комфортную и продуктивную среду для развития, ведь эмоциональное выгорание и нестабильность психического здоровья могут оказать влияние также и на здоровье обучающихся. Квалифицированный учитель, должен владеть своей профессиональной деятельностью, знать все аспекты и нюансы, делая ее предметом совершенствования и преобразования.

Для того, чтобы определить особенности психологического благополучия учителей, нами было проведено исследование. Выборка состояла из 30 учителей МОАУ «СОШ №87» г. Оренбурга. Средний возраст – 32,4 года. Центральным в нашем исследовании было изучение особенностей психологического благополучия учителей. Методикой для проведения нашего исследования являлся опросник «Шкала психологического благополучия», автор К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко.

В результате обработки данных с помощью SPSS, а также, с помощью критерия Колмогорова–Смирнова были определены результаты, представленные в таблице.

Как видно из таблицы, по показателю «позитивные отношения» среднее значение – 61,7, а стандартное отклонение – 11,4 ($p > 0,05$). В целом, это говорит о том, что у опрошенных существует дружественный круг, с которым у них есть доверительные отношения, а отношение к окружающим в большей степени положительное. Но в тоже время, учителям не всегда хочется быть открытыми, дружелюбными, то есть в межличностных отношениях они очень избирательны. Не всегда готовы идти на уступки и компромиссы ради сохранения позитивных взаимоотношений. Нередко в межличностных отношениях ведут себя отстраненно и изолированно.

Таблица

Статистические значения показателей психологического благополучия педагогов

Показатели	Среднее значение	Стандартное отклонение	Асимптотическая значимость	Принадлежность к нормальному распределению
Личностный рост	64,9	11,44	$p > 0,05$	Да
Автономия	57,7	9,72	$p > 0,05$	Да
Цель в жизни	63,3	11,49	$p > 0,05$	Да
Самопринятие	58,7	11,1	$p > 0,05$	Да
Позитивные отношения	61,7	9,71	$p > 0,05$	Да
Управление средой	59,5	9,38	$p > 0,05$	Да
Психологическое благополучие	365,8	51,61	$p > 0,05$	Да

Среднее значение показателя «Автономия» – 57,7, стандартное отклонение – 9,72 ($p > 0,05$). Мы можем предположить, что в среднем опрошенные не всегда самостоятельны и независимы. Оценивают себя со своей личной позиции, но также и с позиции посторонних людей. Небольшое давление общества оказывает на них влияние, но при этом они способны этому давлению противостоять. Оценивают себя в большей степени с точки зрения своих личных критериев.

По показателю «управление средой» среднее значение – 59,5, стандартное отклонение – 9,38 ($p > 0,05$). Мы можем видеть, что средний уровень присутствует у подавляющего большинства опрошенных, это говорит о том, что в целом люди сами способны организовывать свою деятельность и свое пространство, уверены, что от них зависит не все и поэтому они могут что-то изменить, если захотят этого.

Среднее значение показателя «личностный рост» – 64,9, стандартное отклонение – 11,44 ($p > 0,05$). Здесь можно говорить о том, что респонденты развиваются и чувствуют потребность в этом. Они открыты для нового опыта и новых знаний, испытывают чувство реализации своих намеченных целей. Но иногда замечают угасание интереса.

У показателя «цель в жизни» среднее значение – 63,3, стандартное отклонение – 11,49 ($p > 0,05$). В среднем у опрошенных есть цель в жизни, они видят в чем ее смысл, но могут возникать трудности в реализации поставленных целей, могут мешать какие-либо препятствия в удовлетворении своих потребностей и достижений.

Среднее значение показателя «самопринятие» – 58,7, стандартное отклонение – 11,1 ($p > 0,05$). Опрошенных, в целом устраивают их внешние, личностные качества, положение в обществе. Они объективно оценивают себя и свои поступки, понимают, что они делали неправильно и готовы это исправить.

Что касается общего уровня психологического благополучия, то тут можно отметить, что среднее значение – 365,8, а стандартное отклонение – 51,61, что находится в пределах значимости ($p > 0,05$). Данные результаты соответствуют нормативным показателям диагностической методики, что в свою очередь говорит о психологическом благополучии учителей.

При сравнении значений, необходимо отметить, что наибольший результат занимает показатель «личностный рост». Данный показатель показывает последовательное саморазвитие и самосовершенствование в течении жизни. В связи с тем, что подвергается изменениям не только окружающая нас среда, но и современное образование, то педагогу необходимо знать и следить за обновляющимися теоретическими и практическими арсеналами в его профессиональной деятельности. Далее идет показатель «автономия». Можно предположить, что учителя в состоянии самостоятельно принимать решения, они нацелены исключительно на свои знания и накопленный опыт, также могут объективно оценить свои профессиональ-

ные и личные компетенции. Результаты по шкале «цели в жизни» показывают, что большинство учителей имеют свои цели в жизни и в целом чувствуют, что их жизнь имеет смысл. Показатель «самопринятие» говорит о том, что учителя позитивно оценивают себя и свое прошлое. Более низкие значения по шкалам «позитивные отношения» и «управление средой» показывают, что учителя не всегда готовы к установлению доверительных и тесных отношений с окружающими людьми. Иногда, педагоги могут испытывать трудности в организации своей повседневной жизни, может возникать чувство бесконтрольности происходящего.

Вывод по данной характеристике демонстрирует нам, что наибольший результат присутствует по шкале «личностный рост», а наименьший по шкале «управление средой». Это говорит о том, что у опрошенных их профессиональная сфера находится в зоне значимости, они хотят развиваться, а также совершенствовать свои профессиональные навыки. Но при этом, наблюдается некая отстраненность при организации повседневной жизни. Присутствует бесконтрольность происходящего. Можно предположить, что у учителей возникает противоречие между желанием саморазвиваться, быть полезным и значимым в своей профессии и недостаточными внешними и внутренними условиями для реализации своего потенциала и целей. Это может быть связано с событиями, которые происходят в политических и социальных мирах, с высокими требованиями, которые предъявляются к личности учителя, а также с тем, что данной профессиональной группе необходима психологическая поддержка в поиске себя, в поиске своих личностных ресурсов для того, чтобы уметь управлять средой и событиями в своей собственной жизни.

В связи с этим, полученные результаты, могут использоваться для планирования и реализации программ и тренингов сопровождения или поддержания психологического благополучия, а это в свою очередь, может стать важным составляющим элементом в профессиональном становлении специалиста.

Литература

1. Абсатарова Т.Р. Психологическое благополучие педагога: показатели и критерии оценивания // Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве: Сборник статей Уральского государственного педагогического ун-та. – Екатеринбург: УрГПУ. – 2013. – 146 с.
2. Ермолаева М.В., Кондратьев П.В. Значение субъектного подхода для изучения развития личности на этапах зрелого возраста // Мир психологии. – 2007. – №1. – С. 79–86.
3. Заусенко И.В. Психологическое благополучие личности // Психология образования. – 2012. – С. 63–66.

4. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. – 1984. – Vol. 95. – № 3. – P. 542–575.

5. Ryff C.D. The Structure of Psychological Well-Being Revisited // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – Vol. 69.

ПРИРОДА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА И СПОСОБНОСТЬ ОБУЧАТЬСЯ

П.А. Савинцева, М.В. Овчинников

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье поднимается вопрос о способности к лидерству и о развитии лидерских качеств. Раскрывается вопрос перспективы возможности обучения лидерству и содержание такого обучения. Затрагивается тема содержания лидерства и его составляющих, а также определение эмоционального интеллекта как одного из главных компонентов лидерства.

Вопрос лидерства во всех его аспектах затрагивается достаточно давно, начиная философскими концепциями и заканчивая современными исследованиями. Философы древних времен писали изречения о величии вождей, государей и правителей, а теперь мы задаемся вопросами о нейробиологических, психологических и социальных механизмах лидерства.

Известно, для того чтобы достичь какой-либо цели, преуспеть в чем-либо лучше других, необходимо владеть большим количеством знаний, уникальными навыками и умениями, а также особыми личностными качествами. Однако, обладая всей этой информацией, большинство не становится успешными руководителями, менеджерами, бизнесменами, ораторами и лидерами мнений. Кроется ли секрет успеха только в знаниях и социальном аспекте данного умения или в этом есть биологическая роль?

На данном этапе современных исследований большое значение вопросу лидерства отдается эмоциональному интеллекту, как разумному поведению в эмоциональной сфере [3]. Это умение управлять собой и отношениями с другими людьми. Многие исследователи отмечают, что человек, обладающий развитым эмоциональным интеллектом, проявляет свои способности не только в профессиональной сфере, но и дома, среди круга близких людей – он владеет высоким уровнем самообладания, самоанализа и понимания чужих чувств, что является составляющими эмоционального интеллекта [3].

Лидер способен заражать эмоциями людей, влиять на них, на эмоциональный фон коллектива, направлять деятельность всей группы в нужное русло [4]. С точки зрения нейроанатомии это означает, что эмоциональные центры людей настраиваются на один ритм с руководителем. Продуктив-

ность работы коллектива зависит от общего эмоционального настроения [8]. Исследования ученых Йельского университета показывают, что производительность студентов значительно возрастала, когда в группе преобладали положительные эмоции, и резко снижалась, когда доминировали негативные [7].

Примером эмоциональной заразительности может послужить смех. С точки зрения биологии смех означает, что между лимбическими системами людей образуется контакт [6]. Положительное настроение и смех быстро передаются от лидера к коллективу, а преобладание такого настроения приносит хорошие результаты коллективу [2]. В ходе исследований выяснилось, что лидеры, занимающие более высокие посты ведущих компаний, чаще шутили во время интервью, собраний и в стрессовых ситуациях, нежели руководители среднего звена [3]. Это означает, что управленец, способный повлиять на настроение и улучшить его у целого коллектива, увеличивает таким образом продуктивность своих сотрудников.

Также немаловажную роль имеют личностные качества, которыми должен владеть успешный лидер. Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки, среди необходимых личностных навыков выделили: самосознание, в которое входит эмоциональное самосознание, точная самооценка и уверенность в себе; самоконтроль, который составляют оптимизм, умение контролировать эмоции, инициативность, проявление честности и открытости, адаптивность и воля к победе.

К социальным навыкам исследователи относят: социальную чуткость (сопереживание, деловая осведомленность, способность признавать и удовлетворять потребности подчиненных или клиентов); управление отношениями (влияние, умение вести за собой, урегулирование конфликтов, поощрение развития способностей сотрудников, командная работа и сотрудничество, способность инициировать преобразования).

Большое значение также имеет выбранный стиль лидерства – идеалистический, обучающий, товарищеский, демократический, амбициозный и авторитарный. Исследование показывает, что использование первых четырех стилей положительно сказывается на процветании компаний и финансовом благополучии [10]. И наоборот, в большинстве случаев последние два стиля ухудшают климат в организации [3]. Преимуществом амбициозного стиля руководителя является то, что он придерживается высоких стандартов производительности, требует большого усердия от сотрудников и вызывает восхищение у коллег своей самостоятельностью. Однако излишняя требовательность со стороны такого лидера часто подрывает устойчивость коллектива, вносит негативную составляющую в общее настроение. Среди наиболее успешных руководителей обычно отмечается смешанный стиль лидерства – талантливый управленец всегда знает, когда применить тот или иной стиль. Однако лидеры с амбициозным или авторитарным стилем часто лишены других навыков, в частности перспективного виде-

ния и навыка самоконтроля, который играет одну из ключевых ролей в успешной продуктивности управленца.

Говоря о недостатках авторитарного стиля, следует снова обратиться к пониманию эмоциональной заразительности. Как мы выяснили, лидер способен заражать эмоциями других людей, из этого следует, что негативное, наводящее страх настроение авторитарного лидера, распространяется на весь коллектив. Это в свою очередь сказывается на общей продуктивности, поэтому авторитарный лидер лишает удовлетворенности от своей работы сотрудников [3].

Из этого следует вывод, что выбор только одного типа лидерства резко ограничивает потенциал руководителя. Лидеры, владеющие четырьмя и более стилями, способны добиться больших результатов, их шанс на успех гораздо выше остальных [3].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что навыкам лидерства возможно обучиться, зная, какие качества необходимы. Но достаточно ли этого знания?

Начать успешно обучаться лидерским качествам человек может с подросткового возраста и до двадцати с небольшим лет, так как в этот период мозговые центры еще развиваются. Обучение именно в этот период позволит развить такие навыки как воля к победе, сотрудничество, самоконтроль и умение убеждать.

Эмоциональный интеллект связан с деятельностью префронтальной коры и лимбической системы, которая организует нашу эмоциональную компоненту [5]. За обучение техническим и аналитическим навыкам ответственен неокортекс, чье строение позволяет быстро и эффективно обучаться. На данном этапе многие исследования подтверждают, что укрепление нейронных связей позволяет сформировать новые навыки [11]. Лимбическая система, как более древняя и примитивная организация, напротив, обучается достаточно длительное время [3]. Базальные ганглии с эмоциональными центрами требуют постоянной тренировки и повторения. Обращаясь к более древним структурам мозга, постоянно повторяя новые привычки и закрепляя их, можно научить лимбическую систему необходимым навыкам. Такое обучение обусловлено постоянным обращением к нейронным связям и их укреплению. Из этого следует, что для того чтобы обучиться эмоциональному интеллекту, необходимо обратиться именно к лимбической системе, а не к неокортексу. Тем не менее, большинство обучающихся программ лидерству апеллируют к аналитической части нашего мозга. Для научения лидерству необходимо выбрать более гибкую, адаптированную и длительную по времени программу. Такие программы уже существуют и активно используются в зарубежной практике.

Таким образом, эмоциональное лидерство представляет собой сложный процесс, который затрагивает не только новые мозговые образования, но и более ранние механизмы. Для обучения лидерским качествам недос-

таточно посещать аудиторные занятия и лекции по несколько часов. Краткосрочным обучением человеку не достучаться до глубинных структур мозга, в которых заложены лидерские привычки. Это длительный процесс, при котором необходимо менять старые привычки, постоянно совершенствуясь и приобретая новые качества эмоционального интеллекта.

Литература

1. Базян А.С. Зеркальные нейроны, физиологическая роль, особенности функционирования и эмоционально насыщенная когнитивная карта мозга // *Успехи физиологических наук*. – 2019. – № 2. – С. 42–46.
2. Бойчук Ю.С. Феномен эмоционального заражения и психология толпы // *Студенческий научный вестник*. – 2019. – № 9. – С. 18–20.
3. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишер – 2012.
4. Кроль Л. Эмоциональный интеллект лидера. М.: Альпина Паблишер. – 2019.
5. Леду Ж.Э. Эмоциональный мозг. Нью-Йорк.: Саймон и Шустер. – 1998.
6. Провайн Р. Смех: научное исследование. Нью-Йорк: Рандом Хаус. – 2001.
7. Сигал Б. Волновой эффект: эмоциональное заражение в группах. – URL: https://www.researchgate.net/publication/23754321_The_Ripple_Effect_Emotional_Contagion_In_Groups (дата обращения: 02.04.2021)/
8. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. М.: НИРРО. – 2005.
9. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Удовлетворенность работой как конструкт в эмпирических исследованиях // *Социологический журнал*. – 2017. – №1. – С. 8–26.
10. Черч А.Х. Управленческое поведение и климат рабочей группы как предикторы результатов работы сотрудников: журнал развитие человеческих ресурсов. – URL: https://www.researchgate.net/publication/230223789_Management_behaviors_and_work_group_climate_as_predictors_of_employee_outcomes (дата обращения: 04.04.2021).
11. Эдельман Д. М., Маунткэсл В. Разумный мозг: кортикальная организация и селекция групп в теории высших функций головного мозга. М.: Мир. – 1981.

ПРОБЛЕМА ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗА

М.О. Саломатова, Е.А. Крапивина

Южно-Уральский технологический университет, г. Челябинск, Россия

Данная статья посвящена формированию интернет-зависимости у студентов. Рассмотрены основные причины возникновения эскапизма в молодежной среде. Проведен анализ обучающихся на уровень тревожности, напряжения и стрессоустойчивости. Представлены основные рекомендации профилактической программы по коррекции интернет-зависимости и сопутствующих ему психологических дефектах (тревожности, напряжения).

В настоящее время невозможно обойти вниманием такую важную социальную проблему здоровья среди молодежи и студентов, как зависимое поведение. Это распространенное явление с каждым годом все более и более трансформируется, превращаясь в различные психологические расстройства личности. На сегодняшний день, наиболее актуальным видом деструктивного поведения у студентов является интернет-зависимость. Это одна из основных центральных психолого-педагогических проблем, с которой сталкивается образовательное учреждение. Ввиду этого возрастает актуальность в проведении профилактических мероприятиях зависимого поведения студентов, как основной базы коррекции его дальнейшего развития и предотвращения губительного влияния на здоровье молодых людей.

Первое упоминание термина интернет-зависимость в психологическом обществе возникло в 1994 г. Данное личностное расстройство открыл американский психиатр Айвин Голдберг [1]. Он первый, кто не сравнивал заболевание с алкоголизмом или наркоманией, а скорее дифференцировал эту проблему со стрессом и низким самоконтролем человека. Позднее многие психиатры и психологи стали более подробно анализировать интернет-зависимость и предоставлять различные вариации. К примеру, американский психолог и эксперт по расстройствам интернет-зависимости и онлайн-поведению, Кимберли Янг подразумевала, что «Интернет-зависимость – это широкий термин, обозначающий большое количество проблем поведения и контроля над влечениями» [2, с. 237]. Также она является первым человеком, кто охарактеризовал основные типы интернет-зависимости [2, с. 238]:

- компьютерная зависимость;
- зависимость от навигации в Интернете;
- патологическая привязанность к онлайн аукционам, азартным играм или электронным покупкам;
- киберкоммуникативная зависимость;

– киберсексуальная зависимость.

Вследствие такого многообразия форм, все чаще встает вопрос о причинах формирования интернет-зависимости. Некоторые психологи утверждают, что это попытка компенсировать нереализованные потребности в общении. Другие наоборот придерживаются мнения, что, находясь в Интернете, молодые люди стараются стабилизировать свои проблемы с низкой самооценкой.

А М.И. Дрепа уверена, что основной мотив формирования интернет-зависимости у студентов, является неспособность разрешить кризис встречи с взрослостью, под которым следует подразумевать кризис идентичности и интимности, связанные с развитием эмоциональной обособленности [3, с. 191].

Таким образом, это приводит нас к тому, что студенты, переживая свои проблемы в жизни, порой компенсируют их решение пребыванием в сети. Но данный вид стратегии является неэффективным и даже, можно сказать оказывает пагубное воздействие, т.к. формирует социальную инфляцию реальности в молодежной среде, или просто – эскапизм.

Причины формирования эскапизма довольно просты и очевидны:

- появление инновационных технологий;
- всеобщая доступность к информационному полю;
- постоянный стресс;
- огромный поток информации;
- невозможность самореализации (неудовлетворённые потребности);
- социальная неопределённость.

Таким образом, мы пришли к выводу, что эскапистское увлечение формирует у молодых людей такие механизмы как, «вытеснение», «регрессия», «замещение», «гиперкомпенсация», что в большей степени способствуют возникновению интернет-зависимости. Также следует отметить, что все это негативно сказывается на здоровье молодого поколения.

Самым распространённым заболеванием среди интернет-зависимых людей является искривление позвоночника. Сосредоточившись на экране устройства, человек наклоняет голову вперед, сгибая шею, и при этом держит руки в фиксированном положении. В результате нагрузка на верхний отдел позвоночника увеличивается, появляются боли в шее и плечевом поясе. Также такое положение спины способствует формированию низкой самооценки и низкой стрессоустойчивости. Последующими дефектами организма от пребывания в Интернете становятся:

- ухудшение зрения;
- увеличение веса из-за снижения физической нагрузки;
- ухудшение концентрации внимания;
- ослабление иммунитета;
- формирование различных психологических расстройств (депрессия, тревожность, агрессия, напряжение и т.д.).

Основываясь на вышесказанном, мы пришли к мнению о том, чтобы разработать программу первичной профилактики зависимого поведения для обучающихся вуза.

Первым нашим шагом был анализ 125 результатов студентов первого курса Южно-Уральского технологического университета на определение их реакции на стресс на основе следующих психологических тестов:

– тест на определение уровня тревожности по шкале Спилберга-Ханина, выявляющий ситуационную и личностную тревожность индивида [6];

– тест на определение нервно-психического напряжения Т.А. Немчина, показывающий уровень напряженности студента в связи со стрессом [5];

– тест на определение уровня стрессоустойчивости по шкале С. Коухена и Г. Виллиансона, демонстрирующий факторы психологических реакций во время стрессовых ситуаций [4].

На рис. 1 показано, что наибольшее количество баллов по тревожности набрали студенты таких специальностей, как «Таможенное дело», «Информационные системы и технологии» и «Юриспруденция». А большее количество баллов по напряжению преобладает у студентов «Таможенное дело», «Информационные системы и технологии», «Государственное и муниципальное управление». И наиболее спокойными и стрессоустойчивыми стали студенты специальностей «Строительство», «Экономическая безопасность» и «Государственное и муниципальное управление». Все же остальные студенты более уязвимы к стрессовым факторам, что показывает их неумение спокойно переживать, справляться с возникшими трудностями.

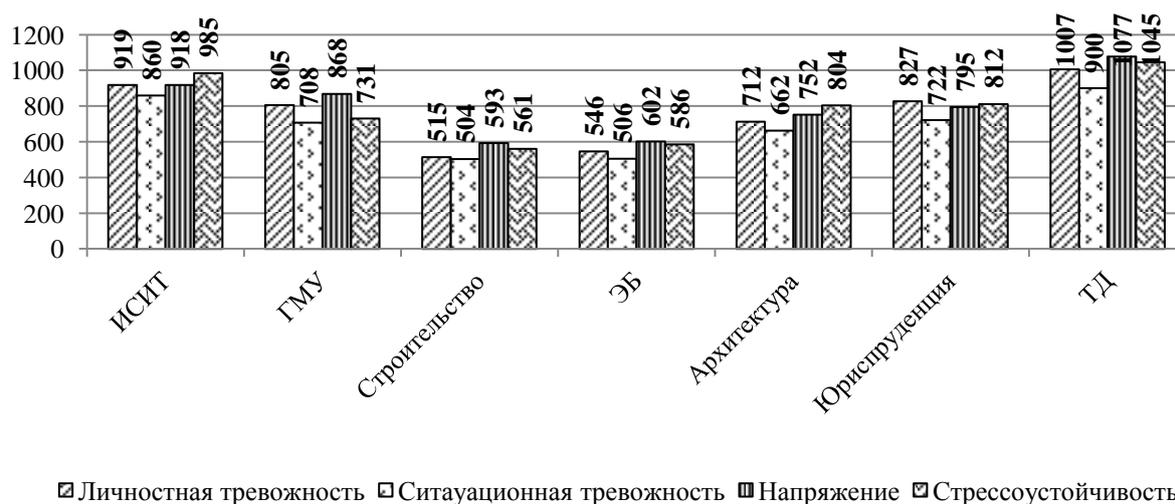

Рис. 1. Обзор ментального здоровья обучающихся, в баллах

Таким образом, студентам первый год обучения в университете дается нелегко, т.к. постоянно присутствует динамика изменений, новый матери-

ал, коллектив, среда обитания. Данное положение свидетельствует о том, что, так или иначе студенты первого курса будут искать отраду, накопившемуся стрессу в Интернете, поскольку это наиболее быстрый способ релаксации, но небезопасный для здоровья.

Наша программа первичной профилактики интернет-зависимости сформирована на проведении оздоровительных мероприятий на основе когнитивной нейробиологии, которая, в свою очередь, поможет нам разобраться, как же все-таки связаны нейронные импульсы и зависимое поведение, и предложить студентам комплекс упражнений по преодолению стресса и тревожности.

Наиболее популярными упражнениями, признанными специалистами в области психологии и неврологии, являются:

– мышечная релаксация: суть упражнения состоит в том, чтобы по отдельности напрягать определённую часть тела на несколько секунд, а потом расслаблять;

– йога;

– медитация;

– «4-7-8»: суть заключается в том, чтобы сначала сделать вдох до 4 секунд, потом задержать дыхание на 7 секунд, а после, сделать медленный выдох, считая до 8;

– «Самма Вритте»: вдох равен выдоху.

Такие упражнения успокаивают нервную систему, и помогают абстрагироваться от тревожных мыслей и стресса.

Помимо упражнений мы также проведем со студентами интерактивные часы, где подробно подискутируем по поводу интернет-зависимости, тревоги и стресса, чтобы в последующем обучающиеся понимали, что с ними происходит.

Отличительной чертой нашей программы будет являться ее периодичность повторения. Для первокурсников профилактические мероприятия по коррекции интернет-зависимости будут проводиться ежемесячно (это связано с адаптационным периодом), для студентов второго курса – раз в три месяца (из-за предстоящих сессий), для третькурсников и студентов четвертого курса – раз в семестр (с целью закрепления основных навыков).

Таким образом, мы пришли к выводу, что настоящее время – профицит различных зависимостей. Поэтому требуется профилактическая грамотность населения, особенно студентов, т.к. именно они являются основным фундаментом в России.

Литература

1. Goldberg I. MD. Web Publishing. 1996–1999.
2. Young K.S. Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder// CyberPsychology and Behavior. –1998. – V. 1. – P. 237–244.

3. Дрепа М. И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 189–193.

4. Онлайн тест на стрессоустойчивость по шкале С. Коухена и Г. Виллиансона // Онлайн тест на стрессоустойчивость / [Электронный ресурс]. URL: <http://musical-radio.ru/test/online-test-0022.php> (Дата обращения: 17.10.2020 г.)

5. Шкала нервно-психического напряжения Т.А. Немчина НПН // Все тесты» Психологические» Опросник НПН / [Электронный ресурс]. URL: <https://psytests.org/psystate/npn-run.html> (Дата обращения: 17.10.2020 г.)

6. Шкала тревоги Спилбергера-Ханина // Все тесты» Психологические» Тест Спилбергера-Ханина. URL: <https://psytests.org/psystate/spielberger-run.html> (Дата обращения: 17.10.2020 г.)

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЭМОЦИЙ У ЛИЦ С ДЕПРЕССИВНОЙ СИМПТОМАТИКОЙ

И.В. Харланчук, А.Н. Крутолевич

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

Исследование проводилось с целью выявления различий в отношении стратегий когнитивной регуляции эмоций лиц юношеского возраста с депрессивной симптоматикой. Исследование показало, что статистически достоверно лица с депрессивной симптоматикой и без депрессивной симптоматики отличаются в отношении использования такой стратегии как «катастрофизация», а близкой к достоверному различию между группами является стратегия «обвинение».

У лиц с депрессивной симптоматикой существуют особенности в восприятии и обработке эмоциональной информации. Согласно когнитивным теориям, при депрессии происходит негативное смещение в виде селективного обостренного внимания к стимулам, которые воспринимаются как фрустрирующие или угрожающие [6]. Страдающие депрессией, запоминают на 10% больше негативных слов, по сравнению с позитивными [3]. При этом также нарушается эмоциональный интеллект, при внимании и восприятии мимических эмоциональных реакций. Таким образом, ухудшение восприятия эмоций и мимики других людей, может негативно сказываться на обработке воспринимаемой информации. Человеку становится легче искажать получаемую информацию, и воспринимать её через призму негативных убеждений [5]. Однако наблюдается повышенная сензитивность и быстрая реакция на экспрессию эмоций, которые можно охарактеризовать как «отрицательные».

Когнитивная регуляция эмоций – это процесс, посредством которого человек контролирует свои эмоции во время и после воздействия стрессовых факторов. Эти копинг-стратегии делятся на два вида: адаптивные и неадаптивные. К неадаптивным техникам относятся следующие способы регуляции эмоций: самообвинение, обвинение, сосредоточение, катастрофизация [3].

Самообвинение – индивид, использующий данный способ, приходит к мысли, что вина за прошлый опыт или настоящее, полностью лежит на нём. Самообвинение может стать преградой в поиске конструктивных способов решения проблем, объяснений и трактовок ситуаций. Эта стратегия включает в себя эмоционально-фокусированные мысли: злость, тревожность [1].

Обвинение – это перекладывание вины за переживаемые или пережитые чувства, на других людей и окружающий мир. Этот способ позволяет справиться с ощущениями стыда, агрессии по отношению к самому себе, через перенос ответственности за сложившееся событие на других [3].

Сосредоточение – это обдумывание, частое размышление о своих мыслях и чувствах, связанных со стрессовой ситуацией [5].

Катастрофизация представляет собой драматизацию опыта чувств, связанных с ним. Мысли, связанные с драматизацией, предполагают преувеличение произошедшего события, испытанного человеком [7]. При этом, человек склонен к переоценке важности и значимости событий, искажая факты и чувства. Представляя исход того или иного события, как правило, видит его в неблагоприятном свете [2].

К адаптивным стратегиям относится принятие, положительная перефокусировка, перефокусировка на планирование, позитивный пересмотр, перемещение в перспективу [7].

Принятие – признание того, что случилось и примирение с этим фактом. Принятие как способ когнитивной регуляции эмоций, имеет взаимосвязь с чувством собственного достоинства и оптимистическим настроением [3]. Эта стратегия предполагает урегулирование своего эмоционального состояний и реакций.

Положительная перефокусировка представляет собой стиль, при котором вместо размышления об актуальном событии, человек перенаправляет свои мысли на приятные и радостные события его прошлого [3]. Перефокусировка на планирование – размышление о способах, необходимых для того, чтобы совладать со стрессовой ситуацией.

Позитивный пересмотр является размышлением о том, что предшествующие события и связанные с ним чувства, ведут к личностному росту, обращение к мыслям, направленным на создание позитивного для личностного роста значения, события [2].

Перемещение в перспективу представляет собой стиль, при котором насущное серьезное событие мысленно переносится в перспективу, за счет его обесценивания на фоне остальных.

В ходе исследования, нами были использованы следующие методики: опросник «Когнитивная регуляция эмоций» и «Шкала депрессии Бека». В исследовании приняли участие 54 студента факультета психологии и педагогики.

С целью определения особенностей когнитивной регуляции эмоций лиц юношеского возраста, сравнивались две группы студентов, обладающих и не обладающих депрессивной симптоматикой. Для исследования, мы разделили всех испытуемых на 2 группы по количеству баллов по шкале депрессии (0–15 и от 16 и выше): отсутствие и наличие симптоматики. Таким образом, симптоматика отсутствовала у 70 %, и у 30 % опрошенных лиц, она проявляется в разной степени.

Для выявления статистически значимых различий относительно использования когнитивных стилей регуляции эмоций между двумя группами (студентами имеющих депрессивную симптоматику и не имеющих) был рассчитан критерий U–Манна-Уитни.

Исследование показало, что студенты у которых имеется депрессивная симптоматика, в общем, более склонны к использованию неадаптивных стратегий когнитивной регуляции эмоций (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 32,72, а для студентов без депрессивной симптоматики – 25,30). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=220,500$ при $p=0,113$.

Также результаты показали, что студенты с депрессивной симптоматикой имели менее выраженное использование адаптивных стилей (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 25,38, а для студентов без депрессивной симптоматики – 28,39). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=270,000$ при $p=0,519$.

Нами было обнаружено, что достоверных различий между двумя группами по использованию такого неадаптивного стиля как самообвинения нет (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 27,44, а для студентов без депрессивной симптоматики – 27,53). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=303,000$ при $p=0,985$.

Исследование показало, что студенты у которых имеется депрессивная симптоматика, более склонны к использованию сосредоточения, которое относится к неадаптивным стратегиям (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 28,81, а для студентов без депрессивной симптоматики – 26,95). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=283,000$ при $p=0,689$.

В нашем исследовании было обнаружено, что особых различий между двумя группами по использованию такого адаптивного стиля как «перефокусировка» нет (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 27,16, а для студентов без депрессивной симптоматики – 27,64). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=298,500$ при $p=0,917$.

Исследование показало, что студенты, у которых не обнаружена депрессивная симптоматика, более склонны к использованию «перефокусировки на планирование», которое относится к адаптивным стратегиям (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 24,38, а для студентов без депрессивной симптоматики – 28,82). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=254,000$ при $p=0,339$.

Исследование показало, что студенты, у которых имеется депрессивная симптоматика, более склонны к использованию такого стиля как «помещение в перспективу» (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 28,31, а для студентов без депрессивной симптоматики – 27,31). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=291,000$ при $p=0,804$.

Также в нашем исследовании обнаружено, что у студентов без депрессивной симптоматики более выражено использование «позитивного пересмотра», которое относится к адаптивным стратегиям (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 22,53, а для студентов без депрессивной симптоматики – 29,59). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=224,5$ при $p=0,129$.

Также исследование показало, что студенты с депрессивной симптоматикой имели менее выраженное использование такого адаптивного стиля как «принятие» (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 25,38, а для студентов без депрессивной симптоматики – 28,39). Разница средних рангов по данному признаку статистически незначима, так критерий $U=251,000$ при $p=0,311$.

Нами было обнаружено, что более выражено использование такой неадаптивной когнитивной стратегии регуляции эмоций как «катастрофизация» у группы, обладающей депрессивной симптоматикой (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 35,81, а для студентов без депрессивной симптоматики – 24,00). Различия для двух групп испытуемых в отношении стратегии «Катастрофизация» являются достоверными, критерий $U=171,000$ при $p=0,011$.

Исследование показало, что студенты, использующие такую стратегию как «обвинение» более подвержены депрессивной симптоматике (средний ранг данного параметра для студентов с депрессивной симптоматикой 33,78, а для студентов без депрессивной симптоматики – 24,86).

Также в нашем исследовании было обнаружено тенденция к достоверности различий в отношении стратегии «Обвинение», критерий $U=203,500$ при $p=0,055$.

В ходе исследования не была выявлена статистически значимая разница между группой обладающей депрессивной симптоматикой и группой без неё в отношении таких адаптивных стратегий регуляции эмоций как принятие, перефокусировка, перефокусировка на планирование, позитивный пересмотр, помещение в перспективу.

В результате исследования не была выявлена статистически значимая разница между группой обладающей депрессивной симптоматикой и группой без неё в отношении такой неадаптивной когнитивной стратегии регуляции эмоций как сосредоточение.

Единственными параметрами, у которых разница средних рангов имеет статистически достоверное значение, являются «катастрофизация» и «обвинение».

Преобладание адаптивных стратегий оказалось значительно ниже у студентов с депрессивной симптоматикой различного уровня, чем у студентов, не находящихся у себя симптоматику. Из всех стилей неадаптивной когнитивной регуляции эмоций, более выраженной оказалась «катастрофизация». Для данного исследования достоверные различия между группами в отношении такой стратегии как «катастрофизация» может означать, что переоценка важности и значимости событий, искажение фактов и чувств способствует ухудшению состояния человека, проявляясь в таких симптомах как печаль, пессимизм, чувство вины, суицидальные мысли. Это не способствует решению проблем и совладению с эмоциями, а только ухудшает их.

Литература

1. Беккер, Р.А. Когнитивные нарушения при депрессиях: клиническое значение и современные возможности терапии / Р.А. Беккер, Ю.В. Быков // Психиатрия и психофармакотерапия им. П.Б. Ганнушкина. – 2015. – № 4. – С. 40–45.

2. Краснов, В. Взаимосвязи когнитивных и эмоциональных нарушений при депрессиях / В. Краснов, М. Алфимова // ФБГУ Московский научно-исследовательский институт психиатрии Минздрава России – 2013. – № 5 (83). – С. 70–76.

3. Писарева О.Л. Когнитивная регуляция эмоций / О.Л. Писарева, А. Гриценко // Актуальные психологические исследования. – 2010. – № 2. – С. 64–69.

4. Харисова, Р.Р. К значимости исследований операционального компонента мышления при тревожно-депрессивных расстройствах пограничного спектра / Р.Р. Харисова // Современная наука. – 2015. – № 3. – С. 88–91.

5. Anderson, C.A. Behavioral and characterological styles as predictors of depression and loneliness: review, refinement, and test / C. A. Anderson, [et al.] // *J. of Personality and Social Psychology*. – 1994. – Vol. 66. – № 3. – P. 549–558.

6. 1-Endler, N.S. Assessment of multidimensional coping: task, emotion and avoidance strategies / N.S. Endler, J.D.A. Parker // *Psychological Assessment*. – 1994. – № 6. – P. 50–60.

7. 6-Garnefski, N. Negative life events, cognitive emotion regulation and emotional problems / N. Garnefski, V. Kraaij, Ph. Spinhoven // *Personality and Individual Differences*. – 2001. – Vol. 30. – P. 1311–1327.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

А. Яро, З.А. Шакурова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье рассматриваются личностные особенности иностранных студентов с разными типами социально-психологической адаптации, обучающихся в ЮУрГУ. Обследовано 41 иностранных студента в возрасте 18–30 лет из 27 стран. Установлено, что у студентов преобладают адаптивный, интерактивный и смешанный положительный типы адаптации. Выявлены значимые различия в уровне проявления культурного интеллекта и толерантности к неопределенности в группах с разными типами адаптации. В группе с положительными типами адаптации все эти характеристики имеют более высокий уровень. В этих группах отсутствуют различия в проявлении жизнестойкости.

Заметный рост количества иностранных студентов в вузах является одним из направлений развития высшего образования, и именно с этой сложной задачей по привлечению иностранных студентов для обучения в настоящее время стоит Россия. Приехав в другую страну, студент впервые сталкивается с новыми условиями жизни, он должен тогда быть частью целого нетипичной социокультурной среды, чтобы ознакомиться с нормами и ценностями, которые являются чужими, а также моделями поведения. Успехи в обучении иностранных студентов в России, уровень их будущей профессиональной подготовки во многом определяется через социально-психологическую адаптацию [1]. Процесс адаптации личности происходит благодаря наличию комплекса способностей и свойств личности, получивших название адаптивность. Современные исследователи считают, что адаптивность как совокупность качеств и черт личности, составляет то, что называется адаптационным потенциалом (А.Г. Маклаков, Д.А. Леонтьев, Л.А. Александрова) [3].

К таким качествам можно отнести культурный интеллект, под которым понимается «способность личности эффективно адаптироваться к новой культурной среде» [2, с. 6]. К. Эрли и С. Энг, как авторы культурного интеллекта, выделили четыре основных компонента. Первая – когнитивная составляющая – связана со знанием, пониманием обычаев, ценностей, норм в различных культурах. Вторая – метакогнитивная составляющая – связана непосредственно с самой мыслительной деятельностью, которая применяется для усвоения этих знаний. Человек, находясь в мультикультурной среде, опираясь на полученные знания о культурных особенностях, начинает определенным образом адаптироваться к той или иной культуре, регулировать и «перенастраивать» собственное мышление с тем, чтобы выстроить более эффективную стратегию поведения во взаимодействии с представителями других культур. Третья составляющая культурного интеллекта – мотивационная, которая выражает насколько человек мотивирован на познание другой культуры, настроен ли он налаживать отношения с представителями другой культуры, подстраиваться под их особенности, есть ли у него в целом желание изучать другую культуру. Наконец, четвертая – поведенческая составляющая – связана с формами поведения, как языковыми, так и невербальными, которые необходимо усвоить во взаимодействии с представителями других культур [2].

Одна из важных составляющих адаптационного потенциала личности может быть жизнестойкость (*hardiness*, S. Maddi), которая относится к особому классу способностей, так называемых «духовных». Это система убеждений, которая помогает развить у субъекта готовность участвовать и справляться с экстремальными ситуациями, успешно справляясь с ними. Вовлеченность в процесс, первый компонент жизнестойкости, характеризует ощущение личностной важности межличностных отношений, повышает интерес к выполнению задуманного. Контроль, следующий компонент жизнестойкости. Личность контролирует обстоятельства и способна совладать с трудными жизненными ситуациями. Принятие риска – третий компонент жизнестойкости. Он позволяет личности принимать происходящие с ней события, как испытание, как стимул для развития новых возможностей. [4, 6]. Возможно, что жизнестойкость выступает в качестве личного ресурса для иностранных студентов, чтобы успешно адаптироваться к новой культурной среде.

Еще одно качество личности, от которого может зависеть успешность, благополучие и качество жизни человека, это её способности справляться с неопределенностью бытия. Данное качество получило название - толерантность к неопределенности. Это способность принимать условия неопределенности, умение принимать решения, действовать в ситуациях неполной информированности [5]. Не исключено, что это качество также связано с успешной адаптацией иностранных студентов к новой социокультурной среде.

Развитие и тренировка этих психологических качеств может служить личностным потенциалом для успешной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, к новой социокультурной среде.

Целью нашего исследования является определение личностных характеристик иностранных студентов с разными типами социально-психологической адаптации.

Объектами исследования выступили иностранные студенты ЮУрГУ; предмет – личностные качества (социокультурный интеллект, жизнестойкость, толерантность к неопределенности) и типы социально-психологической адаптации иностранных студентов.

Гипотезы исследования:

1. Иностранные студенты могут иметь разные типы социально-психологической адаптации.

2. Имеются различия между показателями личностных качеств в группах с положительными и отрицательными типами социально-психологической адаптации у иностранных студентов.

Выборка исследования: респондентами стали 41 иностранных студента, приехавших из 27 стран (36% женщин и 64% мужчин), обучающихся в ЮУрГУ. Средняя продолжительность их обучения в вузе составляет 2 года. Для получения эмпирических данных были использованы следующие психодиагностические методики: опросник адаптации личности к новой социокультурной среде Л.В. Янковского. Он определяет уровень и типы адаптации эмигрантов к новой социокультурной среде (адаптивный, конформный, интерактивный, депрессивный, ностальгический и отчужденный). Тест – Шкала культурного интеллекта К. Эрли и С. Анга (в адаптации Е.В. Беловол), включающая в себя метакогнитивный, когнитивный, мотивационный и поведенческий компоненты и общий показатель. Тест Жизнестойкости С. Мадди в модификации Е.И. Рассказовой и Е.Н. Осина, включающий в себя шкалы вовлеченности, контроля, принятия риска и общий показатель жизнестойкости; Шкала толерантности к неопределенности Баднера (версия Т.В. Корниловой), включающая 2 относительно автономных компонента – интолерантность и толерантность к неопределенности. Все методики предъявлялись студентам на русском и английском языке. Для обработки эмпирических данных были подсчитаны описательные статистики t-критерий Стьюдента с помощью программы SPSS 22.0.

Результаты

Определение типов социально-психологической адаптации иностранных студентов показало, что у большинства студентов преобладают адаптивный тип (20%), интерактивный (20%) и смешанный положительный (адаптивный, конформный, интерактивный, 27%). Нет ни одного студента с преобладанием негативного типа адаптации, но можно выделить группу (17%) с проявлением смешанного негативного типа адаптации (депрессивный, ностальгический, отчужденный), и у 16% студентов отсутствует пре-

обладание какого-либо типа адаптации. Полученные данные свидетельствуют, что большинство иностранных студентов (67%) испытывают личностную удовлетворенность позитивными отношениями с окружающими, чувство принадлежности к данному сообществу и сопричастности с ним. Для них характерны высокий уровень активности, контроль над собственным поведением с учетом социальных норм и ролей данного общества, принятие системы ценностей и норм поведения данной среды. Однако, у 17% иностранных студентов с преобладанием негативных типов адаптации, может быть пониженная самооценка, беспомощность

В соответствии с целью исследования нами выделены две группы иностранных студентов: 1 группа – с преобладанием положительных типов адаптации, 2 группа – с преобладанием негативных типов адаптации, – которые мы сравнили по уровню выраженности личностных качеств (см. таблицу).

Таблица

Значимые различия между личностными показателями у групп иностранных студентов с разными типами социально-психологической адаптации

Личностные показатели	Среднее значение (M)		Дисперсия (D)		Значение t-критерий Стьюдента	Уровень значимости (p)
	1 группа n=9	2 группа n=16	1 группа	2 группа		
Культурный интеллект	114,4	90,4	133,8	580,7	3,56	0,01
Метакогнитивный компонент	24,8	19,1	4,4	37,18	3,39	0,01
Когнитивный компонент	29,6	25,4	40,8	48,9	1,53	
Мотивационный компонента	30,7	22,9	13,0	41,5	3,90	0,001
Поведенческий компонент	29,4	21,6	29,0	63,8	2,91	0,01
Жизнестойкость	74,2	66,0	232,2	139,0	1,40	
Вовлечённость	30,7	26,8	60,0	37,0	1,30	
Контроль	26,0	23,4	36,7	18,3	1,13	
Принятие риска	17,6	16,0	6,3	8,9	1,43	
Интолерантность	32,9	31,4	38,6	44,6	0,56	
Толерантность к неопределенности	33,1	29,1	13,6	30,3	2,17	0,05

Согласно данным, представленным в таблице, все личностные показатели выше в 1 группе по сравнению с 2 группой. Значимые различия наблюдаются по показателям культурного интеллекта. Культурный интеллект определяется как «способность личности эффективно функциониро-

вать в рамках различных национальных, этнических и организационных культур» [2, с. 6]. Можно считать, что данное качество и его компоненты способствуют более успешной социально-психологической адаптации иностранных студентов.

Значимые различия между группами наблюдаются по показателю толерантности к неопределенности. Толерантность к неопределенности у студентов, как установлено в других исследованиях, связана с благополучием только на первом этапе обучения, когда ими ощущается новизна и неясность ситуации обучения и жизни в новой среде. В нашем исследовании иностранных студентов можно считать, что толерантность к неопределенности способствует процессу адаптации при преобладании благоприятных ее типов или стилей. Однако, необходимо отметить, что уровень проявления толерантности к неопределенности у абсолютного большинства иностранных студентов (90%) весьма низкий.

Несколько неожиданным оказался факт отсутствия значимых различий между группами иностранных студентов с разными типами адаптации по показателям жизнестойкости. Отечественные ученые рассматривают это свойство личности как «особый паттерн установок освоения социокультурного пространства» [4, с. 110], именно это и является содержанием процесса адаптации иностранных студентов. В данном исследовании отсутствие значимых различий между группами иностранных студентов с разными типами адаптации можно объяснить тем, что большинство иностранных студентов (76%) имеют высокий уровень жизнестойкости. Следовательно, жизнестойкость может быть одним из компонента личностного адаптационного потенциала.

Таким образом, в данном исследовании были выявлены личностные качества у иностранных студентов с разными типами социально-психологической адаптации. Иностранные студенты с благоприятными типами адаптации имеют более высокий уровень проявления культурного интеллекта и толерантности к неопределенности.

Выявление личностных особенностей иностранных студентов и специфики их социально-психологической адаптации должно быть включено в создание и реализацию программ психологического сопровождения процесса образования иностранных студентов в вузе.

Литература

1. Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л.В.Янковского) / Сонин В.А. Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. – СПб. – 2004. – С.206–211.
2. Беловол Е.В., Шкварило К.А., Хворова Е.М. Адаптация опросника «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга на русскоязычной выборке // Вестник РУДН, серия «Психология и педагогика». – 2012. – № 4. – С. 5–14.

3. Богомолов А.М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 1. – Том 13. – С. 67–73.

4. Конюхова Т.В., Конюхова Е.Т. Жизнестойкость личности как особый паттерн установок освоения социокультурного пространства // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – № 6. – Т. 322. – С. 110–114.

6. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. – 2014. – № 1. – С. 92–110.

7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл. – 2006. – 63 с.

ПСИХОЛОГИЯ ИННОВАЦИЙ И ТВОРЧЕСТВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КРЕАТИВНОСТИ С ПАРАМЕТРАМИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ У СТУДЕНТОВ

К.А. Гусева, А.В. Тараканов

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия

Рассмотрены основные подходы к понятию креативности в современной психологии, описаны критерии креативности и её виды, выявлены её личностные предпосылки и факторы. Дана подробная характеристика социально-психологической адаптации, прояснены критерии успешности адаптации личности. Описание её механизмов позволило выделить рациональный и интуитивистский подходы, с позиций которых можно обосновать соотношение общего интеллекта и креативного мышления в структуре адаптационного механизма. Выявлена взаимосвязь креативности и социально-психологической адаптации.

В современном обществе большое внимание специалистов различного профиля привлекает проблематика, связанная с адаптационными ресурсами человека как субъекта деятельности, реализующего свою креативность в общении и познании.

Изучение социально-психологической адаптации подразумевает изучение разных её аспектов, в частности, того как на адаптацию влияет высокий уровень выраженности творческих способностей человека, его умение быстро и качественно разрешать сложные проблемы и задачи.

Согласно некоторым современным теориям, креативность рассматривается как ведущая сила общеисторического прогресса и развития каждого человека, так как в ней заключены созидательные основы искусства, культуры, социальной и нравственной жизни людей и их взаимоотношений [2].

Эффективность социально-психологической адаптации в значительной степени зависит от того, какое место креативность занимает в системе жизнедеятельности человека.

Проблема заключается в том, что адаптация к современному социуму, а в частности к студенческому социуму, требует большей гибкости, проявления творческих способностей, нежели ранее. Быстро адаптироваться, приспособиться может человек, только гибко и творчески проявляющий себя, владеющий навыками распознавать те или иные адаптационные проблемы, гибко менять стратегию приспособления в зависимости от ситуации, а это все качества творческой личности. Благоприятными условиями

для развития креативности становятся те, в которых человеку позволяют совершенствоваться, преодолевать боязнь нового, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и требованиям общества. Люди, в силу своих индивидуальных особенностей, в той или иной степени имеют разный уровень креативности и в зависимости от этого могут выстраивать индивидуальной способ жизни, что отражается в том или ином уровне адаптированности к социальной среде [4].

Изучением социально-психологической адаптации и её связей с разными параметрами креативности, занимались К.А. Абульханова-Славская, А.А. Началджан, И.Ф. Албегова, Е.В.Змановская, Ф.Б. Березин и др.

В современной психологии под социально-психологической адаптацией понимается процесс активного взаимодействия личности и социальной среды, возникающий вследствие несогласованности их ценностей, установок, целей, в ходе, которого могут достигаться как цели, связанные с достижением приспособленности личности к социальной среде, так и цели, связанные с самореализацией личности и ее активным воздействием на среду. Среди критериев успешности адаптации личности принято выделять внешний (степень приспособленности) и внутренний (степень субъективного благополучия) критерии [6].

Результаты успешной социально-психологической адаптации человека различны как с позиции потребностей общества, так и с позиции потребностей отдельной личности на разных этапах ее развития. Развитие креативности повышает адаптационный потенциал человека, вооружая его способами инновационных преобразований во всех (или отдельных) сферах жизни (познании, мышлении, общении, деятельности, в самосовершенствовании и т.д.). Если принять во внимание тот факт, что процесс творчества включает две разнонаправленные тенденции – созидание и разрушение (реконструкцию) стереотипов, то креативное поведение индивида можно рассматривать как «созидательное разрушение» [3].

Человек творит психическую реальность. Этот процесс объективно протекает как активное изменение социальной среды или активное самозменение и решает задачи адаптации (приспособления). При выборе той или иной стратегии адаптационного процесса, личностью оцениваются: во-первых, требования социальной среды (их сила, степень враждебности, степень ограничения потребностей личности, степень дестабилизирующего влияния и т.п.); во-вторых, потенциал личности в плане изменения, приспособления среды к себе; в-третьих, цена усилий (физические и психологические траты) при выборе стратегии изменения среды или стратегии изменения себя. Оценка всех этих параметров, часто происходит в свернутом виде или даже на неосознаваемом, интуитивном уровне [1].

Нами было предпринято эмпирическое исследование, целью которого стало изучение взаимосвязи креативности с параметрами социально - психологической адаптации.

Объект исследования: социально-психологическая адаптация.

Предмет исследования: взаимосвязь креативности и социально-психологической адаптации личности.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что существует взаимосвязь между креативностью и параметрами социально-психологической адаптации, а именно: Чем выше выраженность параметров вербальной креативности, тем выше такие параметры социально-психологической адаптации, как «эмоциональный комфорт», «принятие других», «адаптация»; чем выше уровень невербальной креативности, тем выше такие параметры социально-психологической адаптации, как «самопринятие», «стремление к доминированию»; чем выше выраженность параметров личностной креативности, тем выше параметры социально-психологической адаптации такие как «интернальность», «эмоциональный комфорт».

Методы исследования: метод психологического тестирования, метод статистической обработки данных (критерий ранговой корреляции R_s -Спирмена).

Методики исследования: тест креативности Э.П. Торренса («Завершение фигуры» исследование невербальной креативности); тест вербальной креативности С. Медника; методика диагностики личностной креативности (Е.Е. Туник); методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (SPA).

В исследование приняли участие 88 студентов (из них 40 мужчин и 48 женщин) 1 и 2 курсов технических и гуманитарных специальностей Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) в возрасте 18–20 лет.

Исходя из полученных данных, мы видим, что вербальная продуктивность коррелирует с 4 шкалами СПА: адаптация (0,31), принятие других (0,30), самопринятие (0,21), стремление к доминированию (–0,22). Выявлены статистически значимые взаимосвязи вербальной оригинальности с адаптацией (0,26), принятием других (0,25), эмоциональным комфортом (0,26) и стремлением к доминированию (0,27), – это можно объяснить тем, что вербальная креативность способствует адаптации и является своего рода средством доминирования в социальных отношениях, как способность находить необычное решение в разных коммуникативных ситуациях.

Два параметра вербальной оригинальности и два параметра невербальной оригинальности взаимосвязаны с одними и теми же параметрами СПА принятия других (0,21) и эмоциональный комфорт (0,26). Невербальная уникальность взаимосвязана с адаптацией (0,30), самопринятием (0,34) и эмоциональным комфортом (0,26). Личностная креативность коррелирует с СПА только по одному параметру: выявлена отрицательная корреляция склонности к риску с показателем принятия других (–0,23).

Таким образом, можно говорить о том, что разные виды креативности по-разному связаны с адаптированностью. Поведенчески креативные люди, проявляющие творческое отношение к жизни, скорее адаптированы, тогда как когнитивно-креативные, проявляющие развитое дивергентное мышление – скорее дезадаптированы.

Вместе с тем, развитие креативности приводит к благополучной социально – психологической адаптации, проявлению активности личности, стремления к совершенствованию, принятию себя и других. Это связано с познанием, принятием и свободным выражением собственной уникальности в различных ситуациях жизнедеятельности, со способностью к активной адаптации с сохранением собственной целостности.

Степень адаптированности личности при таком подходе определяется согласованностью ценностей личности и ценностей социума, в частности тем, как в социуме представлена сама идея креативности и как она воспринимается отдельными его представителями, как обладающими, так и не обладающими творческими способностями.

Литература

1. Албегова И.Ф. Социальная адаптация. – Ярославль: ЯрГУ. – 2006. – 112 с.
2. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. – М.: Издат. центр «Академия». – 2002. – 320 с.
3. Буинова Д.И. Креативность как фактор самореализации личности в профессиональной деятельности // Психология, социология и педагогика. – 2013. – № 1.
4. Козленко В.Н. Проблема креативности личности // Психология творчества. – 1990. – С. 131–148.
5. Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. – М.: Пер Сэ. – 2002. – 304 с.
6. Налчаджан А.А. Социально-психическая адаптация личности (Формы, механизмы и стратегии). – 2015. – 263 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АРТ-КОММУНИКАЦИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ, ЗНАЧИМОСТЬ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

М.И. Емельянов, В.Г. Грязева-Добшинская

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье рассмотрена роль и значение цифровизации в современном обществе, а также цифровизация в сфере арт-коммуникаций. В рамках изучения вопроса о возможностях современных арт-коммуникаций, рассматривается 3 основных способа взаимодействия художника и зрителя с использованием цифровых технологий: виртуальных музеев, видеофильмов, интерактивных лекций и их воздействие, отказываемое на пользователя. Проанализированы возможные способы влияния произведений искусства в цифровом формате на зрителей. Сделан вывод о необходимости психологического исследования нового направления – цифровых арт-коммуникаций.

В XXI веке огромное значение приобретает цифровизация, которая активно внедряется во все сферы жизни общества. Помимо повседневной жизни, цифровизация проникает и в культурную жизнь человека, его взаимодействие с театром, музыкой, музеями и галереями. В 2020 году люди ощутили острый недостаток культурного аспекта в своей жизни, ввиду пандемии вируса COVID-19, в период которого все страны вынуждены были ввести карантин. Именно в этот момент большинство людей обратили свое внимание на искусство в цифровом формате, тем самым создав огромный спрос, удовлетворение которого – актуальная задача современных учреждений культуры

В дистанционный формат перевели свою работу: Малый театр России, Московский театр сатиры, Александринский театр, Метрополитен-опера, Венская опера, Берлинская филармония, Баварская опера, музей Тиссена-Борнемисы в Мадриде и конечно же Эрмитаж, а также множество других учреждений культуры. Таким образом, они сформировали объемное цифровое пространство для коммуникации зрителя и произведений великих деятелей культуры – пространство для арт-коммуникаций.

Цифровой бизнес-портал «TAdviser» совместно с компанией «Microsoft» приводит статистику, что в 2020 году более 85% музеев Москвы, Санкт-Петербурга признали необходимость цифровой трансформации. В частности, 20% музеев активно реализуют стратегию цифровизации, 23% разработали ее, а 43% планируют начать работу в направлении цифровизации [10].

В таком случае возникает вопрос, какие возможности позволяет реализовать цифровизация в сфере арт-коммуникаций?

Одним из первых и значимых деятелей в сфере цифровых арт-коммуникаций в России можно назвать А.Н. Сокурова и его фильм «Рус-

ский ковчег», который по праву считается одним самых удачных цифровых опытов [8]. Александр Сокуров в этом фильме реализовал инновационные технологии, связанные со съемкой цифровой камерой, открыв в этом новые художественные возможности и общечеловеческие смыслы [2]. А.Н. Сокуров говорил об этом фильме: «Я сделал этот фильм, потому что безумно люблю Эрмитаж» [3]. Фильм «Русский ковчег» был признан значимыми режиссерами и кинокритиками современности как шедевр. Стивен Спилберг назвал фильм А.Н. Сокурова одним из самых любимых фильмов, а Алехандро Гонсалес говорил, что «чуть ли не плакал в финале картины, настолько она прекрасна» [1].

Успех «Русского ковчега» состоит из множества значимых аспектов. Один из главных – это уникальное место съемки. Фильм ведет свое повествование о значимых исторических событиях и личностях в залах Эрмитажа. Эрмитаж создан Екатериной II в 1764 году как музей шедевров мирового искусства и с тех пор не оставляет никого равнодушным. За время своего существования он успел пережить множество исторических событий, от светских балов и раутов до блокады Ленинграда. Эрмитаж успел сохранить память о двух государствах: Российской Империи и Советском Союзе и успешно развивается в условиях современной России. Эрмитаж – это 365 залов, в которых находятся миллионы бесценных произведений искусства.

Второй аспект успеха Фильма – смысл, который заложил А.Н. Сокуров в свое произведение. Название было выбрано не случайно. Оно отсылает к библейскому мифу о ковчеге Ноя. Ной, ожидая всемирного потопа, создал большое судно, куда взял «каждой твари по паре». А.Н. Сокуров собирает на свой ковчег лишь некоторые произведения из 3 миллионов имеющихся в коллекции Эрмитажа. Возникает вопрос – что было пропуском на ковчег, созданный А.Н. Сокуровым?

Д. Куюнжич пишет, что А.Н. Сокуров придает Зимнему дворцу не музейный, а актуальный исторический смысл, то, как «Эрмитажный ковчег» закрутило в круговороте истории [4, с. 436].

В своем произведении режиссер ведет диалог и путешествует по экспозиции Эрмитажа сквозь исторические события с собеседником, в роли которого выступает иностранный дипломат XIX века маркиз де Кюстин. «Живая история» вторгается в музей: диалог автора и де Кюстина о блокаде [4, с. 437].

В финале произведения камера обращена в сторону Невы, по которой гуляют волны. Чем же является пространство вокруг созданного в фильме ковчега? Временем, вечностью, историей? Закадровым голосом режиссера в финале произведения звучит ответ – «Вокруг – море, и плыть нам вечно и жить нам вечно». На протяжении всего произведения ведется размышление об истории, которая вечна и непрерывна, а также про человечество, существование которого так же вечно и непрерывно, как и сама история.

Открытый финал этого артхаусного произведения дает зрителю повод для осмысления вечности искусства [7].

Третий аспект успеха фильма «Русский ковчег» – новаторское представление и использование экранного времени. В «Русском ковчеге» А.Н. Сокуров предпринял интересный прием, который ранее был невозможен из-за технических аспектов [5]. «Русский ковчег» снят одним кадром без склеек и киномонтажа. До двухтысячного года не было цифровых камер и носителей, которые позволили бы воплотить непрерывность одного кадра (хронометраж фильма 1 час 27 минут), – снять от начала до конца весь фильм на одну камеру одним дублем. Следствием этой технической инновации стал новый художественный эффект – двойственность, амбивалентность восприятия времени в фильме. Амбивалентность ощущения времени связана с непрерывностью настоящего и метаморфозами исторического времени, существованием прошлого в настоящем. М. Пиотровский, писал, что у музейщиков есть мечта, населить музей людьми, которые когда-то в нем жили, действовали и творили [9, с. 147].

Д. Куюджич поясняет парадигму всего фильма одной сценой, в которой в одном из залов встречаются 2 директора Эрмитажа XX века И. Орбели и Б. Пиотровский, которых играют актеры, и нынешний директор М. Пиотровский. Они вместе обсуждают современные проблемы музея в контексте времени [4, с. 434]. Зритель видит 300 лет российской истории в непрерывном потоке, такая сложная игра со временем по-настоящему завораживает. Сложность воплощения такого художественного приема, несмотря на технический прогресс, велика и по сей день. Немногие режиссеры даже сегодня используют в своих произведениях такой сложный прием, иногда лишь имитируя его, например, С. Мендес в фильме «1917» не смог реализовать технику одного кадра и сделал переходы в фильме «бесшовными», что позволило создать ощущения непрерывности [6]. Этот прием создает неразрывную связь эпизодов фильма и вовлеченность зрителя в происходящее.

Другой, не менее известный опыт цифровизации арт-коммуникаций – это Третьяковская галерея. В рамках проекта Третьяковской галереи и Сбербанка вышло несколько передач, в том числе: «Третьяковка с Сергеем Шнуровым» и «Третьяковка с Хабенским». Гидом стала директор Третьяковской галереи Зельфира Трегулова, которая предлагает нам путешествие по залам Третьяковской галереи (экспозиция содержит более 1200 картин) со знаменитыми гостями и обсуждение «избранных произведений искусства».

Для большей притягательности и контраста во взаимодействии со зрителем, в зал классических произведений искусства З. Трегулова приглашает известного рок-музыканта Сергея Шнурова, которого сложно ассоциировать с шедеврами классического искусства, однако, это противопоставление создает неподдельный интерес к его реакциям и рефлексии по

отношению к классическому искусству, которое может казаться элитарным и скучным. Для включения в проект были выбраны наиболее известные и хрестоматийные произведения.

Главной и самой интересной особенностью этих выпусков Третьяковской галереи стали истории картин, их значимые детали, представленные искусствоведом, а также впечатления приглашенных гостей, транслирующих неподдельный интерес к изучению экспозиции галереи.

На основании сравнения этих опытов цифровизации в сфере искусства, можно сделать вывод, что цифровизация арт-коммуникаций действительно приобретает все большие масштабы и распространяется на все большее количество музеев.

Спектр использования цифровизации коммуникаций в искусстве широк настолько, насколько широка человеческая фантазия. На примере подхода А.Н. Сокурова к новым цифровым технологиям в искусстве становится понятно, что искусство можно постигать, рефлексировав смысловые моменты общения с произведением, проживая исторические события через Встречи персонажей, произведений разных эпох и действий, соответствующих культуре и духу времени. Такой способ позволяет понять, помимо справочно-библиографических сведений, истинную красоту Эрмитажа.

Цифровой проект Третьяковской галереи позволяет погрузиться в мир искусства через познание истории создания избранных картин (как культурного канона), дополненной эмоциональными оценками популярных у аудитории экспертов.

Проекты виртуальных прогулок, реализованные многими музеями, в числе которых: Михайловский дворец, Эрмитаж, Летний сад, Лувр, Сикстинская капелла, Третьяковская галерея, позволяют людям построить свой маршрут в мире искусства, узнавая и открывая для себя все новое и интересное.

Опыты цифровизации арт-коммуникаций, которые, становятся все более популярными, позволяют каждому выбрать свой индивидуальный путь в мире искусства, а также собеседника, который задаст в нем ориентиры.

Интенсивное развитие цифровизации арт-коммуникаций, популярность технологии представления искусства у зрителя, становится вызовом для психологических исследований возникающих возможностей, проблем и перспектив.

Литература

1. Афиша Casa de Rusia. Кинопоказ Фильма «Русский ковчег» Александра Сокурова в Барселоне. – URL: <https://www.casaderusia.es/event-ru/russkiy-kovcheg-film-aleksandra-sokurova> (дата обращения: 23.03.2021).

2. Дубина М. Сетевое издание «Наша история»: Рецензия на фильм «Русский ковчег». – URL: <https://nashahistory.ru/materials/margarita-dubina-na-recenziya-na-film-russkiy-kovcheg> (дата обращения: 27.03.2021).

3. Коновалов О. Журнал искусство кино. Русский контекст. «Русский ковчег», Режиссер Александр Сокуров. – URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2003/07/n7-article3> (дата обращения: 30.03.2021).
4. Куюнжич Д. «Музей». Сокуров: [сборник]. кн. 3 – Санкт-Петербург.: Мастерская СЕАНС, 2011.
5. Лавретский Н. Искусство кино. Прощай, пленка: Краткая история цифрового кино. – URL: <https://kinoart.ru/texts/proschay-plenka-kratkaaya-istoriya-tsifrovogo-kino> (дата обращения: 24.03.2021).
6. Львов К. Искусство кино. Потерянные крестonosцы: о военной поэзии в фильме «1917». – URL: <https://kinoart.ru/reviews/poteryannye-krestonoscy-o-voennoy-poezii-v-filme-1917> (дата обращения: 07.04.2021).
7. Плахов А. Журнал Коммерсантъ. «Русский ковчег» приплыл в Россию. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/378102> (дата обращения: 25.03.2021).
8. Сокуров А.С. История в интерьере. – URL: <https://seance.ru/articles/istoriya-v-interere/> (дата обращения: 01.04.2021).
9. Уваров С.А. Интонация. Александр Сокуров. М.: Новое литературное обозрение. – 2019.
10. Цифровой портал «TAdviser». Цифровизация в сфере культуры и искусства. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_в_сфере_культуры_и_искусства (дата обращения: 02.04.2021).

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ И ДИНАМИКИ ЛИЧНОСТНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ПОСЛЕ ПРОСМОТРА ЭКРАНИЗАЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)

Е.И. Колтунов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В работе рассматриваются результаты исследования взаимосвязи ценностных оснований и динамики рефлексии амбивалентных переживаний личности студентов из разных культур после просмотра экранизации произведения «Война и Мир». Выборку 129 студентов из России и 53 студента из Китая. Полученные данные указывают на перспективность дальнейших исследований в данном направлении.

Современный мир становится все более поликультурным. Существование интернета позволяет людям свободно взаимодействовать с малознакомой и зачастую непонятной им иной культурной средой не покидая дома, что ведет к возникновению новых личностных переживаний. Одним из возможных источников такого взаимодействия являются кинофильмы-

адаптации классических культурных произведений. Их просмотр представителями других культур может вести к культурному смешению, либо столкновению ценностей, характерных для разных культур. Изучение этих процессов представляет высокую актуальность в условиях быстро и постоянно меняющегося мира.

Исследования воздействия кинофильма на зрителя изучаются в различных направлениях. Среди них можно выделить такие, как исследования влияния нарратива произведения на зрителя [7], его бессознательное [8], Я-концепцию [5, 6] и социальную идентичность зрителя [4]. Однако, исследование воздействия экранизаций классики в кросс-культурном аспекте остается малоизученной областью.

Кинофильм как творческое произведение искусства содержит в себе особенно сложное многоуровневое пространство. Для рассмотрения феномена их воздействия нами выбрана концепция Грязевой-Добшинской В.Г., дифференцирующей три эффекта воздействия произведения искусства: гармонизирующий «катарсис», дисгармонический «антикатарсис» и состояние незавершенной гармонизации, эффект «открытой катастрофы». При всех вышеописанных вариантах воздействие оказывается на ценностно-смысловые установки зрителей [1].

Рассматривая гипотеза предполагает существование уникальных для представителей разных культур взаимосвязей между динамикой рефлексии амбивалентных переживаний личности после просмотра фильмов-экранизаций и ценностными основаниями зрителей из разных стран.

В исследовании приняли участие 182 человека в возрасте от 18 до 24 лет, обучающихся в ЮУрГУ, из них 129 студентов из России и 53 студента из Китая. В качестве экспериментального воздействия были выбран фильм, являющийся экранизацией классического произведения русской культуры – экранизация романа Л.Н. Толстого «Война и Мир» (режиссер Т. Харпер).

Для анализа ценностных установок применялась методика С. Шварца для изучения ценностей личности [3]. Для анализа рефлексии амбивалентных переживаний личности использовалась проективная методика «Психологическая топология личности» В.Г. Грязевой-Добшинской (психосемантическая методика) – для определения динамики рефлексии переживаний методика выполнялась до и после просмотра фильма [2].

Для исследования взаимосвязей между динамикой рефлексии амбивалентных переживаний личности после просмотра фильма-экранизации и ценностными установками зрителей проводился корреляционный анализ с использованием коэффициента r_s ранговой корреляции Спирмена. Результаты представлены в таблицах 1, 2.

Анализ результатов просмотра студентов из России

Обнаружены 5 статистически значимых взаимосвязей по первой группе биполярных параметров: обратная взаимосвязь между параметром

«Перегревание–Замерзание» и индивидуальной ценностью Гедонизм; прямая взаимосвязь между параметром «Радость–Страдание», нормативной ценностью Власть и индивидуальной ценностью Безопасность, а также обратная взаимосвязь с индивидуальными ценностями Универсализм и Стимуляции; обратная взаимосвязь между параметром «Любовь–Агрессия» и нормативной ценностью Традиции. Чем выше значимость приобретения авторитета и власти, тем значимее проявление амбивалентных переживаний катарсиса и антикатарсиса в результате просмотра фильма. Чем выше значимость получения новых ощущений, принятия родных культурных традиций и чувственных удовольствий и терпимости к другим людям, тем слабее проявление этих амбивалентных переживаний.

Таблица 1

Взаимосвязь ценностных оснований и динамики рефлексии амбивалентных переживаний личности студентов из России

Ценности, (опросник С. Шварца)		Динамика рефлексии амбивалентных переживаний по «Психологической топологии личности»					
		Перегревание – Замерзание	Радость – Страдание	Любовь – Агрессия	Жизнь – Смерть	Я/Другие рефлексируют	Я и природа – Я и культуры
Нормативные идеалы	Конформность				–0.36**		
	Традиции			–0.36**			
	Доброта						0.42**
	Власть		0.36**				–0.29*
Индивидуальные приоритеты	Традиции						–0.36**
	Доброта						0.30*
	Универсализм		–0.31*				
	Самостоятельность					0.28*	
	Стимуляция		–0.33*				
	Гедонизм	–0.33*					–0.29*
	Безопасность		0.32*				

Условные обозначения: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

Обнаружены 3 статистически значимых взаимосвязи динамики амбивалентных переживаний по второй группе биполярных параметров: обратная взаимосвязь между параметром «Жизнь–Смерть», нормативной ценностью Конформность; прямая взаимосвязь между параметром «Я рефлексирую взаимоотношения – Другой рефлексирует взаимоотношения» индивидуальной ценностью Самостоятельность, а также обратная взаимосвязь с индивидуальной ценностью Гедонизм. Чем выше в структуре ценностей значимость избегания негативных социальных последствий и свободы мышления, тем значимее проявление амбивалентных переживаний, отра-

жающих силу и активность взаимодействия личности с окружающим миром. Чем выше стремление в реальных социальных ситуациях к получению наслаждения и чувственных удовольствий, тем слабее проявление этих амбивалентных переживаний.

Обнаружены 4 статистически значимых взаимосвязи по третьей группе биполярных параметров: прямая взаимосвязь между параметром «Я и природа – Я и культура», и ценностью Доброта на нормативном и индивидуальном уровне, а также обратная взаимосвязь с нормативной ценностью Власть и индивидуальной ценностью Традиции. Чем выше в структуре ценностей значимость доброжелательности и аффилиации с другими людьми, тем значимее проявление амбивалентных переживаний, отражающих избирательности взаимодействия личности с окружающим миром и его глубинные психические структуры. Чем выше в структуре ценностей значимость и принятие родных традиции и стремление к получению власти и авторитета, тем слабее проявление этих переживаний.

Анализ результатов просмотра студентами из Китая

Обнаружены 7 статистически значимых взаимосвязей первой группе биполярных параметров: прямая взаимосвязь между параметром «Свет–Темнота», нормативной ценностью Гедонизм и индивидуальной ценностью Традиции, а так же обратная взаимосвязь с нормативной ценностью Самостоятельность; прямая взаимосвязь между параметром «Радость–Страдание» и индивидуальной ценностью Доброта; прямая взаимосвязь между параметром «Любовь–Агрессия», нормативной ценностью Конформность и нормативной и индивидуальной ценностями Доброта. Чем выше значимость родных традиций, получения удовольствия, проявления доброты к другим и избегания неодобряемых социальных ситуаций, тем значимее проявление амбивалентных переживаний катарсиса и антикатарсиса в результате просмотра фильма. Чем выше значимость свободы мышления и выбора действия, тем слабее проявление этих амбивалентных переживаний.

Обнаружены 2 статистически значимых взаимосвязи по второй группе биполярных параметров: прямая взаимосвязь между параметром «Жизнь–Смерть» и нормативной ценностью Самостоятельность; обратная взаимосвязь между параметром «Притягательность–Отторжение» и нормативной ценностью Достижения. Чем выше в структуре ценностей значимость свободы мышления и выбора действия, тем значимее проявление амбивалентных переживаний, отражающих силу и активность взаимодействия личности с окружающим миром. Чем выше стремление к личному успеху и компетентности, тем слабее проявление этих амбивалентных переживаний.

Таблица 2

Взаимосвязь ценностных оснований и динамики рефлексии амбивалентных переживаний личности студентов из Китая

Ценности, (опросник С. Шварца)		Динамика рефлексии амбивалентных переживаний по «Психологической топологии личности»						
		Свет –Темнота	Радость –Страдание	Любовь –Агрессия	Жизнь –Смерть	Притяга тельность – Отторжение	Я и природа – Я и культуры	Я/Другие в коммуникациях
Нормативные идеалы	Конформность			0.41*				
	Доброта			0.39*				
	Самостоятельность	-0.40*			0.38*			
	Гедонизм	0.42*						
	Достижения					-0.45*		
Индивидуальные приоритеты	Традиции	0.41*						
	Доброта		0.39*	0.36*				
	Универсализм							0.43*
	Достижения						0.47**	

Условные обозначения: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

Обнаружены 2 статистически значимых взаимосвязи по третьей группе биполярных параметров: прямая взаимосвязь между параметром «Я и Природа – Я и Культура» и индивидуальной ценностью Достижение; прямая взаимосвязь между параметром «Я в коммуникациях – Другие в коммуникациях» и индивидуальной ценностью Универсализм. Чем выше стремление к личному успеху, компетентности, терпимости в социальных взаимоотношениях, тем значимее проявление амбивалентных переживаний, отражающих избирательности взаимодействия личности с окружающим миром и его глубинные психические структуры.

Заключение

Экспериментальное исследование особенностей динамики рефлексии переживания после просмотра экранизаций классических литературных произведений выявило наличие уникальных взаимосвязей между характером данной динамики и ценностными основаниями зрителей. в значимой степени коррелируют, к какой культуре относятся зрители, так и то, в условиях какой культурной среды оно было создано. Полученные данные свидетельствуют о необходимости продолжения более детальных исследований специфики взаимосвязи ценностных оснований зрителей и эффектов воздействия на них культурных произведений.

Литература

1. Грязева-Добшинская В.Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. – М.: Академический проект. – 2002. – 401 с.
2. Грязева-Добшинская В.Г. Психологическая топология личности. Технология экспериментального исследования личностной динамики в группе: учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2008. – 142 с.
3. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство // СПб.: Речь. – 2004. – 70 с.
4. Коробова С.Ю., Грязева-Добшинская В.Г., Аскерова А.Т. Особенности идентификации с персонажами культового фильма в контексте проблем социальной идентичности зрителей // Психология. Психофизиология. – 2018. – Т. 11. – №3, – С. 24–31.
5. Наливайко Е.И. Технология «Психологическая топология личности» в исследованиях воздействия научно-фантастических кинофильмах на личность // Современная психодиагностика в изменяющейся России: сборник тезисов Всероссийской научной конференции. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2008. – С. 167–170.
6. Петренко В.Ф., Сапсолова О.Н. Психосемантический анализ художественного фильма «Сибирский цирюльник» // Вопросы психологии. – 2005. – № 1. – С. 56–72.
7. Bezdek, M.A., Foy, J.E., & Gerrig, R.J. “Run for it!”: Viewers’ participatory responses to film narratives. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. – 2013. – V. 7 (4) – P. 409–416.
8. Stephen Dine Young (2000) Movies as equipment for living: A developmental analysis of the importance of film in everyday life, *Critical Studies in Media Communication*. – 2000. – V. 17. – Issue 4. – P. 447–468.

ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ ЦЕННОСТНОЙ СФЕРЫ И ХАРАКТЕРИСТИК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТИ У ЛЮДЕЙ, ПРОЯВЛЯЮЩИХ ТВОРЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ

А.А. Кучерявая, Л.В. Кавун

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия

В статье рассматриваются положения, описывающие категорию творческой активности личности, факторы, способствующие и препятствующие творческой активности личности. Целью эмпирического исследования было изучение специфики ценностей и характеристик экзистенциальной исполненности у людей, проявляющих творческую активность. Выявлено, что наибольшее значение для проявления творческой активности имеет реализованность экзистенциальной

мотивации «Самоценность», позволяющей человеку ответить на фундаментальный вопрос: «Я есть, но имею ли я право быть собой?».

Проблема творчества на протяжении длительного периода является предметом пристального внимания и изучения в психологии. Творчество, творческая деятельность и активность стали предметом изучения множества исследователей, как зарубежных, так и отечественных. Творчество – это целенаправленная преобразующая деятельность по устранению противоречий (Дж. Гилфорд, П. Торранс, А.М. Матюшкин, М.И. Махмутов) [3]. Особенности творческой активности: преобразующий характер, неадаптивность, нерегламентированность, надситуативность, продуктивность. По мнению Л.В. Ершовой, в качестве сущностного критерия категории творчества выступает критерий внутренних факторов, которые побуждают индивида к творческой активности, а не только критерий новизны и оригинальности его результатов [3].

Творческая активность личности рассматривается в контексте общей психической активности личности. Творческая активность как преобразующее поведение противопоставлено деятельности как адаптивному поведению. Возникая в процессе деятельности, творческая активность важна своими побочными продуктами. Главная функция активности заключается не в установлении гомеостаза с окружающей средой, а в его преодолении – движении в направлении развития [9]. Творческая активность, выступающая единицей функционирования творческой личности, по мнению Л.Н. Седовой, – это такая характеристика субъекта жизнедеятельности, которая позволяет ему максимально успешно адаптироваться в новых социокультурных условиях, а также способствует его адекватному самоопределению, основываясь на анализе его реальных возможностей, индивидуальных проявлений [8].

Факторы, способствующие повышению внутренней мотивации при проявлении творческой активности личности: положительная вербальная обратная связь; похвала; признание компетентности личности; признание творческих успехов и достижений личности; награда; оценки качества выполненного задания [10]. Среди причин, вызывающих затруднения и оказывающих тормозящий эффект в появлении и проявлении творческой активности личности, зарубежными и отечественными учёными выделяют: страх, боязнь неудачи, высокая степень самокритичности, равнодушие, пассивность и лень [8]. А. Маслоу предложил такие препятствия на творческом пути: импульсивность мысли, внутренняя и внешняя цензура, познавательный эгоцентризм, ригидность мышления, конформизм [4]. В.Н. Дружинин пришёл к выводу, что творчество возможно при отсутствии необходимости человеком решать задачи, связанные с адаптацией [2].

Интересным и важным представляется выяснить, какие личностные особенности имеются у лиц, занимающихся творческой деятельностью,

как они сами оценивают свою жизнь, возрастает ли в результате проявления творческой активности ощущение у человека чувства исполненности. Данное исследование было направлено на выявление специфики ценностной сферы и характеристик экзистенциальной исполненности у людей, проявляющих творческую активность.

Проблема: недостаточная изученность специфики ценностно-смысловой сферы и характеристик экзистенциальной исполненности у людей, проявляющих творческую активность.

Объект: ценностно-смысловая сфера людей, проявляющих творческую активность. Предмет: специфика ценностно-смысловой сферы и характеристик экзистенциальной исполненности у людей, проявляющих творческую активность.

Цель: изучить специфику ценностно-смысловой сферы и характеристик экзистенциальной исполненности у людей, проявляющих творческую активность.

Гипотезы: существуют различия в ценностно-смысловой сфере у людей, проявляющих и не проявляющих творческую активность, а именно:

1. У людей, проявляющих творческую активность, выше показатели экзистенциальных мотиваций и экзистенциальной исполненности, по сравнению с людьми, не проявляющими творческую активность;

2. У людей, проявляющих творческую активность, структура ценностей отличается от структуры ценностей у людей, не проявляющих творческую активность;

3. Имеются различия в структуре взаимосвязей ценностей и характеристик экзистенциальной исполненности в группах людей, проявляющих и не проявляющих творческую активность

Использовались следующие методы: анкетирование; психологическое тестирование; математическая статистика (критерий Колмогорова-Смирнова, U-критерий Манна–Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена). В выборку вошли люди от 18 до 28 лет – студенты и недавние выпускники разных вузов в количестве 71 человек, из них 47,9% – мужчины и 52,1% – женщины. Общее количество респондентов составило: 71 человек. Это бывшие и нынешние НГТУ и других вузов: НИУ МГСУ, НИИ МГСУ ИСА, НГУАДИ, СибГИУ, КГАСУ.

Были выбраны соответствующие методики:

1. Авторская анкета на определение творческой активности личности. В результате анкетирования деление на 2 подгруппы выглядит следующим образом: проявляющие творческую активность – 47,9%; не проявляющие творческую активность – 52,1%.

2. Опросник «Ценностные ориентации» (Ш. Шварц) [5].

3. Тест «Экзистенциальных мотиваций» (В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осин, Я.Д. Лупандина) [1].

4. Опросник «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер (адаптация: С.В. Кривцова) [7].

На основе сравнительного анализа обеих подгрупп выборки с помощью U-критерия Манна-Уитни выявлены значимые различия в ценностях между людьми, проявляющими и не проявляющими творческую активность по следующим шкалам: на уровне нормативных идеалов, т.е., на уровне представлений и жизненных принципов у людей, проявляющих творческую активность, ценность «Конформность» оказалась менее значимой ($p=0,042$); на уровне индивидуальных приоритетов, отражающем реализацию ценностей в реальном поведении человека, ценности «Самостоятельность» ($p=0,016$) и «Гедонизм» ($p=0,012$) оказались более значимыми у людей, проявляющих творческую активность. По характеристикам экзистенциальной исполненности выявлено, что у людей, проявляющих творческую активность, выше показатели по шкале «Заинтересованное внимание», заинтересованность в собственном внутреннем мире ($p=0,002$). За счет этой шкалы по общему показателю 3-й фундаментальной мотивации (3 ФМ) – «Самоценность» различия приближаются к значимым ($p=0,057$). С ростом заинтересованности в собственном внутреннем мире, принятии и уважении своей уникальности, человек уважительно относится к чужой индивидуальности, возрастает способность оставаться самим собой рядом с другими [6].

Сравнение структуры корреляций ценностных и смысловых характеристик в группах людей, проявляющих и не проявляющих творческую активность, показало, что количество связей, полученных в группе людей, проявляющих творческую активность, значительно больше, чем в группе не проявляющих творческую активность. Кроме того, количество связей характеристик исполненности с ценностями на уровне нормативного идеала значительно больше, чем с ценностями на уровне индивидуальных приоритетов.

По обоим методикам экзистенциальной исполненности («Тест экзистенциальных мотиваций» В.В. Шумского и др. и «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, и др.) взаимосвязи общего показателя экзистенциальной исполненности с ценностями («Ценностный опросник» Ш. Шварца) обнаружены только в группе людей, проявляющих творческую активность.

Экзистенциальная исполненность по тесту экзистенциальных мотиваций положительно коррелирует со следующими показателями выраженности ценностей по методике Ш. Шварца на уровне нормативных идеалов: «Конформность» ($r_s=0,414$, $p=0,015$), «Доброта» ($r_s=0,448$, $p=0,008$), «Самостоятельность» ($r_s=0,344$, $p=0,047$), «Стимуляция» ($r_s=0,419$, $p=0,014$), «Гедонизм» ($r_s=0,363$, $p=0,035$), «Достижения» ($r_s=0,392$, $p=0,022$), «Безопасность» ($r_s=0,400$, $p=0,019$). На уровне индивидуальных приоритетов – с ценностью «Доброта» ($r_s=0,599$, $p<0,001$).

Экзистенциальная исполненность по тесту «Шкала экзистенции» положительно связана со следующими показателями выраженности ценностей по методике Ш. Шварца на уровне нормативных идеалов: «Конформ-

ность» ($r_s=0,474$, $p=0,005$), «Доброта» ($r_s=0,494$, $p=0,003$), «Самостоятельность» ($r_s=0,470$, $p=0,005$), «Стимуляция» ($r_s=0,395$, $p=0,021$), «Гедонизм» ($r_s=0,341$, $p=0,049$), «Достижения» ($r_s=0,443$, $p=0,009$), «Безопасность» ($r_s=0,358$, $p=0,037$). На уровне индивидуальных приоритетов - с ценностью «Доброта» ($r_s=0,344$, $p=0,046$).

На основании проведённого эмпирического исследования были сделаны следующие выводы.

1. Большая выраженность 3-й экзистенциальной мотивации у людей, проявляющих творческую активность, по сравнению с людьми, не проявляющими творческую активность, позволяет заключить, что наибольшее значение для проявления творческой активности имеет реализованность экзистенциальной мотивации «Самоценность», позволяющей человеку ответить на фундаментальный вопрос: «Я есть, но имею ли я право быть собой?». В большей степени это проявляется за счет такой предпосылки 3 ФМ как «Заинтересованное внимание», отражающее заинтересованность в собственном внутреннем мире, позволяющую обнаружить Ценное внутри себя и показать это Другим. Это помогает человеку самовыражаться через творчество и делиться с другими людьми своим творчеством.

2. Выявленные в структуре ценностей различия между людьми, проявляющими и не проявляющими творческую активность, сочетаются с существующими в науке представлениями о природе творчества: на уровне представлений и жизненных принципов у людей, проявляющих творческую активность, ценность «Конформность», отражающая, согласно Ш. Шварцу, полюс консерватизма, выражена меньше, чем у людей, не выражающих себя в творчестве; на уровне индивидуальных приоритетов, отражающем реализацию ценностей в реальном поведении человека, у творчески активных личностей более выражены ценности «Самостоятельность» и «Гедонизм», относящиеся к полюсу «Открытости» изменениям.

3. Структура взаимосвязей характеристик экзистенциальной исполненности с ценностями у людей, выражающих себя в творчестве, значительно богаче и шире по сравнению с людьми, не проявляющими творческую активность. Можно предположить, что творчески активным людям именно творчество дает ощущение исполненной, то есть, подлинной, глубокой, наполненной смыслом и ценностями жизни. Но выявлено и противоречие в структуре связей на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов. Большое количество взаимосвязей общего показателя экзистенциальной исполненности выявлено на уровне нормативных идеалов, а на уровне реализации ценностей в реальном поведении обнаружена только одна связь – с ценностью «Доброта». Для прояснения этого вопроса требуются дополнительные исследования.

4. Гипотеза о том, что существуют различия в ценностно-смысловой сфере у людей, проявляющих и не проявляющих творческую активность, подтвердилась частично.

Литература

1. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций / В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осина, Я.Д. Лупандина // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13. – № 4. – С. 763–788.
2. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. – СПб.: Питер. – 2007. – 368 с.
3. Ершова Л.В. Стремление к личностной значимости как фактор саморегуляции творческой активности старших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Тобольск. – 2003. – 30 с.
4. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер. – 2009. – 448 с.
5. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь. – 2004 – 70 с.
6. Корякина Ю.М. Условия исполненной жизни: описание и измерение экзистенциальных мотиваций // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4 (20). – С. 49–65.
7. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. – 2009. – № 1. – С. 141–170.
8. Табачук Н.П. Творческая активность личности и ее проявление в деятельности // Научный альманах. – 2015. – № 8 (10). – С. 1559–1567.
9. Трусков В.П. Перцептивная лабильность как фактор регуляции творческой активности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Новосибирск. – 2007. – 21 с.
10. Ушаков Д. В. Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. – М.: Институт психологии РАН. – 2011. – 717 с.

ВИДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Ф. Лубягина, И.В. Выбойщик

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Представлены результаты теоретического анализа, направленного на сравнение видов профессионального выбора молодых специалистов с видами выбора жизненного пути (модель В.Г. Грязевой-Добшинской и А.С. Мальцевой на основании классификации типов переживания Ф.Е. Василюка) и ценностями креативного класса (модель Р. Флориды). Выделены значимые критерии каждого из видов профессионального выбора. Показаны особенности ценностного и спон-

танного видов выбора, как наиболее перспективных с точки зрения успешности в современных условиях профессиональной деятельности.

Профессиональный выбор является одной из важнейших составляющих самоопределения личности как динамического процесса. В силу социально-экономических изменений, а также особенностей внутреннего развития, человеку необходимо неоднократно переосмысливать своё место в жизни и профессиональном сообществе [2, с. 1038; 4, с. 10; 7, с. 27]. При этом от качества каждого сделанного выбора во многом зависит удовлетворенность профессионала результатами своей деятельности, а также востребованность его компетенций на рынке труда.

Взаимосвязь удовлетворенности и особенностей профессионального выбора рассмотрена в работе Лубягиной А.Ф., Гурской С.П. [5, с. 52] на примере молодых специалистов. На основании метода интервью и последующего контент-анализа авторы выделили пять видов профессионального выбора (целенаправленный, спонтанный, пассивный, ведомый, избегающий) и дали общее описание их психологического содержания. *Целенаправленный выбор* предполагает способность человека быть стратегом своей деятельности, его рациональность и целенаправленное, планомерное движение к самостоятельно сделанному выбору. *Спонтанный выбор* принимается без осмысленного решения и предварительного анализа, на основе спонтанного эмоционального впечатления, порыва. Для человека, совершившего *пассивный выбор*, характерно следование тому, что «подвернулось», без попыток определить собственное направление. *Ведомый выбор* подразумевает отсутствие собственного интереса и профессионального направления, либо следование чужому предложению вопреки собственным желаниям. Человек, совершивший *избегающий выбор*, стремится принять решение вопреки кому-либо, или во избежание нежелательного варианта развития событий.

Для дальнейшего изучения психологического содержания видов профессионального выбора и факторов, их определяющих, необходимы дополнительные исследования. В качестве первого шага нами проведен сравнительный анализ видов профессионального выбора с различными видами выбора жизненного пути личности, выделенными В.Г. Грязевой-Добшинской и А.С. Мальцевой [3, с. 17] на основании классификации типов переживания Ф.Е. Василюка [1, с. 298].

Как показали результаты сравнительного анализа, целенаправленный и спонтанный виды профессионального выбора соответствуют установкам на творческий и ценностный выбор жизненного пути.

Целенаправленный профессиональный выбор предполагает постановку цели, внутренне значимой для личности, а также требующей осознания и принятия внешней трудности. Творческий выбор жизненного пути основан на стремлении человека быть стратегом своей деятельности. Для осущест-

вления такого выбора необходимы стремление к активному поиску (по Д. Бюдженталу) и настрой на «встречу» – готовность к восприятию и узнаванию значимых ситуаций (по Р. Мэю). В целом, как целенаправленный профессиональный выбор, так и выбор творческого жизненного пути предполагают самостоятельность в сочетании с рациональностью, основанной на рефлексии внутренних устремлений и специфики внешних условий (в том числе, создающих сложности в достижении результата).

Спонтанный профессиональный выбор возможен при осуществлении ценностного выбора жизненного пути личности. Для решения, принятого на основе эмоционального порыва, необходимо стремление найти призвание, настрой на «встречу» (по Р. Мэю), а также рефлексия собственного эмоционального отклика на деятельность. В данном случае два вида выбора (профессиональный и жизненный) объединяет акцент на внутреннем ощущении собственной правоты. При этом рефлексия возможных внешних ограничений отсутствует, либо сведена к минимуму. Главным мотивом выбора является самореализация вне зависимости от сложившихся условий.

Три других вида профессионального выбора также соответствуют выборам жизненного пути личности. В частности, выявлены сходные проявления *избегающего* профессионального выбора и реалистичного выбора жизненного пути, которые состоят в стремлении избежать нежелательного варианта развития событий, связанного с осознанием внешних трудностей. Рефлексия внутренних ценностей и потребности в самореализации в данном случае не наблюдается. Для *пассивного* и *ведомого* видов профессионального выбора характерна установка на гедонистический выбор жизненного пути. Сходство профессионального и жизненного этих трех видов выбора состоит в низком уровне рефлексии внутренних и внешних ограничений, а также в отсутствии направленности на достижения и их признание в профессиональном сообществе.

На основании проведенного сравнительного анализа можно предположить, что целенаправленный и спонтанный виды профессионального выбора характерны для личности, направленной на самореализацию через творчество и поиск (осознанный либо интуитивный) своего собственного, уникального жизненного пути. Необходимо отметить, что именно эти виды выбора особенно важны с точки зрения эффективности инновационной деятельности, которая является одним из критериев успешности в современных социально-экономических условиях. В инновационной деятельности существует постоянный запрос на самостоятельное, продуктивное мышление, генерацию уникальных способов решения актуальных для общества проблем [10, с. 45; 11, с. 190; 12, с. 122].

В данном ключе представляет интерес классификация ценностей креативного класса, предложенная Р. Флоридой. К таким ценностям автор относит: 1) индивидуальность – приверженность индивидуальной иден-

тичности и самоутверждению; 2) принципы меритократии, согласно которым способности и достижения являются основой продвижения отдельных людей, независимо от их происхождения; 3) разнообразие во всех его формах, которое проявляется в выборе профессиональной среды, организации, где есть место для каждого, и любой человек может достичь успеха; 4) открытость как противоположность консерватизму – готовность испытывать новый опыт, соприкасаться с ценностями и мировосприятием, отличными от собственного. Приверженность этим ценностям является отражением потребности существовать в толерантном, неконсервативном и динамичном обществе [6, с. 247; 8, с. 115; 9, с. 620].

Соотношение ценностей, выделенных Р. Флоридой, с имеющимися данными о видах профессионального выбора, показало следующее. Приверженность ценностям индивидуальной идентичности, самоутверждения и меритократии, вероятно, свойственна людям с двумя вариантами профессионального выбора – целенаправленного и спонтанного. И в том и в другом случаях определяющей является собственная позиция, обусловленная направленностью личности на самоопределение и профессиональную самореализацию. Ценности разнообразия и открытости в наибольшей степени соответствуют спонтанному виду профессионального выбора, который осуществляется без предварительного анализа, на основе внутреннего порыва и сопровождается постоянным эмоциональным откликом на меняющиеся условия внешней среды.

В таких видах профессионального выбора как пассивный, ведомый и избегающий, на наш взгляд, полностью отсутствует отражение ценностей, самостоятельности и нонконформизма, характерных для представителей профессий, требующих проявления творческого начала и готовности активно реагировать на изменения условий жизни и профессиональной деятельности.

Результаты сравнительного анализа психологического содержания видов профессионального выбора с видами жизненного пути и ценностями креативного класса представлены в таблице.

Сравнительная информация, приведенная в таблице, подтверждает идею о значимости целенаправленного и спонтанного видов профессионального выбора с точки зрения успешности деятельности и самоопределения личности в целом. Ценности самоутверждения, активный поиск своего места в жизни, творческое начало, безусловно, важны для самого человека и, в целом, востребованы в современном обществе.

Результаты сравнительного анализа видов профессионального выбора с различными типами выбора жизненного пути личности и ценностями креативного класса

Виды профессионального выбора	Виды выбора жизненного пути	Ценности креативного класса	Значимые критерии профессионального выбора
Целенаправленный	Творческий	Индивидуальная идентичность Самоутверждение Меритократия	Самостоятельность Рациональность Рефлексия
Спонтанный	Ценностный	Индивидуальная идентичность Самоутверждение Меритократия Разнообразие Открытость	Самостоятельность Иррациональность Рефлексия Игнорирование внешних ограничений
Избегающий	Реалистичный	—	Адаптация к жизни и деятельности за счет ориентации на внешние стимулы Низкий уровень рефлексии
Пассивный	Гедонистический		
Ведомый			

Однако возникают вопросы, требующие дальнейшей проработки: 1) можно ли считать приверженность этим ценностям достаточным условием профессиональной успешности; 2) в чем, помимо рефлексии, состоят механизмы адаптации людей с целенаправленным и спонтанным видами профессионального выбора; 3) насколько стабильны виды профессионального выбора, сохраняются ли соответствующие предпочтения на протяжении жизненного пути человека?

Литература

1. Василюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл. – 1997. – С. 294–314.
2. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом – 2007.
3. Грязева-Добшинская В.Г., Мальцева А.С. «Типология личностного выбора жизненного пути»: описание методики и результаты психометрической проверки // Психология. Психофизиология. – 2016. – №2 (9). – С. 14–21.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития. – М.: Академия. – 2006.
5. Лубягина А.Ф., науч. рук. Гурская С.П. Параметры и виды профессионального выбора, удовлетворённость карьерой и трудом молодых специалистов // ВКР. – 2020.

6. Флорида Р. Креативны класс. Люди, которые меняют будущее. – М.: Классика XXI. – 2007.
7. Шавир П.А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. – М.: Педагогика. – 1998.
8. Florida R. The Rise of the Creative Class. – P: Basic Books. – 2003.
9. Florida R., Mellander C., Stolarick K., Inside the black box of regional development – human capital, the creative class and tolerance // Journal of Economic Geography. – 2008. – №5 (8). – P. 615–649.
10. Peck J. Struggling with the creative class // International Journal of Urban and Regional Research. – 2005. – № 29 (4). – P. 45–57.
11. Pratt A.C. Creative cities: The cultural industries and the creative class // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. – 2008. – № 90 (2). – P. 98–110.
12. Wilson D., Roger K. The real creative class // Social & Cultural Geography. – 2008. – № 3. – P. 119–130.

ОТКРЫТЫЕ ИННОВАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ В ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Е.А. Никифорова, П.С. Глухов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В данной статье обсуждается важность открытых инноваций как в период пандемии, так и на этапе восстановления. Также приводятся рекомендации, направленные на управление инновационными ресурсами в период восстановления после пандемии.

Пандемия COVID-19 стала вызовом для руководителей государственных и бизнес структур. Перевод основных форм взаимодействия между людьми в дистанционный формат ограничил для многих организаций вести свою деятельность привычным образом: возникла потребность использовать новые формы организации деятельности, реализовывать лидерство изменений.

Высокая значимость быстрой разработки эффективных способов лечения и поиск эффективных способов поддержки бизнеса потребовала усиления кооперации между медицинскими учреждениями, государственными учреждениями, контролирующими структурами как на национальном, так и на мировом уровне.

Произошедшая реконструкция социально-экономической сферы, повлекшая за собой изменения системы управления и повысившая значимость обмена информацией всех заинтересованных сторон, привела к интенсив-

ному росту феномена открытых инноваций. Изучение социально-психологических аспектов феномена открытых инноваций важно, прежде всего, чтобы иметь возможность конструировать условия, при которых они развиваются наилучшим образом и позволяют сравняться с коллективными вызовами.

Х. Чесборо и М. Богерс определяют открытые инновации как распределенный инновационный процесс, включающий целенаправленные потоки знаний через организационные границы [3, с. 6].

Так, вследствие малого количества времени и необходимости срочных результатов, потребовалась большая степень кооперации и большая открытость. Для решения вопросов здравоохранения важным аспектом является скорость. Чем скорее люди смогут узнать больше и принять надлежащие меры, тем быстрее ситуация перестанет быть критической. Для того чтобы объединить разрозненные данные о COVID-19, мировым сообществом создано несколько порталов, где учёные со всего мира могли разместить информацию о своём опыте в борьбе с пандемией. Примером таких открытых инноваций является созданный Европейским Союзом COVID-19 Data Portal. Также Всемирная организация здравоохранения предложила создать патентный пул для всех, кто работает над инициативами COVID-19, предоставляя доступ ко всей критической научной информации в обмен на их согласие проводить обязательное лицензирование необходимой информации. Открытость в вопросе инноваций и данных о вирусе продвигают многие международные организации, в том числе и ЮНЕСКО.

Наиболее ярко рост открытых инноваций в период пандемии зафиксирован в США. Культурный профиль, разработанный Ш. Шварцем, выделяет следующие значимые параметры культуры управления: напористость, прагматичность, предпринимательскую и даже эксплуататорскую ориентацию по отношению к социальному и природному окружению. Ещё одной существенной чертой, выделенной Ш. Штерном, у американцев является выраженность (по сравнению с Западной Европой) ценностей: принадлежность к общенациональной культуре и ориентация на общее благо. Можно предположить, что специфические условия, которые сложились в мире из-за пандемии COVID-19, способствовали становлению двух этих ценностей как доминирующих.

При этом лидерство изменений, культура «выигрыш – выигрыш» и ценности открытой коммуникации, актуализированные в период пандемии и служащие социально-психологической основой новой управленческой парадигмы, позволили выстроить два основных направления в потоке знаний: снаружи внутрь и изнутри наружу. Работа по этим направлениям различается для систем «бизнес-бизнес» и систем «бизнес-потребитель» [1, с. 8]. Примеры крупных зарубежных корпораций, реализующих социально-психологические аспекты открытых инноваций приведены в таблице.

Работа механизмов открытых инноваций
на примере крупных иностранных корпораций

Механизм открытых инноваций	Пример	
	«до COVID-19»	«во время COVID-19»
Снаружи внутрь, b2b	Procter & Gamble Программа: Connect and Development (привлечение к сотрудничеству партнёров по всему миру). [5, с. 61]	US OSTP делится всеми соответствующими исследованиями в машиночитаемом формате.
Снаружи внутрь, b2c	NASA Программа: Open Innovation Challenge (тысячи предложений от частных лиц о способах борьбы с опасностями в космосе). [6, с 753]	Пользователи делятся дизайнами масок, рецептами дезинфицирующих средств для рук и тем, как поддерживать двух пациентов на одном аппарате искусственной вентиляции лёгких.
Изнутри наружу, b2b	Amazon Проект: Amazon Web Services (своя внутренняя ИТ-инфраструктура для размещения веб-сайтов внешних клиентов и ИТ-потребителей).	Medtronic раскрывает свой дизайн вентилятора и интеллектуальную собственность.
Изнутри наружу, b2c	Lego Lego Mindstorms (позволила пользователям и учителям модифицировать свой продукт для создания целой программы обучения робототехнике в средних школах). [2, с. 439]	Компании, переходящие от производства парфюмерной или алкогольной продукции к производству дезинфицирующих средств для рук.

Анализируя данные, приведенные в таблице, можно предположить, что в периоды кризисов, требующих совместного решения широких слоев управления, ценность обратной связи и ценность сотрудничества значительно возрастают. Решения сложных проблем могут быть получены из нетрадиционных источников, особенно когда сами пользователи извлекают выгоду из этого решения. Например, люди создают свои собственные маски, которые уменьшают передачу болезни, также разрабатывают рецепты для домашних дезинфицирующих средств для рук и распространяют их в сети интернет. В случае с аппаратами искусственной вентиляции легких имеются сообщения о том, что отдельные врачи модифицируют аппараты искусственной вентиляции легких для одновременного обслуживания нескольких пациентов [7, 8].

В контексте рассмотрения открытых инноваций необходимо упомянуть государственный сектор. Если в обычных условиях ограничения,

предъявляемые регулируемыми органами к сторонним разработкам, приемлемы и оправдывают себя, то в условиях, которые ставит перед миром пандемия, регуляторы должны проявлять гибкость и адаптироваться к текущим условиям. Таким образом, присущая государственным органам ценность повторяемых и контролируемых решений сменяется ценностью адаптивности, выражающейся в стремлении управленческого звена использовать все решения, даже нетривиальные.

Это означает, что, если какая-то разработка уже прошла все требуемые меры контроля в своей стране, она не должна снова проходить первоначальные тесты безопасности, которые обычно требуют органы контроля каждой страны. Прозрачность обеспечивает обществу защиту от некачественных предложений, поэтому сами нормативные исследования должны широко распространяться в эти кризисные времена.

Новая культура открытости и значимость лидерства изменений требуют поддержки. Для того чтобы добиться эффективного реагирования на эти различные открытые инициативы, странам необходимо согласовать механизмы координации для открытых платформ, которые собирают инициативы и лежащие в их основе данные и реализовывать новую интегрирующую коммуникацию. Открытость может помочь построить доверие, которое является важным компонентом в борьбе с коллективными социальными вызовами, в том числе с пандемией.

На основе проанализированного материала можно выделить некоторые социально-психологические рекомендации для управления открытыми инновациями, которые могут помочь организациям в период восстановления после пандемии.

1. Ценность открытости информации важнее, чем ценность обладания информацией. Поэтому важно мотивировать ученых, инженеров и других заинтересованных лиц к формированию открытого взаимодействия со всеми участниками процесса. Вклад времени и результатов разработок в работу сообщества окупается более значимым общим результатом. Такая управленческая ориентация даст возможность отточить собственные знания и обеспечит дополнительную валидизацию для перспективных инноваций, которые предлагаются и разрабатываются внутри Вашей компании.

2. Страх негативной оценки менее значим, чем значимость развивающей обратной связи. Многие из самых сложных проблем могут быть решены с помощью предложений других людей из разных мест по всему миру. Поделитесь некоторыми из этих проблем, сопроводив их соответствующими научными и техническими данными, на открытых платформах. Таким образом Вы дадите любому человеку, который заинтересован в решении этой проблемы и имеет соответствующие знания, сможет предложить свои идеи, касающиеся того, как лучше всего решить эту проблему.

3. Значимость культуры развития и преумножения выше, чем значимость культуры сохранения и стабилизации. После достижения крупного

технологического прорыва технологии предыдущего поколения (которые работали довольно хорошо и могут отлично подойти для многих рынков), могут быть выложены в свободный доступ. Подобная реализация культуры развития позволяет сформировать новый рынок, ожидающий улучшенного продукта именно от конкретного бизнеса.

Хорошие идеи могут прийти откуда угодно, поэтому открытость является императивом в эти кризисные времена. Ценность открытости ускорит внутренний инновационный процесс и позволит воспользоваться знаниями других людей и повысить их успешность внутренними наработками, благодаря чему общее качество жизни будет выше. Разнообразная и быстро обновляемая информационная среда, строящаяся на ценностях открытости, взаимного выигрыша и общего результата позволит проводить больше экспериментов, генерировать больше знаний и исследовать больше способов применения этих знаний для бизнеса клиентов. Такая деловая практика может быть полезна и после окончания пандемии.

Литература

1. Abi Younes G., Ayoubi C., Ballester O., Cristelli G., de Rassenfosse G. COVID-19: Insights from innovation economists // SSRN Electronic Journal. – 2020. – № 1. – P. 1–13.
2. Afari E., Khine M. S. Robotics as an educational tool: Impact of Lego Mindstorms // International Journal of Information and Education Technology. – 2017. – № 6. – P. 437–442.
3. Chesbrough H., Bogers M. Explicating open innovation: Clarifying an emerging paradigm for understanding innovation New frontiers in open innovation. – Oxford University Press, Oxford. – 2014. – P. 3–28.
4. Huizingh E. Open innovation: State of the art and future perspectives // Technovation. – 2011. – V. 31. – № 1. – P. 2–9.
5. Huston L., Sakkab N. Inside Procter & Gamble's new model for innovation Harvard Business Review. – 2006. – № 84 (3). – 58–66 p.
6. Lifshitz-Assaf Dismantling knowledge boundaries at NASA: The critical role of professional identity in open innovation Administrative Science Quarterly. – 2018. – № 63 (4). – P. 746–782.
7. Von Hippel E. Democratizing innovation MIT Press. – 2005. – 220 p.
8. Von Hippel E. Free innovation MIT press. – 2016. – 236 p.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК КРЕАТИВНОСТИ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ ЖИЗНЬЮ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ИСПОЛНЕННОСТЬЮ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

В.А. Орлова, Л.В. Кавун

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия

Исследуется взаимосвязь характеристик креативности с удовлетворенностью жизнью и экзистенциальной исполненностью. В. Франкл выделяет ценность творчества как способ приобретения смысла жизни. Эвдемонистический подход предполагает, что психологическое благополучие является результатом раскрытия человеком творческого потенциала. Эмпирическое исследование показало, что имеется взаимосвязь характеристик креативности с удовлетворенностью жизнью и экзистенциальной исполненностью.

Исследование креативности в психологии актуально, поскольку в настоящее время креативность изучается не только как самостоятельный феномен, но и в совокупности с другими явлениями. Может возникнуть вопрос, как же креативность может повлиять на оценку жизни человека, насколько она нужна? Если обратиться к В. Франклу, основателю логотерапии, можно увидеть, что в качестве одной из категорий ценностей, при помощи которой можно обрести смысл жизни, он выделяет ценность творчества [5]. В рамках эвдемонистического подхода предполагается, что психологическое благополучие является результатом раскрытия человеком своего творческого потенциала [4, с. 85]. Для исследования субъективного переживания качества собственной жизни, были выбраны такие категории как удовлетворенность жизнью и экзистенциальная исполненность, отражающая степень приближения к подлинной, глубокой, наполненной смыслом и ценностями жизни.

Предметом нашего исследования является взаимосвязь характеристик креативности с удовлетворенностью жизнью и экзистенциальной исполненностью.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь характеристик креативности с ценностно-смысловыми характеристиками личности:

– Чем более выражена «гибкость» как компонент креативности, тем выше показатели удовлетворенности жизнью и экзистенциальной исполненности.

– Чем выше показатели творческой активности тем более выражены ценности «отдых, увлечение», «саморазвитие» и «самоценность».

– Чем выше показатель ценности «креативность», тем более выражены показатели «общей удовлетворенности жизнью» и «экзистенциальной исполненности».

Исследование проводилось на студентах 1–2 курса очного обучения Новосибирского государственного технического университета факультетов гуманитарного образования и факультета бизнеса. Выборку составили 54 респондента, 14 юношей и 40 девушек.

Использовались следующие методики: анкета на определение творческой активности (разработана студенткой кафедры «Психологии и педагогики» НГТУ А. Кучерявой), методика «Круги» Э. Вартега, «Морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной, тест «Диагностика удовлетворенности жизнью» А.Б. Борисовой, «Тест экзистенциальных мотиваций» В.Б. Шумского.

По результатам теста «Диагностики удовлетворенности жизнью» А.Б. Борисовой респонденты имеют удовлетворенность в таких сферах жизни как семейная жизнь (родительская семья), дружеские отношения, профессиональная сфера и любовь. Не удовлетворенными студенты считают такие потребности как материальный достаток, достижение и здоровье. Выраженный показатель по шкале «Динамичная и разнообразная жизнь», отражает то, что для респондентов является значимым получение удовольствия от разнообразных впечатлений, движения, деятельности. Выраженное значение по шкале «Повышенный уровень удовлетворения потребности» показывает, что респонденты получают удовольствие от того, что ими преодолеваются препятствия возникающие на пути удовлетворения потребностей. Значения по шкале «Общая удовлетворенность жизнью» находятся в пределах нормы, респонденты в целом удовлетворены своей жизнью.

По шкалам экзистенциальных мотиваций теста В.Б. Шумского и др. получены средние показатели. Среднее значение, полученное по общему показателю экзистенциальной исполненности, говорит о том, что респонденты не полностью аутентичны, возможные затруднения с распознаванием своего подлинного выбора.

По результатам морфологического теста жизненных ценностей В.Ф. Сопова, Л.В. Карпушиной у респондентов наиболее выражены ценности «развитие себя», «духовная удовлетворенность» и «достижения». Для респондентов важно развивать свои индивидуальные способности, руководствоваться морально-нравственными принципами, ставить перед собой задачи и решать их. Наименьшее значение имеет ценности «креативность» - респонденты не стремятся реализовать свои творческие возможности, не стремятся изменить окружающую действительность, «престиж» также не является ценным, у них нет стремления завоевывать признание в обществе путем следования социальным требованиям.

Исходя из результатов анкеты на определение творческой активности, были выделены группы с низкой (14,81%), средней (65,81%) и высокой (23,37%) творческой активностью.

По результату методики «Кураги» Э Вартега, для респондентов выраженным показателем является «беглость», а низкий показатель «оригинальности» связан с тем, что респонденты заполняют круги типичными рисунками.

Для корреляционного анализа нами использовался критерий Спирмена. В ходе корреляционного анализа между шкал методик, нами были получены следующие значимые результаты, представленные в таблице.

Таблица

Корреляции характеристик креативности с удовлетворенностью жизнью и экзистенциальной исполненностью

	«Тест экзистенциальной мотивации» В.Б.Шумского				«Диагностика удовлетворенности жизнью» А.Б. Белоусова				
	1 ФМ	2 ФМ	4 ФМ	ЭИ	Образование	Отдых, увлечение	Саморазвитие	Здоровье	Общая УЖ
Ценность «креативность»			0,35*						
Творческая активность						0,32*	0,27*		0,30*
Беглость								-0,27*	
Гибкость	0,26*	0,29*		0,35**	0,28*	0,48**			0,33*

Условные обозначения: * – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$

Мы можем видеть, что ценность «креативность» имеет взаимосвязь с 4-ой фундаментальной мотивацией «Смысл жизни». Из этого следует, что через реализацию своих творческих возможностей и изменение окружающей действительности, респонденты чувствуют себя более нужными, видят и отвечают на запросы жизни. При помощи ценности «креативности» респонденты придают своей жизни смысл.

Имеется взаимосвязь творческой активности с такими компонентами удовлетворенности жизни как «отдых, увлечение», «саморазвитие» и «общая удовлетворенность жизнью». Интерес к творчеству, а также желание им заниматься, стремление к новизне и преобразование окружающей действительности положительно влияют на «общую удовлетворенность жизнью», так как это напрямую влияет на саморазвитие респондентов, ими приобретаются новые навыки и умения, которые они с течением времени

оттачивают и совершенствуют. Занимаясь творческой активностью, респонденты таким образом отдыхают и занимают себя новым делом, тем самым снимая свое напряжение и отвлекаясь от окружающей их действительности.

«Беглость» мышления имеет отрицательную корреляцию с компонентом удовлетворенности жизнью – «здоровье». Можно предположить, что при интенсивном или большом генерировании идей, связанных с определенной деятельностью, этот процесс может способствовать снижению удовлетворенности своим здоровьем, связанных с ухудшением физического, душевного и социального состояния респондентов.

«Гибкость» мышления имеет корреляции с 1-ой и 2-ой фундаментальной мотивациями: «Фундаментальное доверие» и «Фундаментальная ценность», а также с общим показателем «Экзистенциальной исполненности». Переключение с одной идеи на другую помогает респондентам справиться с ограничениями мира, принять и выдержать условия своего существования, преодолеть неуверенность, страх и тревогу. Используя «гибкость», респонденты могут более свободно обращаться к своим чувствам, к ценностям, к установкам, которые присутствуют в жизни. Способность переключения с одной идеи на другую, помогает респондентам принимать решения и решать, как обращаться с данностями мира. Имеется взаимосвязь такого невербального компонента креативности как «гибкость» с такими компонентами удовлетворенности жизни как «образование», «отдых, увлечение» и «общая удовлетворенность жизнью». Способность переключаться с одной идеи на другую, помогает респондентам в образовании, то есть в получении знаний, навыков и умений, а также придумывать себе новые увлечения и виды отдыха. Так же респонденты «переключаются» с одной сферы жизни на другую, где могут генерировать идеи с целью улучшения своей жизни.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать выводы о том, что существует взаимосвязь характеристик креативности с ценностно-смысловыми характеристиками личности. Гипотеза о том, что чем более выражена «гибкость» как компонент креативности, тем выше показатели удовлетворенности жизнью и экзистенциальной исполненности подтвердилась. Гипотеза о том, что чем выше показатели творческой активности, тем более выражены ценности «отдых, увлечение», «саморазвитие» и «самоценность» подтвердилась частично. Отсутствие корреляции между творческой активностью и «самоценностью» может быть связано с тем, что респонденты не соотносят творческую активность со своей индивидуальностью. Гипотеза о том, чем выше показатель ценности «креативность», тем более выражены показатели «общей удовлетворенности жизнью» и «экзистенциальной исполненности» не подтвердилась. Это может быть связано с тем, что ценность «креативность» не является для респондентов преобладающей и не

оказывает наибольшего влияния на общую удовлетворенность жизнью и экзистенциальную исполненность.

Литература

1. Белоусова А.Б. Тест диагностики удовлетворенности // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 3–1. – С. 131–138.
2. Григорьев Р.А., Мардасова Т.А. Психологические особенности удовлетворенности жизнью // NovaInfo.Ru. – 2015. – Т. 2. – № 34. – С. 201–203.
3. Пахоль Б.Е. Субъективное и психологическое благополучие: современные и классические подходы, модели и факторы // Украинский психологический журнал. – 2017. – № 1 (3). – С. 80–104.
4. Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал ВШЭ. – 2016. – №4.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. – М.: Прогресс. – 1990. – 368 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

М.Н. Терещенко, А.К. Сафонова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет, г. Челябинск, Россия

В статье будут рассмотрены условия организации предметно-развивающей среды, для свободного развития эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста, использование игровых технологий, направленных на развитие эмоциональной сферы ребенка, применения специального цикла мероприятий познавательной экологической тропы, предполагающий контакт с живой природой, с учетом накопленного ребенком опыта в эмоционально-перцептивной сфере.

Вопрос о формировании эмоционального интеллекта в дошкольном возрасте имеет большую актуальность на мировой арене в наши дни, так как это фундаментальное качество, которое будет отличать человека от искусственного интеллекта. В свою очередь в области отечественной психологии интерес к данной теме возрастает в связи с тем, что данный конструкт расширяет сложившиеся научные представления человеческих способностей, тем самым обогащая ту или иную деятельность. На уровне дошкольного образования формирование эмоционального интеллекта является важной сту-

пению социальной адаптации личности. В этот период происходит активное эмоциональное становление дошкольника, появляются способности к рефлексии и децентрации.

Термин «эмоциональный интеллект» вошел в научную сферу не так давно – в 1990 году, когда П. Сэловей в соавторстве с Дж. Мэйером выпустили статью «Эмоциональный интеллект». IQ (intelligence quotient – коэффициент интеллекта) раскрывает особенности «сухого» мышления, в то время как эмоциональный интеллект, или EQ (Emotional Quotient), обращен к тому, что делает человека человеком, а именно – к его эмоциям. Д. Гоулмен связывал эмоциональный интеллект с работой подкорки, в отличие от общего интеллекта, функции которого реализуются корой, и подчеркивал возможность успешного развития эмоционально-интеллектуальной способности [4, с. 56].

В отечественной психологии понятие эмоционального интеллекта разрабатывалось С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым, которые развивали идею единства аффекта и интеллекта Л.С. Выготского; Д.В. Люсиным (двухкомпонентная теория эмоционального интеллекта), И.Н. Андреевой. Проблема условий формирования эмоционального интеллекта в детском возрасте изучена такими отечественными исследователями как Ю.Б. Гиппенрейтер, О.А. Путилова, Л. М. Новикова, М.А. Нгуен, Д.В. Рыжов и др. Исследователи сходятся во мнении, что для развития эмоционального интеллекта необходимо организовывать специальные условия.

Рассмотрим определение эмоционального интеллекта.

Эмоциональный интеллект (EQ – Emotional Quotient) — способность человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач.

По определению Дж. Мейера, П. Сэловей и Д. Карузо, – это группа ментальных способностей, которые способствуют осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих (модель способностей).

Дошкольный возраст – самое подходящее время или же сензитивный период для развития эмоционального интеллекта [5, с. 271]. На основе этого выделены следующие теоретические, педагогические, социальные и биологические предпосылки.

Социальные предпосылки включают в себя: эмоциональные знания и навыки, степень развития самосознания; гендерные особенности, эмоционально благополучные отношения; и т.д.

С другой стороны, биологические предпосылки включают в себя тип мышления, наследственные задатки эмоциональной способности и т.д.

Теоретические предпосылки:

Проблема развития эмоционального интеллекта рассматривается в прямой связи с социализацией, формированием личности ребенка, развитием форм поведения. Более точно раскрыть суть эмоционального интеллекта помогает понятие «эмпатия» А. Бек и В. Штерн положили начало изучению

эмпатии и ее проявлений у детей в возрастной психологии [2, с. 28]. М. Хофман выделил стадии развития эмпатии в детском возрасте:

- глобальная эмпатия (на первом году жизни);
- эгоцентрическая эмпатия (на втором году жизни);
- эмпатия на чувства другого (между вторым и третьим годом);
- эмпатия на жизненную ситуацию другого (позднее детство).

Следовательно, формирование эмпатии способствует процессу социальной адаптации ребенка, становлению его отношений во взрослом и детском сообществах. А.В. Запорожец впервые выделил динамику протекания эмпатийного процесса в дошкольном детстве, и выглядит она следующим образом: от сопереживания к сочувствию и к реальному содействию.

К педагогическим предпосылкам следует отнести раскрытие эмоционального интеллекта или эмпатийности в образовательных программах (далее ОП) дошкольного образования, рекомендованных ФГОС. В результате анализа ОП в таких программах как «Наш дом – природа», «Юный эколог», «Истоки», «Детство», «Академия Монсиков» и др. можно проследить процесс формирования эмпатийности, например, к объектам живой природы у детей старшего дошкольного возраста от учета индивидуальных особенностей до развития социально-личностной компетентности, в остальных программах данная тема присутствует фрагментарно.

Для реализации эффективности развития эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста, необходимо теоретически обосновать педагогические условия.

Предметно-развивающая среда – это пространство, которое побуждает ребенка к развитию и сразу же предлагает ему возможности для этого развития. Существуют вытекающие из многолетнего мирового педагогического опыта критерии, которые, согласно ФГОС, предъявляются к предметно-развивающей среде, а именно: содержательно-насыщенность; трансформируемость; вариативность; полифункциональность; доступность; безопасность.

Рассмотрим первое педагогическое условие – организация предметно-развивающей среды, для свободного экспериментирования, позволяющей обследовать объекты живой природы, отмечая их цвет, величину или форму.

Основное преимущество экспериментального метода состоит в том, что он дает детям реальные представления о различных аспектах изучаемого объекта, о его отношениях с другими объектами и с окружающей средой. В детском саду экспериментирование – это метод обучения, который позволяет ребенку моделировать картину мира в своем сознании, основываясь на собственных наблюдениях, опыте и установлении взаимосвязей и закономерностей.

Л.С. Выготский неоднократно говорил, что в дошкольном возрасте экспериментирование является ведущим, а в первые три года – практически

единственным способом познания мира, уходя своими корнями в манипулирование предметами. Современные исследователи (Савенков А.И., Иванова А.И., Куликовская И.Э., Дыбина О.В. и др.) рекомендуют использовать метод *экспериментирования* в работе с детьми дошкольного возраста.

Второе педагогическое условие – использование игровых технологий, направленных на развитие эмоциональной сферы ребенка.

В современном мире нагрузка на психику намного больше, чем раньше. Причина этого в большом обилии информации. Поэтому сейчас очень актуальна работа, направленная на *развитие эмоциональной сферы*.

Кратчайший путь эмоционального раскрепощения ребенка, снятие заторможенности, обучение чувству и художественному воображению – это путь через игру, фантазирование, сочинительство. В процессе игровой деятельности ребенок активно овладевает социальным опытом, нормами поведения и становится раскрепощенным.

Игровая педагогическая технология – совокупность психолого-педагогических методов, способов приемов обучения, воспитательных средств.

Понятие «игровые педагогические технологии» включает достаточно обширную группу методов и приемов организации педагогического процесса в форме различных педагогических игр.

А.С. Макаренко считал, что «хорошая игра» обеспечивает высокую эффективность любой деятельности и вместе с тем способствует гармоничному развитию личности, так как обязательно содержит в себе усилие (физическое, *эмоциональное*, интеллектуальное или духовное, доставляет радость творчества, победы или эстетическую, а кроме того полагает определённую ответственность на её участников).

Третье педагогическое условие – применение специального цикла мероприятий познавательной экологической тропы, предполагающего контакт с живой природой, с учетом накопленного ребенком опыта в эмоционально-перцептивной сфере.

Развитие у детей сострадания и сочувствия к объектам живой природы – сложный и длительный процесс. Знакомство с объектами природы, их частями, свойствами, наглядными методами функционирования в определенных условиях – это создание индивидуальных экологических представлений, которые представляют собой правильное отношение к живым существам и правильное поведение с ними.

В целях экологического образования на территориях детского сада создается экологическая тропа, которая выполняет познавательную, развивающую и оздоровительную функцию.

Экологическая тропа – это специально разработанный или специально оборудованный маршрут в природу. Во время прогулок, экскурсий по экологической тропе дети играют, экспериментируют, наблюдают, беседуют со взрослыми, отгадывают загадки, делают выводы, выполняют задания. Свои

впечатления об увиденном, дети выражают в изобразительной деятельности. Объекты экологической тропинки можно использовать для познавательного и эмоционального развития детей. В результате у детей развиваются память, речь, мышление. А самое главное – появляется чувство прекрасного, воспитывается любовь к природе, желание ее беречь и сохранять, что положительно сказывается на развитии эмоционального интеллекта.

Таким образом, был рассмотрен ряд условий для благоприятного развития эмоционального интеллекта. Важно отметить, что дошкольный возраст – сензитивный период для организации работы по формированию эмоциональной сферы ребенка. Ребенок дошкольного возраста впечатлителен, открыт для усвоения социальных и культурных ценностей, стремится к признанию себя среди других людей. У него ярко прослеживается неотделимость эмоций от процессов восприятия, мышления, воображения. Постепенно чувства и эмоции детей старшего дошкольного возраста становятся более устойчивыми, рациональными, приобретают большую глубину, что обусловлено положительным отношением окружающих и успешностью процесса психологического развития ребенка. Активное освоение окружающего мира вызывает у ребенка различные эмоции, расширяя и усложняя их диапазон, эмоции становятся мотивом и регулятором деятельности.

Литература

1. Алексеева Н.Н. Особенности развития готовности к сопереживанию у детей шестилетнего возраста (в детском саду и в школе). – М. – 2011. – 20 с.
2. Аллахвердова О. В. Индивидуальные свойства и эмпатия // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга – 2012. – № 3. – С. 28–33.
3. Большой психологический словарь / Под редакцией Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак. – 2013. – 672 с.
4. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. – М.: АСТ. – 2012. – 478 с.
5. Терещенко М. Н. Доверительное общение с детьми в семье как условие их позитивной социализации // Открытый мир: объединяем усилия. – Пермь. – 2018. – С. 271–275.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЧЕЛОВЕКА И ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ COVID -19

ПЕРЕЖИВАНИЕ СТРЕССА И ОТНОШЕНИЕ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ У СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

В.С. Александров, Ю.А. Дмитриева

Южно-Уральский государственный университет», г. Челябинск, Россия

В статье представлены результаты исследования уровня переживания стресса и тревожности, выраженности компонентов отношения к глобальным рискам у студентов во время пандемии. В исследовании изучалось отношение к глобальному риску, переживание стресса и ситуативная тревожность 27 студентов ВУЗав начале пандемии и год спустя. Выявлены различия между выраженностью компонентов отношения к глобальным рискам, уровнями переживания стресса и ситуативной тревожностью у студентов на разных этапах пандемии.

В настоящее время человечество столкнулось с проблемой – пандемией COVID-19, которая изменила привычный уклад жизни: большинство людей оказались запертыми дома, не имея возможности выйти на улицу, встретиться с друзьями и близкими. Пандемия создала новую реальность, в которой появилась угроза жизни как отдельного человека, так и вымирания всего человечества. Распространение короновиральной инфекции (Coronavirus Disease 2019) характеризуется изменчивостью, непредсказуемостью дальнейшего существования, неопределенностью будущего. Согласно многочисленным исследованиям пандемию короновиральной инфекции COVID-19 можно отнести к экстремальной ситуации [4] и глобальному риску, с которым пришлось столкнуться человечеству [3]. Под экстремальной ситуацией П.И. Сидоров понимал измененные обычные условия, к которым психофизиологическая организация человека не готова [4].

Большинство людей переживало во время пандемии состояние неопределенности, тревоги, раздражительности и психологического стресса. Переход от состояния обычной жизни к самоизоляции вызвал значительное увеличение уровня стресса у людей. Если раньше они могли спокойно проводить часть своего времени дома с родственниками, часть – с друзьями, коллегами или просто в общественных местах, то долгое пребывание на самоизоляции сделало людей более раздражительными, тревожными. Состояние тревоги у человека усиливалось из-за переживания негативных эмоций, ожидания негативных последствий распространения короновиральной инфекции. Во время самоизоляции состояние неопределенности и тревожности по отношению к будущему усиливалось из-за недостатка ин-

формации, ее недостоверности и противоречивости, скептического отношения к СМИ, ожидания негативных последствий, утраты способности адекватно и объективно оценивать ситуацию [6].

В ситуации неопределенности, непредсказуемости состояние человека подвергается стрессу, что сопровождается повышением уровня тревожности и раздражительности. Реальное состояние человека, уровень его тревожности и переживания стресса индивидуальны и зависят от личностных особенностей человека. Согласно эмпирическим исследованиям, одной из ключевых личностных особенностей, определяющих переживание человеком стрессовой ситуации, в том числе в экстремальных ситуациях и ситуациях глобального риска, является отношение к глобальным рискам [2].

В исследованиях Т.А. Нестика доказано, что отношение к глобальным рискам – это характерное для личности переживание и понимание глобальных угроз, а также готовность к их предотвращению [2]. Существует несколько компонентов отношения к глобальным рискам у субъектов: ценностно-мотивационные (субъективная значимость глобальных рисков для человека, оценка морально допустимых способов предотвращения катастроф); когнитивные (осознание и оценка глобальных угроз, их возникновения, последствий и способа выживания); аффективно-оценочные (оценка ближайшего будущего); предповеденческие (готовность к предотвращению глобальных угроз и их последствий).

В нашем исследовании ставится цель выявить различия в выраженности компонентов отношения к глобальным рискам, уровне стресса и тревожности у студентов в начале пандемии и год спустя.

Выборку исследования составили 27 студентов ЮУрГУ, в возрасте от 19 до 22 лет, из которых 6 юношей и 21 девушка.

Гипотеза исследования: существуют различия между выраженностью компонентов отношения к глобальным рискам, уровнем переживания стресса и ситуативной тревожностью у студентов в начале пандемии и год спустя.

Для исследования отношения к глобальным рискам, уровня переживания стресса и ситуативной тревожности студентов во время пандемии использовались следующие психодиагностические методики: методика «PSM-25» Л. Лемура, Р. Тесье, Л. Филлиона в адаптации Н.Е. Водопьяновой (психологическая диагностика переживания стресса, оценка соматических, поведенческих и эмоциональных показателей) [1]; опросник «Шкала тревожности» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина (определение уровня ситуативной тревожности в разные периоды пандемии) [5]; «Отношение к глобальному риску» Т.А. Нестика (отношение студентов к глобальным природным, антропогенным катастрофам) [3].

Различия между выраженностью компонентов отношения к глобальным рискам, уровнем переживания стресса и ситуативной тревожностью у студентов выявлялись с помощью критерия U–Манна-Уитни. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Различия в выраженности компонентов отношения к глобальным рискам, уровне переживания стресса и ситуативной тревожности у студентов в начале пандемии и год спустя

Показатели	Средний ранг		Критерий U–Манна-Уитни
	в начале пандемии	через год после пандемии	
Аффективный компонент			
Тревога по глобальным рискам	31,76	23,24	249,5*
Когнитивный компонент			
Сотрудничество для предотвращения	10,69	8,55	358
Фаталистическое игнорирование	23,04	37,96	244*
Религиозный авторитаризм	30	25	297
Радикальные решения	28,76	26,24	330
Оптимизм в отношении будущего	27,47	27,59	362
Апокалиптизм	28,78	26,22	330
Поведенческий компонент			
Готовность к участию в предотвращении	29,2	25,80	318
Готовность к активным действиям для защиты	23,20	31,8	248*
Уровень стресса			
Переживание стресса	26,11	28,89	302
Уровень ситуативной тревожности			
Ситуативная тревожность	32,02	22,98	242,5*

Условные обозначения * – $p \leq 0,05$

Результаты, представленные в таблице, иллюстрируют значимые различия между результатами исследования выраженности компонентов отношения к глобальным рискам, уровня переживания стресса и ситуативной тревожности у студентов в начале пандемии и через год.

Выраженность компонента «Тревога по поводу глобальных рисков» у студентов после года пандемии статистически значимо ниже, чем его выраженность в начале пандемии ($U=249,5$, $p \leq 0,046$). Это означает, что студенты после года нахождения в условиях пандемии и самоизоляции стали меньше беспокоиться о глобальных катастрофах, меньше испытывают тревогу о растущем количестве заболевших, стали более трезво оценивать текущую ситуацию.

Выраженность компонента «Фаталистическое игнорирование» у студентов в начале пандемии значимо ниже, чем через год ($U=244$, $p \leq 0,036$). Прожив год в самоизоляции, студенты адаптировались к новым условиям и стали меньше обращать внимание на пандемию, пренебрегать ограничительными мерами, считать, что нет смысла задумываться о пандемии, так как они ничего не могут с этим поделать. Испытуемые сосредоточились на настоящем и стали жить как обычно.

Показатель «Готовность к активным действиям для защиты» у студентов после года пандемии значимо выше, чем показатель в начале пандемии ($U=248$, $p \leq 0,044$). Студенты, находясь в условиях самоизоляции и

пандемии, стали больше изучать информацию о глобальных рисках, которые могут произойти в будущем, следить за новостями по поводу пандемии и делиться со знакомыми и близкими о них.

Переживание ситуативной тревожности в начале пандемии значительно выше, чем через год ($U=237$, $p \leq 0,042$). Уровень ситуативной тревожности после года пандемии значительно снизился, что свидетельствует о том, что студенты адаптировались к условиям самоизоляции и вынужденных ограничений и не испытывают сильную тревогу по поводу пандемии.

Пандемия не оказала влияния на выраженность таких компонентов отношения к глобальным рискам, как: сотрудничество для предотвращения, религиозный авторитаризм, радикальные решения, оптимизм в отношении будущего, апокалиптизм, готовность к участию в предотвращении. Студенты продолжают верить, что в ближайшем будущем человечество не исчезнет с лица земли, не считают, что спасение нужно искать в традициях, не хотят, чтобы выживание одних было за счет других, но при этом готовы предпринимать меры для предотвращения глобальных рисков. Уровень переживания стресса у студентов в начале пандемии и через год оказался одинаковым

Таким образом, по результатам проведенного эмпирического исследования были выявлены значимые различия между выраженностью компонентов отношения к глобальным рискам (фаталистическое игнорирование, готовность к активным действиям для защиты) и уровнем ситуативной тревожности у студентов в начале пандемии и год спустя.

Литература

1. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса // СПб.: Питер. – 2009. – 336 с.
2. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. – Том 39. – №1. – С. 127–138.
3. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. – М.: «Институт психологии РАН». – 2018. – 402 с.
4. Сидоров П.И., Мосягин И.Г., Маруняк С.В. Психология катастроф. – А.: Издательский центр СГМУ. – 2007. – 656 с.
5. Ханин Ю.Л. Краткое руководство по применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. – Л.: ЛНИИФК. – 1976. – 40 с.
6. Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Дан М.В., Никитина Д.А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. – URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (дата обращения: 03.04.2021).

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ В СТРЕССОВЫХ СИТУАЦИЯХ

А.Е. Алфёрова, О.Б.Конева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье отражены результаты исследования, подтвердившего наличие взаимосвязи между уровнем стрессоустойчивости и доминированием, а также авторитарным и эгоистическим стилями поведения в межличностных отношениях. Доказано, что более стрессоустойчивыми являются люди с высокими показателями авторитарности, эгоистичности, а также со склонностью доминировать в межличностных отношениях. В исследовании приняло участие 30 студентов. В качестве методик были использованы: тест самооценки стрессоустойчивости И.В. Киршева и Н. В. Рябчикова, методика диагностики межличностных отношений Т. Лири.

Актуальность данного исследования определяется, в первую очередь, ситуацией в мире. За последние несколько лет напряженность жизни человека значительно возросла: большое количество кризисных явлений, пандемия COVID-19, эмоциональные и информационные перегрузки – всё это приводит к повышению уровня стресса среди населения. Именно поэтому на сегодняшний день как никогда приобретает важность изучение феномена стрессоустойчивости и его взаимосвязи с другими личностными характеристиками [1, 7].

Обзор научной литературы по данной проблеме показал, что существует большое количество результатов различных исследований, посвященных феномену стрессоустойчивости. Однако многие исследователи утверждают, что на данный момент ни в отечественной, ни в зарубежной психологической науке не существует общепринятого определения стрессоустойчивости. Это связано с тем, что данный феномен является сложной конструкцией, и его можно определять по-разному в контексте отдельно взятых людей, семей, организаций, сообществ и культур [8]. Но многие исследователи сходятся в том, что это свойство личности, которое позволяет человеку приспособляться и эффективно преодолевать экстремальные, напряженные, стрессовые жизненные ситуации. Это диктует необходимость дальнейшего теоретического изучения данного феномена как обособленно, так и во взаимосвязи с другими феноменами, в частности, с доминированием, авторитарностью и эгоистичностью.

Если говорить об определении, то наиболее полным считается определение А.В. Михеевой, которая обобщила определения О.В. Лозгачевой, Ли Канг Хи, С.В. Субботина, Б.Х. Вардаяна, В.А. Бодрова, М.А. Одинцовой, Л.М. Митиной и Н.И. Бережной и предложила следующее: стрессоустойчивость – это интегративное свойство индивида, характеризующееся

взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности, которое обеспечивает способность контролировать свои эмоции, сохранять высокую работоспособность, оптимальное функционирование и направленность действий в сложных стрессовых условиях [4].

В структуре стрессоустойчивости можно выделить следующие составляющие: волевой, эмоциональный, мотивационный, когнитивный, и моторный и коммуникативный компоненты. Все они находятся в тесной взаимосвязи, и если одни выражены у человека слабо, то это может компенсироваться большей выраженностью других [5, 6].

В нашем исследовании упор сделан на изучение коммуникативного, волевого и поведенческого компонентов устойчивости к стрессу, а именно: стилей поведения в межличностных отношениях. Они являются важными факторами, влияющими на поведение человека в межличностном взаимодействии и стрессовых ситуациях. Кроме того, от них зависит способность человека успешно преодолевать напряженную ситуацию без негативных последствий для физического и психического здоровья.

Компоненты стрессоустойчивости перекликаются с ресурсами стрессоустойчивости. И те, и другие, влияют на успешность преодоления человеком стресса. Так, по Н.Е. Водопьяновой ресурсами стрессоустойчивости человека являются переменные, способствующие психологической устойчивости личности в стрессовых, экстремальных ситуациях. К таким переменным Водопьянова относит следующие: аффективные, когнитивные, мотивационно-волевые и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессовым ситуациям [2].

И.С. Бусыгина и Е.В. Распопин в своём исследовании к внутриличностным ресурсам устойчивости к стрессу относят:

– Индивидуально-психологические: высокий уровень развития волевых качеств, средний или низкий уровень тревожности, внутренний локус контроля и эмоциональная устойчивость.

– Социально-психологические: тенденция к авторитарному, эгоистичному и агрессивному стилям межличностного взаимодействия [2, 3].

Чем больше у студента развиты перечисленные ресурсы, тем больше это помогает снизить личностную значимость воздействующих стрессоров для индивида. Соответственно, снижается вероятность субъективной оценки сложной ситуации, в которую попал студент, как угрожающей, опасной, что помогает предотвратить возникновение дистресса (стресса, приводящего к возникновению негативных последствий для здоровья и самочувствия человека).

Таким образом, доминирование, авторитарность и эгоистичность в межличностных отношениях можно рассматривать как внутриличностные ресурсы стрессоустойчивости, которые позволяют студентам эффективно преодолеть негативные последствия стресса.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи уровня стрессоустойчивости и стилей поведения в межличностных отношениях.

Изучение стилей поведения проводилось с помощью методики «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири. Для исследования устойчивости к стрессу использовался «Тест самооценки стрессоустойчивости» И.В. Киршева и Н.В. Рябчикова.

В исследовании приняло участие 30 студентов Южно-Уральского Государственного Университета, из них 15 девушек и 15 юношей в возрасте от 18 до 22 лет.

Выдвинута следующая гипотеза исследования: чем больше выражена склонность к доминированию, авторитарности и эгоистичности в межличностном взаимодействии, тем более личность устойчива к стрессу. Результаты исследования отражены в таблице.

Таблица

Взаимосвязь стрессоустойчивости с авторитарностью, эгоистичностью и дружелюбием

	Доминирование	Авторитарность	Эгоистичность
Стрессоустойчивость	0,545**	0,595**	0,433*

Условные обозначения: * – $p < 0.05$; ** – $p < 0.01$

В результате проведённого анализа была обнаружена статистически значимая положительная взаимосвязь между показателем «доминирование» и уровнем стрессоустойчивости ($R_s=0,545$, $p < 0,01$). Что свидетельствует о том, что чем больше человек склонен к доминированию в межличностном взаимодействии, тем более он устойчив к стрессу. Такой человек социально ответственен, спонтанен и инициативен, склонен быть лидером и вести за собой других, имеет активную жизненную позицию [3].

Кроме того, была обнаружена статистически значимая положительная корреляционная связь между уровнем стрессоустойчивости и эгоистичным типом межличностных отношений ($R_s=0,433$, $p < 0,05$). А также между уровнем стрессоустойчивости и авторитарным типом межличностных отношений ($R_s=0,645$, $p < 0,01$). Выявленная взаимосвязь может говорить о том, что стрессоустойчивой личности характерна властность, доминантность, активность, выраженная мотивация к достижениям, быстрота реакции и принятия решений, независимость от внешних факторов. Такой человек уверен в себе, упорен и настойчив в достижении целей, умеет быть хорошим организатором, ориентируется в первую очередь на себя и своё мнение, склонен к соперничеству.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в обнаружении связи между личностными чертами – доминированием, авторитарностью и эгоистичностью в межличностных отношениях и уровнем стрессоустойчивости личности. Результаты проделанной работы можно

использовать в диагностической и консультационной деятельности психолога со студентами.

Выявленная взаимосвязь не только расширяет теоретическую изученность феномена стрессоустойчивости, но и позволяет работать с развитием стрессоустойчивости студентов через повышение авторитарности (уверенности в себе, опоры на собственное мнение) и эгоистичности (независимости, направленности человека на себя) в межличностных отношениях.

Таким образом, взаимосвязь, выявленная между уровнем стрессоустойчивости и авторитарным, а также эгоистичным типами поведения в межличностных отношениях может говорить о том, что личности устойчивой к стрессу характерна властность, доминантность и энергичность. Такой человек уверен в себе, демонстрирует лидерские качества, требует к себе уважения, ориентируется в первую очередь на себя, склонен к соперничеству. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что человек, склонный к доминированию в межличностных отношениях более устойчив к стрессу, чем человек, склонный к подчинению, отказу от ответственности и позиции лидерства. Дополнить полученные результаты и углубить понимание стрессоустойчивости и стиля поведения в межличностных отношениях позволит увеличение выборки, а также включение в неё людей из других социальных групп.

Литература

1. Анохина С.А., Анохин А.М. Стрессоустойчивость как компонент адаптации в ценностной системе личности // Вестник Челябинского Государственного Педагогического Университета. – 2014. – № 1. – С. 35–43.
2. Бусыгина И.С., Распопин Е.В. Внутриличностные ресурсы стрессоустойчивости личности // Вестник Южно–Уральского Государственного Университета. Серия: психология. – 2013. – № 2. – С. 93–97.
3. Корякин А.А. К исследованию межличностных отношений доминирования в студенческой группе // Наука и мир. – 2014. – № 3 (7). – С. 162–166.
4. Михеева А.В. Стрессоустойчивость: к проблеме определения // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2010. – № 2. – С. 82–87.
5. Усатов И.А. Стрессоустойчивость личности как фактор преодоления стресса // Научно–методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 2. – С. 21–25.
6. Чумаков М.В. Стрессоустойчивость. Эмоционально–волевая сфера и стрессоустойчивость личности // Вестник Курганского Государственного Университета. Серия: физиология, психология и медицина. – 2016. – № 2. – С. 81–84.
7. Paredesa M. R., Apaolazab V., Fernandez-Robinc C., Hartmannb P., Yañez-Martinezc D. The impact of the COVID-19 pandemic on subjective mental well-being: The interplay of perceived threat, future anxiety and resilience. –

URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7552984/> (дата обращения: 9.04.2021).

8. Southwick S. M., Bonanno G. A., Masten A. S., Panter-Brick C., Yehuda R. Resilience definitions, theory, and challenges: interdisciplinary perspective. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.3402/ejpt.v5.25338> (дата обращения: 7.04.2021).

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ТЕСТА «ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»

Е.Ю. Кондратенко, Е.А. Рыльская

Южно-Уральский Государственный Университет, г. Челябинск, Россия

В статье приводятся результаты стандартизации теста «Жизнеспособность человека» на выборке респондентов от 18 до 40 лет (100 человек), включая представителей разных профессиональных групп. Полученное распределение не отличается от нормального. Выявлено, что показатели жизнеспособности человека остаются неизменными в данном возрастном промежутке. В статье представлены расчеты «сырых» значений и их перевода в стены.

Возрастающий интерес исследователей к изучению проблемы жизнеспособности, дополнительно стимулируемый психологическими проблемами, вызванными пандемией covid-19, активизирует соответствующие психометрические разработки. Они направлены как на создание нового психодиагностического инструментария, так и на улучшение психометрических характеристик уже существующих методик. Во всем мире продолжается работа по их валидации на разных возрастных выборках, осуществляется учет кросскультурной специфики, проводятся процедуры адаптации и переводы на иностранные языки.

Тест жизнеспособности человека (ТЖЧ) – один из отечественных методов изучения жизнеспособности. Почти десятилетняя апробация этой методики [2] дает основания полагать, что она является надежной и валидной, наряду с аналогичными, хорошо зарекомендовавшими себя средствами измерения этого феномена, предложенными А.В.Махначом, А.А.Нестеровой [1]. Однако, в связи с тем, что апробация теста осуществлялась на выборке респондентов зрелого возраста (средней взрослости), имеются сомнения в корректности использования нормативных показателей применительно к другим возрастным группам. Соответственно, было принято решение провести процедуру стандартизации методики на выборке более молодых людей.

В концепции жизнеспособности человека этот феномен рассматривается как интегральная способность сохранения человеком своей целостности

(т.е. единства индивидуальных, субъектных и личностных свойств), актуализируемая в связи с необходимостью решения жизненных задач и обеспечивающая динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения, что субъективно воспринимается как удовлетворенность собственной жизнью [3].

Методика ТЖЧ (тест жизнеспособности человека) содержит 106 утверждений, распределенных по четырем шкалам: способности адаптации, способности саморегуляции, способности саморазвития, осмысленность жизни.

Способность к адаптации рассматривают как склонность к переменам, умение пересматривать свои планы, способность менять мнение, признавать свою неправоту, энергичность и уверенность в себе. Способность к саморегуляции выражается в общительности, целеустремленности, настойчивости, уверенности в своих принципах, умении принимать решения, устойчивости к тревогам и стрессам, умении сохранять спокойствие. Способность саморазвития соотносится с умением осознавать свои ошибки, учиться на них, повышать свою компетентность, получать новые впечатления и опыт, стремление к управлению своей жизнью и интересами. Осмысленность жизни выражается в умении жить здесь и сейчас, чувствовать текущий момент. Люди, живущие осмысленно, имеют хорошую временную перспективу, ясные цели и намерения, стойко выносят критику.

Экспериментальная база исследования: в апробации теста приняли участие респонденты в возрасте от 18 до 40 лет – студенты и представители разных профессиональных групп, включая 38 мужчин и 62 женщины. Общее число испытуемых составило 100 человек.

В качестве методов математической обработки данных в исследовании использовался критерий Колмогорова-Смирнова, описательная статистика в программе SPSS, критерий Манна-Уитни.

Для того чтобы составить таблицу переводов «сырых» баллов в стены, необходимо проверить тест на нормальное распределение. Исходя из данных, полученных в SPSS (таблица 1), вероятность того, что распределение соответствует нормальному виду равно $p=0,257$ – это говорит нам о том, что существенного отличия от нормальности не обнаружено.

Далее по общему баллу испытуемых была проведена описательная статистика (таблица 2), в результате которой мы нашли среднее ($M=236$) и стандартное отклонение ($\delta=26$).

Таблица 1

Непараметрические Критерии
Одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова

		VAR0001
N		100
Нормальные параметры ^{a.b}	Среднее	236,2500
Разности экстремумов	Стд. отклонение	26,56586
	Модуль	,101
	Положительные	,094
	Отрицательные	-,101
Статистика Z Колмогорова-Смирнова		1,012
Асимпт.знч. (двухсторонняя)		,257

Условные обозначения: а. Сравнение с нормальным распределением, б. Оценивается по данным.

Таблица 2

Описательные статистики*

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
VAR00001	100	139,00	279,00	236,2500	26,56586
N валидных (целиком)	100				

Условные обозначения: * – результаты выполнены в программе SPSS.

Проверка различий по возрасту проводилась в два этапа. Мы разделили возрастной диапазон на два периода: от 18 до 25 и от 26 до 40. При анализе результатов, не было выявлено различий по возрасту. Результаты проверки представлены в таблице 3.

Таблица 3

Ранги*

	Возраст	N	Средний ранг	Сумма рангов
Жизнеспособность	18-25	20	16,18	323,50
	26-40	10	14,15	141,50
	Всего	30		

Статистики критерия^b

	Жизнеспособность
Статистика U Манна-Уитни	86,500
Статистика W Уилкоксона	141,500
Z	-,595
Асимпт.знч.(двухсторонняя)	,552
Точная знч. [2*(1-сторонняя знач.)]	,559 ^a

Условные обозначения: * – результаты выполнены в программе SPSS.

Исходя из полученных результатов, различия по показателям жизнеспособности в рамках от 18 до 40 лет отсутствуют. Следовательно, возможно проведение общей стандартизации без выделения определенных возрастных границ.

Чтобы составить таблицу перевода «сырых» значений в стены, необходимо было найти с помощью программы SPSS среднее ($M=236$), стандартное отклонение ($\delta=26$). Далее на основе этих данных была составлена таблица переводов: 1–3 стена – низкий уровень, 4 стена – ниже среднего, 5–6 стенов средний уровень, 7 стенов – уровень выше среднего и 8–10 стенов – это высокий уровень жизнеспособности. Результаты перевода представлены в таблице 4.

Таблица 4

Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
«Сырые» баллы	≤ 183	184– 196	197– 209	210– 222	223– 248	249– 261	262– 274	275– 287	288– 300	≥ 301

Согласно результатам теста, 60% респондентов имеют средний уровень жизнеспособности. Таким людям свойственна настойчивость, точность в достижении цели. Также для таких людей характерно изменение структуры прежних целей, которые связаны с необычными ситуациями в окружающем мире. 14% опрошенных респондентов характеризуются низким уровнем жизнеспособности. Для таких людей характерна ригидность мышления, застенчивость. Люди с низким уровнем жизнеспособности умеют держать себя в рамках, являются сдержанными и спокойными. Отличительная черта таких людей – повышенная сензитивность к опасности. Доверчивость, открытость также свойственны людям с данным уровнем жизнеспособности. 12% – это люди с уровнем жизнеспособности выше среднего. Характерные черты данного уровня – открытость, внимательность, доброта. У данной категории людей хорошо развиты коммуникативные качества, что помогает им без труда работать с людьми. При этом, если присутствует некая неуверенность и низкая эмпатийность, то у них проявляются зависимость и потребность в защите. 11% участников исследования имеют уровень жизнеспособности ниже среднего, что говорит о высоком уровне переживаний. Также такие люди могут трактовать повседневные ситуации как опасные. Данной категории людей присуще небольшие фрустрирующие состояния. К высокому уровню жизнеспособности относится 3% опрошенных респондентов. Совокупность высокой самооценки, коммуникативных и организаторских качеств, самодостаточности, умения жить «здесь и сейчас» определяет данный процент опрошенных.

Таким образом, подавляющее большинство респондентов нашего исследования относится к среднему уровню жизнеспособности (60%). Это говорит нам о том, что респонденты вполне сами готовы успешно справляться с возникающими трудностями в жизни, при этом в определенных стрессовых условиях они могут нуждаться в помощи близких людей.

Литература

1. Махнач А.В. Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2013. – С. 54–83.
2. Махнач А.В. Теоретические основания методов оценки жизнеспособности профессионала // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 23–53.
3. Нестерова А.А. Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности» // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. – № 3. – С. 123–138.
4. Рыльская Е.А. Тест «Жизнеспособность человека»: разработка и психометрические характеристики // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 25–30.
5. Рыльская, Е.А. Методика исследования жизнеспособности человека // Вестник ЧГПУ. – 2009. – № 1.

ВЛИЯНИЕ УДАЛЁННОЙ РАБОТЫ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ПЕДАГОГОВ

А.В. Маркевич, И.А. Пархоменко

Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынова,
г. Костанай, Казахстан

В данной статье рассматривается влияние удаленной работы на психологическое здоровье педагогов в период пандемии. Раскрывается содержание понятий «психологическое здоровье» и «удаленная работа». Также представлены результаты исследования влияния удалённой работы на психологическое здоровье педагогов, в частности на их мотивацию, стрессоустойчивость и самоорганизацию.

Изучение влияния удалённой работы на психологическое здоровье граждан на данный момент является очень актуальной темой, так как во время вспышки коронавируса COVID-19 произошел массовый отток людей из офисных помещений в их собственное домашнее, более комфортное пространство. Переход с привычного режима работы в режим удалённый имеет свои последствия для психологического здоровья граждан.

Неожиданно возникшие весной 2020 года вопросы, касающиеся перевода сотрудников на удаленную работу, застали многие компании врасплох. Быстрый рост заболеваемости в период начала пандемии не оставил организациям времени для того, чтобы подготовиться и заставил в ускоренном режиме принимать меры для поддержания рабочего режима. Эти

меры коснулись практически всех жителей планеты, и многим компаниям пришлось перейти в режим удаленной работы. Перевести коллектив в такой режим работы во время пандемии – это вынужденная мера, которая, в первую очередь, позволит минимизировать риск заболеваемости среди сотрудников. Однако это может привести к ухудшению психологического здоровья граждан, которые были вынуждены перейти в режим удаленной работы.

В научной литературе можно встретить многообразие подходов к определению понятия «психологическое здоровье».

Длительное время проблема здоровья не являлась приоритетом психологической науки, которая по большей части была сосредоточена на аномалиях развития и поведения людей. Только во второй половине прошлого века в процессе гуманизации психологии и углубления научных представлений о человеке ситуация претерпела изменения. Одними из первых проявили инициативу психологи гуманистического направления – Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс. С точки зрения авторов данного подхода, психологическое здоровье человека – это состояние, при котором он стремится стать и оставаться самим собой, несмотря на перипетии и трудности индивидуальной жизни [1].

Первой научное понятие «психологическое здоровье» ввела Дубровина Ирина Владимировна. Она рассматривала понятие «психологическое здоровье» в соотношении с «психическим здоровьем». Дубровина придерживалась мнения, что понятие «психическое здоровье» ограничивается лишь отдельными психическими процессами и механизмами, а вот термин «психологическое здоровье» касается личности в совокупности, оно находится во взаимосвязи с высшими проявлениями человеческого духа и позволяет выделить конкретно психологический аспект проблемы психического здоровья в отличие от медицинского, социологического, философского [2, с. 8].

Широкий круг советских, а ныне российских ученых, занимаются этой проблемой. Среди них И.В. Дубровина, Н.И. Гуткина, Д.В. Лубковский, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, В.И. Слободчиков, А.В. Шувалов, Л.Б. Соколовская и множество других ученых. Каждый из них дал свое понятие и видение того, что такое психологическое здоровье и чем оно обуславливается.

В общем виде под психологическим здоровьем они понимали состояние человека, при котором у него отсутствуют нарушения высших психических функций, психических процессов и механизмов. Помимо этого, человек личностно развивается, проявляет интерес к жизни, инициативу и свободу мысли, он верит в себя и уважает других, способен проявлять себя в самых разных сферах жизни и деятельности, и в целом находится в гармонии с собой.

Стоит отметить, что проблема психологического здоровья рассматривается и изучается в настоящее время особенно глубоко, что обусловлено требованием времени. А 2020–2021 годы потребовали более тщательного изучения данной проблемы, так как большое количество людей оказались запертыми в собственных домах и загружены удаленной работой, что, несомненно, оставило отпечаток на их психологическом здоровье.

Что касается удаленной работы, то она определяется как трудовые отношения на удаленном расстоянии от основного места работы или офиса, иначе говоря, без физического присутствия на рабочем месте. То есть, все задания, результаты выполненной работы и оплата труда происходит при помощи современных технологий. В наше время – это интернет [3].

Концепция удаленной работы была разработана относительно недавно. Появлению такого вида работы мы обязаны двум американским специалистам – Д. Ниллесу и Ф. Скифффу [4].

В 2020 году ограничительные меры, связанные с COVID-19 дали огромный толчок развитию удаленной работы. Большое количество людей было вынуждено перейти на новый формат работы с момента начала пандемии коронавируса.

В своём исследовании мы предположили, что удаленная работа негативно влияет на психологическое здоровье педагогов.

Для исследования мы определили выборку из 60 учителей в возрасте от 23 до 60 лет, с высшим педагогическим образованием и стажем работы от 2 до 35 лет. Среди педагогов, вошедших в выборку, часть на момент исследования преподавала в режиме удаленной работы, а вторая часть работала в штатном режиме.

Исходя из гипотезы, которую мы определили для нашего исследования, использовались следующие психодиагностические методики:

1. Методика «Исследование мотивации профессиональной деятельности» (автор – К. Замфир, в модификации А. Реана)

2. Методика «Шкала психологического стресса PSM25» (автор – Лемур-Тесье-Филлион, адаптация Н.Е. Водопьяновой)

3. Методика «Диагностика особенностей самоорганизации» (ДОС) (автор – А.Д. Ишков)

4. Тест «Оценка вовлеченности сотрудников Gallup Q12» (автор – Д. Гэллуп)

По результатам методики «Исследование мотивации профессиональной деятельности» среди педагогов, работающих в удаленном режиме, у 67% был выявлен неоптимальный мотивационный комплекс личности, у 23% – промежуточный и у 10% – оптимальный.

У педагогов в возрасте от 22 до 35 лет, работающих в удаленном режиме, 10% составил оптимальный мотивационный комплекс личности, 23% – промежуточный, а 17% – неоптимальный мотивационный комплекс лич-

ности. У 50% педагогов в возрасте от 36 до 57 лет, работающих в таком же режиме, был выявлен неоптимальный мотивационный комплекс личности.

В результате диагностики по методике «Шкала психологического стресса PSM25» было выявлено, что у 70 % педагогов, работающих в удаленном режиме, высокий уровень стресса, что свидетельствует о состоянии дезадаптации и психического дискомфорта. У оставшихся 30% педагогов выявлен средний уровень стресса.

Все педагоги в возрасте от 36 до 57 лет показали высокий уровень стресса. В свою очередь у 20% педагогов в возрасте от 22 до 35 лет, работающих удаленно, также был выявлен высокий уровень стресса, оставшиеся 30% педагогов показали средний уровень стресса.

По результатам методики «Диагностика особенностей самоорганизации» у 50 % педагогов, находящихся в режиме удаленной работы, выявлен средний общий уровень развития навыков организации процесса собственной деятельности, и у 50% – низкий уровень показателей по данной шкале. Все педагоги, у которых был выявлен низкий уровень самоорганизации – это педагоги в возрасте от 36 до 57. Что касается педагогов в возрасте от 22 до 35 лет, они показали средний уровень развития навыков самоорганизации.

По результатам диагностики «Оценка вовлеченности сотрудников GallupQ12» среди педагогов, работающих в удаленном режиме, 53% – вовлеченные, 47% – не вовлеченные. Все из числа не вовлеченных в свою деятельность являются педагогами в возрасте от 36 до 57 лет. Среди вовлеченных сотрудников 50% – педагоги в возрасте от 22 до 35 лет, оставшиеся 3% – педагоги в возрасте от 36 до 57 лет.

Таким образом, результаты диагностики показали, что удаленная работа негативно влияет на психологическое здоровье педагогов.

В частности, это касается уровня стресса. У педагогов, работающих в удаленном режиме, в возрасте от 36 до 57 лет – высокий уровень стресса – это 70% от общего числа всех работающих удаленно. Так же стоит отметить, что у тех, кто работает в штатном режиме, тоже несколько повышен уровень стресса – 30% педагогов от 36 до 57 лет. Это связано с изменившимися условиями работы в условиях пандемии.

В ходе исследования было выявлено, что 47% педагогов, работающих удаленно, являются не вовлеченными в свою деятельность, все из них являются педагогами в возрасте от 36 до 57 лет.

Также, если говорить о мотивации, то у 70% педагогов, работающих удаленно, был выявлен неоптимальный мотивационный комплекс личности, из них 20% педагоги в возрасте от 22 до 35, оставшиеся 50% в возрасте от 36 до 57 лет.

У педагогов, работающих удаленно, был выявлен низкий уровень самоорганизации, который составил 50%, все из них являются педагогами в возрасте от 36 до 57 лет.

Исходя из этого, можно сказать, что чем моложе педагоги, работающие удаленно, тем у них эти показатели ниже.

Из всего вышесказанного следует то, что удаленная работа негативно повлияла на психологическое здоровье педагогов, в частности на лиц в возрасте от 36 до 57 лет.

Проанализировав результаты диагностики, нами была разработана программа тренинга по повышению стрессоустойчивости, мотивации, самоорганизации у педагогов. Данная программа включает в себя 12 занятий, на каждом из которых прорабатываются выше диагностированные характеристики – стрессоустойчивость, мотивация и самоорганизация. Каждое из этих состояний мы рассматриваем в теоретическом и практическом аспектах. Теоретическая часть заключается в знакомстве педагогов с понятиями «мотивации», «самоорганизации» и «стресс», а также с их составляющими. Далее, на практике применяются упражнения, которые способствуют развитию этих качеств и помогают найти пути уменьшения негативного влияния на психологическое здоровье педагогов. Мы предполагаем, что данная программа поможет педагогам улучшить показатели тех характеристик, которые ухудшились у них во время работы в удаленном режиме.

Литература

1. Шувалов А.В. Проблема психологического здоровья человека // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2015. – Вып. 4 (39). – С. 118–141.

2. Дубровина И.В. Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы // Руководство практического психолога. Екатеринбург: Деловая книга. – 2000.

3. Маматханов А. Из истории развития надомного труда (удаленной работы) // Журнал Экономика и финансы. – 2011. – Вып. 5. – С. 89–94.

4. Антропов С. Кто и когда придумал удаленную работу? – URL: <https://www.kadrof.ru/history.shtml> (дата обращения: 10.04.2021).

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СОЛИДАРНОСТИ: МОБИЛИЗУЮЩАЯ РОЛЬ МЕДИА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

О.И. Маховская

Институт психологии РАН, г. Москва, Россия

В статье обосновывается важность разработки нового направления - психологии солидарности, актуальность которой выявила пандемия COVID-19. Солидарность сравнивается с групповой сплоченностью, совместностью, социальным доверием и др. групповыми феноменами. Анализ стратегий и тактик подачи информации населению на первом этапе пандемии в России, показал, что солидарность декларировалась, но ресурс медиа для формирования реальной солидарности населения так и не был использован. Даны психологические рекомендации по изменению сетки вещания, тематического плана передач, стратегиям подачи информации.

Пандемия оказалась уникальным естественным социально-психологическим экспериментом, тестирующим устойчивость социальных систем, связей, структур, норм, технологически и культурно-заданных типов коммуникации. Солидарность не только лозунг времени, но сложный социально-психологический комплекс, включающий когнитивный компонент (общий план действия; знание того, как себя вести), личностный (установки на солидарность; позитивная идентичность и образ будущего), поведенческий (навыки взаимодействия и взаимопомощи).

Солидарность не может быть описана в категориях предметной деятельности, важен принцип субъект-субъектных отношений человека с миром, который разрабатывался в Институте психологии РАН [3]. Истинная солидарность предполагает свободное, добровольное участие в общей деятельности, неформальное надситуативное взаимодействие. Согласованность взаимодействия может определяться гуманитарной мотивацией, сопротивлением самоактуализирующейся личности [4], потребностью в интенциональном, молчаливом, единении [2], универсальной установкой на трансперсональное единение, расширение границ своего Я до пока неизвестных личностных возможностей [1], удовлетворением мотивов витальности.

Еще одно понятие, соотносимое с солидарностью, – групповая сплоченность, эмоциональное единство, ценностно-ориентационное единство и предметно-целевое единство членов группы [9]. Групповая сплоченность может формироваться за счет избыточных вкладов одних членов группы и пассивного паразитирования других. Солидарность предполагает одинаковую добровольную ответственность за общее действие в ответ на неблагоприятные обстоятельства. Границы группы, ее состав и распределение функций могут измениться, суть солидарности – в расширении возможно-

стей группы в условиях рисков и неопределенности, а не поддержание статуса группы и групповой сплоченности для производственных задач. Солидарность отражает неформальные надситуативные связи группы в большей мере, чем формальные.

Солидарность предполагает высокий уровень социального доверия, проявляющегося по отношению к людям и социальным институтам, ценностное отношение к другому: обществу, институту, человеку. Доверие к другим формируется в практике взаимодействия и взаимопомощи. Важно, чтобы человек был субъектом помощи, иначе формируется выученная беспомощность в результате семейной, коллективной, государственной опеки может стать фактором высокой смертности в условиях пандемии.

Проблема солидарности относительно нова для отечественного гуманитарного знания, психологии в частности. Одна из причин, по которой солидарность «выпала» из внимания психологов, состоит в том, что слово «солидарность» в русском языке нагружено политическим содержанием, пришло к нам вместе с марксизмом, который рассматривал солидарность исключительно как способ классовой борьбы. Солидарность как стратегия возможна за счет вариативности деятельности и общения. В практико-ориентированной психологии солидарность рассматривается как альтернатива девиантному поведению подростков, как способ поддержки детей-инвалидов, представителей маргинальных сообществ и низших социальных слоев. В качестве путей формирования солидарности предлагают тренинг групповой трансформации [10], педагогику солидарности [11], формирование навыков и понятий солидарности средствами телевидения, кино, интернет-коммуникации [6, 7, 8].

В современной ситуации пандемии предметом исследования и психологического контроля должны стать ресурсы медиа по мобилизации населения, формированию солидарных установок и навыков взаимопомощи граждан в условиях пандемии, принимая во внимание, что на первом ее этапе фиксировался низкий уровень доверия к медиа, власти, традиционной медицине.

Анализ стратегий и тактик подачи информации населению на этом этапе пандемии в России, показал, что солидарность декларировалась, но ресурс медиа для формирования реальной солидарности населения так и не был использован [5]. Освещая (часто весьма противоречиво) генетические, политические, демографические, медицинские, экономические, культурные, психологические и т.д. факторы восприятия, возникновения пандемии, ее отношения к ней медиа создавали основание для когнитивного диссонанса у зрителей. Примечательно, что очень мало внимания в СМИ уделялось психологическим и культурологическим детерминантам, хотя вопросы психологической безопасности населения оставались «дежурной» темой психологических служб МЧС при работе в условиях стихийных бедствий и т.д. Активно эксплуатировались метафоры «войны», «борьбы»,

в рамках которых важным является только физическое выживание, а не психологическое благополучие людей.

Несмотря на низкое доверие к СМИ, большинство граждан получали информацию из телевидения, поэтому для традиционного телевидения пандемия оказалась неким «ренессансом». Однако при формировании сетки и тематического плана вещания наблюдался кризис жанров и форматов. При том, что количество жертв росло, транслировались комедии по центральным и детским каналам. Доля социально-ориентированных программ о солидарности, взаимопомощи, сотрудничестве в трудных ситуациях, была еще ниже, чем в тот же период годом раньше. А ведь психологи могли бы рекомендовать программы с учетом их психотерапевтического эффекта!

Ранняя публикация результатов исследований о влиянии коронавируса на разные группы населения привела к быстрому формированию парадоксальных тенденций. Например, новости о том, что вирус поражает в большей мере пожилых в Китае, Италии, Испании сказались на быстром омоложении популяции зараженных в странах с последующим распространением пандемии, в том числе и в России. В некоторые дни до 85 процентов заразившихся составляли люди младше 65 лет.

Чрезвычайно выросла интенсивность неформальной коммуникации и в социальных медиа, что косвенно указывало на рост тревожности и потребности в достоверной информации. Это пример так называемой бессознательной солидарности. Стихийное творчество в социальных сетях было направлено на преодоление стигматизации (covididiots, ковид-диссиденты, карантиниды и т.п.). Самой популярной, удостоенной впоследствии премии Рунета, социальной группой в условиях карантина оказалась группа ArtIsolation, Изоизоляция, флешмоб, запущенный в русском секторе ФБ 30 марта 2020 накануне карантина. Этот и любой иной позитивный опыт должен освещаться центральными СМИ как пример объединения с гуманитарными целями.

В целях формирования психологической солидарности мы рекомендовали бы средствам массовой информации (в том числе телевидения) изменение сетки вещания; тематического плана вещания (расширение блока познавательных и образовательных передач с акцентом на сотрудничестве людей, институтов, сообществ, групп); стратегий подачи информации. Желательно, наряду с врачами, приглашать в эфиры психологов, чтобы объяснить людям механизмы возникновения страхов, фобий; дать прогнозы; раскрыть приемы совладания; показать примеры разных типов солидарности - местной, профессиональной, возрастной, этнической, социальной и др. Важно говорить о недопустимости стигматизации одних социальных групп и героизации других; предупреждать противостояние в обществе; формировать образ оптимистического будущего.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Типы духовного совладания // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 5. – С. 139–151.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М. – 2003.
3. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука. – 1984.
4. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. – СПб. – 1999.
5. Маховская О.И. Психологический потенциал солидарности российских медиа в условиях пандемии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. – 2021. – Т. 6. – № 1 (21).
6. Маховская О.И. Российские ученые и интернет: flashback and look forward // Pro&Contra. – 2000. – Т. 5. – № 4. – С. 123–143.
7. Маховская О.И., Марченко Ф.О. Формирование солидарных установок средствами телевидения// Психология нравственности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2010. – С. 439–459.
8. Маховская О.И., Марченко Ф.О. Дети и телевидение: история психологических исследований и экспертизы телепрограмм для детей. – М.: Инфра-М. – 2015.
9. Петровский А. Общая психология. – М.: Просвещение. – 1976. – 479 с.
10. Рам Д., Кириш К. Интегративная групповая терапия с детьми из «группы риска»// Московский психотерапевтический журнал. – 2004. – № 1. – С. 74–104.
11. Шустова Л.П. Программа формирования гендерной толерантности у старшеклассников // Вестник практической психологии образования. – 2006. – Том 3. – № 4. – С. 77–83. URL:https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2006/n4/29049.shtml (дата обращения: 11.02.2021)

МОТИВАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЁРОВ В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ, ВЫЗВАННОЙ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИЕЙ COVID-19

Л.А. Млкеян, Л.С. Рычкова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье рассматриваются теоретические и практические результаты изучения мотивация деятельности волонтеров в условиях повышенной социальной напряженности, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19. По данным опросов ВЦИОМ 2020 г., информированность о волонтерах, оказывающих безвозмездную помощь находящимся на карантине, среди наших сограждан

– 89%. По результатам указанного исследования установлено, что в целом деятельность волонтеров направлена на решение проблем современного российского общества, волонтеры признают ценность выполняемой работы, мотивированы на бескорыстную помощь нуждающимся слоям населения и получение новых знаний, приобретение полезных связей.

Вовлечение молодёжи в волонтерскую деятельность является одним из приоритетных направлений молодежной политики и, несомненно, важным фактором развития гражданского общества. По мере нарастания популярности волонтерской деятельности в различных социально-экономических сферах на пути формирования гражданского общества, принятия ее в качестве значимого института социальной активности и поддержки волонтерства со стороны государства растет исследовательский интерес к изучению феномена волонтерства, его структуры, особенностей, закономерностей развития, влияния на разные сферы жизни и деятельности общества, управления волонтерством на разных уровнях [11, с. 167].

В России волонтерство вышло на новый уровень в 2018 г., когда были внесены изменения в Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)», закрепившие понятие «волонтер (доброволец)», определили права и обязанности волонтеров и организаторов волонтерской деятельности, механизмы их сотрудничества с органами власти всех уровней [10]. В том же году была утверждена «Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года» [8]. Для волонтеров России и всех заинтересованных сторон волонтерской деятельности был создан единый информационный интернет-ресурс «Добровольцы России» (сейчас ресурс доступен по адресу: DOBRO.RU). Под эгидой Ассоциации волонтерских центров было начато формирование региональных ресурсных центров как ключевых звеньев в цепочке создания инфраструктуры добровольчества в регионах России. При этом 2018 г. официально стал Годом добровольца (волонтера). Началась активная популяризация волонтерской деятельности в обществе [11, с. 167].

В Федеральном законе «О добровольчестве (волонтерстве)» добровольчество рассматривается как совокупность общественных отношений, связанных с осуществлением физическими лицами добровольно в свободное от работы (учебы) время деятельности в интересах получателей помощи добровольца (волонтера) [10].

В настоящее время в сложившейся ситуации, вызванной пандемией коронавируса, роль волонтерской деятельности в обществе, несомненно, возросла. По данным опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (Далее – ВЦИОМ), проведенных в марте–апреле 2020 г., информированность о волонтерах, оказывающих безвозмездную

помощь находящимся на карантине, в том числе одиноким людям, среди граждан высокая – 89 %; выразили, готовность оказывать добровольную помощь людям, находящимся на изоляции, в том числе одиноким согражданам – 61 %. По мнению 75 % россиян, окружающие люди готовы оказать помощь друг другу в условиях распространения коронавирусной инфекции в России. Противоположного мнения придерживаются лишь 11%. Для сравнения: по итогам опроса ВЦИОМ в декабре 2019 г. об участии в волонтерской деятельности задумывалось 44 % россиян, в это же время 55 % вообще не думали об этом [3]. Заслуги волонтеров в борьбе с коронавирусом отметил президент Владимир Путин. По его словам, «волонтеры и добровольцы стали одной из главных сил в борьбе с эпидемией» [2]. Вместе с тем возросла актуальность проведения исследований по изучению мотивации волонтерской деятельности, поскольку сложившиеся новые условия повышенной социальной напряженности могут как простимулировать развитие волонтерства в регионах, так и обнажить имеющиеся/возникшие проблемы нормативно-правового, организационно-ресурсного, управленческого характера [11].

Основной целью настоящего исследования является анализ мотивации волонтерской деятельности, в том числе в условиях повышенной социальной напряженности, вызванной пандемией коронавируса, проблем и перспектив развития волонтерской деятельности.

Существующее многообразие подходов к понятию «мотивация» позволяет, большинству авторов отметить, что мотивация – это совокупность психологических факторов, которые определяют поведение и деятельность людей. Отечественные исследователи выделили внутренние и внешние мотивы, которые побуждают волонтера принять участие в акциях и мероприятиях, направленных на благо других.

Поиск новых друзей, социальный престиж, вознаграждение и доступ к определенным ресурсам являются внешними мотивами. Деятельность волонтеров, которая основана на внешних мотивах легко стимулируется и поддается управлению. Однако, добиться длительного участия добровольцев в какой-либо деятельности с внешней мотивацией – крайне затруднительно.

Большинство волонтеров работают на основе внутренней (ценностной) мотивации. К внутренним мотивам относят: желание оказать помощь в решении социальных проблем других людей; бережное отношение к происходящему вокруг; стремление к самореализации. Стоит отметить, что данный вид мотивации является более эффективными при волонтерской деятельности, но и внешние условия также важны при принятии решения стать волонтерами [9, с. 14].

Л.А. Кудринская, обобщая основные мотивы добровольческой деятельности, пришла к выводу, что они напрямую связаны с реализацией личных и социальных потребностей [9, с. 15].

По данным Национального волонтерского центра в Великобритании, сама деятельность (ее процесс) по оказанию помощи остается основным мотивом, основанное на социальной ответственности или религиозных убеждениях.

Е.С. Азарова установил следующие типы мотивов: компенсаторные (избегание чувства одиночества, стремление почувствовать себя полезным и нужным); личностного роста (стремление к самореализации, карьерному росту); идеалистические (желание создавать что-то новое, помогать обществу, изменить социальную ситуацию к лучшему); мотивы выгоды (престиж, самоутверждение); расширение общественно-полезных контактов [1].

По мнению А.Г. Килиной и К.А. Кондаранцевой, крупные события всегда являются «мощным импульсом к развитию волонтерского движения» [4, с. 16]. Незначительная активность опрошенных волонтеров в других социальных проектах, возможно, связана с тем, что перечисленные виды помощи требуют специализированной, пролонгированной во времени подготовки, вовлеченности в деятельность (в частности, быстрая реакция на произошедшее событие) и обладания определенными профессиональными навыками в сфере помощи (поиск и спасение потерявшихся и пропавших людей, помощь в чрезвычайных ситуациях, проведение экскурсий, реставрация памятников истории и культуры, создание сайтов, контентов, их ведение и продвижение в СМИ и социальных сетях, создание баз данных). В своих исследованиях С. Г. Климова, выделила взаимопомощь, благотворительность, участие в акциях социальной справедливости и участие в местном самоуправлении как виды добровольческой деятельности, в которых наблюдается перевес в сторону филантропии и взаимопомощи. Большая часть опрошенных способна проявлять солидарность, основанную на идентичности, чувстве «мы» с другими участниками добровольческой деятельности [5].

Исходя из результатов социологического опроса для волонтеров (3000 человек) из регионов Центрального федерального округа, проведенного Т.И. Филипповой, Е.И. Хачикян, И.И. Пацакулой, И.В. Ивановой в 2020 г. установлено: 79,79 % респондентов, включенных в добровольческую среду и деятельность, в качестве мотивирующего фактора добровольческой деятельности указали бескорыстную помощь нуждающимся различным слоям населения; для 60,03 % опрошенных их социальная активность рассматривается ими как способ получения новых знаний и опыта, приобретения полезных связей; для 47,31 % респондентов волонтерская деятельность – это способ самовыражения и проявления социальной активности, а для 29,79 % – способ решения социальных проблем [9, с. 169].

Пандемия не только изменила отношение к добровольчеству, но оказала влияние на мотивацию добровольцев. Теперь большая роль отводится труду не за материальные поощрения, а за признание: как среди волонтеров, так и среди благополучателей.

Так, в рамках Всероссийской акции оказания помощи пожилым и малоимобильным людям, а также медикам, сотрудникам социальных учреждений НКО и др. нуждающимся в период коронавирусной инфекции #МыВместе (далее – Акция) в 85 субъектах Российской Федерации было задействовано 188 тыс. добровольцев. В ходе реализации Акции поступило более 3,5 млн. обращений и получено более 1,81 млрд. пожертвований от физических и юридических лиц. В результате реализации Акции оказана добровольческая помощь более 6 млн. человек.

По данным, представленным Государственным бюджетным учреждением «Молодежный ресурсный центр» г. Челябинск, на территории Челябинской области более 600 волонтеров приняли участие в Акции. В ходе реализации #МыВместе более 6500 жителям города была оказана помощь, выдано 40000 продуктовых наборов; принято 2000 заявок и 150000 звонков.

Большинство добровольцев – студенты или выпускники вузов, ссузов. Средний возраст волонтеров – 23 года. Примерно 65% российских волонтеров – женщины.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что в целом деятельность волонтеров направлена на решение проблем современного российского общества, волонтеры признают ценность выполняемой работы, мотивированы на бескорыстную помощь нуждающимся слоям населения и получение новых знаний, опыта, приобретение полезных связей.

Литература

1. Азарова Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности. – Кемерово. – 2008. – 192 с.
2. Встреча с волонтерами и финалистами конкурса «Доброволец России – 2020» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64551> (дата обращения: 13.03.2021).
3. ВЦИОМ: более 60 % россиян готовы стать волонтерами в условиях пандемии // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obshchestvo/8228283> (дата обращения: 18.03.2021).
4. Килина А.Г., Кондаранцева, К.А. Путеводитель по миру волонтерства. – М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер». – 2018. – 112 с.
5. Климова С.Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социс. – 2003. – № 6. – С. 32–41.
6. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – С. 15–22.
7. Куклина Н.С. Волонтерская деятельность как способ развития гражданской активности и приобретения жизненного опыта // Студенческая наука и XXI век. – 2020. – Т. 17. – № 1 (19). – Ч. 2. – С. 182–182.
8. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Россий-

ской Федерации до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/ (дата обращения: 23.03.2021).

9. Сухарькова М. П. Подходы к изучению мотивации участия в практиках волонтерства // Теория и практика общественного развития. – 2017. – №9. – С. 12–16.

10. Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289772/ (дата обращения: 13.01.2021).

11. Филиппова Т.И., Хачикян Е.И., Пацакула И.И., Иванова И.В. Волонтерство в регионах России: социально-психологические особенности, проблемы реализации и пути их решения // Вестник университета. – 2021. – № 2. – С. 166–174.

ПРОЯВЛЕНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ САМОИЗОЛЯЦИИ

Е.А. Сырцов, Е.В. Гудкова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В данной статье затрагивается тема того, как люди проживают ситуацию пандемии COVID-19 и какие индивидуально-психологические особенности позволяют конструктивно пережить данное явление, а также описывается проведённое в период самоизоляции исследование для установления связи жизнеспособности с психологической дезадаптацией личности.

В настоящее время люди во всём мире переживают трудные дни. Тяжело будет найти человека, который бы не пострадал от возникшей пандемии COVID-19. Ежедневно заражается или погибает большое количество людей.

Многие люди были вынуждены приспособливаться к новым условиям жизни в самоизоляции, не имея больше возможностей ходить на работу, в учебные заведения, либо просто вместе проводить время с друзьями в общественных местах, как это было раньше. Люди во время карантина стали более тревожными и раздражительными. Так или иначе, психика каждого столкнулась со стрессовой ситуацией, которая не всем оказалась по силам.

Такая сложившаяся ситуация в мире делает особенно актуальными исследования, направленные на выявление того, благодаря каким индиви-

дуально-психологическим особенностям люди справляются с возникающими в их жизнях переживаниями из-за пандемии коронавируса.

Данное исследование проводилось в период самоизоляции и было направлено на изучение проявлений жизнеспособности и психологической дезадаптации личности в условиях самоизоляции.

Цель: изучить особенности проявлений жизнеспособности и психологической дезадаптации личности в условиях самоизоляции.

Для реализации данной цели были поставлены следующие **задачи:**

1. Измерить уровень жизнеспособности студентов.
2. Выявить наличие или отсутствие невротических состояний у студентов.
3. Определить выраженность психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности студентов.
4. Выявить связь жизнеспособности и степени выраженности психологической дезадаптации личности.

Исследование проводилось на выборке студентов различных учебных заведений города Челябинска.

Были использованы следующие методики:

1. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний К. Яхина и Д. Менделевича, который дает возможность качественного анализа невротических проявлений, позволяет выявить основные синдромы невротических состояний.
2. Методика оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности, с помощью которой оценивалось актуальное состояние психики участников исследования.
3. Тест «Жизнеспособность человека», позволивший определить показатели жизнеспособности участников.

Были выявлены связи жизнеспособности со шкалой тревоги клинического опросника, а также со всеми шкалами опросника оценки психической активации. Между жизнеспособностью и шкалой тревоги была установлена прямая связь, а между жизнеспособностью и шкалами методики оценки психической активации – обратная (рис. 1).

Молодые люди с высоким уровнем жизнеспособности оказались менее подвержены психологической дезадаптации в условиях самоизоляции. Участники выборки с показателями высокой жизнеспособности имели наиболее стабильное психическое состояние, а признаки невротических состояний у них были выражены очень слабо, либо не выражены вообще.

Рис 1. Корреляционные связи жизнеспособности со шкалами клинического опросника и методики оценки психической активации

Важно отметить, что один показатель, а именно – шкала тревоги клинического опросника, имела высокие показатели вместе с высоким показателем жизнеспособности. Это можно объяснить тем, что страх и тревога — это эмоции, играющие важную роль в механизме психологической адаптации. Эту идею сформулировал в одном из своих трудов А. Адлер. По Адлеру, страх в ситуациях угрозы жизни работает по принципу инстинкта самосохранения. Из этого следует, что высокий показатель тревоги у людей с высоким показателем жизнеспособности обусловлен как раз тем, что они знают, как о себе позаботиться, а тревога служит для мобилизации ресурсов организма с целью выживания.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Было выявлено наличие у студентов признаков невротических состояний.
2. Общее состояние психики участников выборки исследования оставалось достаточно стабильным.
3. Была установлена связь жизнеспособности со степенью выраженности психологической дезадаптации личности в условиях самоизоляции.

Полученные результаты в дальнейшем могут использоваться для сравнения с более поздними результатами той же выборки для отслеживания динамики. Также возможно сопоставление с результатами кросскультурных исследований для проверки гипотез о том, представители каких культур более предрасположены к конструктивному переживанию стрессовых ситуаций. Аналогичные сопоставления для проверки гипотез можно делать на основе возрастных особенностей, половых и т. д. Таким образом раскрывается актуальность дальнейшей проработки данной темы.

Литература

1. Бильданова, В.Р. Психология стресса и методы его профилактики / Бильданова В.Р., Бисерова Г.К., Шагивалеева Г.Р. – Елабуга: ЕИ КФУ. – 2015.
2. Бобылева, Н.И. Социальная дезадаптация и девиация: нарушение поведения у детей и молодёжи: учебное пособие / Бобылева Н.И., Рыбак Е.В., Цихончик Н.В. – Саратов: Типография Пресс-Принт. – 2011.

3. Гуревич, П.С. Психология личности: учебник / П.С. Гуревич. – М.: ИНФРА–М. – 2020.
4. Ефимова, Н.С. Основы общей психологии: учебник / Н.С. Ефимова. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА–М. – 2018.
5. Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты: монография / отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – М.: Институт психологии РАН. – 2016.
6. Нестерова, А.А. Конструктивистский и социально-психологический подходы к изучению факторов жизнеспособности и адаптации мигрантов / Нестерова А.А., Сулова Т.Ф. – М.: Дашков и К. – 2015.
7. Обухова, Ю.В. Актуальные вопросы психологии личности: теория и практика: учебное пособие / Ю.В. Обухова. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. – 2018.
8. Одинцова, М.А. Психология жизнестойкости: учебное пособие / М.А. Одинцова. – М.: ФЛИНТА. – 2020.
9. Патраков, Э.В. Социально-психологическая помощь лицам с социальной дезадаптацией (на основе когнитивно-поведенческого подхода): учебное пособие / Э.В. Патраков, С.Г. Абдуллаева, Л.С. Деточенко; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. – 2016.
10. Шоу, Д. Психология зла: почему человек выбирает темную сторону / Д. Шоу. – М.: Альпина Паблишер. – 2020.
11. Борисов, Г.И. Жизнеспособность как условия профессионального развития личности // Борисов Г.И., Печоркина А.А. Педагогическое образование в России. 2015. – № 11. – С. 72–75.
12. Шубникова, Е.Г. Теоретические подходы к изучению жизнеспособности личности как основы профилактики зависимого поведения // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – № 1. – Т. 2. – 14–20.
13. Жизнеспособность человека: понятие и концептуальные основы исследования. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznesposobnost-cheloveka-ponyatie-i-kontseptualnye-osnovy-issledovaniya/viewer> (дата обращения: 22.11.2020).
14. Психология. – URL: <https://psixologiya.org/psixoterapiya/praktika/2433-psixologicheskaya-dezadaptaciya-kak-s-nej-borotsya.html> (дата обращения: 24.11.2020).
15. Феномен социальной дезадаптации в психологии. – URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2017-03/suslova_denisova_idpo_2017.pdf (дата обращения: 24.11.2020).

ЛИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЕ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ И ОЦЕНКИ СТРЕСС-ФАКТОРОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ЖИТЕЛЯМИ МЕГАПОЛИСА

А.С. Бурундуков, О.Е. Цыганкова

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия

В рамках средовой психологии рассмотрено понятие стрессовых факторов городской среды, изучены группы городских стресс-факторов, выявлены наиболее значимые для жителей г. Новосибирска стрессовые факторы городской среды, а также проведено исследование восприятия и оценки стрессовых факторов городской среды жителями мегаполиса в зависимости от направленности локуса контроля.

Большой город привлекателен для потенциальных жителей активной социальной жизнедеятельностью, богатым культурным миром и материальными благами. Город предоставляет жителям множество путей по удовлетворению их потребностей, формирует перспективу развития и стимулирует их активность [3].

В то же время городская среда несет в себе определенные недостатки и осложнения жизнедеятельности человека. По мере увеличения роста городов растут и риски возникновения и неблагоприятного воздействия на человека как физических, так и социальных стрессоров [7].

Негативное влияние города признают многие специалисты, среди которых можно выделить теорию ограничения поведения Х. Прошански и Д. Стоколза; теорию перегрузки С. Милграма, теорию окружающей среды как источника стресса Д. Гласса, Дж. Сингера, теорию уровня адаптации Д. Уорвила. Авторы сходятся в выводах, что современный большой город является источником стресса для человека.

Разные личностные особенности могут обуславливать специфическую чувствительность к одним средовым компонентам и малую восприимчивость к другим. Одним из факторов субъективного восприятия городской среды является направленность локуса контроля.

Объект нашего исследования: оценка стресс-факторов городской среды жителями мегаполиса.

Предмет исследования: индивидуальные детерминанты оценки стресс-факторов городской среды.

Цель исследования: изучить взаимосвязь локуса контроля и оценки стресс-факторов городской среды жителями мегаполиса.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Ознакомиться с теоретическими подходами в изучении городской среды в трудах зарубежных и отечественных исследователей.

2. Определить сущность понятия стресс-факторов городской среды и изучить влияние стрессовых факторов на психику человека.

3. Рассмотреть теоретические подходы к проблеме изучения локуса контроля в трудах зарубежных и отечественных исследователей.

4. Изучить наиболее значимые для жителей Новосибирска стрессовые факторы городской среды.

5. Исследовать взаимосвязь локуса контроля и субъективных оценок стресс-факторов городской среды у жителей крупных городов (на примере среды г. Новосибирска).

Гипотеза исследования: чем выше экстернальность локуса контроля, тем выше оценка субъективной значимости городских стресс-факторов среди жителей мегаполиса. Данное предположение строится на работах отечественных исследователей, отмечающих отрицательное влияние экстернальности в стрессовых ситуациях на учебных экзаменах [4] и в профессиональной деятельности [6].

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы по теме исследования, анкетирование, тестирование, методы математической обработки данных.

Методики исследования:

1. Анкета для исследования индивидуальной оценки степени воздействия стресс-факторов городской среды, разработанная нами на основе перечня стрессогенного воздействия городской среды больших российских городов, представленного в работах О.В. Кружковой [3], Х.Э. Штейнбах, В.И. Еленского, Л.В.Смоловой [7], А.Ю. Барковской, а также с опорой на результаты эмпирического изучения особенностей восприятия городской среды ее жителями [9]. В итоге был составлен перечень из 52 пунктов (перечислены в предыдущих работах авторов [1]), описывающих городские стресс-факторы, которые могут восприниматься жителями мегаполиса в качестве стрессирующих обстоятельств их проживания в городе по шкале от 1 (совсем не беспокоит) до 5 (сильно беспокоит), далее высчитывается средняя оценка степени значимости факторов, объединенных в 8 групп: реальные риски и угрозы, информационно-динамические нагрузки, социальный краудинг, транспортные риски, проблемы ориентации, безразличие, миграционные риски и гомогенность визуальной среды (за основу была взята классификация групп стресс-факторов, представленная в работе О.В. Кружковой [3]).

2. Методика исследования локуса контроля Дж. Роттера.

Выборку исследования составили 62 респондента в возрасте от 22 до 62 лет, из них 61 % женщин и 39 % мужчин – жители г. Новосибирска, проживающие в городе не менее 5 лет.

С учетом эпидемиологической ситуации исследование проводилось в удаленном режиме на базе платформы Google forms.

Результаты исследования:

1. В результате опроса выяснилось, что количество респондентов с интернальным и промежуточным локусом контроля одинаково и составило по 42 %, экстерналов выявлено 16 % от общего числа опрошенных. Средний возраст опрошенных людей составил 37, большинство из них имеют высшее образование, стабильную работу и сложившуюся личную жизнь. Человек со сложившейся жизненной позицией воспринимает окружающий мир как достаточно предсказуемую систему объектов и чувствует уверенность в решении жизненных задач без дополнительных эмоциональных нагрузок, связанных с неуверенностью и тревожностью – этим можно объяснить незначительный процент испытуемых с экстернальным локусом контроля в выборке.

2. В ходе исследования были выделены группы городских стресс-факторов, получившие наибольшие баллы по оценке их значимости для жителей города.

К группам факторов, которые больше всего беспокоят жителей мегаполиса относятся: стресс-факторы группы визуальной среды (3,37 балла по 5-балльной шкале) – стресс вызван однообразием внешних элементов городской среды; стресс-факторы группы транспортных рисков (3,12 балла) – стресс наступает вследствие активного взаимодействия с индивидуальным и общественным транспортом; стресс-факторы группы реальных рисков (3,02 балла) – при сложившейся ситуации всемирной пандемии COVID 19 вполне закономерно повышение уровня индивидуальной оценки стресса от реальных рисков и угрозы жизни.

В результате исследования были выявлены наиболее значимые стрессорирующие события: обилие мусора и грязи (4,46 балла), загрязненность воздуха, воды, а также пыль в городской среде (4,19 балла), отсутствие сухой и ровной дороги к месту назначения (4,08 балла) и долгое нахождение в автомобильных заторах (4,00 балла). Наименее значимыми событиями являются риски заблудиться в городе (1,35 балла) и чувство одиночества в толпе (1,96 балла).

Таким образом, можно считать, что жителей мегаполиса волнуют визуальный облик города, экологическая обстановка в городе и проблемы дорог и транспорта в городе.

3. При обработке данных при помощи критерия ранговой корреляции Спирмена была обнаружена умеренная прямая взаимосвязь между экстернальностью и оценкой значимости группы стресс-факторов социального краудинга ($R_s=0,41$, $p<0.05$). То есть экстерналами большое скопление людей воспринимается как стресс. По-видимому, экстерналы ощущают, что не могут контролировать действия окружающих людей, и это вызывает повышенную тревогу и стресс. Этим можно объяснить и отсутствие корре-

ляций с другими группами городских стресс-факторов, которые, возможно не воспринимаются столько изменчивыми и неконтролируемыми.

Таким образом, в результате проводимого исследования была частично подтверждена гипотеза о том, что чем выше экстернальность локуса контроля, тем выше оценка субъективной значимости городских стресс-факторов среди жителей мегаполиса.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные данные можно использовать психологу для оценки качества жизни городского населения, изучать воздействия различных стресс-факторов на жителей городов, составлять программы профилактических мер по снижению их отрицательного воздействия на человека, а также возможно составить рекомендации по улучшению среды города Новосибирска с точки зрения снижения воздействия наиболее актуальных стрессовых факторов городской среды на горожан.

Литература

1. Бурундуков А.С. Стресс-факторы городской среды: обзор и систематизация. – Сборник материалов международной студенческой научно-практической конференции. – Издательский центр ЮУрГУ. – 2020. – С. 56–63.
2. Колесов С.Г. Локус контроля над поведением людей // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 6. – С. 276–278.
3. Кружкова О.В. Индивидуальная детерминация субъективной значимости стресс-факторов городской среды в период юности // Психологические исследования. – 2014. – Т.7. – № 34. – С. 3. URL: <http://psy study.ru> (дата обращения: 28.03.2020).
4. Маленова А.Ю. Локус контроля студентов как детерминант совладания с экзаменационными трудностями. – URL: <http://xn--e1aajfpcds8ay4h.com.ua/pages/view/235> (дата обращения: 28.03.2020).
5. Пчегатлук А.А. Локус контроля в современной психологии // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5 (2). – С. 272
6. Распопин Е.В. Психологическая устойчивость к внешним и внутренним источникам стресса (на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы): автореф. дис. ... канд. психол. н. – Екатеринбург. – 2013. – 24 с
7. Смолова Л.В. Психология взаимодействия с окружающей средой. – URL: https://ozlib.com/863698/psihologiya/psihologiya_vzaimodeystviya_s_ok_ruzhayuschey_sredoy_ekologicheskaya_psihologiya (дата обращения: 28.03.2020).
8. Черепанова А.Ю. Влияние локус контроля на уровень стрессоустойчивости учащихся. URL: <http://repository.nkzu.kz/6938/1/Статья%20%2821%29.pdf> (дата обращения: 28.03.2020).
9. Шемелина О.С., Цыганкова О.Е. Образы «города-мечты» и реального города в представлении жителей крупного и малого городов // Соци-

ально-психологические исследования города. – Москва: Институт психологии РАН. – 2016. – С. 27–48.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОНФЛИКТНОСТИ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ БРАКЕ

А.В. Скайло, И.А. Пархоменко,
Костанайский региональный университет имени А.Байтурсынова,
г. Костанай, Казахстан

В данной статье представлены результаты исследования гендерных особенностей проявления конфликтности в межнациональном браке. Полученные данные могут быть интересны для семейных психологов, а также всех, кто готовится вступить в межнациональный брак или уже вступил в него.

В жизни любого человека семья занимает очень важное место, и каждый желает и стремится к тому, чтобы она была благополучной и счастливой. Однако конфликты и споры периодически возникают в любых человеческих взаимоотношениях, и семейные отношения не являются исключением. Иногда и сам человек не может находиться в полной гармонии с собой, у него внутри происходит столкновение интересов и желаний, может развиваться внутриличностный конфликт. А что уж говорить о взаимоотношениях людей друг с другом – ввиду различных взглядов, ценностей и мотивов, межличностные конфликты можно считать неизбежными. Семейные конфликты – это противостояние между членами семьи на основе столкновения противоположно направленных мотивов и взглядов [1]. Такие столкновения особенно сильно влияют на нашу жизнь, ведь они происходят между нами и нашими близкими, родными людьми.

Большинство людей, имеющих опыт нахождения в супружеских отношениях, считают, что отсутствие конфликтных ситуаций в браке, само по себе, невозможно. Поскольку брачный союз создаётся двумя индивидуальными личностями, каким бы внушающим не было количество точек их соприкосновения (в вопросах ведения быта, жизненных целях, ценностях и т.д.), найдутся и те аспекты, на которые они будут смотреть по-разному. Каждый мужчина и каждая женщина, заключающие брак и создающие семью, проходили путь своего взросления в уникальных условиях, и именно поэтому их мировоззрение, мировосприятие и взгляды на все вещи не могут быть идентичными. Семья и близкое окружение закладывают в нас основы всех вышеперечисленных аспектов. Их развитие продолжается среди друзей и знакомых, учителей и наставников, окружающих человека. И какими бы похожими не были условия формирования личности мужчины и женщины, каждый из них пришёл из своего собственного социального ок-

ружения, что, в очередной раз доказывает факт существования вещей, на которые супружеская пара будет смотреть по-разному.

На данном этапе развития психологической науки специалисты передают большое значение изучению, профилактике и коррекции возникающих на практике между супругами конфликтов и потенциальных конфликтных ситуаций. Семейная психология получает всё большее развитие и это, несомненно, оказывает положительное влияние на взаимоотношения внутри супружеских пар. Однако при разработке комплекса теоретических знаний и практических упражнений по данной теме необходимо учитывать не только факторы индивидуальности личностей каждого из супругов, но и другие важные факторы.

Во-первых, различная этническая принадлежность супругов также может оказывать прямое воздействие на уровень конфликтности в семейных отношениях и на количество возникающих в них спорных ситуаций. Как известно, брак заключается для взаимного удовлетворения самых разных потребностей. Частичное или полное удовлетворение лишь некоторых из них ведёт к ссорам, а затем и хроническим конфликтам, разрушающим семью [2]. Такое «неудовлетворение» потребностей в межнациональном браке может быть вызвано разными взглядами мужа и жены на семью и брак, различными ценностями и установками в семейной жизни. И именно эта разница может создать разное отношение супругов к одному и тому же вопросу и необходимость конструктивного разрешения возникшей ситуации.

Во-вторых, нельзя не отметить различную гендерную принадлежность супругов, что также может влиять на особенности коммуникации между ними. Мальчики и девочки с самого детства воспитываются по-разному. Семья и окружение формируют в них разные качества, и предъявляет различные требования и ожидания. Конечно, в обществе существуют и универсальные цели, ценности и социально одобряемые качества личности, которые объединяют мужчин и женщин, обладающих ими. Благодаря совпадению мировоззрения, взглядов и жизненных целей, мужчины и женщины вступают в отношения и создают семьи. Но те факторы, которые зависят от их гендерной принадлежности, не могут быть общими для супружеской пары, а значит, могут оказывать воздействие на факт возникновения некоторых конфликтных ситуаций между супругами. Любой потенциальный конфликт между супругами должен быть предупрежден или разрешён максимально конструктивно и эффективно для развития их межличностных отношений, что, в свою очередь, также создаёт необходимость подробного изучения и исследования данной темы.

В рамках данного исследования мы изучили гендерные особенности проявления конфликтности в межнациональном браке.

Мы предположили, что гендерная принадлежность супругов влияет на проявление ими конфликтности в межнациональном браке.

Выборку в психологическом исследовании составили 30 супружеских пар (60 испытуемых в возрасте от 22 до 30 лет), состоящих в международном браке. Принципиальным требованием к выборке являлся опыт супружеской жизни в официально заключённом браке от 1 года до 5 лет.

В рамках психодиагностического исследования были использованы методы наблюдения, беседы и тестирования.

Методики исследования:

1. «Общение в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская);
2. «Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении» (В.В. Бойко);
3. «Самооценка направленности контакта» (О.П. Елисеев);
4. Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) (А.Н. Волкова).

В результате проведения психодиагностического исследования, предусмотренного в рамках нашего констатирующего эксперимента, были получены следующие показатели:

1. Результаты по методике «Общение в семье» показали, что показатели по шкалам «сходство во взглядах супругов» и «общие символы семьи» являются низкими у большинства испытуемых супружеских пар. Шкалы «доверительность в общении», «взаимопонимание между супругами», «легкость общения между супругами» и «психотерапевтичность общения» также представлены в виде средних и «ниже среднего» показателей у значительной части супружеских пар, участвующих в данном эксперименте.

2. Согласно данным, полученным посредством проведения «Методики диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении», мужчины отдают предпочтение таким стратегиям психологической защиты, как «избегание» и «агрессия». Женщины, в свою очередь, в большинстве своем склонны применять стратегию «миролюбие».

3. Результаты по методике «Самооценка направленности контакта» показали следующее: доминирующими стилями поведения в конфликтной ситуации у большинства мужчин являются «соперничество» и «компромисс». Женщины же, отдают предпочтение «приспособлению» и «сотрудничеству». Стратегия «избегание» является доминирующей у примерно одного и того же количества испытуемых женщин и мужчин.

4. Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» и составленная по его результатам таблица «Согласованность семейных ценностей супругов», позволила нам сделать следующие выводы. У большинства супружеских пар наблюдается низкая согласованность по таким шкалам, как: «хозяйственно-бытовая шкала», «родительско-воспитательская шкала» и «шкала социальной активности». Показатели по «интимно-сексуальной шкале», «шкале личностной идентификации», «эмоционально-психотерапевтической шкале» и «шкале внешней привлекательности»

также являются средними у значительной части супружеских пар, принимавших участие в данном эксперименте.

Сформированный нами комплекс теоретических знаний, описанный в данной работе, может быть использован на практике для предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций в межнациональных браках.

На основе полученных данных были составлена программа психологического тренинга для межнациональных семей и пар, желающих заключить межнациональный брак. Программа психологического тренинга по рассматриваемой нами теме включает в себя теоретическую часть и практические упражнения, а также практические задания для пар, состоящих в межнациональном браке.

С одной стороны, разработанный психологический тренинг может применяться для гармонизации стабилизации взаимоотношений супружеских пар, в которых наблюдается повышенный уровень межличностной конфликтности. В ходе участия в психологическом тренинге и освоения его теоретической части супружеские пары могут получить необходимые знания о конфликтах, гендерной особенности проявления конфликтности в межнациональном браке и конструктивных способах разрешения сложившихся конфликтных ситуаций. Практическая часть психологического тренинга может помочь участвующим в нём парам закрепить полученные знания на практике, сформировав необходимые умения и навыки, и тем самым, снизить уровень конфликтности в браке.

С другой стороны, данная тренинговая программа может быть использована для профилактики и предупреждения возникновения деструктивных конфликтов между супругами. С помощью освоения необходимых знаний и формирования соответствующих умений и навыков, супружеские пары будут заранее готовы к конструктивному разрешению возможных конфликтных ситуаций и предупреждению деструктивных конфликтов в браке.

Таким образом, по результатам проведённого нами психодиагностического исследования, можно подтвердить гипотезу нашего эксперимента: полученные данные показали, что гендерная принадлежность супругов действительно влияет на проявление ими конфликтности в межнациональном браке. Мужчины и женщины отдают предпочтение разным стратегиям психологической защиты и поведения в конфликтной ситуации, что не может не оказывать влияние на ход и результат конфликтного взаимодействия. Различная этническая принадлежность, в свою очередь, создаёт почву для возможных конфликтов в виде разницы во взглядах, ценностях и традициях, что, в свою очередь, влияет на взаимоотношения семейной пары, взаимодействие супругов и общее состояние психологической атмосферы в семье.

Литература

1. Семейные конфликты как объект работы семейного психолога - консультанта. Методическое пособие. – ГБУ СО «Областной центр реабилитации инвалидов». – 2012. – 29 с.
2. Крысько В.Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия». – 2002. – 320 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЯВЛЕНИЙ ЛЖИ И ПАРАМЕТРОВ ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ

Д.П. Тейкина, А.Н. Крутолевич

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

В статье предпринята попытка найти взаимосвязь, между видами лживых проявлений и потребностно-мотивационной сферой, а именно мотивацией одобрения. Виды лжи определяются по опроснику «Виды лжи» (И.Н.Шкуратова). В процессе работы протестировано 63 человека. Все протестированные не имеют существенных различий в образе жизни, являются студентами. Определились максимальное, минимальное и среднее значение уровня мотивации одобрения у студентов, а также наиболее часто встречающийся показатель. Аналогичный анализ был проведен и с видами лжи. Результатом проделанной работы является вывод о существовании связи видов лжи студентов и мотивацией одобрения.

Весьма проблематично на сегодняшний день представить себе общество, в котором люди говорили бы всем только правдивую информацию, и были бы абсолютно откровенны друг с другом. На вряд ли такое общество вообще могло бы существовать. Поэтому сейчас принято считать, что суждение о том, что ни в каких человеческих отношениях не должно быть лжи, весьма примитивно и нецелесообразно [2].

Проблема лживых проявлений была достаточно актуальна ещё во времена античных философов и мудрецов и до сих пор остается таковой. Как бы сильно и быстро не менялся мир вокруг нас, ложь была в прошлом, остается в настоящем и будет безусловно процветать в будущем [4].

Ложь – это очень сложное, неоднозначное, многофункциональное явление, носящее непосредственно амбивалентный характер.

Многие исследователи склонны полагать, что обман является более широкой категорией, чем неправда и ложь (С. Бок, З. Нопер, R.A. Bel). По их мнению, помимо устных и письменных высказываний, вводящих собеседника в заблуждение, можно обмануть и с помощью жестов, азбуки Морзе, различных символов. Т. Карсон и его соавтор считают, что содержание понятия «ложь» включает в себя только попытку привести другого человека в

заблуждение, в то время как слово «обман» всегда успех означает достижение нужного эффекта за счет мошенников. Обман основан на сознательном желании одного из участников общения создать ложное представление о спутнике по предмету обсуждения, но очень важно учитывать, что мошенник не искажает факты. Отличительной чертой обмана является полное отсутствие ложной информации, прямые искажения истины [1].

Ложь есть средство защиты и реализации интересов отдельных личностей, групп, классов, народов и государств. Ложь служит одной из форм проявления социальных противоречий, выражает эгоистическое обособление, конкуренцию, неподлинное объединение, всевозможные способы достижения интересов и целей за счет других или вопреки желаниям других. Человек лжет главным образом другим. И даже когда человек лжет самому себе, он делает это, имея в виду сознательно или бессознательно других. Человек играет роль определенную роль, или даже несколько ролей, перед самим собой, чтобы потом играть эту роль перед другими. Мир «задыхается» от лжи.

Обнаружить признаки лживого поведения весьма непростая задача. Одна из проблем – это обвал информации, полученной при общении. Огромнейшее количество информации приходится рассматривать ежесекундно. Слишком много её источников – слова, паузы, звучание голоса, выражение лица, движения головы, жесты, поза, изменение оттенка лица. Все эти многочисленные источники могут передавать информацию попеременно. Важно учесть, что не на всякий источник информации можно положиться в одинаково равной степени. Некоторые из них выдают гораздо больше, чем другие. И как ни странно, большинство людей, прежде всего, обращают внимание на наименее достоверные источники – слова и выражения лица, и таким образом легко ошибаются [3].

Определенно очень важно учитывать то, что ложь определить крайне сложно, и легко перепутать с волнением или каким-то дискомфортом при общении с социумом. Следует наблюдать как за вербальными жестами индивида, так и за невербальными. Причем акцент должен быть на невербальных знаках, которые зачастую игнорируется.

В работе проведено исследование, целью которого является установить связи между видами лжи и мотивацией одобрения у студентов, а также определить какие виды лжи преобладают.

Гипотетически рассматривается вопрос о прямой взаимосвязи и высокой потребностью к одобрению других, и проявлениями лжи, такими как, самопрезентация, оправдание, фантазия и другими.

Для выяснения вопроса взаимосвязи между потребностно-мотивационной сферы и проявлением различных видов лжи было проведено исследование с привлечением студентов.

Исследование проводилось на базе Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины и Гомельского государственного

Медицинского университета. В исследовании принимали участие студенты 2-го курса факультета социальной педагогики, 19 человек, студенты 3-го курса экономического факультета, 21 человек и студенты 5-го курса Медицинского университета, 23 человека. Общий объем выборки составил 63 человека, из них 46 девушек (89,29%) и 17 юношей (10,71%). Возраст испытуемых составил 18-24 года. Средний возраст составил 21 год. Все протестированные студенты не работают, учатся на дневной форме обучения. Таким образом, хотя бы приблизительно можно предположить, что они проживают в одинаковых условиях.

Для эмпирического исследования взаимосвязи потребностно-мотивационной сферы с проявлением видов лжи у студентов, были подобраны следующие психодиагностические методики:

1. Опросник «Виды лжи» (И.Н. Шкуратова)
2. Шкала оценки мотивации одобрения – «шкала лжи». Тест на искренность ответов Д. Марлоу и Д. Крауна

С помощью опросника «Виды лжи» были выявлены преобладающие виды лживого поведения у студентов.

Из полученных данных можно сделать вывод о том, что преобладающими видами лжи у студентов являются «этикетная ложь» и «ложь-самопрезентация». Это означает, что студенты склонны прибегать ко лжи из этических соображений, а также лгут незнакомым либо малознакомым людям, с целью презентовать себя с лучшей стороны.

Наименее выражено проявление лжи – «мотивы лжи». Это значит, что студенты не замотивированы исказить информацию.

Далее исследовался уровень мотивации одобрения студентов. Анализ данных показал, что студенты имеют низкую выраженность в потребности одобрения не стремятся заслужить одобрение значимых и окружающих их людей. Показатели свидетельствуют об уверенности в себе без потребности в одобрении извне, адекватной положительной самооценке, признании своего права на ошибки и также могут говорить о достаточно высокой требовательности к себе, даже переходящей в самокритичность.

Уровень мотивации одобрения у студентов: минимальное значение $M_{\min}=1$, максимальное значение $M_{\max}=16$, среднее значение $M_{\text{ср}}=9,71$, стандартное отклонение $S=3,937$.

Следующим мы выявили взаимосвязь между этикетной ложью и мотивацией одобрения. Это можно увидеть по показателям. Было установлено, что ложь по этикетным принципам наиболее связана с мотивацией одобрения, при значениях $r=0,252$ при $p=0,046$. Вследствие полученных данных, можно сделать вывод, о том, что чем больше студенты мотивированы на одобрение, тем больше они лгут по этическим соображениям.

В ходе исследования было установлено, что студенты, которые хотят казаться лучше, ожидают одобрение других, более склонны лгать по эти-

ческим соображениям и чаще используют по отношению к неизвестным и незнакомым лицам искаженные сведения о самом себе.

Итак, в работе была предпринята попытка изучить особенности проявления лжи в потребностно-мотивационной сфере, а именно с мотивацией одобрения. А также выявить преобладающий вид лжи. В ходе полученных данных было выявлено, что чем больше студенты мотивированы на одобрение, тем больше они лгут по этическим соображениям. Этикетная ложь, самый распространенный и очень безобидный вид лжи, потому что она осуществляется на основе общего договора о соблюдении этикета. Исследование показывает, что студенты, нуждающиеся получить одобрение окружающих в отношении своих слов и поступков, прибегают ко лжи, стараясь показать себя с лучшей стороны. При помощи этикетной лжи они представляют себя перед другими как полностью соответствующих социальным нормам. Тем самым студенты повышают уверенность в себе.

Литература

1. Буграчук Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. – СПб.: Санкт-Петербург. – 2019. – 351 с.
2. Вагин И.О. Психология выживания в современной. – М.: Астрель. – 2017.
3. Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала. – СПб: Санкт-Петербург. – 2016.
4. Экман П. Психология лжи. – СПб.: Питер. – 2010.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ

А.В. Астаева, Т.А. Королева, И.Е. Рева, Е.А. Решетова
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Статья посвящена проблеме изучения особенностей сформированности речи у детей младшего школьного возраста, обучающихся в условиях интеграции. Проведен нейропсихологический анализ сформированности высших психических функций детей 7–8 лет и определены специфические характеристики развития речи у детей общеобразовательных и коррекционных классов V вида. В качестве основного вывода исследования можно сделать заключение о том, что структура несформированности речевой сферы у детей из обеих групп качественно одинаковая, но при этом степень выраженности нарушений отдельных компонентов психической деятельности отличается.

В современной популяции детей младшего школьного возраста регистрируется рост трудностей освоения общеобразовательных программ и формирования отдельных учебных навыков (чтение, письмо, счет) [1]. Данные современных нейропсихологических обследований указывают на повышение частоты встречаемости признаков несформированности, или дефицитарности, речемыслительной сферы у детей, что может оказать значительное влияние на развитие и психической деятельности в целом. Поэтому отдельной задачей на современном этапе развития нейронаук является изучение соотношения и взаимосвязи высших психических функций и мозговых структур в норме и при патологии головного мозга [4].

Готовность ребёнка к школьному обучению предполагает достаточный уровень развития всех высших психических функций для успешного освоения школьных знаний, умений и навыков, а также формирования адекватного поведения и выстраивания коммуникации со сверстниками и взрослыми.

Неравномерное развитие психических функций в онтогенезе к началу школьного обучения приводит к парциальному отставанию, что может выражаться в неспособности усваивать учебную программу в полной мере, при этом в поведении могут наблюдаться компенсаторные реакции в виде нарушения дисциплины, неадекватных эмоциональных реакций.

Наиболее распространенным симптомом несформированности психической деятельности у детей младшего школьного возраста является задержка отдельных компонентов речи, что, в свою очередь, может тормозить развитие мыслительных операций и оказывать негативное влияние на формирование слухоречевой памяти, письма, чтения. Также при дефицитности развития речевой сферы могут наблюдаться трудности правильного построения развернутого речевого высказывания, аграмматизмы, трудности артикуляции, недостаточность номинативной функции, затруднения процесса обобщения, превалирование автономной речи и недостаточность лексико-грамматических средств [1, 2, 3, 4]. Данные особенности затрудняют развитие познавательных процессов, что способствует снижению понимания воспринимаемого материала. Поэтому могут отмечаться трудности запоминания вербального материала, который включает связанные по смыслу единицы (например, при пересказе текста), недостаточность продуктивности воспроизведения, дефицит произвольного внимания и регуляторных процессов [3]. В учебном процессе это будет проявляться снижением способности запомнить и понять полную последовательность действий при решении задания, упущением отдельных элементов задачи, потерей контроля за выполнением программы, в недостаточной концентрации произвольного внимания. Соответственно, ребенок может затрудняться в освоении новых навыков ввиду недостаточной оперативности интеллектуальной сферы, особенно в условиях предъявленных ограничительных условиях (скорости выполнения, времени, внешнего шума).

С целью выявления специфических особенностей сформированности речи у детей младшего школьного возраста было проведено исследование на базе Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 14» г. Челябинска. В исследовании приняли участие 73 ребёнка младшего школьного возраста (средний возраст детей 7 лет 7 месяцев). Были сформированы две группы: первую группу составили 43 ребенка, которые обучаются по общей образовательной программе и не имеют верифицированного неврологического или психического расстройства, вторую группу составили 30 детей, обучающихся по адаптированной программе (эти дети имеют статус «Особые возможности здоровья», в анамнезе у всех детей задержка речевого развития, что позволило детям обучаться по программе V вида).

Исследование проводилось при помощи нейропсихологической диагностической батареи, направленной на выявление сохранных и несформированных психических функций, а также особенностей мыслительной деятельности в целом [5]. Оценка проведена была сформированности артикуляции (орального праксиса), фонематического слуха, функции номинации и способности формулирования развернутого речевого высказывания, в том числе и с сохранением грамматического строя.

Прежде всего необходимо отметить, что дефекты артикуляции наблюдаются у 11% (5 человек) учащихся общеобразовательных классов и 57% (17 человек) учащихся коррекционных классов, что выражается снижением тонуса мышц щёк и языка, трудностями произвольной артикуляции сонорных согласных («Р», «Л»), свистящих и шипящих звуков, заменами звуков (например, «Л» на «Е»: летом – «етом»). 88% (38 человек) детей из общеобразовательных классов и 43% (13 человек) детей из коррекционных классов не имеют дефектов артикуляции.

По данным проведенного исследования фонематический слух сформирован у 93% (40 человек) учащихся общеобразовательных классов. Всего один ребенок допускал импульсивные ошибки при повторе вербального материала, но данный факт связан со снижением произвольного контроля за речевой деятельностью. Среди учащихся коррекционного класса 37% (11 человек) без труда справились с заданием на оценку сформированности фонематического слуха, при этом 1 ребенок допустили множественные импульсивные ошибки, которые были исправлены самостоятельно и не повлияли на итоговый результат выполнения задания. У 2 учащихся общеобразовательного класса и 3 детей из коррекционного класса было выявлено снижение фонетико-фонематического анализа и синтеза, что выражается в трудностях перевода звукового образа слова в графический (например, «дрова-трава» дети писали как «трава-трава»); также у этих детей отмечаются орфографические ошибки: замены по глухости-звонкости, мягкости-твёрдости (гость – «госить», гвоздь – «гвожди», Мишкина машина – «мишкинашина», пространство – «прастаранцто»). Аналогичные ошибки наблюдаются и при воспроизведении мнестических рядов (коса произносится как «гоза»).

Таким образом, снижение фонетико-фонематического анализа и синтеза у 5-ти детей указывает на дефицитарность функционального развития левой височной доли. В учебной деятельности также это может проявляться снижением процессов обобщения и номинативной функции. Импульсивные ошибки, которые допускает половина детей из коррекционных классов, указывают на недостаточную сформированность третьего функционального блока головного мозга (блок программирования и контроля), что выражается при выполнении пробы в повышенной отвлекаемости, трудностях концентрации внимания.

Исследование речевой сферы свидетельствует о недостаточной автоматизации номинативной функции речи среди учащихся обоих классов (56% – 24 ребенка общеобразовательного класса и 84% – 25 детей коррекционного класса), что выражается в трудностях непосредственного подбора слова-наименования (ландыш – «тюльпан», стрелки часов – «палочки», балалайка – «гитара», шляпка гриба – «зонт», грабли – «веник», лампа – «фонарь», галка – «ворона», носик чайника – «отверстие», средний палец – «высокий» и другие), заменах слов на несуществующие (ручки ножниц –

«держалочки», балалайка – «баламойка», дуршлаг – «протекалочка»), номинации категорий предметов при правильном определении признака обобщения (например, весы, термометр и секундомер обозначаются словом «часы»; табурет, очки, молоток – «мебель»). Большинство детей в обоих классах испытывают затруднения при воспроизведении упроченных вербальных рядов (последовательность дней в неделе, месяцев в году, реже при перечислении времён года и т. д.). Только 12 детей (28 %) из общеобразовательного и 4 человека (13 %) из коррекционного класса не имели затруднений в подборе слова-наименования. Трудности непосредственно вербализации и определения названия объекта или предмета свидетельствуют и о снижении общей осведомлённости детей, что влияет на развитие и объем активного словаря.

Возможность формулирования развернутых вербальных высказываний была сформирована всего лишь у 33% (14 человек) учащихся общеобразовательного класса и 27% (8 человек) учащихся коррекционного класса. Значительные трудности построения правильного развернутого речевого высказывания наблюдаются только у 3 детей из коррекционных классов. Вербальные высказывания у остальных детей обеих групп характеризуются простотой, нераспространенностью, наличием аграмматизмов (несогласованность падежных окончаний). При этом треть детей из коррекционных классов допускали ошибки импульсивно с последующей самокоррекцией. Нейропсихологические данные свидетельствуют о том, что основные нарушения формирования речевого высказывания у детей в данном возрасте связаны с функциональной дефицитностью нижнелобных и левой височной областей головного мозга.

Таким образом, согласно нормативным возрастным показателям, к началу школьного обучения сенсорная и моторная стороны речи должны быть сформированы. Специфические нейропсихологические особенности речи современных детей младшего школьного возраста характеризуются в целом признаками функциональной несформированности, что проявляется сохраняющимися трудностями артикуляции отдельных звуков, снижением автоматизации номинативной функции речи, несформированностью фонетико-фонематического анализа и синтеза вербальной информации, что, в свою очередь, влияет на грамматическое оформление речевых развернутых высказываний. Данные особенности связаны с несформированностью лобных и височных отделов головного мозга, преимущественно слева.

Литература

1. Ахутина Т.В., Игнатъева С.Ю., Максименко М.Ю. Методы нейропсихологического обследования детей 6–8 лет // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1996. – № 2. – С. 51–58.
2. Баарс Б.Д., Гейдж Н. Мозг. Познание. Разум: введение в когнитивные нейронауки. – М.: Лаб. Знаний. – 2018. – 464 с.

3. Бизюк А.П. Основы нейропсихологии: учебное пособие. – СПб.: Речь. – 2005. – 293 с.

4. Боголепова И.Н., Малофеева Л.И. Межполушарная асимметрия зоны Брока коры мозга человека в постнатальном онтогенезе // Журнал «Асимметрия». – 2018. – Вып. 1. – № 1. – С. 23–25.

5. Глозман Ж.М. Нейропсихологическое обследование: качественная и количественная оценка данных. – М.: Смысл. – 2012. – 264 с.

КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ У СПОРТСМЕНОВ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ КАРАТЭ

В.Э. Боровинских, И.В. Благовещенская

Южно-Уральский государственный медицинский университет,
г. Челябинск, Россия

В данной статье исследуется своеобразие проявлений личностных свойств спортсменов-каратистов высокого класса, а также устанавливается специфика взаимосвязей личностных свойств спортсменов-каратистов высокого класса с показателями стратегий преодоления стресса.

Цель исследования: выявить посредством экспериментально-психологического исследования личностные и интрапсихические паттерны стрессоустойчивости спортсменов-каратистов высокого класса.

Объект исследования: совладающее поведение у спортсменов высших достижений, занимающихся каратэ.

Предмет исследования: уровни взаимодействия и особенности совладающего поведения у спортсменов высших достижений занимающихся каратэ.

Гипотеза исследования: стрессоустойчивость и совладающее поведение как ресурс результативности спортсмена.

База исследования: исследование проводилось на базе учебной лаборатории Патопсихологической диагностики и психотерапии кафедры Клинической психологии и социальной работы ФГБОУ ВО ЮУГМУ Минздрава России.

В эксперименте участвовало 72 респондента, из которых 36 человек – экспериментальная группа (Олимпийская сборная Южного Урала). Возраст опрашиваемых от 18 до 30 лет. Участие в эксперименте было добровольным. В отношении респондентов соблюдались нормы конфиденциальности и уважения автономии. Для сравнительной оценки была использована контрольная группа из 36 человек, релевантная по полу и возрасту.

Психологический инструментарий представлен рядом методик: Методика шкалирования самооценки и уровня притязаний Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан (1988)). «Опросник Плутчика-Келлермана-Конте – Методика Индекс жизненного стиля (LifeStyleIndex, LSI)» (1979). «Копинг-тест» Р. Лазаруса и С. Фолкмана адаптирована Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой (1966). Многомерный опросник исследования самоотношения (Пантелеев С.Р., 1989).

Результаты исследования:

Самооценка представляет собой набор психических конструктов, в перечень которых входит опыт, возможности, представления о значимости собственной личности и различных набор умений и навыков.

Уровень притязаний представляет собой направленность на достижение и преодоление той меры целей и трудностей, которую человек, по его мнению, способен достичь.

Наиболее оптимальное соотношение эмоциональных, мыслительных процессов и самооценки у спортсмена является залогом его успеха и будущих побед, которые включают в себя также минимальную эмоциональную возбудимость, высокие показатели интеллектуальных способностей и адекватная устойчивая самооценка [1, 8].

Отталкиваясь от концепции З. Фрейда, врожденные инстинкты человека являются содержанием бессознательных процессов, которые играют колоссальную роль в жизни человека, затрагивая при этом как социальные, так и психологические структурные элементы.

В условиях стресса, сильного эмоционального напряжения или же психотравмирующих ситуаций одним из вариантов преодоления является выработка у человека защитных механизмов, таким образом, он ограждает себя от деструктивных и травмирующих переживаний, сохраняет своё «Я», индивидуальность, уровень самооценки и т.д. [3, 4].

Преодоление стресса, или же копинг-стратегии, представляют собой уникальные алгоритмы действия, которые активизируются человеком в условиях психологической угрозы. Данная психологическая угроза может затрагивать личностные, социальные или прямые (физические) сферы, которые также находят отклик в когнитивных, поведенческих и эмоциональных конструктах функционирования личности.

Наиболее распространенной является классификация копинг-стратегий, предложенная Сьюзан Фолкман и Ричардом Лазарусом, вытекающая из предложенных ими двумя основными функциями копинга:

1. Копинг-стратегия, которая «сфокусирована на проблеме» и направлена на нивелирование стрессовой связи между личностью и средой;
2. Копинг-стратегия, которая «сфокусирована на эмоциях» и направлена на регуляцию эмоционального фона [5, 6].

Самоотношение личности рассматривается с использованием различных психологических терминов: самоуважение, самочувствие, любовь к себе, самопринятие, установка на себя, обобщенная самооценка и т.п.

Самоотношение как свойство личности теснейшим образом связано с целями ее жизни и деятельности, с ее ценностными ориентациями, выступает важнейшим фактором образования и стабилизации ее единства. Выступая устойчивой личностной чертой, самоотношение тесно связано с другими свойствами личности, особенно волей [2, 7].

Анализ личностных характеристик спортсменов высших достижений, занимающихся каратэ:

При статистической обработке данных, полученных при проведении методики шкалирования самооценки и уровня притязаний Дембо-Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан, 1988) были получены следующие результаты, представленные на рисунке 1.

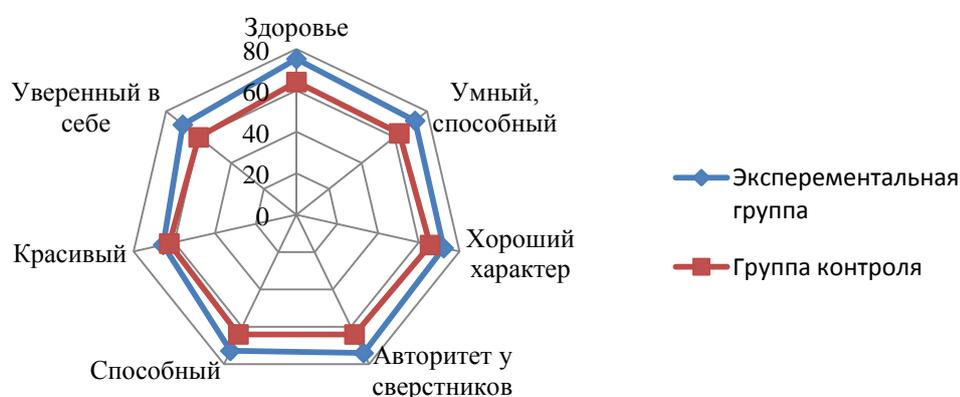

Рис. 1. Диаграмма соотношения шкал притязания у экспериментальной группы и группы контроля.

Спортсмены-каратисты с оптимизмом определяют возможности своего здоровья и своих физических качеств. Адекватно оценивают свой характер и трудовые возможности.

При статистической обработке данных, полученных при проведении методики «Индекс жизненного стиля (LifeStyleIndex). Опросник Плутчика-Келлермана-Конте», были получены следующие результаты, представленные на рисунке 2.

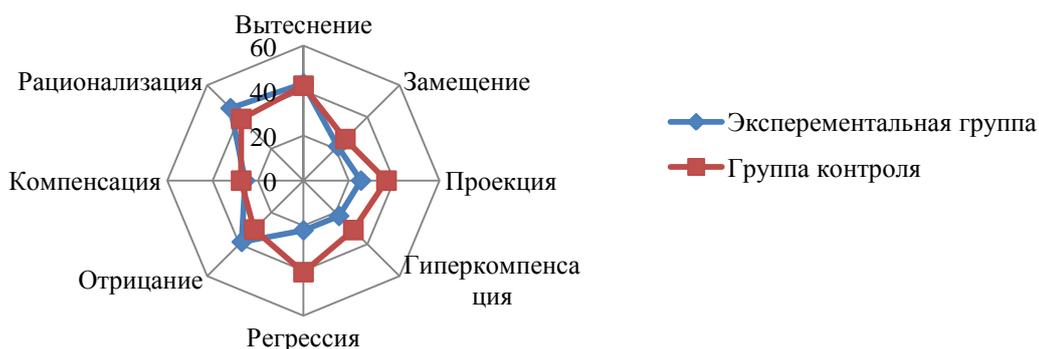

Рис. 2. Диаграмма соотношения защитных механизмов у экспериментальной группы и группы контроля.

Каратистам не нужно вытеснять свои негативные эмоции и агрессию на других людей в повседневной жизни, так как они это могут сделать во время спаринга. Также каратисты склонны принимать взвешенные решения и с ответственностью подходить к проблемным вопросам.

При статистической обработке данных по опроснику «Способы совладающего поведения» Р. Лазарус (1988 г.) были получены следующие результаты, представленные на рисунке 3.

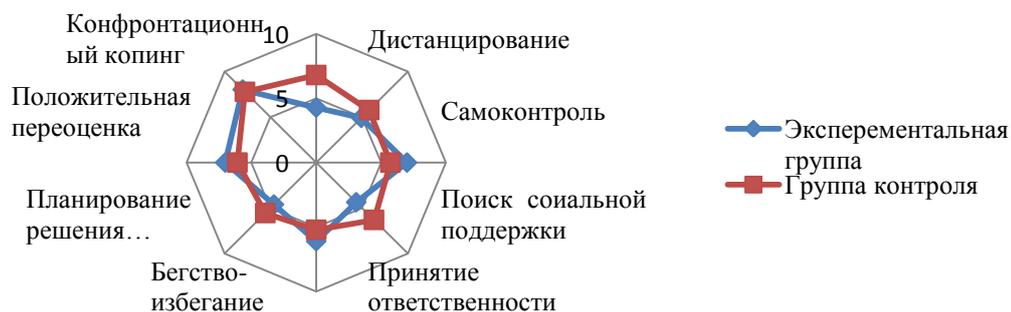

Рис. 3. Диаграмма оценки способов копинга у экспериментальной группы и группы контроля.

Спортсмены в меньшей степени используют агрессивные усилия по изменению ситуации, чем группа контроля. Меньше привлекают внешние (социальные) ресурсы, для поиска информационной, эмоциональной и действенной поддержки во время актуальных трудностей.

При статистической обработке данных по многомерному опроснику исследования самооотношения С.Р. Панталева были получены следующие результаты, представленные на рисунке 4.

Спортсмены высших достижений, занимающиеся каратэ, имеют высокое самомнение, целиком уверены в своей физической и духовной силе, умении предвидеть действия партнера по спаррингу.

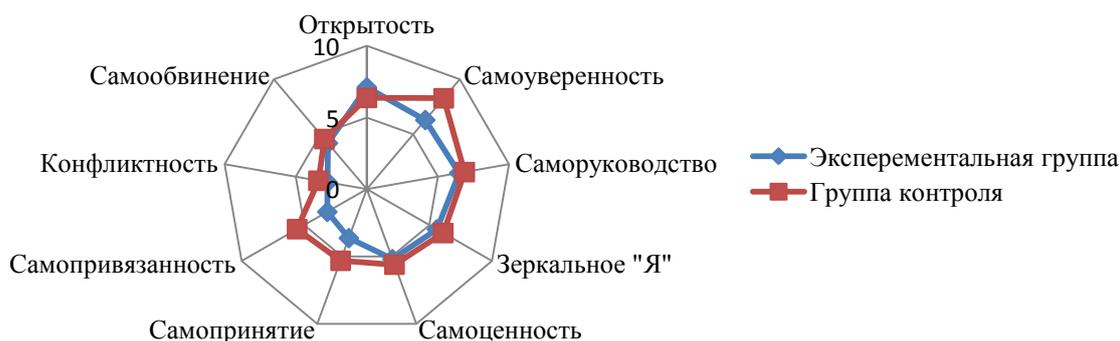

Рис. 4. Диаграмма оценки самооценки у экспериментальной группы и группы контроля.

Таким образом, можно сделать выводы:

Для спортсменов-каратистов характерен адекватный уровень притязаний, что свидетельствует о постановке реально достижимых целей.

Спортсмены переживают собственное «Я» как внутренний стержень, который координирует и направляет всю активность, организует поведение в спарринге, что делает их способными прогнозировать свои действия и действия соперника. Каратисту свойствен контроль над эмоциональными реакциями и переживаниями по поводу себя. Каратэ прививает, такие черты характера, которые помогают каратистам не только во время спарринга, но и в повседневной жизни для преодоления жизненных ситуаций.

Литература

1. Алексеев А.В. Преодоление себя. Психическая подготовка в спорте. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс». – 2016. – 354 с.
2. Беляев Г.С., Лобзин В.С., Копылова И.А. Психогигиеническая саморегуляция. – М.: Медицина. – 2015. – 160 с.
3. Ганюшкин А.Д. Идеальное состояние для выступления спортсмена как форма психической готовности // Спортсмен как субъект деятельности. – Омск, 2015. – С. 23–25.
4. Ефимова Н.С. Основы психологической безопасности. – Москва: ИД ФОРУМ. – 2015. – 192 с.
5. Иванова В.В. Общие вопросы самосознания личности. – М.: Прометей. – 2015. – 152 с.
6. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. – СПб: Питер. – 2016. – 960 с.
7. Клёцина И.С. Гендерная компетентность личности. – СПб.: Питер. – 2009. – С. 316–339.
8. Чикова О.М. Психологические особенности спортивной деятельности и личности спортсмена. – М.: ИПП Госэкономплана РБ. – 2015. – 235 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЯВЛЕНИЙ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА СО СТИЛЯМИ СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ

А.А. Ведьгун, А.Н. Крутолевич

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) очень часто рассматривают как редкое заболевание, которое встречается менее пяти случаев на тысячу взрослых человек. Информация о природе этого расстройства была весьма ограничена. Долгое время считалось, что не существует никаких эффективных методов лечения данного заболевания. Но, на нынешнем этапе изучения этого расстройства картина проясняется. Оказалось, что данным заболеванием страдает гораздо больший процент населения.

В данной работе на теоретическом уровне дано структурное представление понятию симптоматического проявления обсессивно-компульсивного расстройства, затем было проведено исследование на выявление статистически достоверные взаимосвязи между симптоматикой обсессивно-компульсивного и его связи с проявлением такого личностного качества, как перфекционизм. Заключительной частью исследования стало выявление связи между проявлениями перфекционизма со стилями семейного воспитания.

Ключевые слова: обсессивно-компульсивное расстройство, расстройство, симптоматика, взаимосвязь, перфекционизм, семейное воспитание.

Обсессивно-компульсивное расстройство (ОКР) относят к приобретенным болезням, которые по статистике составляют от 1,9 до 3,3 % населения. Главными клиническими проявлениями этой болезни являются обсессии (повторяющиеся нежелательные мысли, образы, эмоциональные переживания и побуждения) и компульсии (стереотипные, часто переходящие в ритуальные действия или психические акты), которые нездоровые лично воспринимают как «защитные». Время от времени отдельно выделяется обсессивное (преобладание навязчивых мыслей) и отдельно компульсивное (когда проявляются в большей степени навязчивые действия) расстройства [2, с. 33].

Обсессивно-компульсивное расстройство в равной степени может быть у женщин и мужчин. Ананкастные черты часто выступают в основе личности. Развивается обычно в детском или юношеском возрасте. Течение данного заболевания вариабельно. При отсутствии выраженных депрессивных симптомов заболевание может деформироваться в хроническое. Страх загрязнения является классическим примером этого заболевания. Данный страх проявляется в выраженном ощущении дискомфорта при соприкосновении больного с грязными, по его мнению, предметами.

Чтобы избавиться себя от этих мыслей, человек начинает мыть руки. Но даже если ему в какой-то момент кажется, что он достаточно вымыл руки, любое соприкосновение с «грязным» предметом заставляет его начать свой ритуал заново. Эти ритуалы позволяют пациенту достичь временного облегчения состояния. Больной осознаёт бессмысленность этих действий, но сопротивляться им он не в состоянии [4].

Психологи говорят о том, что люди, у которых развито обсессивно-компульсивное расстройство личности, имеют некоторые особенности мышления:

- они уверены, что могут контролировать все, даже собственные мысли: мысль – это часть личности, так как её появление означает то, что она уже присутствовала в подсознании и мозг давно её обдумывал;

- эти люди верят в то, что мысль материальна. Представив что-то страшное человек верить в то, что это обязательно произойдет;

- зачастую, для таких людей характерен перфекционизм. Человек не позволяет себе ошибаться, считает, что должен быть идеален.

В процессе исследования перфекционизма часто поднимался вопрос о том, нужно ли считать перфекционизм выраженным здоровым стремлением к самореализации, самосовершенствованию или необходимо считать эту характеристику навязчивым стремлением к несуществующему идеалу. С. Петерс говорил о том, что для высоких достижений человеку необходимо ставить перед собой большие цели, которые требуют упорства и труда. Он так же подмечал, что такие завышенные требования к себе могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на жизнь человека. Изучавшие спортсменов, В.Паркер и Адкинс предложили рассматривать желание быть идеальным невротическим в тот момент, когда стандарты, установленные человеком для себя, становятся нереалистично высокими. С. Петерс был не согласен с этими авторами и считал, что перфекционизм развит у талантливых и одарённых людей, которые стремятся максимально развить свои способности. Л. Сильверман считал, что на оценку перфекционизма в первую очередь влияет культура.

В.Роделл описывает как положительные, так и отрицательные аспекты перфекционизма: в положительной форме перфекционизм может обеспечить человека силой, которая подталкивает и приводит к большим достижениям. В.Роделл приводит примеры людей искусства, которые стремятся улучшить результаты своего труда, неоднократно возвращаясь к, уже, казалось бы, конечному результату и, совершенствуя его, стремится максимально приблизиться к своему пониманию об «идеальном результате» [3].

Настойчивость, требовательность к себе, с которой многие творческие люди стремятся как можно точнее и полнее, воплотить свои идеи, по мнению В.Роделла, являются положительными проявлениями перфекционизма. Устанавливать для себя высокие стандарты – не плохо, но опасно, осо-

бенно когда перфекционистские тенденции сочетаются с «карающей» позицией окружающих или самого человека [3].

Основной целью исследования является выявление уровня симптоматики обсессивно-компульсивного расстройства у студентов разных факультетов, а также, при наличии симптоматики, определение факторов, повлиявших на её возникновение. Заключительной частью нашего исследования является выяснение связей возникновения проявлений перфекционизма с особенностями социального климата семьи. Социальный климат семьи определяют правила и закономерности поведения, которые устоялись в семье и оказывают влияние на взаимоотношения членов семьи. Существуют семейные правила, которые устанавливаются открыто. Некоторые правила являются скрытыми и проявляются из ситуаций, которые происходят в семье неоднократно. Скрытые правила очень важны, так как они устанавливаются негласно. Правила определяют, что в семье можно делать, а что нельзя, что считается плохим и хорошим, то есть являются элементом семейной идеологии, благодаря которому и формируется тот самый социальный климат семьи [1].

На данном этапе исследовательской работы выявлялась связь проявлений перфекционизма и особенностей стиля семейного воспитания и социального климата семьи. Для эмпирического исследования взаимосвязи симптоматики обсессивно-компульсивного расстройства и у студентов, а также изучения взаимосвязи выявленной симптоматики с проявлением перфекционизма использовались следующие методики:

1. Симптоматический опросник SCL-90-R.

Симптоматический опросник SCL-90-R (англ. Symptom Check List-90-Revised) – клиническая тестовая и скрининговая методика, предназначенная для оценки паттернов психологических признаков у психиатрических пациентов и здоровых лиц.

2. «Опросника перфекционизма» Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогоровой.

Опросник определения перфекционизма был создан Н.Г. Гаранян и А.Б. Холмогоровой. Содержит в себе 29 утверждений. Шкалы идентифицированы как «Высокие стандарты и притязания», «Критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах» и «Постоянное сравнение себя с другими при ориентации на самых успешных».

3. «Шкала семейного окружения (ШСО)».

Данная шкала предназначена для оценки социального климата в семьях всех типов. В основе ШСО лежит оригинальная методика Famil Environmental Skale (FES), предложенная Р.Х. Мусом в 1974 г. Методика ШСО была адаптирована С.Ю. Куприяновым в 1985 году. ШСО включает 10 шкал, каждая из которых представлена девятью пунктами, которые характеризуют семейное окружение личности.

В результате исследования, при помощи данной (1) методики, было выявлено, что 72 % испытуемых имеют слабо выраженные тенденции к навязчивым непроизвольно возникающим мыслями и действиям.

Умеренный уровень симптоматического проявления обсессивно-компульсивного расстройства имеют 16 % испытуемых. 10 % испытуемых имеют повышенный уровень проявления симптоматики, а 2 % имеют ярко-выраженную тенденцию к навязчивым состояниям, многократно и непроизвольно возникающим в сознании, и/или навязчивым влечениям, которые имеют непреодолимый характер и возникающим вопреки воле, чувствам и разуму человека.

Корреляционный анализ по Спирмену установил статистически достоверную взаимосвязь критического отношения к себе и сомнений в собственных силах с уровнем симптоматики обсессивно-компульсивного расстройства студентов университета; коэффициент корреляции $r=0,49$ при уровне достоверности $p=0,01$. Так же статистически достоверная связь была установлена между проявлениями симптоматики обсессивно-компульсивного расстройства и таким качеством, как постоянное сравнение себя с другими при ориентации на самых успешных. Коэффициент корреляции составил $r=0,56$ при уровне достоверности $p=0,01$. Коэффициент корреляции для взаимосвязи симптоматики обсессивно-компульсивного расстройства и показателей шкале «Высокие стандарты и притязания» составил $r=-0,025$ при уровне достоверности $p=0,861$, что говорит о невозможности использования данных результатов в исследовании.

Наиболее значимые взаимосвязи были выявлены между симптоматическим проявлением обсессивно-компульсивного расстройства и такими проявлениями перфекционизма, как критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах, а также склонность к постоянному сравнению себя с другими при ориентации на самых успешных. Это означает, что человек, который критичен по отношению к себе и своим действиям, сомневается в собственных знаниях, умениях и навыках, а также постоянно сравнивает себя и свои действия с действиями других, зачастую имеющих большой успех в какой-либо сфере деятельности, людей, имеет огромную вероятность возникновения проявлений обсессивно-компульсивной симптоматики.

В результате исследования нами была установлена статистически достоверная связь между таким симптоматическим проявлением перфекционизма как критическое отношение к себе и сомнения в собственных силах и показателями личностного роста семьи. Были выявлены статистические связи со следующими шкалами: «ориентация на достижения», что означает то, в какой степени разным видам деятельности в семье придают характер достижения и соревнования ($r=-0,27$ при $p=0,02$); «ориентация на активный отдых», то есть то, насколько семье свойственны активный отдых и спорт ($r=-0,31$ при $p=0,009$).

Данные результаты исследования означают, что человек, в семье которого в большей степени присутствует активный отдых, в меньшей степени критичен по отношению к себе и своим действиям. В меньшей степени на проявления перфекционизма влияют активность членов семьи в социальной, интеллектуальной, культурной и политической сферы деятельности и уровень семейного уважения к этическим и нравственным ценностям и положениям.

Литература

1. Шкала семейного окружения (ШСО). Методика Famil Environmental Skale (FES). Р.Х. Мус, адаптация С.Ю. Куприянова. – URL: <https://psycabi.net/testy/650-shkala-semejnego-okruzheniya-shso-metodika-famil-envirmental-skale-fes-r-kh-mus-adaptatsiya-s-yu-kupriyanova> (дата обращения: 14.11.2020).

2. Federici A. Consistency between self-report and clinician-administered versions of the Yale-Brown Obsessive-Compulsive Scale // Journal of Anxiety Disorders. – 2010. – Vol. 24. – № 7. – P. 729–733.

3. Silverman L.K. A developmental model for counseling the gifted. – Denver. – 1993. – 30 p.

4. The Etiology of Obsessive-Compulsive Disorder. – URL: https://www.researchgate.net/publication/283063248_The_etiology_of_Obsessive-Compulsive_Disorder (дата обращения: 21.04.2018).

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ И ОБЩЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ

К.М. Горелов, А.Н. Крутолевич

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Беларусь

Статья посвящена проблеме взаимосвязи семейного окружения и общего благополучия девочек-подростков, включающее в себя физическое и психологическое здоровье. В ходе исследования было выявлено: прямая взаимосвязь между параметрами «Интеллектуально-культурная ориентация» и «Физическое здоровье»; прямая взаимосвязь между параметрами «Независимость» и «Психологическое здоровье». Исследование показало, что интеллектуально-культурная ориентация и независимость прямо влияют на уровень общего благополучия девочек-подростков.

Проблема общего благополучия подростков чрезвычайно важна, но недостаточно изучена. Общее благополучие не может быть сведено только к потребностям и социально-экономическим благам, или дееспособности

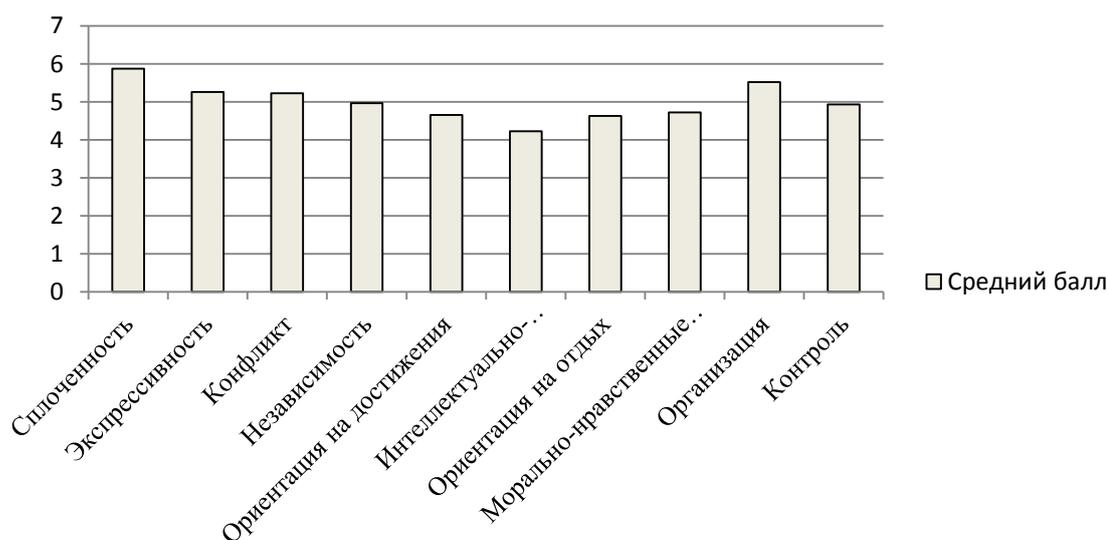
подростков. Общее благополучие определяется, прежде всего, рефлексивными практиками и знаниями, то есть принципиально связаны с анализом субъекта средств организации своего мышления и деятельности. На состояние здоровья и заболеваемость подростков существенное влияние оказывают условия обучения, несоответствующие гигиеническим нормам, интенсификация учебного процесса, снижение двигательной активности, проблемы питания и воспитания в семье [1].

Было проведено исследование, с целью определить уровни взаимосвязи семейного окружения и общего благополучия девочек-подростков. Выборку составили девочки-подростки, возраст которых составлял от 12 до 13 лет. Для проведения исследования были использованы следующие методики:

1. Методика ШСО (Шкала семейного окружения) Р.Х. Муса (в адаптации С.Ю. Куприянова) [2];

2. Опросник SF-36 (Краткая форма оценки здоровья, англ. – The Short Form-36) J.E. Ware (в адаптации Межнационального Центра исследования качества жизни (МЦИКЖ)).

Для изучения семейного окружения девочек-подростков была использована методика ШСО Р.Х. Муса (в адаптации С.Ю. Куприянова). Наиболее выраженными стилями семейного окружения являются сплоченность, организация, экспрессивность. Наименее выражены такие факторы, как интеллектуально-культурная ориентация, ориентация на отдых, ориентация на достижения. Как показало исследование, стили семейного окружения девочек-подростков характеризуются сплоченностью, организацией, экспрессивностью, что означает, в целом, что члены семьи заботятся друг о друге, помогают друг другу, структурированы в семейной активности и финансовом планировании и открыто выражают свои чувства. Результаты представлены на рисунке.

Средние арифметические значения параметров по методике ШСО

Для изучения общих характеристик качества жизни девочек-подростков была использована методика SF-36 J.E. Ware (в адаптации Межнационального Центра исследования качества жизни (МЦИКЖ)). Средние значения шкал «компонент физического здоровья» и «компонент психологического здоровья» имели следующие значения:

- шкала «компонент физического здоровья»: 50,58;
- шкала «компонент психологического здоровья»: 46,87.

Выявленные параметры общего благополучия девочек-подростков позволяют сделать вывод о среднем уровне общего состояния здоровья, включающих в себя психологическое здоровье и физическое здоровье.

Для статистического изучения связи между методиками рассчитывался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Был произведен анализ взаимосвязи между параметрами «Сплоченность», «Экспрессивность», «Конфликт», «Независимость», «Ориентация на достижения», «Интеллектуально-культурная ориентация», «Ориентация на отдых», «Морально-нравственные аспекты», «Организация», «Контроль» и параметрами составляющей здоровья: «Физический компонент здоровья» и «Психологический компонент здоровья».

В результате корреляционного анализа были получены следующие данные:

1. Прямая взаимосвязь между параметрами «Интеллектуально-культурная ориентация» и «Физическое здоровье» ($r=0,504$, при $p=0,010$). Прямая связь между данными параметрами говорит о том, что интеллектуально-культурная ориентация оказывает влияние на физическое здоровье девочек;

2. Прямая взаимосвязь между параметрами «Независимость» и «Психологическое здоровье» ($r=0,414$, при $p=0,031$). Прямая связь между данными параметрами говорит о том, что независимость оказывает влияние на психологическое здоровье девочек.

Можно сделать вывод, что интеллектуально-культурная ориентация и независимость оказывают влияние на общее благополучие девочек-подростков. Интеллектуально-культурная ориентация включает в себя самообразование и приобщение к культуре. Повышение активности семейного окружения в культурной сфере оказывает положительное влияние на уровень физического здоровья девочки-подростка. Независимость же в семейном окружении подразумевает финансовые, профессиональные, социальные, эмоциональные аспекты. Поощрение семейного окружения к самоутверждению, самостоятельности девочки-подростка оказывает положительное влияние на уровень психологического здоровья.

Конфликты и ссоры в семейном окружении являются большим стрессом для подростка. Конфликтное поведение может проявляться в скрытой форме: демонстративное молчание, бойкот взаимодействия, подчеркнутая

холодность в отношениях и в открытой форме: взаимные словесные оскорбления, демонстративные действия, оскорбление физическими действиями.

Чтобы снизить риск конфликтных взаимодействий, семья должна быть сплоченной и внимательной к подростку, что подтверждает следующая связь.

Был произведен анализ взаимосвязи между параметрами «Экспрессивность», «Конфликт», «Независимость», «Ориентация на достижения», «Интеллектуально-культурная ориентация», «Ориентация на отдых», «Морально-нравственные аспекты», «Организация», «Контроль» и параметром «Сплоченность».

Результаты корреляционного анализа показали следующее: между параметром «Сплоченность» и параметрами «Экспрессивность» ($r=0,594$, при $p=0,031$), «Независимость» ($r=0,514$, при $p=0,009$), «Интеллектуально-культурная ориентация» ($r=0,397$, при $p=0,037$) была выявлена прямая связь.

Из результатов корреляционного анализа можно сделать вывод, что на уровень сплоченности семейного окружения оказывают экспрессивность, независимость и интеллектуально-культурная ориентация. Повышение уровня экспрессии и повышение активности в культурной сфере, а также поощрение к самоутверждению, самостоятельности девочки-подростка положительно влияют на уровень сплоченности семейного окружения.

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что интеллектуально-культурная ориентация и независимость оказывают влияние на общее благополучие девочек-подростков. Независимость, включающая в себя степень поощрения к самоутверждению, самостоятельности в обдумывании проблем и принятии решений, оказывает положительное влияние на психологическое здоровье девочек, в то время как интеллектуально-культурная ориентация, включающая в себя степень активности членов семьи в социальной, интеллектуальной, культурной и политической сферах жизни оказывает положительное влияние на физическое здоровье девочек.

В семьях, где поощряется независимость и самостоятельность заинтересованность в социальной и культурной жизни, где отсутствует конфликтная среда, девочки более здоровы.

Чтобы создать благоприятный психологический климат в семье, нужно следить, чтобы каждый из членов семьи мог лично развиваться. Для повышения уровня сплоченности следует раскрываться и делиться своими эмоциями друг с другом, а также давать подростку шанс и возможность быть самостоятельным. Сплоченность семьи является одним из самых важных факторов, обуславливающим нормальное физическое и психологическое развитие девочки-подростка.

Литература

1. Абаев А.М. Психолого-педагогическая оценка качества жизни подростков // Педагогика искусства. – 2010. – № 2. – С. 1–9.
2. Куприянов С.Ю. Роль семейных факторов в формировании вариантов нервнопсихического механизма патогенеза бронхиальной астмы и их коррекция методами семейной психотерапии: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Л. – 1985.

ОБЗОР ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «ПСИХОПАТИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ, СВЯЗАННОЙ С КРИМИНАЛЬНОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ

Д.А. Иванова, М.А. Березин

Южно-уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье рассмотрены современные представления о психопатии в отечественной и зарубежной психологии и факторы, затрудняющие оказание качественной психологической помощи этой категории населения. Определение, этиология и динамика психопатии как одного из расстройств личности являются предметом дискуссий и исследований, что способствует возникновению разнонаправленных программ лечения. Robert D. Nare (2006) указывает, что численность людей с психопатией в Америке в исправительных учреждениях составляет четвертую часть от общего числа заключенных. Финансирование создания и реализации специфической коррекционной программы при указанном количестве может для ряда учреждений невозможно.

Интерес к исследованию психопатии обусловлен её социальным значением. Конфликтные, фрустрирующие ситуации могут способствовать не только возникновению психопатических реакций, патологическому развитию, декомпенсации, но и осуществлению противоправных действий [3, с. 446]. Исследование риска рецидивов насильственных действий, в частности сексуального насилия, проводилось Porter (2000) с колл., Steadman (1999), Harris, Rice и Camilleri (2004) оценивали риск насилия среди пациентов психиатрических клиник. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что «личностные черты, ассоциируемые с психопатией, находятся среди наиболее важных причин агрессии», а также то, что «психопаты не только с большей вероятностью совершат убийство на сексуальной почве (в отличие от других убийц), но и используют значительно больше необоснованной и садистской жестокости» [9, с. 716]. Quinsey, Rice и Harris (1995) заключили, что психопатия является предиктором рецидивизма. В связи с этим психопатия является предметом изучения в криминологии, общей и судебной психиатрии, медицинской психологии.

Несмотря на проблему определения понятия, на которую указывают и Devon L.L. Polaschek, и Tadhg E. Daly, и Robert D. Hare и другие специалисты в области психологии, дефиниции расстройства личности, представленные в Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ–10) и в 5-й версии Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM–V), отражают три критерия, выделенные П.Б. Ганнушкиным: стойкость характерологических изменений на протяжении жизни, тотальность изменений, охват всех основных сфер жизни психики и нарушение социальной адаптации [10, с. 593].

В секцию (раздел) III DSM–V была введена основанная на чертах система для характеристики патологии как пример новой модели для использования в исследованиях. Описание антисоциального расстройства личности (Antisocial Personality Disorder) в DSM–V сопровождается утверждением, что «Основной особенностью антисоциального расстройства личности является повсеместная модель пренебрежения, нарушения прав других лиц, которые начинаются в детском или раннем подростковом возрасте и сохраняются во взрослом возрасте. Эту модель также называют психопатией, социопатией или диссоциативным расстройством личности» [7, с. 659]. Casey M. Strickland, Laura E. Drislane, Megan Lucy (2013) оценили на сколько эффективной является эта модель для диагностики психопатии. В описательную характеристику в этой секции не были включены элементы межличностной эффективности, эмоциональной устойчивости (например, поверхностный шарм, сильное чувство собственной ценности), которые считаются важными для отграничения психопатии и антисоциального расстройства личности. Несмотря на это, предложенный для диагностики антисоциального расстройства личности список черт обеспечит возможность диагностики расторможенности и патологической склонности к обману психопатов [11, с. 335].

В МКБ–10 психопатия представлена в виде рубрики F60 Специфические расстройства личности, которая включает параноидное, шизоидное, диссоциальное и другие расстройства личности [5]. МКБ–11 отличается от классификации десятого пересмотра установлением градации по степени выраженности расстройства [6]. Изменение в терминологическом аппарате, заключающееся в именовании психопатий расстройствами личности, С.В. Литвинцев относит к 90-м годам XX века. В качестве наглядного примера служит учебник И.А. Кудрявцева по комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе (1988 год), где используются термины «психопатическая личность» и «психопатические аномалии личности». В 2017 году в аналитическом обзоре В.В. Горинова, Д.Н. Корзун, С.А. Васюкова и др. используется понятие «расстройство личности» и только периодически «психопат». В МКБ–11 нашла отражение критическая позиция А.Б. Смулевича в отношении критериев Кербикова-

Ганнушкина, в частности пересмотру подвергся критерий стабильности [4, с. 16]. Признание расстройства личности транзиторным должно противостоять стигматизации этого расстройства.

В доказательство несостоятельности «стабильности» в качестве такого критерия свидетельствовали наблюдения депсихопатизации пациентов в процессе старения, что проявляется в исчезновении импульсивности, улучшении и стабилизации интерперсональных отношений [2, 18]. Данные о преимущественной роли каких факторов, биологических или социально-психологических, приводящих к сглаживанию отдельных черт, неизвестны. Вероятно, что как для исчезновения отдельных черт, так и для формирования расстройства личности необходимо наличие биологической базы и влияние внешних факторов.

Появление исследований, посвященных особенностям протекания психических процессов в головном мозге психопата, позволило выяснить, что для них характерны разноуровневые стволовые дисфункции негрубого функционального характера. Kent A. Kiehl (2012) установил, что кора головного мозга, миндалина, а также передняя и задняя поясная кора у людей с расстройством личности отличаются в своем функционировании от людей, не имеющих данного диагноза [9, с. 717].

Коррекционные программы, реализуемые в пенитенциарных учреждениях и не учитывающие специфики расстройства личности, оказываются неэффективными, так как они в частности направлены на формирование эмпатии, осознанности и коммуникативных навыков для выстраивания межличностных взаимоотношений [9, с. 717]. Расстройство личности характеризуется незрелостью регуляции, невозможности разделить личностного смысла ситуации и её объективного значения, невозможности выйти в рефлексивную позицию, что, в целом, затрудняет изменение отношения к ситуациям и себе самому.

Rice и Harris установили, что психопаты, которые прошли коррекционные программы, после освобождения повторно совершали преступления, научившись более искусно манипулировать людьми, обманывать и использовать их [9, с. 717; 1, с. 61]. Они оказались даже способными ввести в заблуждение опытных терапевтов. Отчеты исследователей 2005 года, утверждающие наличие положительной динамики в следствии участия в коррекционных программах, были позднее опровергнуты.

В связи с неэффективностью классических программ лечения существует необходимость создания новых программ, которые будут учитывать специфику расстройства. В 2005 году S. Wong, R.D. Hare выпустили «Guidelines for a psychopathy treatment program», где они указывают на необходимость применения когнитивно-поведенческих техник, упор на принятие ответственности за своё поведение и формирование новых поведенческих паттернов, которые позволят им удовлетворить их потребности.

Несмотря на длительное существование расстройств личности и достаточно большое количество работ, публикуемых по теме ежегодно (не менее 100 статей с 2006 года в иностранных изданиях), вопросы этиологии, динамики, диагностики и лечения остаются дискуссионными. Незначительная распространенность расстройства среди населения, в частности в местах лишения свободы, не способствует заинтересованности в финансировании разработок программ лечения.

Литература

1. Бедненко Б.Г. К вопросу об эффективности психокоррекционной работы с психопатическими личностями // Прикладная юридическая психология. – 2009. – №2. – С. 58–62.
2. Горин В.В., Корзун Д.Н., Васюков С.А., Илюшина Е.А., Шеховцова Е.С. Судебно-психиатрические аспекты расстройств личности в уголовном процессе: Аналитический обзор. – М.: ФГБУ «НИМЦ ПН им.В.П. Сербского» Минздрава России. – 2018.
3. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). – М.: Изд-во Моск. Ун-та. – 1999.
4. Литвинцев С.В. К вопросу о границах психопатий // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. – 2017. – №1. – С. 11–18.
5. Международная классификация болезней 10-го пересмотра. – URL: <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 23.04.2021).
6. Международная классификация болезней одиннадцатого пересмотра. – URL: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en> (дата обращения: 23.04.2021).
7. American Psychiatric Association: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, Fifth Edition. Arlington, VA, American Psychiatric Association. – 2013.
8. Anderson N.E., Kiehl K.A. The psychopath magnetized: insights from brain imaging // Trends in cognitive science. – 2012. – Vol. 16. – Issue 1. – P. 52–60.
9. Hare R.D. Psychopathy: A Clinical and Forensic Overview // Psychiatric Clinics of North America. – 2006. – № 29. – P. 709–724.
10. Polaschek D.L.L, Daly T. Treatment and psychopathy in forensic settings // Aggression and Violent Behavior. – 2013. – № 18 (5). – P. 592–603.
11. Strickland C.M., Drislane L.E., Krueger R.F., Patrick C.J. Characterizing Psychopathy Using DSM-5 Personality Traits // Assessment. – 2013. – № 20 (3). – P. 327–338.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ С МАНИФЕСТАЦИЕЙ СИМПТОМАТИКИ ПАНИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА

А.Р. Косачёв, А.Н. Крутолевич

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

В статье раскрываются особенности влияния личностных характеристик на манифестацию соматических и психических расстройств, проводится корреляционный анализ взаимосвязи таких личностных характеристик как «экстраверсия» и «нейротизм» с манифестацией симптоматики панического расстройства. Актуализируется важность учета личностных характеристик при работе с пациентами, имеющими симптомы панического расстройства.

Паническое расстройство всегда привлекало клиницистов своей симптоматической вариативностью и неожиданностью пароксизмального ответа. Из-за клинически выраженной вегетативной симптоматики, долгое время, это расстройство относили в кластер соматических заболеваний как например, «синдром беспокойного сердца», впервые описанный в 1871 году, или так называемая вегетососудистая дистония [7].

В современных классификационных системах паническое расстройство относится к группе невротических, связанных со стрессом расстройств. В МКБ–10 паническое расстройство характеризуется пароксизмальными приступами резко выраженной тревоги (панические атаки), которые не ограничиваются конкретной ситуацией или обстоятельствами, не обладают специфической предсказуемостью и не прогнозируемы. Основная симптоматика панического расстройства очень схожа с многими тревожными расстройствами и включает: внезапное увеличение ЧСС, боли в плевральной области, ощущение удушья (кома в горле), тошноту, тремор, чувство прилива жара или холода, психотическую симптоматику (деперсонализация или дереализация). Как правило, после дебютирующего пароксизма, появляется страх смерти, потери контроля над собственным телом и поведением [8].

В большинстве эпидемиологических исследований оценки частоты встречаемости данного расстройства колеблются от 1,5 до 2,5%. Однако, без развития полной клинической картины, данное расстройство встречается значительно чаще – между 9 и 15% [6].

В настоящее время паническое расстройство рассматривается как расстройство, в манифестации которого большую роль играют три группы факторов: предиктивные (генетические, физиологические, биохимические), провоцирующие (травмирующая социальная ситуация, стресс, органическая патология) и закрепляющие. В качестве

предиктивных факторов выступают генетические, физиологические, личностные и социальные, образуя тем самым биопсихосоциальную модель панического расстройства. Несмотря на различные этиологические подходы к пониманию панического расстройства, сложившиеся под влиянием различных психологических школ и современных клинических исследований, в настоящее время можно исходить из широкого спектра биопсихосоциальных факторов, участвующих в манифестации и сохранении симптомов расстройства. Особое значение в этиологии имеет концепция диатеза-стресса, которая постулирует наличие актуальных нагрузок социального, психологического или биологического генеза (стресс), в сочетании с повешенной предрасположенностью организма к данным нагрузкам (диатез). В качестве подобных предрасположенностей могут выступать различные как физиологические особенности организма (степень возбудимости НС, гиперсенситивность к CO₂, особенности продукции определенных нейромедиаторов и т.д.), так и конституционные паттерны личности.

Известно, что структура личности в некоторой степени оказывает влияние на особенности манифестации, динамики и длительности различных, в том числе и соматических, патологий [1, 2, 3, 4, 5]. Так, «Тип личности А», впервые описанный Friedman и Rosenman в 1959, характеризующийся наличием таких поведенческих паттернов как необузданные амбиции, потребность в высоких достижениях, нетерпеливость с ярко выраженным чувством безотлагательности, играет значимую роль в развитии заболеваний сердечно-сосудистой системы, коронарной недостаточности, гипертонии, а также фобических и тревожных расстройств [6].

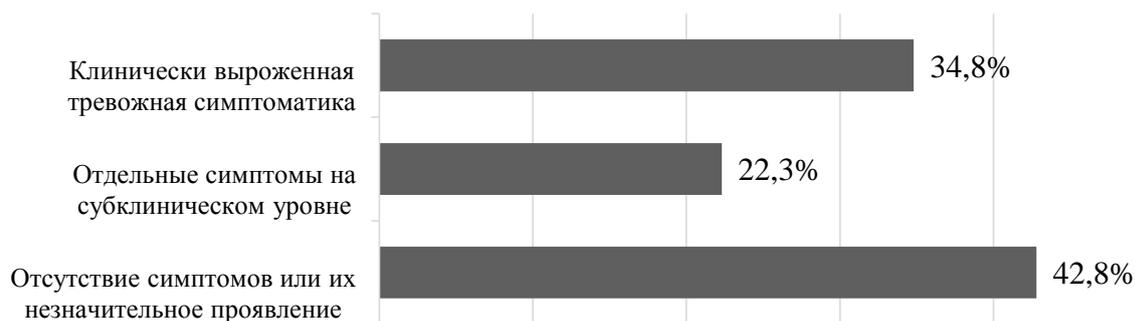
Однако, влияние личностных особенностей на манифестацию и патогенез панического расстройства все еще остается малоизученным, что делает исследования в этой области особенно актуальными.

Целью настоящего исследования явилось выявления взаимосвязи таких устойчивых личностных паттернов как «экстраверсия» и «нейротизм», с манифестацией симптоматики панического расстройства.

Для изучения характеристик личности респондентов был применен «Пятифакторный личностный опросник» Мак Крае-Коста (NEO-PI-R), адаптированный к русскоязычной выборке в 1997г. сотрудниками Ярославского государственного университета В.Е. Орёл и И.Г. Сениным. Симптоматика панического расстройства изучались с помощью клинических опросников «Patient Health Questionnaire (PHQ) Panic Screening Questions» Wayne J. Katon, и «Шкала тревоги Гамильтона» (The Hamilton Anxiety Rating Scale, сокр. HARS).

Для статистической обработки данных были применены методы дескриптивной и инференциальной (коэффициент корреляции Пирсона) статистики. Обработка полученных данных проводилась с помощью компьютерной программы «Statistical Package for the Social Sciences».

В исследовании приняли участие 112 человек (43 мужчин и 69 женщин). Средний возраст – 18,7 лет (минимальный – 17 лет, максимальный – 27 лет). Статистические показатели по общему уровню проявления панической симптоматики (PHQ) варьировались от 0 (отсутствие панического расстройства) до 1 (наличие панического расстройства). По результатам исследования, 6,2% респондентов демонстрировали клинически значимые симптоматические признаки панического расстройства, что соответствует статистическим данным последних эпидемиологических исследований [6]. По шкале диагностики тревожной симптоматики (HARS), показатели распределялись от 0 до 44, со средним арифметическим значением (M) 13,1 и стандартным отклонением (S) 11,3. Представленность тревожной симптоматики распределилась следующим образом: отсутствие симптомов или их незначительное проявление демонстрировали 42,8% испытуемых (48 человек), отдельные симптомы тревожных расстройств на субклиническом уровне демонстрировали 22,3% испытуемых (25 человек), клинически ярко выраженные тревожные состояния демонстрировали 34,8% испытуемых (39 человек). На рисунке показано распределение тревожной симптоматики у испытуемых основной выборки.

Шкала «распределение тревожной симптоматики у испытуемых»

Анализ данных исследования личностных особенностей, с помощью пятифакторного личностного опросника (NEO-PI-R), показал следующие результаты: по основному фактору «нейротизм» были получены баллы в диапазоне от 13 до 73, среднее значение составило (M) 45,63, при стандартном отклонении $S=13,380$; баллы по основному фактору «экстраверсия» варьировались от 20 до 67, среднее значение $M=47,84$, при стандартном отклонении $S=10,766$.

Корреляционный анализ показал положительную корреляционную взаимосвязь между тревожностью, панической симптоматикой и личностной характеристикой «нейротизм» ($r=0,544$; $p=0,000$ и $r=0,301$; $p=0,001$), и отсутствие статистически значимой взаимосвязи между симптомами пани-

ческого расстройства, тревожности и личностной характеристики «экстраверсия» ($r=0,035$; $p=0,715$ и $r=0,076$; $p=0,427$).

На основании полученных результатов можно утверждать, что личности с преобладанием нейротических черт, более склонны к проявлению симптоматики панического расстройства. Их негативные эмоциональные реакции сохраняются в течении длительного периода времени, особенно подвержены руминированию, способствуют неадекватному эмоциональному состоянию, дисфории и хронитизации стресса. Для людей с такими личностными паттернами свойственно самоограничения в социальных связях, невозможность выполнения той деятельности, которая ранее давалась без особых усилий, разрушение укоренившихся паттернов поведения и прочие ограничивающие факторы, влияющие на качество жизни индивида в целом. Исходя из сказанного следует заключить, что высокий показатель по шкале «нейротизм» может выступать специфическим «маркером-предиктором», указывающим на возможность развития панически ассоциированной или тревожной симптоматики.

На основании эмпирического анализа взаимосвязи основных личностных характеристик «экстраверсия», «нейротизм» с симптоматикой панического расстройства можно утверждать, что такая устойчивая личностная характеристика как «нейротизм» и степень его проявления, прямо пропорциональна манифестации симптомов панического расстройства, соответственно, личность, демонстрирующая нейротические паттерны поведения и мышления будет более склонна к проявлению панически ассоциированной и тревожной симптоматики, чем эмоционально стабильные люди.

Результаты проведенного исследования еще раз подчеркивают значимость устойчивых личностных паттернов в манифестации и патогенезе панического расстройства, актуализируют необходимость их учета при диагностике и выборе терапевтических целей вмешательства.

Литература

1. Гиндикин В.Я. Справочник: соматогенные и соматоформные психические расстройства (клиника, дифференциальная диагностика, лечение). – М.: Издательство «Триада-Х». – 2000. – 100 с.
2. Колосова О.А. Роль особенностей личности в формировании психо-вегетативных нарушений // Вегетативные расстройства: Клиника, лечение, диагностика / Под ред. А.М. Вейна. – М.: Медицинское информационное агентство. – 1998. – С. 469–470.
3. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство. – М.: «МЕДпресс». – 1998. – 177 с.
4. Менделевич В.Д., Соловьева С.Л. Неврология и психосоматическая медицина. – М.: МЕДпресс-информ. – 2002. – 608 с.
5. Окладников В.И. Личность и психосоматическая патология. – Иркутск. – 2005. – 213 с.

6. Перре М., Бауман У. Клиническая психология и психотерапия. – СПб.: Питер. – 2012. – 944 с.

7. Davidson J.R., Giller E.L., Zisook S. An Efficacy Study of Isocarboxazid and Placebo in Depression, and Its Relationship to Depressive Nosology // Arch. Gen. Psychiatry. – 1988. – 45 (2). – P. 120–127.

8. The International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems. 10th revision (ICD-10) / World Health Organization, 2021. – URL: <https://icd.who.int/browse10/2016/en#/F41.0> (дата обращения: 12.03.2021).

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АКТИВНОСТЬ ДЕФОЛТНОЙ СЕТИ МОЗГА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Л.А. Никулина, О.М. Разумникова

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия

В статье представлен обзор исследований, направленных на понимание закономерностей организации социального интеллекта в его взаимосвязи с активностью дефолтной сети мозга. Показано, что комплексный психометрический и психофизиологический подход позволяет сопоставить социальный интеллект и активность дефолтной сети мозга как «преднастройки» нейронных систем для успешной социальной адаптации, включающей социальный, личностный, когнитивный и творческий компоненты.

Термин «социальный интеллект» был впервые сформулирован в работах американского психолога и педагога Э. Торндайка в 1920 году. Социальный интеллект определяется как «способность действовать мудро в межличностном общении». Однако, вследствие столь широкого определения стали возникать вопросы более точной трактовки, что привело к множеству интерпретаций, в которых исследователи социального интеллекта пытались отразить в определении данного термина свое понимание социального интеллекта.

Социальный интеллект включает способности интерпретировать поведение людей, причины выбора разных его форм и прогнозирование последствий. Эволюция социального поведения человека отражает механизмы взаимодействия генетического, нейробиологического и социального факторов.

Связь социальной психологии и физиологии рассматривают как коэволюцию, то есть совместное взаимообусловленное существование и развитие. Итогом этой коэволюции стало рождение социальной психофизиологии, предметом которой являются психофизиологические основы соци-

ального взаимодействия индивидуальностей, в том числе дефолтная сеть мозга или сеть «пассивного» режима работы мозга. Она представлена нейронными структурами в разных областях головного мозга, функционально активных во время состояния «покоя», когда человек не занят выполнением какой-либо задачи с обработкой информации, поступающей из окружающей среды. Однако дефолтная сеть мозга участвует в различных формах селекции социально значимой информации как функциональное состояние нейронных систем, влияющее на их последующую реорганизацию, вызванную целенаправленной деятельностью.

В ходе исследований дефолтной сети мозга В. Ли, С. Май и Ч. Лю обнаружили, что одной из ее функций является отражение социальных связей, которые представлены такими важными компонентами отношений между людьми, как социальные контакты, социальные действия и взаимодействия, а также устойчивые социальные взаимоотношения [5].

На вопрос «что является первопричиной социального интеллекта, откуда он возникает и каковы его предпосылки?» попытались дать ответ М. Корбетта, Г. Патель и Г.Л. Шульмин в 2008 году [1].

Согласно результатам выполненного исследования, было отмечено, что существует совпадение между областями сетей мозга, активированных при социальном познании, и дефолтной сетью мозга. Социальное познание рассматривалось как сложный комплекс процессов познания одного человека другим посредством механизмов переработки, хранения и использования информации о других людях и социальных ситуациях. Так как социальный интеллект рассматривается социологами и психологами, такими как О. Конт и Г. Айзенк, как один из видов интеллекта, то он является источником познания. М. Кониши, Д.Д. Макларен, Х. Энген и Д. Смоллвуд считают, что когнитивные функции, связанные с познанием прошлого, настоящего и будущего, а также их объединением, выполняет дефолтная сеть мозга, которая, благодаря такому объединению, способствует пониманию человеком происходящего в текущий момент [4]. Это объединение и понимание настоящего экстериоризируется, в том числе, и в виде социальных взаимоотношений, так как социальный интеллект выстраивается на основе прошлого опыта, текущей ситуации и умения прогнозировать поведение других людей. Исследование, проведенное в 2016 году Ш. Сешамани и ее коллегами, показало, что дефолтная сеть мозга формируется еще до рождения [10]. Исследование проводилось внутриутробно на плодах, срок которых был 32–37 недель, а также на недоношенных детях. Обнаруженная активность дефолтной сети мозга в столь ранний период указывает на то, что она появляется до социального интеллекта, и имея в своей структуре компоненты, связанные с ним, способствует формированию социального восприятия на протяжении развития личности в социуме.

Также было обнаружено, что дефолтная сеть мозга участвует в различных процессах обработки социальной информации вследствие взаимосвязи

активности участков дефолтной сети мозга с областями понимания поведения других: восприятия эмоций, эмпатии, ТоМ (Theory of Mind) и моралью [5].

Медиальная префронтальная кора, как часть структуры дефолтной сети мозга, играет ключевую роль в понимании социального поведения других людей, их мыслей, чувств, поступков, ценностей. При этом отдельные ее участки по-разному активируются в ходе организации социального поведения. Например, вентромедиальная префронтальная кора, имеющая связи с эмоциональными областями мозга, участвует в регуляции эмоций при социальном взаимодействии. Функции передней медиальной префронтальной коры вместе с задней и передней поясной корой мозга ответственны за понимание различий между собой и другими людьми, приобретение способности различать представления о своих собственных действиях, восприятия эмоций от окружающих. Активность дорсомедиальной префронтальной коры в совокупности с височно-теменным соединением отражает способность понимать психические состояния окружающих. С увеличением сложности социального взаимодействия обработка информации из стереотипной формы переходит в более сложный когнитивный процесс, при котором взаимодействуют разные, функционально специализированные, области головного мозга.

Исследования последних десятилетий показали, что структуры дефолтной сети мозга в значительной степени активируются при выполнении задач, требующих от участников понимания и взаимодействия с другими людьми, таких как восприятие и интерпретация эмоционального состояния окружающих, проявление сочувствия к другим людям, понимание убеждений и намерений других и выстраивание моральных суждений о действиях других людей. Эмоциональное восприятие играет важную роль при социальном взаимодействии. Умение распознавать и интерпретировать эмоции других людей является составляющей социального интеллекта. Исследования регионарной активности мозга и восприятия эмоций выявили изменения взаимосвязей дефолтной сети и других структур мозга, в частности между префронтальной корой и миндалевидным телом. Дефолтная сеть мозга регулирует значимость разных сенсорных входов, концептуализируя ситуации для различных эмоций с учетом прошлого опыта для его использования в настоящем [6].

Выявлена связь между активностью дефолтной сети и одним из видов эмоционального восприятия – эмпатией, благодаря которой человек может выстраивать свое поведение с окружающими на основе соответствующих социальных контекстов и социальных отношений [8]. Передняя часть медиальной префронтальной коры, участвуя в восприятии эмоций, отвечает за различие между собой и другими, а за способность распознавать психические состояния других отвечает ее дорсальная часть и связанные с ней области.

Существует мнение, что дефолтная сеть мозга не участвует напрямую в выполнении самого социального поведения, а лишь оказывает влияние на успешность социального познания [7].

Однако, имеются данные о связи степени близости отношений между людьми и активности дефолтной сети мозга в условиях социального взаимодействия: чем в более близких отношениях состояли испытуемые, тем большее влияние это оказывало на формирование связей нейронных сетей [3].

Открытость, доверие и на основе этих качеств выстраивание отношений с другими людьми зависит от способности соотносить предыдущий опыт и знания об окружающих с ожиданиями. Обнаружено, что области, входящие в дефолтную сеть мозга (в том числе медиальная префронтальная кора), выполняют функции различения близких, хорошо знакомых людей от незнакомцев, что, в свою очередь, влияет на дальнейшее выстраивание социальных взаимодействий на основе предыдущего опыта и будущих ожиданий. Обнаружено, что люди оценивают социальную значимость во взаимных отношениях с близким человеком с учетом межличностных аспектов дружбы [2]. На основе этого были сделаны выводы о том, что нейронные связи, возникающие в том числе и в областях дефолтной сети мозга, ответственных за оценку вознаграждения, также чувствительны к социальной информации, влияющей на оценку полученных и ожидаемых социальных наград, таких как социальное одобрение, похвала, комплименты, и к формированию отношений с обратной связью, например, с принятием или отторжением.

На основе результатов исследований о роли областей дефолтной сети в социальном взаимодействии, некоторыми исследователями выдвигается гипотеза о том, что основная функция дефолтной сети – подготовка человека к социальному познанию [9].

Исследования в области когнитивной нейробиологии выявили комплекс медиальных лобно-теменных областей мозга, которые активируются во время социального познания и представляют часть дефолтной сети мозга. Таким образом, дефолтная сеть выполняет две важные функции: социальную подготовку и социальную интеграцию.

Было также обнаружено, что состояние покоя не является пассивным с точки зрения активности мозга. В этот период происходят процессы обработки информации и прогнозирование изменений окружающей обстановки. Эти процессы принимают участие в управлении вниманием, перестраивая работу мозга в разных видах когнитивной деятельности.

В социальной психологии актуален ряд вопросов, решение которых необходимо для дальнейшего понимания закономерностей социального поведения и роли социального интеллекта в таких перспективных направлениях как общественное сознание, межэтнические и межличностные взаимодействия, механизмы управления в межличностных отношениях и организационном развитии.

Понимание динамики развития социального интеллекта и факторов, определяющих его уровень и результативность в регуляции функций дефолтной системы, может помочь в решении проблем, касающихся общественного сознания и роли социального интеллекта в оптимизации межэтнических и межличностных взаимодействий в больших и малых группах.

Психологические исследования социального интеллекта имеют длительную историю, и их современная интеграция с нейрофизиологическим анализом функций социального мозга и информационными технологиями для определения особенностей межличностного взаимодействия позволяют по-новому осмыслить природу разных составляющих социального интеллекта, как основы успешного включения человека в социальную и профессиональную жизнь.

Литература

1. Corbetta M., Patel G, Shulman G.L. The reorienting system of the human brain: from environment to theory of mind // *Neuron*. – № 58 (3). – 2008. – P. 306–324.

2. Fareri D. Computational substrates of social value in interpersonal collaboration // *Journal of Neuroscience*. – № 35 (21). – 2005. – P. 8170–8180.

3. Fareri D., Smith D., Delgado M. The influence of relationship closeness on default-mode network connectivity during social interactions // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. – № 15 (3). – 2020. – P. 261–271.

4. Konishi M., McLaren D.G., Engen H., Smallwood J. Shaped by the Past: The Default Mode Network Supports Cognition that Is Independent of Immediate Perceptual Input // *PLOS One*. – № 10 (6). – 2015. – P. 1–18.

5. Li W., Mai X., Liu C. The default mode network and social understanding of others: what do brain connectivity studies tell us // *Frontiers in Human Neuroscience*. – № 8. – 2014. – P. 1–15.

6. Lindquist K.A., Wager T.D., Kober H. The brain basis of emotion: a meta-analytic review // *Behavioral and Brain Sciences*. – № 35. – 2012. – P. 121–143.

7. Mars R., Noonan M., Sallet J., Toni I. On the relationship between the «default mode network» and the «social brain» // *Frontiers in Human Neuroscience*. – № 6. – 2012. – P. 1–9.

8. Meyer M.L., Masten C.L., Ma Y., Wang C. Empathy for the social suffering of friends and strangers recruits distinct patterns of brain activation // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. – № 8. – 2013. – P. 446–454.

9. Meyer M. Social by Default: Characterizing the Social Functions of the Resting Brain // *Current Directions in Psychological Science*. – № 28. – 2019. – P. 380–386.

10. Seshamani S., Blazejewska A.I., Caucutt J. Detecting default mode networks in utero by integrated 4D fMRI reconstruction and analysis // *Human Brain Mapping*. – № 37 (11). – 2016. – P. 4158–4178.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ВААР-ТЕРАПИИ У ПОДРОСТКОВ С УСТАНОВЛЕННЫМ ДИАГНОЗОМ «ВИЧ-ИНФЕКЦИИ»

А.В. Новохацки, Л.А. Соломатова, Н.В. Стафеева

Южно-Уральский государственный университет,
Областной Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и ИЗ,
г. Челябинск, Россия

ВИЧ-инфекция представляет собой серьезную проблему для здоровья населения Российской Федерации, поскольку в группу риска по этому заболеванию входит молодое, работоспособное население. Отдельной проблемой представляется заболеваемость ВИЧ-инфекцией детей и подростков, особенно в отношении вопросов информированности о своем заболевании, принятии диагноза и соблюдения врачебных рекомендаций по лечению и профилактике осложнений. Исследование уровня информированности и психологическое сопровождение ребенка на всех этапах лечебного процесса позволяет повысить уровень приверженности антиретровирусной терапии и снизить риск распространения ВИЧ-инфекции среди молодого населения.

По данным на 01.01.2020 г. Челябинская область вошла в ТОП–22 худших регионов Российской Федерации, пораженных ВИЧ-инфекцией и находится на 6 месте. По-прежнему остается невысоким уровень информированности людей по вопросам ВИЧ. Практические исследования показали, что прием антиретровирусной терапии (ВААРТ) значительно замедляет прогрессирование ВИЧ-инфекции, а также улучшает показатели выживаемости среди заболевших [4].

ВИЧ-инфекция у детей чаще всего протекает довольно неблагоприятно. При этом происходит довольно быстрый переход из ВИЧ в СПИД и развитие с течением времени летального исхода. В связи с этим особо важным является своевременное начало лечения ВААРТ [1].

Рискованное поведение несовершеннолетних в совокупности с различными факторами, в частности, педагогическими, социальными, определяют то, что подростки с ВИЧ оказываются нередко в числе мало контролируемой группы пациентов. В результате это приводит к их высокой эпидемиологической опасности в отношении передачи ВИЧ [3].

Трудности формирования приверженности к ВААРТ у детей, живущих с ВИЧ, имеют несколько причин, и для каждого подростка необходимы свои пути и способы их решения. Одним из них являются медико-социальные и поведенческие характеристики подростков. Имеют значение также психологические особенности подростков: характерологические

особенности, стремление к самоутверждению, самостоятельности, критика к окружающему, стремление к протестному поведению.

Для повышения эффективности системы формирования приверженности ВААРТ у подростков с установленным диагнозом ВИЧ-инфекции на базе ГБУЗ «Областной Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и ИЗ» г. Челябинска разработана программа медико-психологического сопровождения несовершеннолетних [2].

На начальном этапе реализации программы проводилось анкетирование, целью которого была оценка уровня осведомленности и рискованного поведения несовершеннолетних Челябинской области, связанного с возможностью заражения и передачи ВИЧ-инфекции. Всего в участие в анкетировании приняло участие 112 подростков. Опрос осуществлялся в полном соответствии со специально разработанным структурированным вопросником.

Анкетирование показало, что представления подростков о резервах своего здоровья, своих физических возможностях, уверенность в отношении его сохранения в будущем сильно преувеличены, поэтому их не интересуют многочисленные предостережения со стороны взрослых о последствиях. Однако положительным моментом исследования 2020 г. является снижение в 1,5 раза доли утверждений подростков, отражающих лояльное отношение к психоактивным веществам. Вместе с тем и в настоящее время сохраняется отрицание возможности собственного заражения. Таким образом, регулярное проведение анкетирования, направленного на оценку уровня информированности и степени риска заражения ВИЧ среди несовершеннолетних позволяет выявить основные проблемы в плане сохранения здоровья подростков и определить мишени для первичной профилактики.

Для детей и подростков с подтвержденным диагнозом ВИЧ-инфекция организовано наблюдение осуществляется на базе ГБУЗ «Областной Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и ИЗ». Сверки по детям с перинатальным контактом, подлежащим диспансерному наблюдению, с кабинетами инфекционных заболеваний детских поликлиник г. Челябинска проходят ежемесячно, с инфекционистами территорий области 1 раз в 2–3 месяца, с целью своевременного обследования детей в декретированные сроки. Все дети, подлежащие диспансерному наблюдению, проходят не только обследование у врача-инфекциониста, но и получают консультацию медицинского психолога и специалиста по социальной работе.

За период 2017–2020 гг. медицинским психологом ГБУЗ «Областной Центр по профилактике и борьбе со СПИДом и ИЗ» в программу медико-психологического сопровождения были включены 50 подростков. Программа сопровождения включала психологическое обследование личностной и эмоциональной сферы несовершеннолетних и проведение индивидуальных и групповых психокоррекционных занятий с учетом

выделенных психологических особенностей обследованных детей. Психодиагностическое обследование включало проведение следующих методик: «Шкала ситуативной и личностной тревоги» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина; «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик.

По результатам предварительного психодиагностического обследования исследуемая группа подростков характеризуется умеренной личностной тревожностью (31,5) и низкой ситуативной тревогой (24,8). Среди личностных особенностей, определяемых опросником ИТО, наиболее характерными для несовершеннолетних с подтвержденным диагнозом ВИЧ-инфекция оказались агрессивность (5,3), спонтанность (5,7) и экстраверсия (5,7) на фоне низких значений по другим шкалам методики. Подобные результаты отражают преобладание в структуре личности подростков спонтанно-стеничных возбудимых черт, высокую импульсивность поведения, повышенную социальную активность.

Исходя из полученных данных обследования несовершеннолетних была разработана программа групповых занятий, включающая три интерактивных лекции: «Как наш характер влияет на здоровье?», «Что нам важно знать о ВИЧ?» и «Противовирусная терапия». В рамках групповых занятий с подростками обсуждаются вопросы влияния особенностей характера и темперамента на способность поддерживать здоровый образ жизни, рискованное поведение, проводится информирование по основным аспектам жизни с ВИЧ и приема ВААРТ. Занятия проводятся совместно медицинским психологом и врачом-инфекционистом.

По завершении курса лекционных занятий участники вновь проходили психодиагностическое обследование, а результаты предварительного и повторного исследований были подвергнуты математико-статистической обработке с помощью t-критерия Стьюдента.

По результатам повторного обследования отмечено снижение уровня как личностной (20,63; $t_{эмп}=2,84$), так и ситуативной (15,6; $t_{эмп}=2,78$) тревоги. В структуре личностных особенностей отмечено понижение таких качеств, как агрессивность (3,3; $t_{эмп}=2,71$), спонтанность (3,32; $t_{эмп}=2,77$), уровня экстраверсии (4,1; $t_{эмп}=2,77$). Данные показатели позволяют сделать вывод о том, что у подростков с установленным диагнозом ВИЧ-инфекция отмечены изменения эмоционального фона (с отрицательного на более положительный); диагностированы повышения личностных качеств, помогающих контролировать эмоциональные состояния; выявлено, что участники группы становятся более открытыми, уверенными в себе и стабильными в отношении основного фона переживаний, поведения и принятия решений.

По итогам исследования, подтверждена эффективность программы, выраженная в изменении уровня тревожности, коррекции личностных качеств (агрессивности, спонтанности, экстраверсии) и формировании

личностных качеств сопровождающих уверенного человека (открытость, уравновешенность). Снижение импульсивных и возбудимых черт личности, повышение уверенности в себе и открытость общению (в том числе и взаимодействию со специалистами инфекционной службы) благоприятно влияет на последующую работу по формированию приверженности к ВААРТ, поскольку регулярный прием препаратов требует высокого уровня развития навыков саморегуляции и самоконтроля, которые сложно сформировать возбудимым и спонтанным личностям. Снижение уровня агрессии в свою очередь снижает степень неприятия самой ситуации регулярного приема ВААРТ, протестных реакций со стороны подростков на врачебные рекомендации, а нормализация уровня тревожности за счет повышения уровня информированности по основным вопросам ВИЧ существенным образом предупреждает развитие страхов и опасений по поводу изменений образа жизни и своего будущего.

Таким образом проведение оценки актуального уровня информированности подростков по основным вопросам, связанным с ВИЧ, позволяет выявить основные мишени для первичной профилактики среди несовершеннолетних. Работа непосредственно с подростками с подтвержденным диагнозом ВИЧ-инфекция должна опираться на личностные и эмоционально-волевые особенности данного контингента, которые вносят в существенный вклад в способность ребенка самостоятельно выполнять рекомендации врача-инфекциониста и принимать ВААРТ.

Литература

1. Взгляд современных подростков и молодежи на проблему ВИЧ/СПИДа: осведомленность и риск здоровью (результаты поведенческих исследований) / И.О. Таенкова, О.Е. Троценко, А.А. Таенкова, Л.А. Балахонцева // Репродуктивное здоровье детей и подростков. – 2017. – № 6. – С. 102–110.

2. Радзиховская М.В., Москвичева М.Г. Изучение заболеваемости и анализ уровня информированности по вопросам ВИЧ-инфекции среди подростков южно-уральского региона // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2016. – Т. 2. – № 3 (14). – С. 52–55.

3. Райфшнайдер, Т.Ю. Современные проблемы профилактического образования в области ВИЧ/СПИДа / Т.Ю. Райфшнайдер // Образование личности. – 2015. – № 4. – С. 31–37.

4. Статистика инфицированных ВИЧ в России / Федеральная служба государственной статистики – URL: <https://rosinfostat.ru/vich/#i-3> (дата обращения: 31.03.2021 г.)

ВЛИЯНИЕ СТРЕССОВЫХ СОБЫТИЙ НА РАЗВИТИЕ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО РАССТРОЙСТВА

О.С. Руденкова, А.Н. Крутолевич

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Беларусь

Существует четкое предположение о том, что риск проявления ПТСР наблюдается у гораздо большего процента населения, чем мы можем себе представить, а события, влекущие за собой появление посттравматического стрессового так же разнообразны.

Стресс представляет собой неспецифическую ответную реакцию организма на различные раздражители, направленную на адаптацию к изменяющимся условиям окружающей среды. Особенности и характер протекания стрессовой реакции зависит от многих факторов, включая личностные особенности и физиологические параметры организма [1–3].

Не только от ситуации, но и от самого человека зависит, будет ли являться та или иная ситуация причиной возникновения стресса. Большое значение отводится тому, как оценивает человек, в какой мере он интерпретирует для себя ситуацию как угрожающую его жизни, в какой мере индивид ожидает опасных последствий, которые содержит в себе ситуация. Соответственно, характер реакции человека на воздействие потенциального стрессового события зависит прежде всего от субъективной оценки человеком ситуации.

Р. Лазарус, феномен осознания при котором происходит сравнение требований, предъявляемых к человеку с его способностью справиться с поставленными требованиями, определил понятием психологического стресса [2].

Очевидно, что любое событие, способное нарушить обыденность жизни, и, следовательно, может стать причиной стресса. Так к психическому стрессу можно отнести все, что может нас беспокоить, волновать: переживание несчастья, ранимое грубое слово, чувство обиды на значимого для нас человека, переживание обмана, переживание глубокого чувства утраты, фрустрация и многое другое. Но не только избыток тех или иных раздражителей может действовать как стрессовый фактор, а и их нехватка способна привести к переживанию стресса, к ним можно отнести монотонность, скуку, одиночество, изоляцию. В том числе и разным этапам жизни свойственна своя специфика стрессовых ситуаций, например: начало учебы, уход из родительского дома, вступление в брак, рождение детей, профессиональные достижения и неудачи и т.д.

Американские исследователи Т. Холмс и Р. Рейх разработали шкалу тяжести стрессового воздействия различных жизненных событий, в которой события были оценены по шкале от 0 до 100 баллов в зависимости от давления, оказываемого на психику. К наиболее сильно воздействующим стрессовым событиям на человека, в ходе исследования были отнесены (перечисление событий в порядке от самых стрессовых воздействий к менее стрессовым): смерть супруга/супруги, ситуация развода, разлад супружеской жизни, тюремное заключение, смерть близкого члена семьи, серьезная травма или заболевание, брак, потеря работы, примирение и другие перемены в семейной жизни, выход на пенсию, изменение в состоянии здоровья члена семьи, беременность, сексуальные проблемы, появление нового члена семьи, перемена места работы, изменения в финансовом положении, смерть близкого друга и др [2].

Кроме того, существуют и такие ситуации, которые оказывают сверхсильное влияние на психику человека, так называемые экстремальные ситуации, которые в последствии могут привести к возникновению травматического стресса. Интенсивность стрессовой ситуации может быть настолько велика, что личностные особенности перестают играть решающей роли в развитии отсроченной реакции на стрессовые ситуации. Именно в таких случаях можно утверждать, человек переживает травматический стресс – особое переживание и нормальная реакция на непривычные и ненормальные обстоятельства в обыденной жизни человека.

В следствии переживания травмирующих событий, выходящих за рамки привычного человеческого опыта, может развиваться посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). ПТСР – комплекс острых реакций индивида на травмирующее событие, которые могут возникать как сразу после травмирующей ситуации, так и через много лет после пережитой травмы [1].

Существуют ряд факторов, комбинирование которых приводит к возникновению посттравматического стрессового расстройства. Первая группа факторов, которую важно учитывать – факторы, непосредственно связанные с травматическим событием, а именно: тяжесть травмы, степень и возможность ее контролируемости и неожиданности для индивида; вторая группа факторов связана со способностью осмыслить произошедшее травмирующее событие, с наличием или же отсутствием социальной поддержки пострадавшего, совладающие модели поведения индивида в сложных критических ситуациях – так называемые защитные факторы; третья группа факторов – факторы риска, к которым относят отрицательный прошлый опыт человека, наличие в анамнезе каких-либо психических расстройств, низкий уровень интеллекта, а так же низкий социально-экономический уровень.

Таким образом, мультифакторная концепция этиологии травматизации, дает четкое представление о том, что для возникновения ПТСР роль играет не только особенности травматической ситуации, но и важным яв-

ляется индивидуальный опыт, особенности когнитивного, эмоционального и поведенческого реагирования индивида на различные трудности жизни [2].

Исследуя 95 студентов в возрасте от 17 до 27 лет, анализ каждой анкеты испытуемого показывает: 56,8 % испытуемых пережили за свою жизнь от 2 до 8 травмирующих событий, 20 % респондентов пережили по 1 тяжелому случаю, 24,1% опрошенных не сталкивались с трудными жизненными ситуациями. Соответственно, 76,8 % респондентов в своей жизни пережили от 1 до 8 травмирующих событий, и у 50,5 % испытуемых находится в зоне риска возникновения посттравматического стрессового расстройства.

Исследуя ПТСР в той же выборке, 50,5 % опрошенных испытуемых или же каждый второй из 95 человек являются потенциально попадающими в зону риска приобретения посттравматического стрессового расстройства – об это свидетельствует сумма баллов среднего, повышенного, высокого и очень высокого уровней проявления симптоматики. И 48,4% опрошенных респондентов, несмотря на переживания различного рода травмирующих событий не входят в зону риска проявления ПТСР. Кроме того, 3% из 95 человек уже с высоким уровнем ПТСР, т.е. каждый 30-ый потенциально живет с высоким показателем ПТСР; 18 % испытуемых из 95 человек обладают повышенным уровнем ПТСР, т.е. каждый 5-ый потенциально живет с повышенным уровнем ПТСР. Итого, каждый 4-ый потенциально живет с посттравматическим стрессовым расстройством.

В то время как средние показатели частоты ПТСР в условиях военного времени 15–30%, в мирное время 0,5– 1,2%, показатели распространенности ПТСР у жертв преступлений 15– 50% [1].

40,7% студентов подвержены риску проявления интрузий (или флешбеков) – т.е. испытуемые склонны переживать заново случившиеся травмирующие события при любом напоминании о них, как правило в виде внезапно появляющихся картин травмирующего события (флеш-бек), с сопутствующими тяжелыми переживаниями о травмирующей ситуации и невозможностью отвлечения или же переключения индивида от переживания. У 37,5% студентов выявлена склонность к избеганию любых событий, которые могут напоминать о произошедшей травмирующей ситуации. 29,3% подвержены испытывать неприятные физиологические ощущения такие как: учащение сердцебиения, повышение артериального давления, потливость, нарушение дыхания (учащение или трудность дышать), бессонница и др. А также чувство раздражительности и внутренней напряженности, настороженности.

При напоминании о травмирующем событии проявляется склонность чувствовать и действовать так, как будто человек все еще находится в той самой травмирующей ситуации.

Статистическое исследование, с использованием корреляции Пирсона показывает, что в выборке испытуемых такими триггерами возникновения посттравматического стрессового расстройства стали пережитые несчастные случаи ($r=0,278$ при $p=0,05$), тяжелые заболевания ($r=0,242$ при $p=0,01$), длительная госпитализация, ($r=0,263$ при $p=0,05$) физическое ($r=0,351$ при $p=0,05$) и сексуальное насилие ($r=0,523$ при $p=0,05$), такое заключение подтверждает полученная положительная корреляционная связь: чем более стрессовым, тяжелым было событие, тем выше проявление отдельных симптомов посттравматического стрессового расстройства или же риск возникновения ПТСР, в том числе и комплексного ПТСР.

Очень важно не игнорировать те или иные симптомы посттравматического стрессового расстройства – это может привести к хроническому переживанию симптомов, а как следствие произойдет патологическая трансформация личности.

Литература

1. Малкина-Пых И. Г. Экстремальные ситуации. – М.: Изд-во Эксмо. – 2005. – 960 с.
2. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под общей ред. Ю.С. Шойгу. – М.: Смысл. – 2007. – 319 с.
3. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер. – 2001. – 272 с.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕЦИДИВОВ У ПАЦИЕНТОВ С АТОПИЧЕСКИМ ДЕРМАТИТОМ: ЧАСТОТА, ХАРАКТЕР ТЕЧЕНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЯ

С.С. Тактаракова, И.О. Логинова

Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России,
г. Красноярск, Россия

В статье представлен анализ отечественной и зарубежной литературы по клинической психологии, дерматологии и психодерматологии за последние годы с целью систематизировать данные о клинико-психологических проблемах пациентов с atopическим дерматитом, так как по статистике уровень распространенности atopического дерматита среди населения стабильно высокая. У пациентов с atopическим дерматитом выявлены некоторые клинико-психологические особенности (снижение эмоционального фона, высокий уровень алекситимии, тревожность, и др.), что послужит хорошим заделом для разработки психокоррекционной программы в помощь пациентам в лечении и профилактики рецидивирующего течения данного заболевания.

Атопический дерматит – это воспалительное и рецидивирующее заболевание кожи. По своим проявлениям – оно соматическое, но несет под собой психогенное происхождение. Среди факторов патогенеза атопического дерматита выступают психологические проблемы и состояния, не только запускающие кожное заболевание, но и придающие ему рецидивирующее течение [5, с.16-20].

Исходя из изученной отечественной и зарубежной литературы по вопросу клинико-психологических проблем пациентов с атопическим дерматитом, можно сказать, что в независимости от многочисленных и многолетних исследований, касающиеся вопроса зарождения и развития данного кожного недуга, эти аспекты еще не до конца изучены, что делает актуальным этот вопрос. Говоря о психологической стороне вопроса – среди основных причин развития атопического дерматита выделяют неврастенические, депрессивные, тревожно-фобические расстройства [7, с. 27–28].

Говоря о развитии заболевания, в структуре патогенеза атопического дерматита триггерным механизмом является стресс. Он, в свою очередь, активизирует обширный спектр реакций на уровне биохимии, способствуя выбросу регуляторных белков нервной ткани, посредством которых вырабатываются белки цитокины, в следствии чего - разрушается клеточный иммунитет, повышается продукция IgE-антител, и аллергены взаимодействуют с IgE-антителами на поверхности тучных клеток и базофилов. Подобные многоуровневые преобразования в сухом остатке приводят к воспалительным кожным процессам [4, с. 16–21].

Все вышеперечисленные аспекты патогенеза атопического дерматита позволяют рассматривать данную патологию как одну из основных кожных форм психосоматических заболеваний.

Таким образом, психологический фактор вполне может быть одной из главных причин возникновения и рецидивирующего течения атопического дерматита. Но вопрос о специфике психического состояния пациентов с различными дерматологическими заболеваниями остается не до конца изученным [4, с. 16–21].

По вопросу клинико-психологических проблем у пациентов с атопическим дерматитом были рассмотрены данные различных научных статей за последнее десятилетие.

Нами рассматривалась научная публикация о различиях психического статуса больных псориазом и атопическим дерматитом, Выявилось эмоциональное состояние пациентов, имеющих различные кожные заболевания, в том числе – атопический дерматит; факторы, способствующие возникновению и рецидивирующему течению данного заболевания; индивидуально-психологические характеристики, свойственные больным атопическим дерматитом; результаты сравнения психического статуса пациентов с псориазом и атопическим дерматитом.

Отмечаются индивидуально-психологические характеристики пациентов с атопическим дерматитом. Показательными являются снижение эмоционального фона и напряженность; ожидание негативных перспектив; высокий уровень алекситимии; соматическая симптоматика заболевания, как выход подавленных эмоций и аффектов [6, с. 1021–1025].

В ходе исследования по вопросу клинко-психологических проблем у пациентов с атопическим дерматитом рассматривались и предполагаемые механизмы этиологии и патогенеза атопического дерматита с точки зрения психосоматических теорий и моделей в современной медицине. Выявлена важная роль в патогенезе атопического дерматита системы моноаминергических нейротрансмиттеров (дофамина, норадреналина и серотонина), участвующих в формировании и функционировании мышления, восприятия, эмоций и других психических процессов. Приводятся примеры успешного применения препаратов из групп нейролептиков, антидепрессантов, транквилизаторов при атопическом дерматите [5, с. 16–20].

Исследовались возможные мишени психологической коррекции женщин с атопическим дерматитом. Для них характерны такие эмоционально-личностные особенности, как агрессия, сниженный эмоциональный фон, повышенная тревожность и рефлексия, преобладает депрессивное настроение. Женщины с заболеванием данной нозологии имеют тенденцию к проявлению астенических реакций на возникающие трудности и ситуации в виде усталости, нервно-психической слабости, снижении самообладания и низкой работоспособности [2, с. 22–24].

Таким образом, основными мишенями для психокоррекции женщин с атопическим дерматитом является высокий уровень агрессии, раздражения, депрессивного настроения, астении, неустойчивости эмоционального фона. Информация о выявленных психологических факторах, влияющих на течение кожного заболевания, позволяют разработать программу психологической коррекции, которая впоследствии может быть включена в систему комплексного медико-психологического подхода к лечебным мероприятиям.

Значительный рост заболеваемости атопическим дерматитом отмечается не только у женщин, но и среди мужского населения. Целью психологической коррекции у мужчин является выявляющаяся пассивность, изменение модели поведения, склонность к депрессии, подчинению и зависимости, негативный эмоциональный фон. Выделенные психологические аспекты являются основой для разработки программы психологической коррекции для лечения и реабилитационного периода пациентов данной группы, так как данные психоэмоциональные проблемы отягощают лечебный и реабилитационный процесс, провоцируют рецидивы заболевания [3, с. 56–58].

И мужчины, и женщины с атопическим дерматитом имеют особенность в виде защитно-совладающего поведения. Женщины пользуются

способами психологической защиты по типу подавления или избегания, что является не совсем зрелым решением проблемы. Мужчинам так же свойственная такая особенность, но в меньшей степени. Общей характеристикой мужчин и женщин с atopическим дерматитом является сниженный адаптационный потенциал, но в преобладающем большинстве женщины имеют адаптационные возможности гораздо ниже и выражаются в повышенном уровне нервно-психического нарушения, конфликтности и трудностях установления контактов в обществе [1, с. 79–84].

Таким образом, основными мишенями коррекции у пациентов с atopическим дерматитом являются неадаптивные защитные механизмы, недостаточные адаптационные возможности, снижение эмоционального фона, высокий уровень алекситимии, астения и повышенная тревожность.

Представляют интерес зарубежные исследования. Целью одного из них была оценка частоты тревожности и депрессии в когорте взрослых пациентов с atopическим дерматитом в третичном дерматологическом центре с использованием Госпитальной шкалы тревожности и депрессии (HADS). В ходе данного исследования шел поиск любой корреляции между тревогой и депрессией с тяжестью кожных заболеваний. С помощью HADS была установлена частота тревоги и депрессии среди группы сингапурских пациентов. Более тяжелые кожные заболевания коррелировали с большей психологической нагрузкой, что доказывает важность места психоэмоциональных аспектов в возникновении и течении atopического дерматита [9, с. 1–9].

У пациентов психосоматического отделения имеет место быть тандем дерматологических и психиатрических диагнозов в сочетании. Вывод соответственно заключается в том, что и лечение должно быть сочетанное – с использованием профильной медицинской помощи и специальных психотерапевтических методик. Дерматиты и экзема сочетаются с психическими расстройствами. В результате опроса данных пациентов более 70% пациентов считают важным наличие психотерапевтических консультаций в процессе лечения, 50% пациентов считают важным получать данный вид консультаций в период реабилитации. Более 60% больных понимают, что главную роль в возникновении кожного заболевания играют психические факторы. Важно заметить общее мнение пациентов о большей эффективности психосоматического отделения по сравнению с обычным дерматологическим отделением [10, с. 545–558].

Исходя из вышеперечисленных выявленных клиничко-психологических особенностей пациентов с atopическим дерматитом можно сказать, что пациенты данной нозологии, обращающиеся за помощью к дерматологу, имеют те или иные проблемы психоэмоциональной сферы, нередко связанные с состоянием кожи. Следовательно, психодерматология является важным компонентом профессиональной подготовки дерматологов. И помимо оказания полноценной медицинской помощи по своему профилю врач должен отвечать и за своевременную организацию

комплекса мероприятий для коррекции психоэмоционального состояния пациента, что конечно же требует соответствующей подготовки и осведомленности в вопросах психодерматологии. Но существуют некоторые сложности в оказании комплексной помощи пациентам с атопическим дерматитом. Они заключаются в определенных пробелах в базе знаний поставщиков медицинских услуг и уровне комфорта лечения пациентов с атопическим дерматитом. Заострено внимание на том, что специалистам здравоохранения из разных регионов мира может не хватать надлежащей подготовки в области психодерматологии. Считается, что подобная подготовка, пополнение базы знаний и непрерывное образование медицинских работников улучшит практику психодерматологии, поспособствует положительным результатам лечения пациентов с психосоматическими расстройствами, связанными с заболеваниями кожи, в частности, атопического дерматита [8, с. 1–6].

Проведя обзор различных литературных источников, можно сделать вывод о том, что пациенты с атопическим дерматитом имеют некоторые клинико-психологические особенности, заключающиеся в снижении эмоционального фона, высоком уровне алекситимии, тревожности, агрессии, астенических проявлениях, чувстве вины, тревожно-депрессивный синдроме и других проявлениях. Такой обширный спектр выявленных психологических особенностей позволяет констатировать факт о необходимости оказания не только медицинской дерматологической помощи пациентам с атопическим дерматитом, но разработки программы психологической коррекции соответственно выявленных проблем, которая впоследствии может быть включена в систему комплексного медико-психологического подхода в лечебных и реабилитационных мероприятиях для улучшения хода лечения и качества жизни пациента.

Литература

1. Билецкая М.П., Голикова М.А. Защитно-совладающее поведение мужчин и женщин с атопическим дерматитом // Клиническая психология. – 2019. – Т. 10. – № 6. – С. 79–84.
2. Билецкая М.П., Голикова М.А. Мишени психологической коррекции женщин с атопическим дерматитом // Евразийский союз ученых. – 2017. – № 11–2 (44). – С. 22–24.
3. Билецкая М.П., Голикова М.А. Мишени психологической коррекции мужчин с атопическим дерматитом // Психологические науки. – 2018. – Т. 4. – № 49. – С. 56–58.
4. Дороженок И.Ю., Львов А.Н. Психические расстройства в дерматологической практике // Российский журнал кожных и венерических болезней. – 2006. – Т. 1. – № 4. – С. 16–21.

5. Лусс Л.А. Роль психосоматических расстройств при атопическом дерматите. Возможности коррекции // Доктор.ру. – 2010. – Т. 2. – № 53. – С. 55–59.

6. Мостовая Л.И. Сравнительный анализ психического статуса больных псориазом и атопическим дерматитом // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 5–3. – С. 1021–1025.

7. Психоэмоциональные особенности пациентов с аутодеструктивным дерматозом / А. Г. Пашинян, Р. А. Субботина, А. Н. Акопян, Е. В. Донцова [и др.] // Лечебное дело. – 2018. – №3. – С. 26–28.

8. Guidance on the diagnosis and clinical management of atopic eczema / S. Baron, S. Cohen, C. Archer [et al.]. // Clin. Exp. Dermatol. – 2012. – Vol. 37. – № 1. – P. 1–6.

9. Does Stress Increase the Risk of Atopic Dermatitis in Adolescents? Results of the Korea Youth Risk Behavior Web-Based Survey (KYRBWS-VI) / J. Kwon, E. Park, M. Lee [et al.]. // PLoS One. – 2013. – Vol. 8. – № 8. – P. 1–9.

10. «Psychodermatology» knowledge, attitudes, and practice among health care professionals / J. E. Roberts, A. M. Smith, A. H. Wilkerson [et al.] // Archives of Dermatological Research. – 2020. – Vol. 312. – № 8. – P. 545–558.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНЫХ РОЛЕВЫХ ИГР В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПОДРОСТКОВ

А.Г. Афанасьева, А.Я. Шишкина, О.Б. Конева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье рассматриваются аспекты влияния CRPG (Computer Role-Playing Games-компьютерные ролевые игры) игр на психические особенности детей подросткового возраста. Раскрываются аспекты CRPG - игр как жанра видеоигр, который базируется на ролевой системе, диалогах, квестах. Представлена специфика компьютерных ролевых игр на современном этапе и определена значимость компьютерных ролевых игр в развитии саосознания подростков.

Компьютерные ролевые игры сравнительно недавно вошли в нашу жизнь, но уже стали очень популярными. На сегодняшний день этот жанр привлек внимание огромного количества людей, в том числе подростков. Целью данной работы является определение роли CRPG – игр в психическом развитии детей подросткового возраста. Указанная цель обусловила постановку следующих задач: проанализировать литературу по теме нахождения подростка в кибер среде, определить специфику компьютерных ролевых игр, выделить мотивы обращения к компьютерным играм, описать ключевые особенности развития подростков, обозначить место компьютерной игры в жизни подростков. Спецификой ролевых игр жанра CRPG является специфическая форма активности, которая предоставляет возможность «участия» человека в активной деятельности. В отличие от кинофильмов, книг и телевизионных передач, CRPG игры позволяют выполнять различные задания, решать задачи и проблемы, выбираться из трудных ситуаций, совершая определенный выбор [2]. Можно выделить несколько видов ролевых игр: настольные ролевые игры, полевые ролевые игры, компьютерные ролевые игры. Именно на последнем типе мы и акцентируем внимание, так как информационные технологии давно стали неотъемлемой частью нашей жизни. Также CRPG являются самым популярным видом ролевых игр среди молодежи. [1] Рассматривая особенности ролевых игр, необходимо остановиться на основных принципиальных моментах:

1. Ролевая игра располагает игрока к вхождению в роль компьютерного персонажа и атмосферу игры посредством сюжетных и мультимедийных особенностей.

2. Ролевая игра построена таким образом, чтобы не вызывать у играющего мотивации, основанной на азарте. Например, накопить больше очков, побить чей-то рекорд, перейти на следующий уровень.

3. Нелинейный сюжет. Присутствие возможности выбора, в том числе морального [3].

CRPG («Computer Role-Playing Games», компьютерные ролевые игры). Жанр видеоигр, который основан на особых элементах: ролевой системе, диалогах, квестах. Эта группа игр отличается возможностью “прокачки” игрового персонажа, то есть возможностью повышения игровых черт персонажа, приобретения предметов одежды, оружия, защиты, открытия особых способностей. Чаще всего сюжет компьютерных ролевых игр основан на истории о герое, который отправился на поиски чего-то или на спасение кого-то. Разрабатывая алгоритм таких игр, мы учитывали принципы жанра CRPG -игр:

1. Принцип трех «У» («убить, украсть, уговорить») – это проблемы, которые возникают у играющего, и их можно решить тремя способами: «убить» – решение с помощью силы, уничтожение врагов и препятствий. (например, герой взрывает дверь на пути); «украсть» – уход от решения; решение при помощи воровства. (например, герой взламывает дверь при помощи украденных ключей); «уговорить» – решение проблемы методом договора с другими персонажами игры. (например, герой договаривается со сторожем, дверь открывают)

2. Принцип трёх «С» («сила, скрытность, слово»): «сила» – насильное решение ситуации; скрытность – украсть, взломать: любое действие, совершённое неявно; слово – очевидное мирное действие; контакт с другим персонажем.

Раскрывая основные мотивы обращения к компьютерной игре у подростков необходимо определить некоторые аспекты: во-первых, игра может рассматриваться как возможность убежать от реальности, когда она не устраивает человека; также как возможность улучшить реальность за счет обращения к игре как к некому механизму творчества. Во-вторых, игра выполняет компенсаторную функцию, между игрой и действительностью граница становится размытой. Именно здесь подросток может быть самим собой, не играть роли и не соблюдать правила социума. В-третьих, игра выводит ребенка за рамки его обычной жизни. Как правило, человек может и вовсе обойтись без компьютерных игр; играть – необязательно. Именно эта специфика приводит к созданию новой реальности. Начиная игру, человек начинает новую жизнь. В-четвертых, игра – это свободная деятельность, осуществляемая по собственному желанию, и это позволяет ребенку «искусственно» испытать свободу. В-пятых, игра содержит строго определенные правила, которые становятся известными заранее; также понятны временные, пространственные границы и игра имеет конец, что позволяет достичь ее цели в будущем.

Можно предполагать, что компьютерные ролевые игры в наибольшей мере позволяют подросткам перейти в виртуальность, отрешиться от реальности и попасть в виртуальный мир на время игры. Следовательно, CRPG- игры оказывают существенное влияние на личность подростка, решая проблемы героя в виртуальном мире, подросток приобретает проблемы в реальной жизни.

Роль игры жанра CRPG в становлении психической жизни подростка. В развитие когнитивной сферы подростка наблюдается интеллектуализация всех когнитивных процессов. Мышление в подростковом возрасте отличается наличием осознания собственных интеллектуальных операций и их управлением. В целом, наблюдается сниженная продуктивность в учебной деятельности. Способности к освоению предмета снижаются даже в таких областях, к которым ребенок имеет склонности. Подростки хорошо выполняют механические задания, а вот с творческими возникают проблемы. Данный факт обусловлен тем, что ребенок переходит на новый, высший уровень интеллектуального развития. Он осваивает логическое мышление. Учится выводить следствия из фактов, умозаключений (дедукция). Подросток все больше критикует и требует доказательств того или иного факта. Появляется интерес к абстрактным категориям. Память интеллектуализируется полностью. Увеличивается ее объем, полнота, системность и точность воспроизводимого материала. В основе процессов запоминания и воспроизведения лежат смысловые связи. Запоминание абстрактного материала становится доступным. Также память приобретает избирательный характер. Воображение подростка выражается в его фантазиях, они более творческие по сравнению с детскими. В подростковом возрасте появляется объективное творчество, выраженное в создании научных изобретений, технических конструкций. Фантазируя, подросток отражает и намечает свое будущее. Восприятие в подростковом возрасте приобретает более избирательный, целенаправленный и анализирующий характер. Появляется возможность к тонкому, более конкретному анализу воспринимаемых объектов. Процесс восприятия содержателен, последователен и планомерен. Выделение значимой информации возможно только при определении связей и зависимостей. Внимание может быть полностью контролируемым процессом, то есть подросток сам его организует. Внимание подростка характеризуется избирательностью, оно зависит от интересов школьника. Увеличивается объем, устойчивость, переключаемость и концентрация внимания. В подростковом периоде происходит окончательное развитие эмоционально-регуляторной сферы. Так форма поведения, черты характера в социуме своих сверстников становятся стабильными. Легкая возбудимость, частая смена настроения, противоречивость чувств - подросток может осознавать полную неправоту своего товарища, но будет продолжать выступать на его защиту, чувство принадлежности группы, постоянное ожидание страха (проявление – тревожность), страх быть от-

верженным и не принятым группой – все это описывает данный возрастной период. Подросток нуждается в сильных эмоциональных привязанностях, поэтому чаще всего не осознает реальных негативных сторон того, с кем находится в близком контакте. Для подросткового возраста также характерно двойственность ощущения своего места в мире. С одной стороны – подростка одолевают взрослые желания, чувство взрослости, а с другой – подросток полностью зависит от своей семьи и во многом ограничен в правах. Меняется отношение подростка к своему обучению; становится равнодушным к выставляемым в школе отметкам. В этом случае может наблюдаться расхождение между успеваемостью на уроках и уровнем интеллектуальных возможностей. Таким образом вышеописанные особенности данного возрастного периода говорят о необходимости специального психолого-педагогического подхода со стороны родителей, учителей.

Теперь перейдем к рассмотрению влияния игр CRPG на развитие рассмотренных выше сфер психической жизни подростка. Современные зарубежные исследователи Collins E., Freeman J., Chamarro-Premuzic T. говорят нам о том, что когнитивная сфера подростков, увлекающихся компьютерными играми жанра CRPG, отличается высокими показателями концентрации и переключения внимания, пространственного мышления [5]. Компьютерная игра может развивать когнитивные функции. Также отмечается особое влияние CRPG на принятие решений, хотя это связано не только с когнитивной сферой, но и с личностными особенностями решающего субъекта, его активностью, готовностью к риску, а также возможностью мультитаскинга, многозадачностью (свойство системы, обеспечивающая выполнение нескольких задач параллельно). Увеличивается объем кратковременной памяти, это связано с необходимостью удерживать в сознании большое количество объектов для решения задачи. На воображение CRPG особого влияния не оказывает, это связано с тем, что нет необходимости фантазировать. Но есть необходимость в прогнозировании результата, так как принятие решения неизбежно ведет к какому-либо результату, желательному (при правильном прогнозировании) или же, наоборот, нежелательному. То есть, подростку необходимо установить нужные связи и взаимозависимости, что непосредственно влияет на развитие интеллекта [3, 4]. Играющие подростки, как правило, снижают свою повышенную тревожность за счет компьютерных игр; иными словами, сублимируют тревогу в игровую компьютерную деятельность. Это связано с тем, что жизненный сценарий прорабатывается в сюжете компьютерной игры. Согласно проведенным исследованиям, было отмечено, что группы играющих в жанре CRPG обладают эмоциональной устойчивостью, так, например, лучше не играющих справляются с агрессией. Это связано с тем, что ситуации, которые вызывают ту или иную отрицательную эмоцию (гнев, обида, злость и т.д), проигрываются с помощью компьютерной игры и впоследствии помогают переживать данные эмоциональные состояния [6].

Жанр игры CRPG насыщен огромным количеством игровых возможностей (например, возможность выбрать определенную стратегию игры или персонажа), и именно за счет этого подросток прорабатывает свои жизненные трудности, которые вызывают у него различного рода эмоциональные состояния. Игра в жанре CRPG способствует включению механизмов рефлексии и абстрактно логического мышления.

Таким образом, в данной статье мы уделили особое внимание как специфике жанра CRPG, так и ключевым особенностям развития детей подросткового возраста. Данный жанр ролевых компьютерных игр отличается от других видов познавательной активности именно тем, что в игре появляется возможность выбора определенной стратегии, и есть возможность изменять поведение своего персонажа, с целью достижения определенной задачи; при этом граница этих возможностей не выходит за рамки виртуального мира.

Подростковый период является достаточно сложным в его проживании почти каждому человеку. Эмоциональная нестабильность, легкая возбудимость, частая смена настроений характеризует, как правило, большинство детей этого возрастного этапа. Так, становится очень важным появление возможности сублимации своего эмоционального состояния посредством компьютерной игры. Подростки отрешаются от реальности, попадают на время игры в виртуальный мир. Однако не стоит забывать, что, решая проблемы в ирреальном мире, человек приобретает проблемы в реальном. Также стоит учитывать особенности когнитивного развития подростка. Происходит важный этап в его становлении – интеллектуализация, что позволяет в будущем выполнять более сложные когнитивные операции, решать задачи, четко определять проблематику и успешнее выстраивать логические умозаключения. Роль компьютерных игр в развитии подростка, несомненно, велика. CRPG-игры влияют как на когнитивную сторону жизни подростка, так и на эмоционально-волевую. Что позволяет говорить о развитии личности в целом. Данная проблематика действительно актуальна в наше время. Нами планируется дальнейший анализ и более детальная проработка этого вопроса в экспериментальных исследованиях по созданию тематических CRPG-игр.

Литература

1. Анисимова И.В. Особенности компьютерной культуры учащейся молодежи в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. – Екатеринбург. – 2014. – 18 с.

2. Богачева Н.В. Компьютерные игры и психологическая специфика когнитивной сферы геймеров // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 120–130.

3. De-Lin Sun, Ning Ma, Min Bao et al. Computer games: A Double-Edged Sword? // Cyberpsychology and Behavior. – 2008. – V. 11 – № 5. – P. 545–548.

4. Colom R., Martinez-Molina A., Pei Chun Shih, Santacreu J. Intelligence, working memory, and multitasking performance // *Intelligence*. – 2010. – № 38. – P. 543–551.

5. Collins E., Freeman J., Chamarro-Premuzic T. Personality traits associated with problematic and non-problematic massively multiplayer online role playing game use // *Personality and Individual Differences*. – 2012. – № 52. – P. 133–138.

6. Fling, S., Smith, L., Rodriguez, T., Thornton, D. Videogames, aggression, and self-esteem: A survey // *Social Behavior and Personality: An international journal*. – 1992. – № 20 (1). – P. 39–46.

ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ИЗ СЕМЕЙ С РАЗНЫМИ СТИЛЯМИ ВОСПИТАНИЯ

В.Н. Базарова, Н.В. Дроздова

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

В статье приводятся результаты исследования, направленного на выявление особенностей школьной тревожности у младших школьников из семей с авторитетным, либеральным, авторитарным и индифферентным стилями воспитания. В результате сравнительного анализа делается вывод о том, что у младших школьников из семей с авторитетным стилем воспитания школьная тревожность является наименее выраженной при сравнении с другими группами, а детей с авторитарным и индифферентным стилями воспитания отмечают преимущественно высокие показатели школьной тревожности.

Основные задачи образования сегодня связаны с сохранением и укреплением психологического здоровья учащихся. В ситуации постоянного роста учебных нагрузок, преобразований всей образовательной системы отмечается рост числа детей с выраженным неблагополучием в эмоциональной сфере, нередко проявляемым как специфическая школьная тревожность. Негативные переживания детей, связанные с различными аспектами обучения и взаимодействия в школе, не всегда детерминированы только лишь какими-либо параметрами школьной среды. Нередко специфическая школьная тревожность возникает в ответ на противоречивые требования школы и семьи и является своего рода индикатором специфики родительского воспитания.

Школьная тревожность рассматривается нами как специфический вид эмоционального неблагополучия ребенка в школе, связанного с различными особенностями школьной среды: пространство школы, особенности

общения со сверстниками и учителями, особенности программ обучения и т.д. [1, 3, 4].

Стиль родительского воспитания рассматривается нами как общий способ взаимодействия родителя с ребенком, выраженный в различных формах соотношения родительского контроля и эмоционального принятия. Нарушенный баланс в системе «контроль – принятие» определяется как неблагоприятные стили родительского воспитания (авторитарный – чрезмерный контроль при низком эмоциональном принятии, индифферентный – недостаточный контроль при низком эмоциональном принятии, либеральный – недостаточный контроль при выраженном эмоциональном принятии) и противопоставляется гармоничным стилям (авторитетный – оптимальный контроль при выраженном эмоциональном принятии). Тревожность, в том числе и школьная, формируется под воздействием неблагоприятных авторитарных и индифферентных стилей родительского воспитания [2, 5].

Целью эмпирического исследования стало выявление особенностей школьной тревожности у детей младшего школьного возраста из семей с разными стилями воспитания.

В проведенном эмпирическом исследовании приняли участие 50 детей 8-9 лет и их родители (50 человек, мамы).

Для изучения стилей родительского воспитания в семьях младших школьников применялась методика «Стратегии семейного воспитания» С.С. Степанова (в модификации И.И. Махониной). Особенности школьной тревожности детей были изучены с помощью методики диагностики школьной тревожности Филлипса. Обработка данных проводилась с применением расчетов по непараметрическому критерию U–Манна–Уитни.

При оценке стилей родительского воспитания в семьях младших школьников были получены результаты, которые представлены в таблице.

Таблица 1

Стили родительского воспитания в семьях младших школьников

Стиль воспитания	Количество человек	%
Авторитетный стиль	12	24%
Либеральный стиль	16	32%
Индифферентный стиль	9	18%
Авторитарный стиль	13	26%

Из данных таблицы мы можем видеть, что выборка по стилям родительского воспитания распределилась достаточно равномерно. Наибольшую по объему группу составили дети, в семьях которых преобладающим является либеральный стиль воспитания (32%). Второе место по объему занимает группа детей из семей с авторитарным стилем

воспитания (26%). Реже всего в нашей выборке встречаются индифферентный (18%) и авторитетный стили родительского воспитания (24%). Так, стоит отметить, что в рассматриваемой выборке младших школьников при оценке стилей родительского воспитания часто выявляются неблагоприятные стили – авторитарный и индифферентный, что может определять эмоциональную неблагополучие детей в школе.

Далее в данных группах нами анализировались особенности школьной тревожности детей.

На графике (рис. 1) представим средние значения по различным параметрам школьной тревожности, полученные в группах детей из семей с авторитетным, авторитарным, либеральным и индифферентным стилями родительского воспитания.

На рисунке 1 можно видеть, что наиболее низкие показатели школьной тревожности выявляются у детей из семей с авторитетным стилем воспитания, а наиболее высокие – у младших школьников из семей с авторитарным и индифферентными стилями воспитания. При этом при либеральном стиле воспитания в семье младшие школьники показывают преимущественно средние результаты по большинству шкал теста Филиппса.

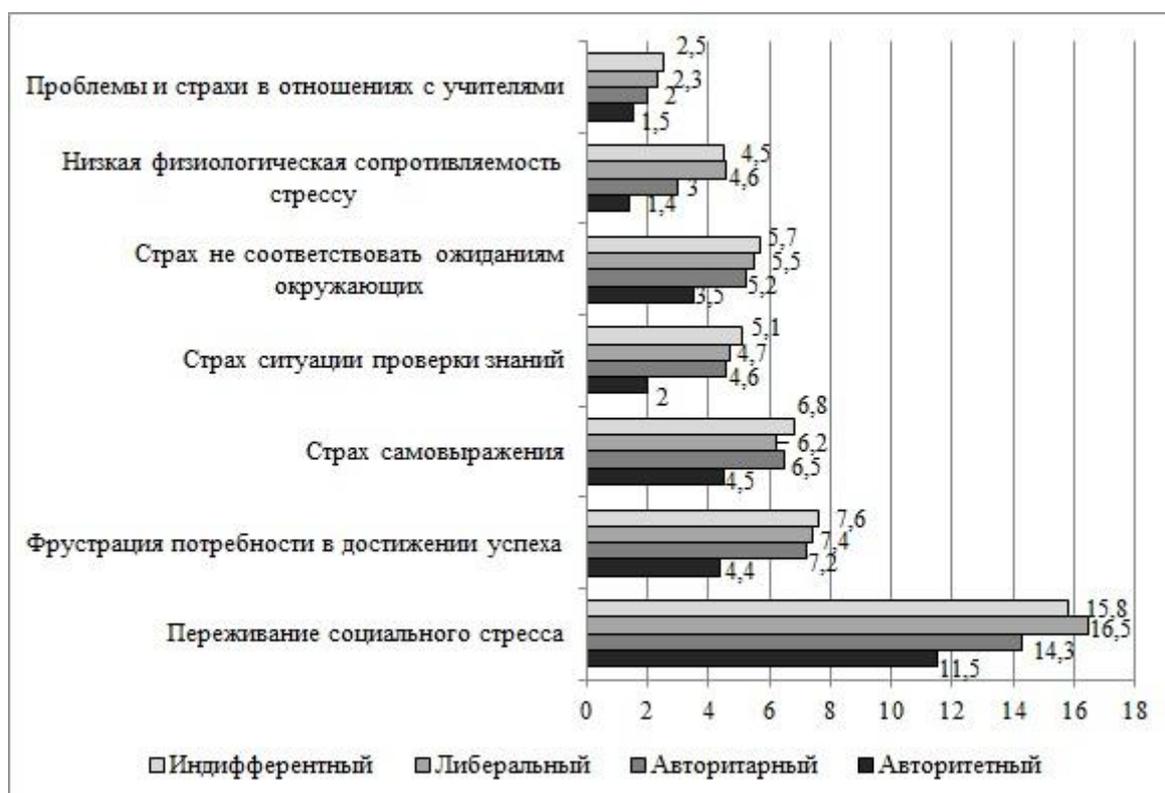

Рис. 1. Средние значения по параметрам школьной тревожности в группах младших школьников из семей с разными стилями воспитания

По общему уровню школьной тревожности в рассматриваемых группах детей получены следующие результаты (рис. 2).

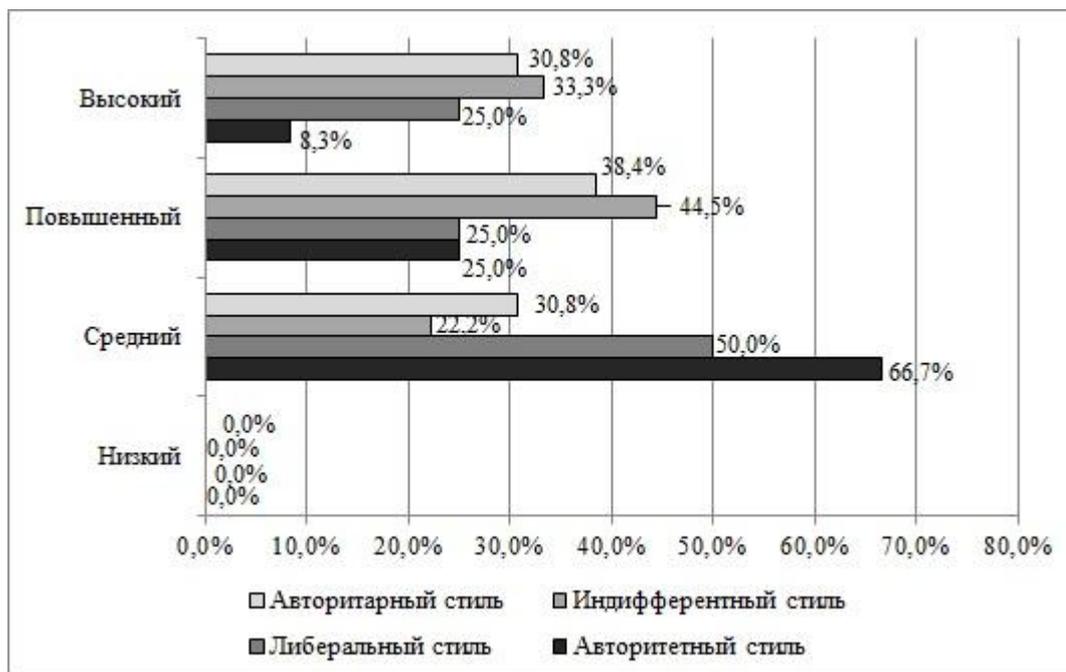

Рис. 2. Показатели общего уровня школьной тревожности у младших школьников из семей с разными стилями воспитания

Так, на рисунке 2 мы видим, что общий уровень школьной тревожности также оказывается более низкий (преимущественно – средним) у детей из семей с авторитетным стилем воспитания, а при авторитарном и индифферентном стилях можно видеть более высокие показатели (чаще отмечаются повышенный и высокий уровни).

Выявленные различия в показателях школьной тревожности у детей из семей с разными стилями воспитания были подтверждены с применением методов математической статистики (произведены попарные сравнения всех показателей школьной тревожности в группах младших школьников по U–критерию различий Манна–Уитни).

Исходя из полученных результатов, мы можем сформулировать следующие выводы об уровневых особенностях школьной тревожности у младших школьников из семей с разным стилем воспитания:

1) у младших школьников из семей с авторитетным стилем воспитания школьная тревожность оказывается наименее выраженной, в сравнении с другими группами детей, в том числе и по отдельным параметрам (с достоверностью 0,01);

2) у младших школьников из семей с авторитарным стилем воспитания выявляются наиболее высокие показатели школьной тревожности в выборке, в том числе и по отдельным параметрам (с достоверностью 0,01 и 0,05);

3) у младших школьников из семей с либеральным стилем воспитания, в сравнении с группами с авторитарным и либеральным стилями, выявляются отмечаются преимущественно средние и низкие показатели школьной тревожности, в том числе и по параметрам, связанным с различными ситуациями взаимодействия в школе и трудностями самовыражения детей (с достоверностью 0,05 и 0,01);

4) у младших школьников из семей с индифферентным стилем воспитания отмечаются преимущественно высокие показатели школьной тревожности (в сравнении с группами с авторитарным и либеральным стилями воспитания с достоверностью 0,01; ниже в сравнении с группой с авторитарным стилем воспитания с достоверностью на уровне тенденции 0,05). Более высокие уровни выявляются относительно тревожности, связанной с самовыражением и особенностями взаимодействия со сверстниками и учителем (более высокие показатели с достоверностью 0,05 и 0,01 в сравнении с группами с авторитарным и либеральным стилями воспитания).

Литература

1. Астапов В.М. Тревожность у детей: монография. – М.: ПЕРСЭ. – 2001. – 160 с.
2. Варга А.Я. Типы родительского отношения. – Самара: СГА, 1997. – 108 с.
3. Прихожан А.М. Психология тревожности: Дошкольный и школьный возраст. – СПб.: Питер. – 2009. – 192 с.
4. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: Психологическая природа и возрастная динамика. – М.: МОДЭК. – 2000. – 304 с.
5. Столин В.В. Семья как объект психологической диагностики и неврачебной терапии // Семья и формирование личности. – М.: НИИ общей педагогики АПН СССР. –1981. – С. 27–38.

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА: СТАНДАРТИЗАЦИЯ МЕТОДИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.Н. Васильева, Е.А. Рыльская

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье представлены результаты апробации теста жизнеспособности на выборке пожилых людей. Проведена процедура стандартизации по результатам тестирования людей пенсионного возраста. Обозначены перспективы исследования в части развития жизнеспособности пожилого человека

В настоящее время исследования жизнеспособности человека с описательно-теоретического уровня уверенно переходят к этапам эмпирической операционализации и практических воздействий, важным условием успешности которых является усовершенствование психодиагностического инструментария. Одним из отечественных методов изучения жизнеспособности является тест жизнеспособности человека (ТЖЧ). Почти десятилетняя апробация этой методики [2] дает основания полагать, что она является надежной и валидной, наряду с аналогичными, хорошо зарекомендовавшими себя средствами измерения этого феномена [1]. Вместе с тем, заявленная разработчиком верхняя возрастная граница (до 60 лет) не позволяет уверенно использовать этот тест для людей пенсионного (60+) возраста, поэтому было принято решение провести процедуру стандартизации методики на выборке пожилых людей.

В концепции жизнеспособности человека этот феномен рассматривается как интегральная способность сохранения человеком своей целостности (т.е. единства индивидуальных, субъектных и личностных свойств), актуализируемая в связи с необходимостью решения жизненных задач и обеспечивающая динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения, что субъективно воспринимается как удовлетворенность собственной жизнью [3]. Для поддержания собственной жизнеспособности пожилому человеку необходимо приспособиться к изменившимся жизненным обстоятельствам в связи с выходом на пенсию. При этом важно сохранить способность осваивать новые виды деятельности и получать новые знания. Жизнеспособный пожилой человек обладает жизненным опытом, осмысленностью и расположен к рефлексии. Он готов воспринимать жизнь как насыщенную и открытую к новым событиям, эмоционально включаться в нынешний момент, а не концентрироваться на прошлом или будущем.

Методика ТЖЧ (тест жизнеспособности человека) содержит 106 утверждений, распределенных по четырем шкалам: способности адаптации, способности саморегуляции, способности саморазвития, осмысленность жизни. Способность к адаптации рассматривают как склонность к переменам, умение пересматривать свои планы, способность менять мнение, признавать свою неправоту, энергичность и уверенность в себе. Способность к саморегуляции выражается в общительности, целеустремленности, настойчивости, уверенности в своих принципах, умении принимать решения, устойчивости к тревогам и стрессам, умении сохранять спокойствие. Способность саморазвития соотносится с умением осознавать свои ошибки, учиться на них, повышать свою компетентность, получать новые впечатления и опыт, стремление к управлению своей жизнью и интересами. Осмысленность жизни выражается в умении жить здесь и сейчас, чувствовать текущий момент. Люди, живущие осмысленно, имеют хорошую временную перспективу, ясные цели и намерения, стойко выносят критику.

Базой исследования выступил МБУ «СОЦ «Утёс» (социально-оздоровительный центр «Утес» п. Ужовка, Челябинская область), где организованы двухнедельные заезды пенсионеров.

Выборка для стандартизации составила 177 пожилых людей в возрасте от 56 до 69 лет, из них 146 женщин и 31 мужчина.

В первую очередь рассмотрим группу пожилых людей в целом и по четырем шкалам теста. Получим максимальное, минимальное и среднее значение, а также стандартное отклонение от среднего для группы пожилых людей (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика для группы пожилых респондентов

		Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение
Возраст		56	69	61,55	2,85
Жизнеспособность	Способность адаптации	40	115	72,92	15,29
	Способность саморегуляции	22	59	40,53	7,41
	Способность саморазвития	26	70	44,37	9,45
	Осмысленность жизни	19	59	39,08	8,38
	Общий балл	128	298	196,68	34,87

Затем проведем стандартизацию на этой выборке. В процессе стандартизации рассчитаны средние значения и стандартные отклонения жизнеспособности пожилого человека и указанных компонентов жизнеспособности.

Анализ данных с помощью критерия Колмогорова-Смирнова показал, что распределение по данной методике соответствует нормальному (табл. 2).

Таблица 2

Статистики для пожилой выборки (56–69 лет)

	Способности адаптации	Способности саморегуляции	Способности саморазвития	Осмысленность жизни	Жизнеспособность
Среднее	72,91	40,53	44,36	39,08	196,67
Стандартное отклонение	15,29	7,41	9,45	8,38	34,87
Статистика Z Колмогорова-Смирнова	0,882	0,767	0,931	0,708	0,744
Асимптотическая значимость	0,418	0,599	0,352	0,699	0,638

Средние значения и стандартное отклонение отличаются от значений, полученных на других возрастных выборках (табл. 3)

Таблица 3

Нормы для пожилой выборки по опроснику Жизнеспособность человека

Уровни	Способности адаптации	Способности саморегуляции	Способности саморазвития	Осмысленность жизни	Жизнеспособность
Низкий	40 – 56	22 – 33	26 – 34	19 – 30	128 – 161
Средний	57 – 88	34 – 47	35 – 53	31 – 46	162 – 231
Высокий	89 – 115	48 – 59	54 – 70	47 – 59	232 – 298

На основе полученных результатов можно сырые значения по общей шкале жизнеспособности перевести в баллы. Основываясь на среднем значении, определяем границу между 5 и 6 стенами в 196-197 баллов. Используя стандартное отклонение, устанавливаем границу между 3 и 4 стенами в 161-162 баллов, а границу между 7 и 8 стенами в 230 и 231 балла. Оставшиеся высокие и низкие баллы разделяем тем же шагом в 17 баллов и получаем стандартную 10-бальную шкалу стенов (табл. 4).

Таблица 4

Перевод «сырых» значений опросника «Жизнеспособность человека» в стены для пожилой выборки

Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
«Сырые» значения	до 128	128	145	162	179	197	214	231	248	более 264
		144	161	178	196	213	230	247	264	

Необходимо отметить, что на выборке пожилых респондентов в показателях жизнеспособности не обнаружено достоверных различий по полу и образованию, что позволяет применять выделенные нормы вне зависимости от этих параметров.

Анализ результатов показал, что уровень жизнеспособности у пожилых людей преимущественно находится в границах среднего. Способности к адаптации у 75% средние, по 12,9% приходится на высокий и низкий уровень. Способности саморегуляции у 66,6% средние, у 14,6% низкие и у 18,6% высокие. Способности саморазвития у 70% средние, у 13,5% низкие и у 16,4% высокие. Осмысленность жизни у 62% средняя, и по 18,6% приходится на низкую и высокую. Общий уровень жизнеспособности у 71,2% средний, у 12,9% низкий и у 15,8% высокий.

Если оценивать жизнеспособность в стенах по десятибалльной шкале, то так же большинство респондентов имеют средний уровень в 4-7 баллов. Интересно, что нет ни одного человека с минимальным 1 баллом, и по 6% выборки приходится на 2 и 3 стена. То есть даже при низких баллах у испытуемых есть силы и способности к жизни, при этом есть респонденты с высокими баллами: 7,9% с 8 стенами, 3,9 с 9 стенами и 3,4% с 10. То есть в

группе достаточно широкий разброс по уровню жизнеспособности, но с совсем низкими баллами испытуемых не много, и есть люди с высокими баллами, почти максимальными из возможных. Учитывая этот факт, а также выявленную ранее социальную желательность ТЖЧ у взрослых респондентов в дальнейшем планируется проверка социальной желательности теста на выборке респондентов пожилого возраста.

В целом, обследованную группу можно назвать средне жизнеспособной, умеющей приспосабливаться к среде, узнавать новое и принимать новый опыт, рефлексировать, проявлять решительность. В то же время у многих респондентов есть проблемы с одним или несколькими компонентами жизнеспособности, что снижает ее общий уровень.

Перспективы исследования жизнеспособности пожилого человека лежат в области выявления отличий уровня жизнеспособности молодых, зрелых и пожилых людей. По мнению Т.Л. Крюковой это не всегда удастся осуществить, так как исследователями для разных возрастов часто используются разные диагностические инструменты [4, с.292]. Проведенная нами стандартизация теста жизнеспособности человека позволяет решить данную проблему.

Следующим шагом предусматривается разработка тренинга и апробация его на группах людей пожилого возраста.

Литература

1. Махнач А.В. Теоретические основания методов оценки жизнеспособности профессионала // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 23–53.
2. Рыльская Е.А. Методика исследования жизнеспособности человека. Вестник ЧГПУ. – 2009. – № 1. – С.130–136.
3. Рыльская Е.А. Психологическая концепция жизнеспособности человека. Челябинск: Изд-во «Полиграф-Мастер». – 2013. – 336 с.
4. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е. Посттравматический стресс и совладающее поведение в период средней и поздней взрослости // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2016. – С. 291–306.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ДОШКОЛЬНИКОВ

А.В. Галимова, М.Н.Терещенко

В данной статье рассматривается формирование эмоционального интеллекта у дошкольников, как одно из основных требований ФГОС ДО. Также в работе имеется определение эмоционального интеллекта и этапы его развития у детей дошкольного возраста. А в качестве рекомендации описаны технологии развития эмоционального интеллекта у дошкольников.

Развитие эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста – это требование ФГОС ДО. Период дошкольного детства – один из самых важных в жизни любого ребёнка. Именно в этот период ребёнок активно развивается как интеллектуально, так и физически. Особенно это касается эмоционального интеллекта, который является основой для успешной социализации ребёнка [10, с. 69]. Здесь большую роль играют родители и педагоги, которые обеспечивают необходимую поддержку, а также контроль за формированием необходимых для социума качеств [5, с. 120].

Целью данного исследования является изучение понятия «эмоциональный интеллект», рассмотрение основных моментов развития эмоционального интеллекта у дошкольников, а также предоставление необходимых рекомендаций родителям и педагогам по развитию эмоционального интеллекта.

Методами исследования послужили анализ, описание, обобщение и диагностика.

Результаты исследования таковы: заинтересованность к эмоциональному интеллекту появилась ещё в прошлом веке, когда классические тесты на уровень интеллекта не смогли выявить особенности поведения у людей. Известный английский путешественник и учёный Чарльз Дарвин в своей книге «О выражении эмоций у человека и животных» попытался изучить человеческие эмоции через внешние проявления. То есть основная идея современного эмоционального интеллекта появилась в начале XX века. Ещё один выдающийся учёный Г. Гарденер в 1983 году предложил свою теорию множественного интеллекта, разделив интеллект на внутренний и межличностный. Внутренний интеллект подразумевал собственные эмоции человека, а межличностный эмоции окружающих. Также в 1995 году американский журналист, писатель и психолог Д. Гоулман издал книгу «Эмоциональный интеллект», в которой разъяснил смысл данного понятия [1, с. 24].

Исходя из этого, мы можем сказать, что происхождение эмоционального интеллекта является довольно интересным и популярным вопросом. До сих пор множество учёных занимаются исследованиями по изучению данного феномена.

Развитый эмоциональный интеллект у ребёнка означает, что он способен понимать и принимать окружающих людей, выражать свои эмоции и контролировать их. На основе этого мы можем дать определение эмоционального интеллекта. Итак, эмоциональный интеллект представляет собой совокупность навыков понимания своих и чужих эмоций, а также умения управлять ими.

Развитие эмоционального интеллекта у детей и взрослых происходит по-разному и с разной скоростью [8, с. 225]. Поэтому ещё не существует чёткой модели, по которой можно было бы определить, на сколько он должен быть развит у ребёнка к определённому возрасту. Однако выделяют некоторые этапы развития эмоционального интеллекта у детей-дошкольников:

- 1) начало эмоционального осознания;
- 2) умение распознавать выражение лица, язык тела и жестов, тон голоса, другие проявления эмоционального состояния других людей;
- 3) ребёнок пользуется личным «эмоциональный запас», дабы передать собственные чувства;
- 4) ребёнок показывает сочувствие;
- 5) ребёнок начинает держать под контролем собственные эмоции;
- 6) ребёнок начинает воспринимать, что вызывает у него и у иных людей лестные или же негативные эмоции;
- 7) ребёнок начинает обдумывать связь между чувствами и поведением.

Следует отметить, что развитие эмоционального интеллекта ребёнка-дошкольника происходит в естественных условиях. Ребёнок получает необходимую практику как дома, так и в детском саду [4, с. 326]. Родители обеспечивают ему необходимую поддержку и заботу, сопереживают – всё это заставляет ребёнка выражать какие-либо эмоции. То же касается и сверстников, с которыми ребёнок учится управлять своими чувствами [3, с. 103].

В качестве диагностики была использована методика «Что – почему – как», её автором является Нгуен Минь Ань. Цель этой методики: выявление уровня готовности ребёнка прислушиваться к эмоциональному состоянию другого человека, сопереживать ему и заботиться о нём.

Детям дошкольного возраста предлагалось послушать рассказ и после ответить на некоторые вопросы. В то время как педагог – психолог задаёт вопросы, ребёнок отвечает на них и решает определённую проблему, которая связана с отношениями между детьми, их оценкой ситуаций и пониманием эмоциональных состояний других людей. Помимо этого, у детей был шанс предложить своё решение проблемы.

В умиряющем большинстве (80%) поставлены невысокие характеристики готовности ребят принимать во внимание эмоциональное положение иного человека. Малыши, которые могут отыскать дельное заключение в предлагаемой воспитателем истории, составляют – 44%.

Таким образом, приобретённые данные демонстрируют, что для большинства ребят дошкольного возраста свойственна невысокая степень

чувственного разума. Она показывает себя в слабо воплощенной ориентации на людей, трудностях распознавании впечатлений, низком уровне готовности принимать во внимание эмоциональное положение иного человека, сопереживать и беспокоиться о нём.

Поскольку родители и педагоги играют важную роль в развитии эмоционального интеллекта у ребёнка, то им необходимо знать некоторые занятия, игры и рекомендации [6, с. 79]. Далее мы рассмотрим несколько технологий развития эмоционального интеллекта дошкольников, которые вполне могут помочь как родителям, так и педагогам. К самым эффективным относят:

1. Знакомство ребят с базисными чувствами и их проявлениями: отрада, испуг, печаль, изумление.

2. Ознакомление ребят с изначальными познаниями о том, что люди во всевозможных обстановках чувствуют всевозможные ощущения.

3. Прорабатывание способностей и умений определения собственных и посторонних впечатлений.

4. Знакомство с методами самонаблюдения и самоконтроля психологических состояний;

5. Сюжетно–ролевые игры, с помощью которых ребёнок учится понимать других людей, учитывать их настроения и пожелания. Чаще всего используют такую игру, как кукольный театр.

6. Чтение различных литературных произведений: ребёнок-дошкольник учится сопереживать положительным героям и возмущаться поведением отрицательных.

7. Занятие творческой деятельностью – рисование, лепка. Создание различных поделок формирует у ребёнка чувство вкуса.

8. Занятие совместной деятельностью: родителям следует чаще привлекать детей к совместным занятиям, например, уборке по дому и т.п. Вместе с родителями ребёнок учится эмоциональному взаимодействию, которое помогает преодолевать различные трудные жизненные ситуации.

9. Развитие навыков и умений в коммуникации.

10. Театральные игры, которые выступают незакреплённым средством (полифункциональным) [8, с. 65] и активизируют творческие и когнитивные способности, которые помогают нравственному воспитанию и эмоциональному развитию личности.

Литература

1. Андреева И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Международная научно-практ. конференция. Смоленск: Изд-во СГПУ. – 2004. – С. 22–26.

2. Кормилицина Т.В. Игра-драматизация в развитии эмоционального интеллекта старших дошкольников // Вопросы педагогики. – 2018. – № 6–1. – С. 102–105.

3. Нгуен М.А. Развитие эмоционального интеллекта. Ребёнок в детском саду. – 2007. – № 5. – С. 80–87.
4. Проективная психология / Пер. с англ. М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс. – 2000. – 528 с.
5. Смирнова Е.О., Холмогорова В.М. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. – М.: Гуманитарн. изд. центр ВЛАДОС. – 2005. – 158 с.
6. Терещенко М.Н., Шульгина Е.В. Применение интерактивных средств в решении проблемных ситуаций // Информационная культура современного детства. Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 77–81.
7. Терещенко М.Н. Влияние правильной организации жизнедеятельности детей в доу на успешность подготовки к школе // Актуальные проблемы дошкольного образования: традиции и инновации Сборник статей XVI Международной научнопрактической конференции. – 2018. – С. 261–266.
8. Ульзутуева О.Д., Занаева Э.С Развитие эмоционального интеллекта старших дошкольников при реализации образовательной области «социально-коммуникативное развитие» // В сборнике: Дошкольное образование в современном изменяющемся мире: теория и практика Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.И. Улзытуева. – 2016. – С. 222–227.
9. Фатихова Л.Ф. Диагностический комплекс для психолого-педагогического обследования детей с интеллектуальными нарушениями. – Уфа: ИЦ Уфимского филиала ГОУ ВПО «МГГУ им. М.А. Шолохова». – 2011. – 80 с.
10. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, эмоции и психическое здоровье // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 61–74.

**ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ
ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ «ЭМИН»
Д.В. ЛЮСИНА ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Н.Б. Донковцева, Н.В. Дроздова

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

В статье представлена информация о феномене «эмоциональный интеллект». Изложены факторы, влияющие на развитие эмоционального интеллекта. Описан опросник «ЭмИн» Д.В. Люсина. Выявлены достоинства и недостатки психодиагностической методики «ЭмИн» Д.В. Люсина при изучении эмоционального интеллекта

В результате проведенного теоретического анализа, выявлено, что эмоциональный интеллект (далее ЭИ) оказывает воздействие на построение конструктивных и взаимно продуктивных межличностных отношений, но если его показатели снижены, возникает риск различных форм личностной деструкции и социальной дезадаптации. Представлено множество методик измерения ЭИ, одной из известных, является методика «ЭМИн» Д.В. Люсина.

Цель нашей работы состоит в анализе возможностей и ограничений психодиагностической методики при исследовании ЭИ. При реализации цели, перед нами стояли следующие задачи:

1. Выявить, что понимается под феноменом «эмоциональный интеллект» и определить его структурные компоненты;
2. Выявить, какой потенциал (ограничения и возможности) заложен в методике.

Так, существует множество моделей ЭИ, которые выделяются в зависимости от оснований, заложенных в основу понимания ЭИ как: когнитивная способность – когнитивная способность и личностные характеристики – некогнитивная способность. Исходя из предпочтений исследователя, а конкретно говоря, тех моделей ЭИ, приверженцем которых он является. Перед ним стоит выбор метода изучения ЭИ. На данном этапе известны такие методы, как тестирование, опрос, а также проективные методы.

Изучением ЭИ занимались такие ученые: Д.В. Люсин, А.И. Савенков, Д. Гоулмен, П. Саловей и Дж. Майер, Мещерякова И.Н., Андреева И.Н. Свой вклад внесли также Л.С. Выготский С.Л. Рубинштейн, Леонтьев А.Н.

В понимании же Д.В. Люсина, ЭИ – это способность к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями. Способность понять эмоции это: распознать её, идентифицировать её и понять причины появления. Способность управлять эмоциями это: контроль как выражение эмоций, способность приглушать, так и внешнее выражение (мимика, жесты), помимо этого при надобности изобразить или вызвать желательную эмоцию [2, с. 33].

При этом исследователь выделяет внутриличностный (работа со своими эмоциями) и межличностный (работа с эмоциями другого) эмоциональный интеллект. В то же время, Дмитрий Владимирович предлагает двойственную природу ЭИ, как когнитивной способности и как личностной характеристики [1, с. 266].

Модель ЭИ Д.В. Люсина имеет важное отличие от моделей, где ЭИ характеризуется двойственной структурой. Принято такую модель именовать «смешанной». Отличие прежде всего отражается в недопущении личностных характеристик в конструкт, оказывающих влияние на корреляции способности понимания и управления эмоциями. Автор включает только личностные характеристики, оказывающие воздействие на уровень, а также выявляющие неповторимые для каждого человека особенности его ЭИ [2, с. 34].

Теперь разберем факторы, влияющие на ЭИ. Д.В. Люсин обозначил три группы:

1. Когнитивные способности человека. Дмитрий Владимирович, разбирая этот компонент называет: скорость и точность, с которой личность анализирует сведения, конкретизируя эмоциональную информацию;

2. Представления об эмоциях. Исследователь указывает, что личность рассматривает эмоции, прежде всего, как ценность, как важный источник получения знаний о себе, о других.

3. Особенности эмоциональности. Проявляется как способность эмоциональности устойчивой и чувствительной [2, с. 34].

В результате проведенного анализа, было выявлено, что диагностировать ЭИ возможно если применять как задачи, которые можно наблюдать в тестах на интеллект, так и опросники. Так, автор методики «ЭМИн» утверждает, что внутриличностный ЭИ вернее диагностируется опросником, так как результат рефлексивной деятельности человека, его внутренних решений, тяжело оценить тестами, с верными и неверными ответами. В то же время, межличностный ЭИ правильнее диагностировать как раз используя задачи, а не опросники [2, с. 35].

Проведенный анализ возможностей и ограничений психодиагностической методики «ЭМИн» Д.В. Люсина при изучении эмоционального интеллекта мы представили в виде таблицы:

Таблица

Возможности и ограничения психодиагностической методики «ЭМИн»
Д.В. Люсина при изучении эмоционального интеллекта

Автор	Д.В. Люсина
Название	Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн»
Цель	Определить уровень эмоционального интеллекта
Временные ограничения	Не прописаны
Область применения	Диагностика различных аспектов эмоционального интеллекта
Понятийный аппарат методики	В диагностический инструментарий заложено авторское понимание ЭИ, как способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Благодаря чему, исследователь конкретизирует цель.
Возрастные границы методики	Четких возрастных границ, в изучаемых нами теоретических источниках не прописано. Можно предположить, изучая психометрический анализ, проведенным Д.В. Люсиным. Выборку составляли респонденты возраст которых от 16 до 67 лет [1, с. 264].
Специфика инструкции	Инструкция прописана и логична
Стимульный материал	Опросник, представлен 46 вопросами, где респондент отмечает ответ, отражающий его мнение

Процедура проведения	Респондентам раздается стимульный материал (бланк), прочитав инструкцию, респондент приступает к выполнению.
Логика обработки данных	По результатам проведенного анализа, определяются баллы по двум субшкалам, измеряющим различные аспекты межличностного ЭИ , и по трём субшкалам, измеряющим различные аспекты внутриличностного ЭИ . [1, с. 266–267].

В результате проведенного анализа выявлено, что методика «ЭМИн» Д.В. Люсина обладает достоинствами, так как:

1. Прописана цель и область применения;
2. Описан измеряемый параметр (понятие);
3. Описана организация исследования;
4. Представлены результаты по стандартизации методики: база исследования (возраст респондентов, половой состав, количество респондентов); обозначены показатели и результаты психометрического анализа: надёжность, дисперсионный анализ (связь между возрастом и полом по шкалам), факторный анализ (направлен на исследование внутренней структуры опросника);
5. Представлен сравнительный психометрический анализ результатов выборки в количестве 218 и 745 человек. Оба исследования были проведены Д.В. Люсиным по методике «ЭМИн» Д.В. Люсина.

6. Полученные результаты, респондент может сопоставить с представленной шкалой «норма».

В то же время, методика имеет ограничения:

1. Расплывчатая возрастная категория. Временные ресурсы, отводимые на проведение опроса не прописаны.
2. При валидации методики возникает вопрос выбора внешнего критерия (наиболее распространен критерии – успешность профессиональной деятельности), но, несмотря на это, опросник имеет высокую надёжность;
3. При интерпретации результатов не обозначена качественная характеристика уровней.

Таким образом, в результате проведенного анализа, выявлено, что методика имеет свои ограничения, которые выражены в нехватке качественного описания уровней ЭИ, возникают трудности с выбором критерия валидации, но при этом, методика позволяет изучить феномен «эмоционального интеллекта» целиком, затронув все его компоненты, но знание об уровнях будет иметь в большей степени количественное описание.

Изучая ЭИ важно знание не только количественных показателей, но качественной характеристики описанного феномена. В связи с чем, имеет место нехватка дополнительного диагностического инструментария, который бы позволил изучить феномен комплексно.

Литература

1. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН. – 2009. – С. 264–278.

2. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования/ Под ред. Д.В.Люсина, Д.В.Ушакова. М.: Институт психологии РАН. – 2004. – 176 с.

ОСОБЕННОСТИ СПОСОБНОСТИ К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В.А. Козлова, Л.С. Самсоненко

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

Предметом исследовательской работы выступает способность к прогнозированию. Представлены результаты исследования способности к прогнозированию в старшем школьном возрасте, которое опирается на методологический подход и инструментарий Л.А. Регуш. Предложены рекомендации для педагогов и родителей по развитию прогностических способностей у старшеклассников.

Актуальность изучения способности к прогнозированию, обусловлена, во-первых, современной социальной ситуацией, которая характеризуется изменчивостью и нестабильностью. В этих условиях способность составить адекватный прогноз развития событий и спланировать деятельность является ведущим условием успешности достижения целей. Во-вторых, развитие прогностических способностей отражено в нормативных требованиях к подготовке обучающихся. Так, Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования в части требований к метапредметным результатам, включает «умение самостоятельно определять цели деятельности и составлять планы деятельности» [6].

В психологической науке проблема прогнозирования в старшем школьном возрасте активно изучается в работах Л.А. Регуш [7, 8], А.В. Брушлинского [3], Б.Ф. Ломова, Е.Н. Суркова [5], Н.Л. Сомова [9]. Однако, несмотря на имеющиеся научные работы и накопленный практи-

ческий материал, изучение способности прогнозирования у старших школьников остается значимой проблемой, что определило выбор темы нашего исследования.

Цель: выявление особенностей способности к прогнозированию у обучающихся старшего школьного возраста.

Согласно поставленной цели решаются несколько ключевых задач:

1. Анализ понятия «способность к прогнозированию»;
2. Подбор диагностического инструментария для изучения способности к прогнозированию в старшем школьном возрасте;
3. Анализ результатов исследования способности к прогнозированию у старшеклассников;
4. Разработка рекомендаций для педагогов и родителей старшеклассников с низкими показателями уровня прогностических способностей.

Анализ различных исследований позволяет описать несколько направлений в рассмотрении способности к прогнозированию. Так, в рамках системного подхода Б.Ф. Ломов определяет эту способность как «системное психическое свойство» [5], в личностном подходе у Б.Г. Ананьева – это «способность предвидеть с помощью мыслительного процесса» [1]. М.Ю. Краева определяет прогностические способности как феномен, включающий несколько составляющих (эмоциональный, когнитивный, деятельностный) [4]; А.И. Балог и Н.В. Булдакова предлагают понимать рассматриваемый феномен как объединение «способности к прогнозированию и прогностической деятельности» [2].

Наше исследование опирается на методологический подход Л.А. Регуш, которая рассматривает прогностические способности как «особенность познавательных процессов личности, в частности, как качество мышления, которое проявляется в способности устанавливать причинно-следственные связи, выдвигать гипотезы, планировать» [8]. Кроме того, Л.А. Регуш разработан ряд диагностических методик, направленных на исследование способности к прогнозированию.

В процессе изучения способности к прогнозированию у старших школьников нами была выдвинута гипотеза о том, что в старшем школьном возрасте обучающиеся способны учитывать вероятность реализации намеченной цели, различать реальную и идеальную цели, брать во внимание влияние своих собственных усилий на успешность результата, способны анализировать и составлять план действий, которые смогут повлиять на конечный исход деятельности.

Было проведено эмпирическое исследование, в котором участвовали 32 человека – учащиеся 10–11 классов средних общеобразовательных школ города Оренбурга.

Для проведения исследования была выбрана методика Л.А. Регуш «Прогностическая задача» [8]. Выбор данной методики обоснован теоретической обоснованностью данного инструмента, соответствием возрасту

и социокультурным особенностям выборки. В основу методики положено теоретическое представление о речемыслительном прогнозировании как процессе установления причинно-следственных связей между явлениями, необходимым для выработки целей, планов и программ в практической деятельности, выдвижения и развития гипотез в теоретической деятельности.

В качестве показателей уровня развития способности прогнозирования в методике выступают:

- уровень вербального обобщения следствий,
- обоснованность выделенных следствий,
- перспективность следствий,
- логика построения следствий,
- осознание вероятностного характера следствий,
- осознание этапов процесса при установлении причинно-следственных связей,
- широта ассоциативного поля, вариативность ассоциаций,
- пластичность представлений,
- уровень вербального обобщения причин,
- полнота причинно-следственных связей,
- существенность причинно-следственных связей,
- перспективность причинно-следственных связей,
- осознание цели плана, полнота операций планирования,
- широта поиска при выдвижении гипотез,
- учет требований условий при выдвижении гипотез,
- гибкость и обоснованность гипотез.

Анализ ответов предполагает перевод в систему баллов, где 0 баллов – нет ответа; 1 балл – выдвинута одна гипотеза с последующим развитием; 2 балла – выдвинута несколько гипотез, но развивается одна; 3 балла – выдвинута несколько гипотез, которые имеют последующие развитие.

Анализ результатов позволяет сделать следующие выводы:

– низкий уровень способностей к прогнозированию был выявлен у 12,5% юношей, столько же девушек показали этот уровень. Средний балл в группе составил 27;

– средний уровень способностей к прогнозированию показали 62,5% юношей и 75% девушек (в целом по группе 32 балла);

– высокий уровень способностей к составлению прогноза был выявлен у 12,5% девушек и у 25% юношей (средний балл 38).

Очень низкого и очень высокого уровня в данной выборке не показал никто из участников исследования.

Достоверность различий полученных результатов между группами с разным уровнем сформированности способностей к прогнозированию подтверждается математической обработкой. Для определения значимости

различий был использован U–критерий Манна-Уитни. Значение показателя между группами с низким и высоким уровнем составило $U=337,9$ при $p \leq 0,05$; между группами с низким и средним уровнем – $U=300,7$ при $p \leq 0,01$; между группами с высоким и средним уровнем – $U=329,3$ при $p \leq 0,01$.

Сравнительный анализ результатов по половому признаку показывает, что средний уровень способностей к прогнозированию преобладает и у юношей, и у девушек. Низкий уровень способности прогнозирования показали в равном соотношении юноши и девушки. Высокий уровень способностей к прогнозированию преобладает у юношей.

В целом, проведенное исследование доказывает, что в старшем школьном возрасте большая часть испытуемых обладает достаточным уровнем способностей к прогностической деятельности. Старшие школьники способны строить планы в соответствии с внешними показателями, адекватно оценивать успешность результата деятельности, анализировать и способствовать достижению предполагаемого результата. В группе с высоким уровнем ярко выражены показатели перспективности следствий, осознание вероятностного характера следствий, полнота и существенность причинно-следственных связей, полнота операций планирования.

Итак, результаты изучения особенностей способностей старших школьников к прогнозированию подтвердили гипотезу исследования.

Однако, остается группа старшеклассников, испытывающих затруднения в прогностической деятельности. Были разработаны рекомендации по повышению уровня способностей к прогнозированию у данной категории школьников для родителей и педагогов.

Педагогам рекомендуется:

- организовать обучающую деятельность с частичным участием планирования ее самими учениками;
- обратиться за помощью к педагогу-психологу, который может провести с ребятами занятия в форме тренингов, направленные на повышение уровня успешности прогнозирования у школьников;
- давать обучающимся больше свободы в высказываниях и учебной деятельности;
- проводить больше мероприятий с использованием игр, соревновательных моментов, викторин;
- наделять учеников с низкими способностями к прогностической деятельности особыми полномочиями и ответственностью.

Родителям рекомендуется:

- предложите помощь в планировании недалекого будущего для упорядоченности действий в предстоящих событиях, это поможет ввести в привычку школьника четко составлять прогноз в будущем и придержи-

ваться составленного плана корректируя его в соответствии с действительностью;

- обходитесь без резкой критики запланированного будущего вашим ребенком, так как часто мнения родителей и детей могут расходиться;

- обсуждайте со своим ребенком перспективы тех или иных поступков;

- создавайте условия для переживания ребенком положительных эмоций, дайте гарантии поддержки, вселяйте уверенность в себе, что крайне необходимо в этом возрасте;

- дайте школьнику самостоятельно регулировать важные для него сферы жизни;

- наделите посильными для старшего школьника полномочиями в доме, за которые несет ответственность только он.

В данной статье мы описали понятие «прогнозирование», представили результаты эмпирического исследования, проведенного с помощью методики Л.А. Регуш «Прогностическая задача». Раскрыли результаты проведенной работы, которые доказали выдвинутую гипотезу. Обучающиеся старшего школьного возраста действительно уже готовы к прогнозированию и умело пользуются им. Большинство школьников в данном возрасте имеют средний или выше среднего уровень способности к прогнозированию. Низкий уровень способности к прогнозированию был получен у небольшого процента участников исследования, которым можно предложить развивающую работу. Для работы с данной группой старшеклассников предложены рекомендации родителям, педагогам и самим обучающимся, которые показали результаты развития прогностических способностей ниже среднего.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер – 2010. – 288 с.

2. Балог А.И., Булдакова Н.В. Развитие способности к прогнозированию у будущих специалистов социально-гуманитарной направленности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 29. – С. 443–449. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/770895.htm> (дата обращения 28.03.2021).

3. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ. М.: Мысль. – 2004. – 229 с.

4. Краева М.Ю. Динамика прогностических способностей у студентов-психологов в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Астрахань. –1999. – 205 с.

5. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности М.: Наука. – 1980. – 279 с.

6. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного Стандарта Среднего общего образования. – URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения 01.04.2021).

7. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: способность, ее развитие и диагностика. Киев: Вища школа. – 1997. – 88 с.

8. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь. – 2003. – 352 с.

9. Сомова Н.Л. Диагностика способности к прогнозированию. Методика и ее стандартизация: автореферат ...канд. психол. наук: 19:00:01, РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб. – 2002. – 20 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ РОДИТЕЛЬСТВА У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.Ю. Комарова, М.Н. Терещенко

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический
университет, г. Челябинск, Россия

Статья посвящена рассмотрению проблемы формирования основ родительства у детей старшего дошкольного возраста; дано определение родительства в целом; указано непосредственно условие, подразумевающее активное участие родителей детей дошкольного возраста в процессе формирования основ родительства у детей старшего дошкольного возраста.

Современная действительность такова, что, когда финансовое благополучие выходит на первый план, первостепенной задачей педагогов и родителей становится стремление сохранить семейные ценности. Невообразимые мировые изменения в плане взглядов на семью, гендерную принадлежность и свободу выбора, граничащую с некоторым безумием, оказывают большое влияние на мировоззрение молодого поколения в нашем государстве. Модные тенденции, позволяющие игнорировать природную принадлежность и истинное предназначение мужчин и женщин, оказывают как никогда опасное влияние на представления о традиционной семье, соответственно представляют некоторую угрозу для будущего нашего общества.

Актуальность данного исследования также подкреплена стремлением государства, подразумевающим создание таких условий, при которых совершенствуется человеческий потенциал, включается гендерный компонент во все области жизни и развития общества.

Исследованиями в области данной проблемы занимались такие отечественные ученые как, Р.В. Овчарова, Л.В. Петрановская, Г.Г. Филиппова, А.А. Чекалина и др.

По мнению Р. В. Овчаровой, родительство, а конкретно материнство и отцовство представляет собой основу, базу, жизненное предназначение, является особенным состоянием и значительной социально-психологической функцией каждого отдельно взятого человека. Немаловажно, что характер родительства находит свое отражение на качестве потомства, предопределяет будущее личное счастье человека и его продолжение, то есть бессмертие. Нельзя отрицать, что будущее любой цивилизации – это состояние родительства в настоящее время.

Согласно нашим опросам среди педагогов дошкольных образовательных организаций и родителей детей старшего дошкольного возраста, большинство девочек и мальчиков, имеют неполное представление об образе матери или отца, родительства в целом. Также только малая часть родителей владеет компетенциями в вопросах воспитания в детях определенных качеств мужественности или женственности, формировании определенных представлений о современной семье.

Несмотря на реальное положение дел, мы считаем, что существуют некоторые противоречия на социально-педагогическом уровне. Современное общество требует от женщин решительных действий, активности, стойкости, в то время как, от мужчин социум ожидает подчинения, мягкости и покладистости. С точки зрения педагогики, такие требования противоречат природным качествам человека, мужчины или женщины. Образовательные организации стремятся воспитать в детях дошкольного возраста именно стереотипные качества, а не выполнить только социальный заказ.

На уровне научно-теоретическом противоречия выражены недостаточным количеством подходов в решении проблемы формирования основ родительства в дошкольном возрасте. Также недостаточно теоретических обобщений в интересующем нас вопросе.

Противоречия в теории и методике волнующей нас темы, ярко выражены в большом объеме теоретических рассуждений. Поскольку ведущей деятельностью данного возрастного периода является игра, то противоречие в методике отличается недостаточной разработкой методических рекомендаций, программ по проблеме формирования основ родительства именно в старшем дошкольном возрасте.

Целью исследования мы определили теоретическое изучение заявленной проблемы и экспериментальную проверку сформулированных психолого-педагогических условий формирования основ родительства.

Гипотеза исследования – процесс формирования основ родительства у детей старшего дошкольного возраста посредством игровой деятельности будет проходить более эффективно, в случае реализации таких условий как:

– введение в целостный педагогический процесс разработанной нами программы, отражающей методические рекомендации по формированию основ родительства у детей старшего дошкольного возраста с применением проектной деятельности, активного включения в процесс родителей детей старшего дошкольного возраста;

– регулярно дополнять предметно-пространственную среду в группе дидактическими играми, настольно-печатными играми, алгоритмами и атрибутами к сюжетно-ролевым играм, обозначенными в разработанной программе;

– развивать и совершенствовать игровую деятельность детей.

Одним из компонентов ключевых условий гипотезы нашего исследования является активное включение в образовательный процесс родителей детей старшего дошкольного возраста.

Акцентируя внимание на непосредственном участии родителей детей старшего дошкольного возраста в процессе формирования у них основ родительства, мы подразумеваем проведение консультативных мероприятий, мастер-классов, творческих выступлений, литературных вечеров, а также форму сотрудничества между педагогами, детьми и родителями в виде наставничества.

В опубликованных нами ранее статьях, затрагивающих тему формирования основ материнства, мы опирались на развитие определенных качеств женственности. На данный момент, развивая тему формирования основ родительства, хотелось бы также обратить внимание педагогов и родителей детей старшего дошкольного возраста на развитие некоторых мужских качеств, а также проводить активную работу в направлении формирования определенных семейных ценностей, родительских установок, чувств, отношений, ответственность и стиль семейного воспитания [11, с. 9].

В своих научных трудах Р.В. Овчарова рассматривает феномен родительства на двух уровнях: на уровне отдельного индивида, то есть матери и отца и, как надындивидуальное целое. Оба этих уровня автор представляет, как этапы формирования родительства.

Родительство – это биологические и социальные связи между супругами и детьми, включающие рождение и воспитание ребёнка, обеспечивающие приобщение его к культурным и духовно-нравственным ценностям общества. Формирование феномена родительства представляет собой источник педагогических целей и является средством их достижения одновременно, в случае, когда семья рассматривается с точки зрения педагогической системы.

В подобном случае родительство имеет в своей основе педагогический потенциал семьи, а также предусматривает средство воспитания ребёнка и отдельно взятый случай социализации маленького человека, с точки зрения передачи образа и представлений о семейных ролях, функциях родителей и супругов.

На констатирующем этапе исследования, основываясь на выдвинутой гипотезе, мы выбрали оптимальные методики диагностики: Интервью полоролевой идентификации для 5–7-летнего возраста А.А. Чекалиной, диагностика игровой деятельности по Д.Б. Эльконину, анкетирование родителей «Воспитание важных гендерных качеств». Входная диагностика показала следующие данные: представление детей об образе матери и отца, о роли женщины и мужчины, собственном будущем находились на низком и среднем уровне (30% и 46% соответственно). Наполняемость развивающей предметно-пространственной среды соответствовала требованиям ФГОС ДО, но недостаточно сформирована для решения проблемы. Диагностика игровой деятельности позволила выявить недочеты развития игровой деятельности у детей старшего дошкольного возраста.

На формирующем этапе нами была проведена работа по формированию основ родительства у детей старшего дошкольного возраста. Были организованы мероприятия, основанные на государственных праздниках, нашедшие отражение в непосредственно образовательной деятельности во всех областях развития. Так же наполнение развивающей среды в группах необходимыми атрибутами и алгоритмами к сюжетно-ролевым играм позволило нам уделить большее внимание развитию игровой деятельности. Работа с родителями, посредством консультаций и индивидуальных бесед позволила увеличить их педагогическую осведомленность в вопросах воспитания мальчиков и девочек. Большой вклад в развитие важных гендерных качеств принадлежит родителям детей старшего дошкольного возраста. Такая форма сотрудничества, как наставничество и мастер-классы, а также творческие и литературные вечера, произвели наибольший эффект на сплочение и укрепление семейных, детско-родительских отношений.

На заключительном этапе, после проведения контрольной диагностики получили следующие данные: диагностика полоролевой идентификации выявила прирост сформированности представлений об образе матери и отца, о роли женщины и мужчины, собственном будущем в экспериментальной группе составил 28% и 36% соответственно; диагностика игровых компетенций в среднем отразила прирост всех показателей на 15%.

Экспериментальное изучение состояния проблемы формирования основ родительства у детей старшего дошкольного возраста позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время остается открытым вопрос о полном списке требуемых женских и мужских качеств для успешного формирования основ родительства.

Психолого-педагогические условия, заявленные нами эффективными в формировании основ родительства у детей старшего дошкольного возраста, реализованные нами в процессе исследования позволяют нам отметить положительный эффект.

С нашей точки зрения, проводить работу по формированию основ родительства необходимо именно с дошкольного возраста. Поскольку дан-

ный возрастной этап является наиболее подходящим для усвоения определенных норм и ценностей, воспитания определенных человеческих качеств личности, формирования адекватного представления и образа семьи.

Литература

1. Азаров Ю.Л. Семейная педагогика – М.: ЭКСМО. – 2015. – 155 с.
2. Дурылин С.Н. Совместное воспитание и образование – М.: Профессиональное образование. – 2014. – 80 с.
3. Исаев Д.Н. Психологический аспект полового воспитания детей и подростков // Психологические проблемы психогигиены и психопрофилактики. – М.: «Э». – 2016. – 192 с.
4. Каган В. Е. Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3–7 лет // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 65–69.
5. Каптерев П.Ф. Избранные труды. – М.: Педагогика. – 2007. – 93 с.
6. Кон И.С. Половые различия и дифференциация социальных ролей. – М.: ЭКСМО. – 2009. – С. 763–776.
7. Комарова А.Ю., Терещенко М.Н. Формирование основ материнства у девочек старшего дошкольного возраста / Международный научный журнал Мир науки, культуры, образования. – № 4 (83) – Барнаул: Концепт. – 2020. – С. 135–138.
8. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения: Пер. с англ. – М.: Наука. – 1988 – 83 с.
9. Минегетти А. Мотивация комплекса взаимосвязи «мужчина-женщина» // Онтопсихология. – М. – 1996. – С. 12–20.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: ОНИКС. – 2012. – 1375 с.
11. Овчарова Р.В., Родительство как психологический феномен: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт. – 2006. – 496 с.
12. Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Педагогические очерки / Под ред. Н.Н. Завьялова. – М.: «Э». – 2008. – 156 с.
13. Репина Т.А. Проблема полоролевой социализации детей. – М.: Изд. Московского психолого-социального института. – 2004. – 288 с.
14. Терещенко М.Н., Гендерные различия будущих первоклассников // Детский сад от А до Я. – 2013. – № 2 (62). – С. 50–55.
15. Терещенко М.Н., Вебер М.В., Психолого-педагогические условия эмоционального благополучия детей среднего дошкольного возраста. Сборник материалов II Всероссийской молодежной конференции, 25 апреля 2019 года. Шадринский государственный педагогический университет; ответственный редактор О. В. Крежевских. – 2019. – С. 150–125.
16. Терещенко М.Н., Колотилова У.В., Коммуникативная успешность детей как условие их эффективной социализации, Актуальные проблемы дошкольного образования. Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. – 2020. – С. 381–386.

17. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие. – М.: Просвещение. – 2002. – 252 с.
18. Фрейд З. Женственность. Сновидения: Избранные лекции – М.: «Э» – 2016. – 315 с.
19. Хорват Ф. Любовь, материнство, будущее. – М.: Прогресс. – 1982. – 110 с.
20. Чекалина А.А. Гендерная психология: Учебное пособие. – М.: «Ось-89». – 2006. – 256 с.

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ГОТОВНОСТИ К ВЫБОРУ ПРОФЕССИИ

Ю.А. Кудрина, Т.А. Липская

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

В статье рассматриваются результаты эмпирического изучения особенностей субъектности у старшеклассников с разным уровнем готовности к выбору профессии. Приводится сравнительный анализ показателей субъектности старшеклассников трех групп: с высоким, средним и низким уровнями готовности к выбору профессии.

В современных условиях модернизации отечественного образования значительно актуализируется необходимость подготовки обучающихся к выбору профессии и вхождению в мир профессионального труда (ФГОС ООО, утвержденный приказом Минобрнауки России от 17.12.2010 № 1897 (с изменениями и дополнениями от 29.12.2014 №1644, от 31.12.2015 № 1577)). Согласно образовательным стандартам старшеклассники должны быть готовы к осознанному выбору профессии.

Оказываясь в ситуации выбора, значимого для всего жизненного пути личности, старшекласснику важно уметь опираться на себя, свои потребности, интересы, принимать ответственность за свое решение, то есть – совершать осознанный выбор, обладая развитой субъектностью. Однако старшеклассники не всегда готовы к выбору профессии, что может быть связано с особенностями развития субъектности.

Теоретическим основанием данного исследования выступило понимание субъектности как интегративного свойства личности, выражающего отношение человека к себе как к деятелю, т.е. сознательная, избирательная, основанная на опыте, психологическая связь человека с различными сторонами объективной действительности, выражающаяся в его действиях, реакциях и переживаниях. Содержание субъектности составляют осознание собственной активности, уникальности, возмож-

ности свободно выбирать и быть ответственным за этот выбор, способность к рефлексии, способность к саморазвитию и принятие другого в качестве субъекта собственной жизни и судьбы [1; 2; 3].

Эмпирическое исследование особенностей субъектности старшеклассников с разным уровнем готовности к выбору профессии было проведено на базе школ г. Оренбурга. Для выделения групп старшеклассников с разными уровнями готовности к выбору профессии применялась методика «Опросник для выявления готовности к выбору профессии» (В.Б. Успенский); для выявления содержательных особенностей субъектности у старшеклассников нами использовался «Опросник изучения структуры субъектности» (Е.Н. Волкова, И.А. Серегина).

В ходе изучения уровня готовности к выбору профессии в выборке старшеклассников были получены следующие результаты: – 30% старшеклассников продемонстрировали низкий уровень готовности к выбору профессии, что соответствует низкой осознанности, несогласованности и противоречивости профессионального выбора; средний уровень готовности к выбору профессии – 42% старшеклассников задумываются над будущим, но устоявшиеся представления, о своей грядущей профессиональной деятельности и профессиональном обучении у этих старшеклассников ещё не сформированы; высокий уровень готовности к выбору профессии – 28% старшеклассников, эти обучающиеся оценивают свои возможности достаточно высоко и выбрали свою будущую профессию.

Изучив содержательные характеристики субъектности в группах старшеклассников с разным уровнем готовности к выбору профессии, были получены следующие данные (см. рисунок).

Сравнение показателей субъектности у старшеклассников с разным уровнем готовности к выбору профессии

Анализируя результаты отметим, что в группах старшеклассников с разным уровнем готовности к выбору профессии прослеживаются четкие различия в развитии отдельных составляющих субъектности: по всем со-

держательным характеристикам субъектности старшеклассники с высоким уровнем готовности к выбору профессии имеют более высокие показатели, с низким уровнем – наиболее низкие. При этом группа старшеклассников со средним уровнем готовности к выбору профессии занимает промежуточное положение и отдельные составляющие субъектности здесь имеют уровень развития выше, чем у старшеклассников с низким уровнем готовности к выбору профессии, и уровень ниже – в сравнении с испытуемыми с высоким уровнем готовности к выбору профессии.

По данным рисунка 1 можно видеть, что все содержательные характеристики субъектности в группе старшеклассников с высоким уровнем готовности к выбору профессии распределены равномерно. Немного «западет» в профиле такая составляющая субъектности, как понимание и принятие другого человека в качестве субъекта, однако сам показатель относится к области значений выше среднего уровня. Наиболее выраженными в профиле являются такие составляющие субъектности как осознанная активность и осознание уникальности собственной личности. Можно также отметить, что данные испытуемые обладают высоким уровнем сознательной активности, понимания индивидуальной уникальности, приобретения свободы выбора и ответственности за него, способности к рефлексии, саморазвитию, а также пониманию и принятию другого человека в качестве субъекта. Так, старшеклассники с высоким уровнем готовности к выбору профессии демонстрируют осознанность собственной активности, деятельности, проявляя субъектную ответственность за свою жизнь и события в ней, а также принимая подобные позиции окружающих, что свидетельствует о наличии стремления к самодетерминации и свободе. В целом, относительно группы старшеклассников с высоким уровнем готовности к выбору профессии можно говорить о развитой на высоком уровне субъектности, предполагающей активное, ответственное и осознанное выстраивание собственной жизни.

В группе старшеклассников со средним уровнем готовности к выбору профессии профиль субъектности характеризуется менее равномерным распределением данных, чем у старшеклассников с высоким уровнем. Здесь в качестве «пиков» профиля также можно выделить такие содержательные характеристики субъектности как осознанная активность и осознание уникальности собственной личности, показатели по которым относятся к высокому уровню развития. Также приближаются к высокому уровню развития способность к рефлексии, саморазвитию, принятие свободы выбора и ответственность за него. Понимание и принятие другого в качестве субъекта здесь являются наименее выраженными. Это означает, что старшеклассники со средним уровнем готовности к выбору профессии не вполне принимают тот факт, что другой человек имеет собственные субъектные характеристики и является самостоятельным источником активности. В целом, профиль субъектности для группы старшеклассников со средним уровнем готовности к выбору профессии свидетельствует о

достаточно развитой субъектности, проявляемой преимущественно в характеристиках осознанной активности и принятия уникальности собственной личности.

Профиль субъектности для группы старшеклассников с низким уровнем готовности к выбору профессии является наименее равномерным и содержит показатели высокого, среднего и низкого уровней развития отдельных составляющих. Наиболее низкими здесь являются показатели таких содержательных характеристик субъектности как способность к саморазвитию, пониманию и принятию другого человека в качестве субъекта. На среднем, близком к низкому уровню, представлены такие составляющие субъектности как способность к рефлексии и свобода выбора и ответственность за него. Так, у старшеклассников с низким уровнем готовности к выбору профессии обнаруживается несформированность потребности в саморазвитии, неразвитость рефлексии. Они не воспринимают окружающих людей как самостоятельных субъектов, источников активности, что может быть обусловлено отсутствием видения самих себя в качестве таких субъектов. Соответственно, способность к самостоятельному принятию решений и постановке целей, а также ответственность за различные стороны жизни здесь не проявляются в полной мере.

Обнаруженные в ходе сравнительного анализа различия в группах старшеклассников с высоким, средним и низким уровнями готовности к выбору профессии мы проверили с помощью расчетов критерия различий U–Манна-Уитни, результаты которых представлены в таблице.

Таблица

Различия в показателях субъектности в группах старшеклассников с разным уровнем готовности к выбору профессии (по U-Манна-Уитни)

Показатели субъектности	Сравниваемые группы		
	Выс. – сред.	Выс. – низ.	Сред. – низ.
Активность	80 (0,05)	25,5 (0,01)	119,5 (незн.)
Способность к рефлексии	78 (0,05)	35 (0,01)	92,5 (0,05)
Свобода выбора и ответственность за него	52,5 (0,01)	22,5 (0,01)	113,5 (незн.)
Осознание собственной уникальности	115,5 (незн.)	56,5 (0,05)	113 (незн.)
Понимание и принятие другого	61,5 (0,01)	32 (0,01)	133,5 (незн.)
Саморазвитие	85 (0,05)	41,5 (0,01)	102 (0,05)
Уровень развития субъектности (интегральный показатель)	45,5 (0,01)	39,5 (0,01)	97 (0,05)

Из данных таблицы обнаруживается, что наибольшее количество значимых различий в показателях развития субъектности существует между группой старшеклассников с высоким уровнем готовности к выбору профессии и другими группами.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволяет выделить следующие особенности развития субъектности старшеклассников с разным уровнем готовности к выбору профессии. Старшеклассников с высоким уровнем готовности к выбору профессии характеризует высокий уровень развития субъектности и ее отдельных составляющих, что может объясняться наличием способности самополагаться на себя, отсутствием сомнений в самодетерминации собственной личности. При среднем уровне готовности к выбору профессии в качестве наиболее значимых атрибутов субъектности выступают способность к рефлексии и саморазвитию, осознание собственной уникальности и осознанная активность, а сам уровень субъектности является преимущественно средним. Старшеклассники с низким уровнем готовности к выбору профессии имеют преимущественно низкий уровень развития субъектности, проявляющийся в неразвитой рефлексии, неспособности быть активным и ответственным творцом собственной жизни и видеть таковых в окружающих людях. Такие результаты могут быть обусловлены низким уровнем готовности к выбору профессии, определяющим существование сомнений в себе, неспособности полагаться на себя.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о необходимости проведения психологической работы со старшеклассниками в частности третьей группы (с низким уровнем готовности к выбору профессии), направленной на развитие содержательных характеристик субъектности.

Литература

1. Волкова Е.Н. Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и миру // Мир психологии. – 2005. – №3. – С. 33–39.
2. Волкова Е.Н. Субъектность педагога: теория и практика: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук: 19.00.07. М.: ПИ РАО – 1998. – 50 с.
3. Серегина И.А. Психологическая структура субъективности как личностного свойства педагога: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – М.: ПИ РАО. – 1999. – 26 с.

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

И.А. Прибылов, О.П. Цариценцева

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

В статье представлены результаты изучения особенностей копинг-стратегий в выборке подростков. Автором последовательно анализируются показатели когнитивного, эмоционального и поведенческого копинга. Делается вывод о том, что для большинства подростков характерны неадаптивные когнитивные (диссимуляция, растерянность), эмоциональные (агрессивность, самообвинение), поведенческие (активное избегание, отвлечение) копинг-стратегии.

В настоящее время трудные социально-экономические условия, нестабильность общества, усиливающиеся в 2020 г. под влиянием пандемии нового коронавируса и мер противодействия ей, обостряют актуальность рассмотрения вопросов копинг-стратегий в психологических исследованиях. Ряд исследователей сегодня отмечают снижение чувства безопасности и защищенности граждан (Е.И. Рассказова, Д.А. Леонтьев, А.А. Лебедева), что определяет постоянный рост интереса к феномену совладания, определяющему успешность адаптации личности к новым и постоянно изменяющимся условиям жизни [3].

Копинг-поведение (стратегия) в психологической науке рассматривается как готовность индивида решать жизненные проблемы, приспосабливаться к обстоятельствам, преодолевать стресс определенным образом. Принимая точку зрения Е. Хайма, мы будем рассматривать адаптивные, неадаптивные и относительно адаптивные эмоциональный, когнитивный и поведенческий типы копинг-поведения [1; 2].

Для выявления особенностей копинг-поведения подростков нами было организовано эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 50 подростков в возрасте 13–14 лет, в числе которых 23 девочки и 27 мальчиков. Для получения эмпирических данных о копинг-поведении подростков применялась «Методика определения копинг-стратегий» Е. Хайма.

Согласно стандартной обработке методики Е. Хайма анализируются показатели когнитивных, эмоциональных и поведенческих копинг-стратегий. Рассмотрим далее представленность различных типов копинга в выборке подростков.

Представим встречаемость когнитивных копинг-стратегий в выборке подростков в виде гистограммы (рис. 1).

Рис. 1. Когнитивные копинг-стратегии подростков

Наиболее часто встречающейся когнитивной копинг-стратегией в выборке подростков является неадаптивная форма – диссимуляция (18%). При диссимуляции индивидуум пытается себя убедить в отсутствии реальной опасности, игнорирует сигналы, о ней свидетельствующие. По сути, данная копинг-стратегия является формой игнорирования, избегания проблем в когнитивном плане.

Растерянность как неадаптивный вариант когнитивного копинга отмечается у 16% выборки и является второй по частоте встречаемости в числе когнитивных копингов. Растерянность в данном случае предполагает, что у человека не сформировано представление о трудной ситуации, позволяющее успешно с ней справиться, а поиск информации для решения проблемы не ведется.

Придача смысла – относительно адаптивная когнитивная копинг-стратегия, встречается у 12% выборки подростков. Придача смысла – это поиск «полезности» стрессовой ситуации для личности, попытка упорядочить ее понимание.

Адаптивные когнитивные копинг-стратегии – проблемный анализ (6%), установка собственной ценности (4%), сохранение самообладания (10%) встречаются у небольшого количества подростков нашей выборки.

Так, в целом, можно отметить, что большинство подростков выбирают неадаптивные стратегии когнитивного копинга, тогда как адаптивные стратегии характерны для меньшего количества испытуемых. В целом, данные распределились следующим образом:

- адаптивные когнитивные копинг-стратегии – 20%;
- относительно адаптивные когнитивные копинг-стратегии – 28%;
- неадаптивные когнитивные копинг-стратегии – 52%.

Эмоциональные копинг-стратегии в выборке подростков распределились следующим образом (рис. 2).

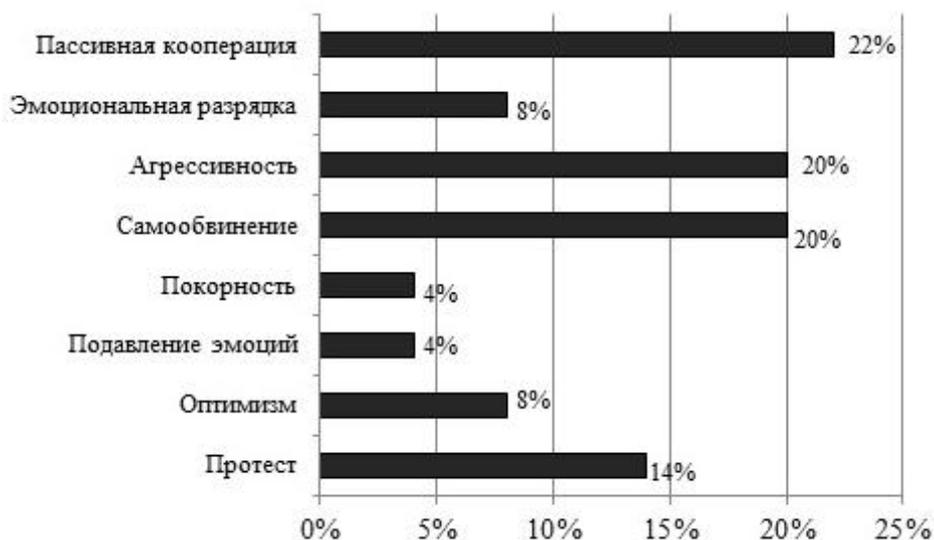

Рис. 2. Эмоциональные копинг-стратегии подростков

Пассивная кооперация – относительно адаптивная копинг-стратегия, которая в рассматриваемой выборке подростков встречается чаще всего – у 22% испытуемых. Пассивная кооперация предполагает, что личность стремится к снятию напряжения через передачу ответственности другим людям за возникновение трудностей, стресса и их преодоление. При пассивной кооперации возможно достаточно конструктивное разрешение проблем, однако в данном случае личность не способна самостоятельно справиться со стрессом – всегда нужен кто-то, кто возьмет на себя ответственность.

На втором месте по частоте встречаемости у подростков оказываются неадаптивные эмоциональные копинг-стратегии агрессивности (20%) и самообвинения (20%). При самообвинении подростки в ситуации стресса переживают подавленность, ощущение бессмысленности и острое чувство вины за происходящее. Агрессивность как эмоциональный копинг – это переживание злости, враждебности по отношению к себе и другим, что только усиливает стресс, напряженность.

Протест как адаптивный эмоциональный копинг в рассматриваемой выборке подростков занимает третье место по частоте встречаемости (14%). В данном случае речь идет о выраженном переживании несогласия с ситуацией, активном стремлении ее изменить, вере в позитивный исход событий.

Так, эмоциональные копинг-стратегии у большинства подростков нашей выборки являются неадаптивными и относительно адаптивными. В целом, данные распределились следующим образом:

- адаптивные эмоциональные копинг-стратегии – 22%;
- относительно адаптивные эмоциональные копинг-стратегии – 30%;
- неадаптивные эмоциональные копинг-стратегии – 48%.

Поведенческие копинг-стратегии в выборке подростков распределены следующим образом (рис. 3).

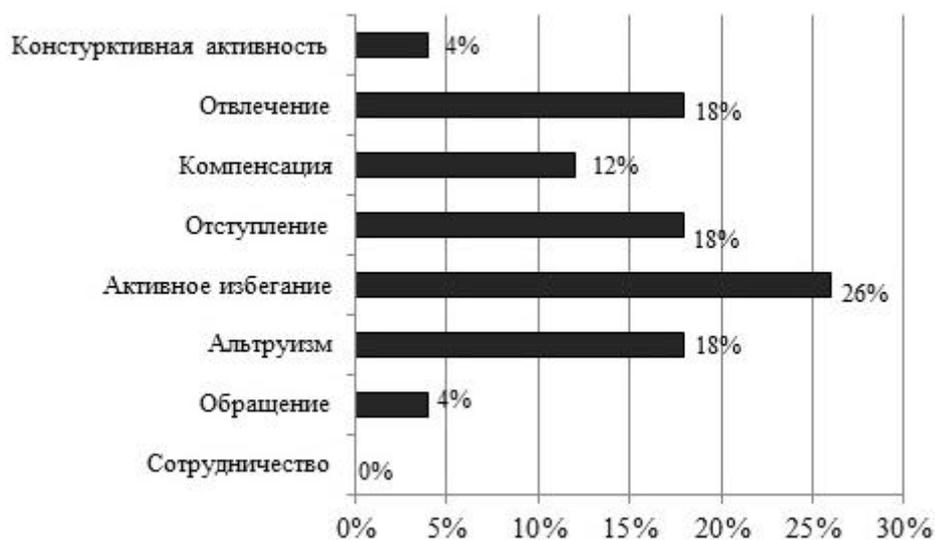

Рис. 3. Поведенческие копинг-стратегии подростков

На первом месте по частоте встречаемости у подростков выявляется неадаптивная поведенческая форма копинга – активное избегание (26%). При активном избегании личность стремится игнорировать проблему, «закрывается» от нее, вплоть до избегания мыслей о проблеме. Вследствие такого поведения преодоления трудностей не происходит.

Также выраженной у 18% выборки является неадаптивная копинг-стратегия отступления. При использовании данной стратегии у личности отмечается уверенность в том, что проблема нерешаема, что нельзя ничего предпринять для преодоления трудностей.

Относительно адаптивной является копинг-стратегия отвлечения, также встречающаяся у 18% выборки подростков. Данная стратегия предполагает наличие у личности стремления найти себе занятие, способствующее отвлечению от негативных эмоциональных переживаний. Отвлечение также может выступать и в качестве своеобразного шага на пути к конструктивному разрешению проблемы, предполагающего «передышку» перед последующими активными действиями.

Также у 18% выборки встречается адаптивная поведенческая копинг-стратегия альтруизм. При такой стратегии личность ищет сотрудничества и поддержки в значимом окружении.

Компенсация в качестве ведущей поведенческой копинг-стратегии отмечается у 12% выборки подростков. Стратегия компенсации является относительно адаптивной, так как в данном случае личность «уходит» от основной проблемы к реализации тех потребностей, которые в данный момент могут быть удовлетворены. Проблема при этом сохраняется, но может быть существенно улучшено самочувствие.

Выраженность в выборке подростков различных поведенческих копинг-стратегий распределена следующим образом:

- адаптивные поведенческие копинг-стратегии – 22%;
- относительно адаптивные поведенческие копинг-стратегии – 34%;
- неадаптивные поведенческие копинг-стратегии – 44%.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что для большинства подростков характерны неадаптивные когнитивные (диссимуляция, растерянность), эмоциональные (агрессивность, самообвинение), поведенческие (активное избегание, отвлечение) копинг-стратегии. Такие результаты свидетельствуют о том, что подростки не умеют справляться со стрессом, конструктивно выходить из трудных ситуаций, что может приводить к нарушениям социально-психологической адаптации и развития личности в целом.

Литература

1. Журавлев А.Л., Крюкова Т.Л., Сергиенко Е.А. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы. – М.: Когито-Центр. – 2008. – 680 с.
2. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: монография. – Кострома: КГУ. – 2010. – 296 с.
3. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Том 28. – № 2. – С. 90–108.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕННЫХ: ОТНОШЕНИЕ К УРОВНЮ ПОЛУЧЕННЫХ ЗНАНИЙ И К КАЧЕСТВУ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД АКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

М.В. Сапранкова, Л.С. Рычкова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье представлены результаты, полученные на основании проведенного контент-анализа мини-сочинений, написанных старшими подростками, касающихся уровня удовлетворенности образованием в школе и степени выраженности качества образования. Проведен анализ прикладных аспектов контекста образования, характеризующего новый образ мышления в структуре современной глобализации человечества. Определены ценности личностной сферы современных старшеклассников. Выявлены наиболее распространённые категории для определения проблематики качества образования. Сделан вывод о необходимости оказывать большее внимание качеству образования и удовлетворенности образовательными услугами в учреждениях образования.

В современной психологии одним из направлений, в рамках которого изучаются интеллектуальные способности, являются исследования доступности и качества образования. На протяжении уже нескольких десятилетий в образовательной среде сохраняется с одной стороны процесс реформирования, а с другой – состояние кризиса [10]. Накоплено большое количество экспериментального материала, отражающего социологические суждения об имеющихся многочисленных мнениях респондентов о состоянии в сфере образования [4]. Вместе с тем многие задачи, касающиеся психологии образования остаются нерешенными. Например, доступность образования, предполагающая степень охвата общеобразовательными услугами на современном этапе в Российской Федерации только ещё набирает обороты. В это же время качество образования, включающего соответствие уровня полученных знаний требованиям общества и государства в целом, достойно более пристального внимания со стороны научно-психологического подхода [5].

Одним из важнейших источников информации для решения малоструктурированных и недостаточно разработанных проблем может выступить контент-анализ или анализ содержания мини-сочинений [11]. В основе контентно-аналитического изучения индивида находится произвольно созданный документ, т.е. при его создании испытуемый самостоятельно выбирает оптимальные формулировки для выражения собственного психологического восприятия условий и непосредственно процесса обучения [9]. С целью изучения явлений, которые трудно измерить с помощью традиционно существующих методов исследования, в большинстве случаев может использоваться подход контент-анализа [1]. Это положение обусловлено не только с тем, что текст является одним из основных носителей информации о личности, но и с особенностями применения методики контент-анализа [6]. Данный метод позволяет оперативно использовать различные категории, зачастую совершенно новые, в зависимости от целей исследования [7]. Вопрос личного отношения к качеству получаемых знаний приобрел особую актуальность, поскольку в современной жизни общества большое значение придается личностному успеху, профессиональному росту, компетентности, конкурентоспособности в самых разнообразных сферах жизнедеятельности [8].

Целью работы является выявление психологических переменных: отношение к уровню своих знаний и к качеству образования, способствующих решению актуальных проблем образовательной сферы.

Рассмотрение и изучение позиций молодежи в области образования методом контент-анализа предоставляет ряд заключений, относящихся к пониманию интеллектуальной успешности в ее собственном практическом жизненном контексте.

Материалом для настоящего исследования послужили мини-сочинения, выполненные старшеклассниками (учащиеся 10 и 11 классов общеобразовательных школ Курчатовского района г. Челябинска, а также обучающихся подготовительных курсов Южно-Уральского государственного медицинского университета). Количество опрошенных составило 250 респондентов.

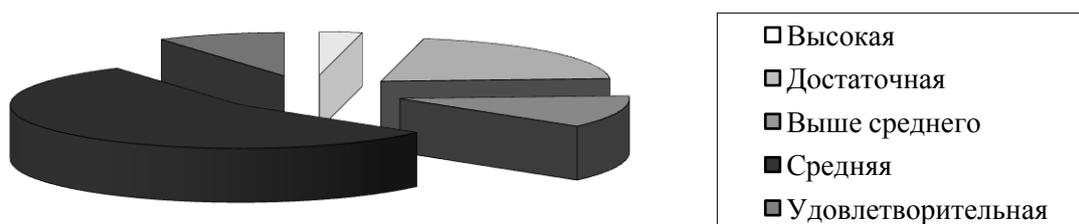
Молодым людям предлагалось в свободной форме ответить на два вопроса:

1. Как вы оцениваете уровень своих знаний?

2. Как бы вы оценили, насколько качественное образование дают Вам в образовательном учреждении?

Используя вышеперечисленные категории, перейдем к изложению полученных результатов исследования.

Первый вопрос касался отношения к уровню своих знаний. Анализ позволил выделить пять наиболее распространённых категорий и групп респондентов. Первую группу составили 7 респондентов (3%), с характеристикой высокой оценки своих знаний; во вторую группу вошли респонденты (52 человека, 21%) с достаточным уровнем или достаточным для поступления в вуз; следующую группу составили учащиеся, оценившие качество своего обучения выше среднего – 30 человек (12%); средний уровень знаний обозначили 138 испытуемых (55%); недостаточный, удовлетворительный или низкий отметили 23 обучающихся (9%). Это позволило сформулировать вывод о том, что большинство подростков, а именно 160 человек (64%) определили недостаточную удовлетворенность уровнем своих знаний, что можно рассматривать как весьма тревожный социально-психологический феномен. Данные представлены на рисунке.

Оценка уровня своих знаний

Распределение в русле низкой и средней оценки уровня своих знаний определило необходимость более пристального интереса ко второму аспекту изучения мини-сочинений для выявления проблематики качества образования.

Каждый текст был подвергнут анализу содержания в соответствии с выделенными ранее группами и категориями респондентов. Утверждению, соответствующему одной из установленных категорий, присваивался 1 балл. После этого для каждой категории было подсчитано общее число

баллов и определено их соотношение к общему объему текста. При этом была применена соответствующая формула [3]:

$$K = \frac{\text{число единиц анализа, фиксирующих данную категорию}}{\text{общее число единиц анализа}}$$

Контент-аналитическое исследование ответов в виде эссе, посвященное второму вопросу, позволило распределить результаты следующим образом: низкие оценки качества образования либо необходимость повышения материальной базы, обеспечивающей высокое качество образования обозначили 68 обучающихся (27%). В том числе недостаток компьютеров – отметили в мини-сочинениях 42 участника (17%), на отсутствие приборов в кабинетах физики, химии и биологии указали 18 человек (7%), недостаток общего оснащения учебных аудиторий образовательного учреждения обозначили 8 респондентов (3%). Отдельную группу составили вопросы, касающиеся учебных дисциплин, на которую обратили внимание 98 школьников (39%). Среди них 48 подростков (19%) отметили сложность ЕГЭ или даже, с их точки зрения, проведение процедуры ЕГЭ вообще не целесообразно (в связи с его «ненужностью»). 42 участника (17%) считают, что необходимо усилить приобретение практических умений и навыков в процессе обучения. 8 обучающихся (3%) указали, что при обучении сталкиваются с достаточно сложным материалом, а также изучают «ненужные» предметы.

Особое внимание привлекла значительная группа респондентов – 190 испытуемых (76%) эмоционально описывающих личное отношение к «фигуре учителя»; из них 93 участника (37%), дали положительную оценку учителям, отмечая их добросовестность и богатый педагогический опыт, которым они щедро делились с учащимися; 45 обучающихся (18%) указали на неоправданную и чрезвычайно высокую требовательность преподавателей; при этом 53 учащихся (21%) считают, что учителя были не заинтересованы в обучении и по сути «ничего не объясняли». В качестве примера можно привести фрагмент текста эссе ученицы 11 класса: «...В школе я получила средний уровень знаний. Есть предметы, где учителя очень ответственно относились к своему предмету, и все подробно объясняли. Но были учителя, которые ничего не делали, просто включали презентацию и листали ее. Ничего при этом, не объясняя. Поэтому по некоторым предметам есть пробелы».

Очень малое количество респондентов – 25 человек (10%) эмоционально отметили гордость за своё образовательное учреждение и за тот уровень знаний, который они получили в процессе обучения. Так для примера можно привести строки обучающегося подготовительных курсов в вузе «Моя школа дала мне не просто качественное образование, а супер качественное. В моей школе было много не только общеобразовательных предметов. Но были и дополнительные факультативы и мероприятия, ко-

торые развили моё мышление и интеллект, научили думать нестандартно. Я считаю, что крайне важно в школах создавать условия для развития личности и профессиональной подготовки».

Таким образом, полученные результаты обозначили наиболее уязвимые и слабые места современной системы образования, ещё раз подчеркнули актуальность проблемы необходимости повышения качества образования и самооценки учащимися уровня получаемых знаний. Повышение качества и доступности образования, несомненно, отразится на конкурентоспособности и компетентности подрастающего поколения Южного Урала [2].

Проведенное исследование позволяет наметить дальнейшую теоретическую и эмпирическую проработку актуальных проблем образования. Также предполагается необходимость использования и развития аналитических инструментов, таких как контент-анализ, дающих возможность оценить состояние психических процессов подростков в период активного развития личности.

Литература

1. Алмаев Н.А., Мурашева О.В., Бессонова Ю.В., Киселева Н.И. Обобщенные шкалы контент-анализа проективных рассказов теста социальной мотивации (ТСМ). Корреляционные связи. Часть 2 Экспериментальная психология. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 108–119.

2. Вазиева Г.Ф. Влияние сдачи единого государственного экзамена (ЕГЭ) на уровень тревожности обучающихся 11 класса // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции. / Наука и Просвещение. – Пенза. – 2016. – С. 258–262.

3. Дьячук А.А. Математические методы в психологических и педагогических исследованиях: учебное пособие. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – 2013. – 347 с.

4. Красноперова Н.А. Педагогическое обеспечение организации здоровьесохраняющего образования студентов в вузе. Здоровье и образование в XXI веке. Электронный научно-образовательный Вестник. – 2017. – № 3 – С. 41-45.

5. Лисовский С. Ф., Евстафьев В. А. Избирательные технологии: история, теория, практика. М. –2000 – 187 с.

6. Моросанова В.И., Щербланова Е.И., Бондаренко И.Н., Сидиков В.А. Взаимосвязь психометрического интеллекта, осознанной саморегуляции учебной деятельности и академической успеваемости одаренных подростков. Вестник московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 3. – С. 18–32.

7. Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения. Научная периодика: проблемы и решения. – 2012. – № 3. – С. 13–18.

8. Рычкова Л.С., М.В. Сапранкова Особенности творческого развития детей дошкольного возраста. Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта: научно-теоретический журнал. – 2020. – № 12. – С. 150–154.

9. Таршис Е. Я. Исторические корни контент-анализа: два базовых текста по методологии контент-анализа. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 2018. – 155 с.

10. Холодная М.А. Интеллектуальная одаренность как развивающаяся интеллектуальная компетентность. Психология одаренности и творчества: монография / Под ред. Л. И. Ларионовой, А. И. Савенкова. – М. Спб.: Нестор-История. – 2017. – С. 149–163.

11. Шалак В. И. Современный контент-анализ: приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. Рос. акад. наук, Инт философии. – Москва: Омега-Л. – 2004. – 270 с.

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ ПОДРОСТКОВ 14–15 ЛЕТ

Л.В. Састамойнен, Е.С. Ермакова

Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, г. Санкт-Петербург, Россия

Результаты эмпирического исследования агрессивности и копинг-стратегий подростков показали наибольшую выраженность показателей шкал «вербальная агрессия», «подозрительность» и «чувство вины»; выбор таких стратегий совладения со стрессом как «самоконтроль», «планирование решения проблем» и «положительная переоценка». Выявлены различия в структуре корреляционных связей показателей агрессивности и копинг-стратегий мальчиков-подростков и девочек-подростков, которые можно объяснить, как возрастными особенностями кризисного подросткового возраста, так и половым диморфизмом, связанным с особенностями формирования гендерных стереотипов, касающихся агрессивного и совладающего поведения.

Подростковый возраст – один из важнейших этапов на пути становления личности. Противоречивость поведения, присущая подросткам, приводит к существенным проблемам – таким, как тревожность, нарушения коммуникативной сферы, повышенная агрессивность, асоциальные проявления и т.д.

Исследуя проблему агрессивного поведения подростков, Н.Д. Левитов выявил, что часто подростковые потребности превышают реальные возможности их удовлетворения. Возникает конфликт, приводящий к эмо-

циональному напряжению, накоплению негативных и агрессивных чувств [3].

Н.А. Дубинко среди психологических особенностей, провоцирующих агрессивное поведения, определяет следующее: недостаточное развитие интеллекта, заниженная самооценка, низкий уровень самоконтроля, неразвитость коммуникативных навыков, повышенная возбудимость нервной системы [1].

Е.О. Смирнова и Г.В. Хузеева прослеживают такие причины агрессивного поведения подростков, как ущемление достоинства другого с целью подчеркнуть свое превосходство, защита и месть, стремление быть главным [6].

В исследовании Е.А. Ивановой выявлены гендерные различия в проявлении агрессивности. Поскольку в общественном сознании существует отрицательная установка на проявление открытой женской агрессивности, то девочки гораздо раньше, чем мальчики, научаются ее контролировать. Девочки более избирательны и изобретательны в своей агрессии, избегают прямого физического взаимодействия, предпочитая вербальные или скрытые формы, склонны камуфлировать агрессию иронией и сарказмом. Для девочек часто оказывается гораздо более значимым не результат, не реальная выгода от применения агрессии, а система отношений. Разрушение отношений как следствие применения деструктивных форм взаимодействия для них нежелательно, что и приводит к поиску более изощренных способов реализации своих интересов. Автор отмечает, что социализация мальчика связана с социальным статусом защитника, поэтому слабость, слезы, жалобы часто встречают общественное порицание, а сила, решительность, настойчивость – безусловно, одобряются. Мальчики-подростки слабо контролируют свои действия, и под влиянием стереотипов социализации агрессия нередко формируется как устойчивая личностная черта [2].

Изучая основные копинг-стратегии детей подросткового возраста, И.М. Никольская и Р.М. Грановская показали, что основными в этом возрасте являются стратегии, направленные на отвлечение и восстановление физических сил, а также на эмоциональное отреагирование через горе и страдание или с помощью физической и вербальной агрессии, на отвлечение посредством ухода в детскую «работу» или развлечения, а также направленные на сотрудничество с взрослыми [5].

В исследованиях С.А. Хазовой, Н.В. Останиной выявлено, что для подростков характерно использование деструктивных копинг-стратегий («бегство – избегание», «дистанцирование»); конструктивные копинг-стратегии, по данным авторов, подростки начинают использовать по мере взросления [7].

Копинг-поведение носит гендерно-специфичный характер, отражающий нормативное содержание гендерных ролей. Результаты исследования Н.В. Нижегородцевой и С.С. Тарасовой свидетельствуют о том, что мальчики-подростки достоверно чаще обращаются к стратегии «планирование

решения проблемы», тогда как девочки – к стратегиям «поиск социальной поддержки», «дистанцирование» и «избегание», что соответствует нормативным ролевым моделям поведения мужчин и женщин, предписывающим мужчинам решать возникающие проблемы самостоятельно, в отличие от женщин, для которых обращение за помощью и поддержкой оценивается как допустимое [4].

Все вышеизложенное определило для нас актуальность проблемы изучения особенностей проявления агрессивности и копинг-стратегий у подростков 14–15 лет.

Целью нашего эмпирического исследования явился анализ особенностей агрессивности и копинг-стратегий подростков 14–15 лет.

Методический инструментарий исследования: методика определения уровня агрессивности А. Басса – А. Дарки, адаптация А.К. Осницкого; методика выявления копинг-стратегий «Копинг-тест» Р. Лазаруса и С. Фолкман, адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой.

Выборка представлена 40 учащимися 8-х классов ГБОУ г. Санкт-Петербурга в возрасте от 14 до 15 лет, из них 20 мальчиков, 20 девочек.

Результаты эмпирического исследования показали, что у всей выборки испытуемых наиболее выражены показатели шкал «вербальная агрессия», «подозрительность» и «чувство вины». Менее всего у испытуемых выражены показатели шкал «обида» и «негативизм».

Анализ результатов исследования совладающего поведения показал, что испытуемые выборки наиболее часто выбирают такие стратегии совладания со стрессом как «самоконтроль», «планирование решения проблем» и «положительная переоценка». Можно предположить, что подростки анализируют возможности и вероятные результаты своих действий, осуществляют контроль поведения, целенаправленно сдерживают свои эмоции и чувства и стремятся оценивать проблемы с положительной стороны. Средние индексы стратегий «бегство-избегание», «дистанционирование» и «поиск социальной поддержки» позволяют полагать, что подростки стараются не думать о трудном или негативном положении дел и стараются отвлечься, погрузившись в учебу, спорт или отдых. Наименьшей популярностью у испытуемых выборки пользуются такие стратегии, как «конфронтация» и «принятие ответственности». Это говорит о том, что в поведении подростков в малой степени присутствует непоследовательное, настойчивое, чрезмерно прямолинейное решение проблемной ситуации, а также признание своей роли в возникновении проблемы и ответственности за её решение.

Результаты сравнительного анализа уровня агрессивности мальчиков-подростков и девочек-подростков выявили, что у тех и других испытуемых выборки с небольшой разницей и разной последовательностью наиболее выражены «вербальная агрессия», «подозрительность» и «чувство вины». В средней степени выражены «физическая агрессия», «косвенная агрес-

сия» и «раздражение». В меньшей степени проявились «обида» и «негативизм».

Результаты сравнительного анализа исследования совладающего поведения мальчиков-подростков и девочек-подростков обнаружили совпадение в наибольшем применении «самоконтроля», «планирования решения проблем», «положительной переоценки», и «бегства-избегания». В средней степени выражены у мальчиков-подростков «поиск социальной поддержки» и «конфронтация», у девочек-подростков – «поиск социальной поддержки» и «дистанционирование». В меньшей степени у мальчиков-подростков выражены «принятие ответственности» и «дистанционирование», у девочек-подростков – «принятие ответственности» и «конфронтация».

Значимые различия в показателях агрессивности и совладающего поведения мальчиков-подростков и девочек-подростков 14–15 лет не были выявлены.

Корреляционный анализ показателей методик всей выборки подростков выявил прямую связь между показателями чувства вины и стратегией «планирования решения проблем». Это позволяет предположить, что убеждение подростка в том, что он поступает плохо, а также ощущаемые им угрызения совести, вызывают стремление преодоления проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблем, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов.

В выборке мальчиков-подростков чувство вины прямо связано с показателями планирования решения проблем. Можно предполагать, что убеждение мальчиков-подростков выборки в том, что они являются плохими, вызывает признание своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения. Показатели «негативизма» обратно связаны с копинг-стратегией «поиск социальной поддержки», что может означать ожидание поддержки, внимания, совета, сочувствия, конкретной действенной помощи от окружающих мальчиков-подростков, которые отличаются оппозиционной манерой в поведении, от пассивного сопротивления до активной борьбы против установленных норм. Показатели обиды прямо связаны со стратегией дистанционирования. Вероятно, что зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия мальчиков выборки вызывают у них использование интеллектуальных приемов рационализации, переключения внимания, отстранения, юмора, обесценивания.

В выборке девочек-подростков показатели «раздражения» обратно связаны с копинг-стратегией «планирование решения проблемы». Можно предполагать, что готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость) девочек-подростков вы-

зывает стремление преодолеть проблему за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения. Показатели вербальной агрессии прямо связаны с копинг-стратегией «конфронтация». Можно предполагать, что выражение негативных чувств девочек-подростков как через форму (крик, визг), так и через содержание словесных ответов (проклятия, угрозы) проявляется в импульсивности в поведении (иногда с элементами враждебности и конфликтности), трудности планирования действий, прогнозирования их результата, при этом стратегия «конфронтация» выступает, как неадаптивная.

Таким образом, выявленные различия в структуре корреляционных связей показателей агрессивности и совладающего поведения мальчиков-подростков и девочек-подростков позволяют говорить о следующих особенностях. Мальчики-подростки с тенденцией к низкой самооценке выбирают стратегию совладающего поведения, ведущую к переживанию чувства вины и хронической неудовлетворенности собой, что негативно влияет на психическое здоровье. Мальчики-подростки с характерным подростковым негативизмом ожидают поддержку, внимание, совет, сочувствие, конкретную действенную помощь от окружающих. Негативные чувства к окружающим мальчики-подростки пытаются обесценить, снизить их значимость, маскируя их за проявлениями юмора, отстраняясь от них, стараясь их интеллектуализировать. Девочки-подростки, испытывая эмоции, побуждающие их к нарушению норм, пытаются преодолеть их за счет целенаправленного анализа ситуации, планирования собственных действий с учетом объективных условий, что может свидетельствовать о большем стремлении к нормативному поведению девочек-подростков по сравнению с мальчиками-подростками. Выражение негативных чувств девочек-подростков проявляется в неадаптивном импульсивном поведении (иногда с элементами враждебности и конфликтности).

Выявленные различия можно объяснить, как возрастными особенностями кризисного подросткового возраста, так и половым диморфизмом, связанным с особенностями формирования гендерных стереотипов, касающихся, в том числе, агрессивного и совладающего поведения. Данная проблема требует дальнейших исследований.

Литература

1. Дубинко Н.А. Влияние когнитивных процессов на проявление агрессивности в детском возрасте // Вопросы психологии. – 2000. – № 1. – С. 53–57.
2. Иванова Е.А. Гендерные различия в проявлении агрессивности у детей подросткового возраста: автореф. дисс. канд. психол. наук. Иркутск. – 2002.
3. Левитов Н.Д. Психическое состояние агрессии // Вопросы психологии. – 1972. – № 6. – С. 168–173.

4. Нижегородцева Н.В., Тарасова С.С. Совладающее поведение подростков с разным уровнем осознанной саморегуляции // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 2. – С. 211–215.

5. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь. – 2006.

6. Смирнова Е.О., Хузеева Г.Р. Психологические особенности и варианты детской агрессивности // Вопросы психологии. – 2002. – № 1. – С. 17–26.

7. Хазова С.А., Останина Н.В. Возрастная специфика совладающего поведения подростков // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 1. – С. 180–185.

ВЫРАЖЕННОСТЬ СИМПТОМОВ СТРЕССА И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ СТАТУСАМИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Е.С. Соколова, И.Ю. Завьялова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье рассматриваются особенности выраженности симптомов стресса и стрессоустойчивости студентов с разными статусами идентичности. Установлено, что мораторий статуса идентичности взаимосвязан с нарушениями волевой саморегуляции, дезадаптацией, недостаточной гибкостью, активностью и продуктивностью поведения, снижением способности самопознания, что существенно повышает восприимчивость к стрессу в острый период проживания кризиса юности.

Период юности – ключевой для приобретения чувства идентичности, становления устойчивого самосознания, ценностных ориентаций, осмысленности жизни и устойчивого образа «Я» [6]. Нормативные изменения, связанные с профессиональным [3] и личностным самоопределением, вызывают кризис идентичности, при котором привычные способы существования в окружающем мире становятся менее эффективны, и перед индивидом встает задача поиска и принятия новых ценностей или видов деятельности в изменившихся условиях жизни [10].

При оптимальном проживании кризиса у индивида формируется чувство идентичности, которое сопровождается ощущением осмысленности собственной жизни и уверенности во внешнем одобрении [1]. Дж. Марсиа определял идентичность как внутреннюю, саморазвивающуюся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории [12]. Во время проживания нормативного кризиса человек может находиться в одном из четырех статусов идентичности: в статусе достигнутой идентичности, преждевременной идентичности, психологического моратория или диффузной идентичности [11].

Статусом достигнутой идентичности обладает человек, который благополучно прошёл период кризиса идентичности и по его окончании сформировал личностно значимые ценности, убеждения, идеи, которые обеспечивают ему чувство значимости, осмысленности собственной жизни. В юности проживание кризиса наибольшее влияние оказывает на эмоциональную сферу личности [5]. В результате пережитого кризиса идентичности в период юности человек становится более эмоционально зрелым и развивает свой эмоциональный интеллект [4]. Таким людям свойственно чувство доверия, стабильности, ощущение правильности происходящего и оптимистичное отношение к себе и своему будущему [7].

В статусе преждевременной идентичности находится человек, который ещё не испытывал кризиса, однако уже обладает сформированными единицами идентичности. Индивид включается в соответствующую систему отношений, однако делает это не в результате пережитого кризиса, а на основе чужого мнения или авторитета. Принятые подобным образом цели, желания, стремления и убеждения чаще всего отражают чужие ожидания, а не потребности самого индивида. Это «навязанная» идентичность, как правило имеющая мало общего с самосознанием индивида, в меньшей степени подверженного влиянию со стороны во время формирования единиц идентичности.

Индивид, находящийся в статусе психологического моратория, живёт в состоянии кризиса идентичности и активно пытается его преодолеть, найти пути решения и различные варианты, которые помогут ему выйти из кризисной ситуации, ищет своё место в мире, индивидуальный жизненный путь. Единицы его идентичности, в отличие от состояния предрешённой идентичности, на данном этапе ещё не сформированы.

Статус диффузной идентичности характерен для людей, которые или никогда не находились в состоянии кризиса, или по различным причинам не пытались решить возникнувшие перед ними проблемы. Такие люди не имеют единиц идентичности, а, следовательно, и устоявшихся мнений и ценностей и не стремятся к тому, чтобы их сформировать.

Проживающие период юности молодые люди часто испытывают стресс, связанный как с кризисом идентичности, вынуждающим их всерьёз пересмотреть свои взгляды на себя и мир, так и с ситуативными стресс-факторами [2]. Чрезмерное повышение эмоционального напряжения приводит к возникновению дистресса, под которым подразумевается негативный стресс, разрушительное, пагубное для психического здоровья переживание (в противовес эустрессу) [8]. Исследования подтверждают взаимосвязь уровня стресса с групповой [13] и персональной идентичностью личности [9]. В связи с этим мы предполагаем, что респонденты с различными статусами идентичности личности будут обладать специфическими особенностями стрессоустойчивости, уровнем выраженности стресса и преобладающими симптомами.

В связи с вышесказанным, **цель** нашей работы – выявить специфику стрессоустойчивости, симптомов и уровня стресса у студентов на различных фазах кризиса идентичности в период юности.

Задачи:

1. выявить различия в уровне и в ведущих симптомах стресса на различных фазах проживания кризиса идентичности;
2. выявить различия в уровне восприимчивости респондентов к стрессу на различных фазах проживания кризиса идентичности.

Описание выборки и методик исследования

Выборка. Выборку составили 40 человек в возрасте от 17 до 23 лет ($M=19$; $SD=1,494$), 28 лиц женского пола и 12 лиц мужского пола. 30 из них находятся в процессе получения образования (75%), 10 совмещают учёбу и работу (25%). 38 человек не состоят в браке (95%).

Методы исследования:

1. Для определения уровня восприимчивости респондентов к стрессу была использована «Шкала организационного стресса» (ШОС) А. Маклина в адаптации Н.Е. Водопьяновой.

2. Для определения текущего статуса идентичности личности был использован «Тест структуры эго-идентичности» (СЭИ-тест) Е.Л. Солдатовой.

3. Для определения симптомов и уровня стресса был использован «Симптоматический опросник самочувствия» (СОС) А. Волкова, Н. Е. Водопьяновой.

Результаты

По результатам СЭИ-теста у 6 респондентов был выявлен автономный статус идентичности, у 10 респондентов – мораторий статуса идентичности, у 17 респондентов – предрешенный статус идентичности. У 7 респондентов было выявлено переходное состояние между статусами идентичности, что сигнализирует о диффузном статусе идентичности. Данный статус характерен для людей, которые не задумываются о собственной идентичности и не формируют ее, в связи с чем их результаты были исключены из последующего анализа данных.

Для анализа специфики уровня и ведущих симптомов стресса студентов с различными статусами идентичности был использован непараметрический критерий Краскела–Уоллиса. Результаты сравнения выраженности симптоматики стресса у респондентов с различными статусами идентичности личности представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, существуют значимые различия в ведущих симптомах стресса студентов с разным статусом идентичности по шкалам «Нарушение воли» и «Деадаптация (склонность к зависимости)», а также по общему уровню в выраженности стресса. В период моратория идентичности общий уровень стресса значительно возрастает. Наиболее интенсивно острый период проживания кризиса сказывается на волевой саморегуляции и деадаптации личности, прежде всего связанной с формированием

склонности к зависимому поведению. В меньшей степени статус идентичности воздействует на формирование тревоги, психофизическую усталость и эмоциональную неустойчивость.

Таблица 1

Выраженность симптоматики стресса у респондентов с различными статусами идентичности личности

Шкалы \ Статусы идентичности	Достигнутый Ср. знач.	Предрешенный Ср. знач.	Мораторий Ср. знач.	Уровень знач. по критерию Краскела – Уоллиса
Общий уровень	10	11,18	19,6	0,024
Психофизическая усталость	1,83	1,7	2,6	0,485
Нарушение воли	1,17	2,06	4,2	0,002
Эмоциональная неустойчивость	1,17	1,65	2,5	0,452
Вегетативная неустойчивость	1,5	1,06	2	0,328
Нарушения сна	1,67	1,7	2,9	0,093
Тревоги и страхи	1,67	1,65	2,3	0,640
Дезадаптация	0,83	1,06	2,6	0,012

Для анализа специфики стрессоустойчивости студентов с различными статусами идентичности так же был использован непараметрический критерий Краскела – Уоллиса. Результаты сравнения восприимчивости организационного стресса у респондентов с различными статусами идентичности личности представлены в таблице 2.

В соответствии с приведенными в таблице 2 данными, существуют значимые различия в восприимчивости организационного стресса у респондентов на разных фазах проживания кризиса идентичности. Наиболее восприимчивы к стрессу студенты с мораторием идентичности. Наиболее интенсивно острый период проживания кризиса сказывается на способности самопознания и рефлексии, гибкости поведения, активности и продуктивности деятельности. В меньшей степени статус идентичности связан с принятием ценностей окружающих и широтой собственных интересов. Студенты с предрешенным и достигнутым статусом идентичности демонстрируют значительно большую стрессоустойчивость по сравнению со студентами с мораторием идентичности.

Таблица 2

Восприимчивость организационного стресса у респондентов
с различными статусами идентичности личности

Шкалы \ Статусы идентичности	Достигнутый Ср. знач.	Предрешенный Ср. знач.	Мораторий Ср. знач.	Уровень знач. по критерию Краскела – Уоллиса
Общий уровень	47,67	50,88	60,3	0,008
Способность самопознания	8,17	9,35	11,9	0,014
Широта интересов	8,83	10,59	11,8	0,108
Принятие ценностей других	8,83	9,94	9,2	0,504
Гибкость поведения	12,33	11,53	13,9	0,024
Активность и продуктивность	9,5	9,47	13,5	0,008

Таким образом, выраженность симптомов стресса и стрессоустойчивость студентов значимо отличается на разных фазах проживания кризиса идентичности личности. Мораторий статуса идентичности взаимосвязан с нарушениями волевой саморегуляции, склонностью к зависимостям, недостаточной гибкостью, активностью и продуктивностью поведения, способностью самопознания, что существенно повышает восприимчивость к стрессу в период кризиса юности.

Литература

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131–143.
2. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер. – 2009. – 336 с.
3. Волков Б.С. Психология юности и молодости: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект: Трикста. – 2006. – 254 с.
4. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006. – №4. – С. 3–22.
5. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. – М.: Академия. – 2006. – 608 с.
6. Носко И.В. Психология развития и возрастная психология: Учебное пособие. – Владивосток: ТИДОТ ДВГУ. – 2003. – 131 с.
7. Солдатова Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2007. – 267 с.
8. Станишевская Ж. Стресс, индивид, личность. От дистресса к эустрессу // Studia Humanitatis. – 2020. – № 1. – 16 с.

9. Чипеева Н.А. Исследование уровня стресса и копинг-стратегий в нормативном возрастном кризисе // Психология. Психофизиология. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 70–75.

10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта: Прогресс. – 2006. – 341 с.

11. Marcia J.E. Development and validation of ego identity status // Journal of Personality and Social Psychology. – 1966. – № 3. – P. 551–558.

12. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. Identity // An International Journal of Theory and Research. – 2002. – № 2. – P. 7–28.

13. Hausser J.A. "We" are not stressed: Social identity in groups buffers neuroendocrine stress reactions // Journal of Experimental Social Psychology. – 2012. – № 48. – P. 973–977.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО, ИНКЛЮЗИВНОГО И КОРРЕКЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

У.А. Бельская, Е.Г. Щелокова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье представлены результаты исследования уровня профессионального выгорания педагогов разного возраста (от 24 до 64 лет) и стажа работы (от 1 года до 40 лет). Приведены результаты сравнительного анализа параметров исследования. Выявлена взаимосвязь особенностей эмпатических способностей с показателями профессионального выгорания и отношения к работе у представителей помогающих профессий.

Проблема профессионального выгорания актуальна в связи с тем, что выгорание является наиболее опасным профессиональным заболеванием у тех чья профессиональная деятельность невозможна без общения.

Проблемой профессионального выгорания педагогов занимались такие исследователи как, М.В. Борисова, Н.И. Влах, Э.Б. Карпова, А.В. Цымбал, Н.Е. Водопьянова, В.Е. Орел, О.Б. Полякова, и Е.И. Терещук.

Цель исследования: определить особенности профессионального выгорания у представителей помогающих профессий.

Объект исследования: профессиональное выгорание у представителей помогающих профессий.

Предмет исследования: особенности профессионального выгорания у педагогов как представителей помогающих профессий.

Задачи исследования:

1. Изучить проблему профессионального выгорания в теоретических источниках.

2. Определить выраженность проявлений профессионального выгорания у представителей помогающих профессий в зависимости от стажа и возраста.

3. Определить и описать значимые взаимосвязи показателей профессионального выгорания с параметрами исследования.

Гипотеза исследования: показатели профессионального выгорания у педагогов имеют взаимосвязь с эмпатическими способностями и отношением к работе.

Методики исследования:

1. Методика «Диагностика эмоционального выгорания» К.Маслач, С.Джексон, в адаптации Н.Е.Водопьяновой;

2. Опросник «Экспресс-оценка выгорания» В. Каппони, Т. Новак;
3. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко;

4. Методика психологической диагностики профессионального «выгорания» в «помогающих» профессиях Винокур В.А.

Экспериментальная база исследования: в исследовании приняло участие 26 человек, сотрудники государственных и частных образовательных учреждений. Возраст – от 24 до 64 лет. Стаж работы – от 1 года до 40 лет.

Результаты исследования:

По результатам методики «Экспресс-оценка выгорания» (В. Каппони, Т. Новак) у 10 человек (52,6%) был выявлен низкий уровень эмоционального выгорания, это говорит о том, что синдром эмоционального выгорания отсутствует. У 8 человек (42,1%) выявлен средний уровень, это значит, что испытуемым с таким уровнем необходим отдых или смена деятельности. И только у 1 испытуемого (5,3%) был выявлен высокий уровень, в этом случае рекомендуется сменить работу, либо стиль жизни [5].

Анализируя данные, по методике диагностика эмоционального выгорания К.Маслач, С.Джексон, в адаптации Н.Е.Водопьяновой, у 33,3% педагогов выявлен средний уровень эмоционального выгорания, а высокий уровень эмоционального истощения – у 38,1%. Это означает, что подавляющая часть респондентов – 71,4% испытывает эмоциональное выгорание, что вероятно, обусловлено спецификой помогающей профессии.

19% педагогов имеют средний уровень деперсонализации, высокий уровень выявлен у 33,3% и у 47,6 % отмечен низкий уровень. Такое состояние чаще всего возникает на фоне сильного стресса как защитная функция психики.

По шкале «Редукция персональных достижений» у 4,8% выявлен высокий показатель. Низкий уровень отмечается у 57,1% педагогов, возможно это связано с тем, что в связи с особенностями профессии педагог старается помочь всем, кто обращается за помощью и это в свою очередь накладывает большую ответственность [4].

По результатам методики диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко, испытуемые с низким статусом составляют 22,2%. Наиболее выраженными являются заниженный (50%) и средний (27,8%) уровни эмпатии. Вероятно, это обусловлено тем, что в профессию помогающего типа изначально приходят люди с развитыми эмпатическими способностями [6].

Согласно результатам методики психологической диагностики профессионального «выгорания» в «помогающих» профессиях В.А. Винокура, большинство педагогов – 60 % испытывают среднюю или тяжелую степень эмоционального истощения, 93,4 % ощущают напряженность в работе средней или высокой степени, 66,7 % не удовлетворены работой и де-

монстрируют низкую оценку качества работы, при этом все же 60 % могут обратиться к коллегам за поддержкой, 57,1% стремятся к профессиональному развитию, 53,3% – обладают средней самооценкой, 80 % оценивают свое здоровье и возможности адаптации на уровне среднем и выше среднего. Это означает, что несмотря на выраженные признаки профессионального выгорания, педагоги проявляют достаточно высокий уровень адаптации к сложной специфике их профессиональной деятельности [7].

Сравнительный анализ параметров исследования у педагогов с разным стажем профессиональной деятельности проводился с помощью критерия U–критерий Манна –Уитни. Уровень выгорания у педагогов был изучен при помощи методик: диагностики эмоционального выгорания К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой, «Экспресс-оценки выгорания» В. Каппони, Т. Новак и психологической диагностики профессионального «выгорания» в помогающих профессиях Винокура В.А.

Педагоги были распределены на 2 группы (1 группа: до 10-и лет, 2 группа: от 11-и и более лет) по критерию стажа их педагогической деятельности.

Согласно полученным результатам, статистически значимых различий между группами педагогов с различным профессиональным стажем по показателям «Эмоциональное выгорание», «Деперсонализация», «Редукция личных достижений» нет. Можно предположить, педагогическая деятельность, является фактором, вызывающим профессиональное выгорание и истощение раньше и в большей степени, чем профессии иного типа.

Согласно полученным результатам, статистически значимых различий между группами педагогов с различным профессиональным стажем по показателям опросника В.А. Винокура нет. Мы находим этому как минимум два объяснения. Первое: можно предположить, что существуют другие, более значимые параметры, приводящие к различиям среди представителей помогающих профессий. Второе: результаты могут быть обусловлены малочисленностью выборки.

При анализе эмоционального выгорания у педагогов с различным стажем работы существенные различия в его структуре у двух групп не были выявлены. По сравнению с педагогами второй группы (стаж работы от 10 лет и более) у педагогов первой группы (стаж до 10 лет) имеется тенденция к более высокому эмоциональному истощению и сильнее выражена фаза напряжения.

Взаимосвязь особенностей эмпатических способностей с показателями профессионального выгорания и отношения к работе у представителей помогающих профессий (табл.).

Взаимосвязь особенностей эмпатических способностей с показателями профессионального выгорания и отношения к работе у представителей помогающих профессий

Параметры исследования	ОП	РКЭ	ЭКЭ	ИКЭ	У	ПС	И
Экспресс-показатель ЭВ (Каппони)							
Эмоциональное истощение (Маслач)							
Деперсонализация (Маслач)		0,542					
Редукция личных достижений (Маслач)							
Эмоциональное истощение (Винокур)		0,538					
Напряжённость в работе (Винокур)							
Удовлетворенность работой и оценка ее значимости (Винокур)							
Профессиональный перфекционизм (Винокур)							
Самооценка качества работы (Винокур)							0,718
Помощь и психол. поддержка в работе (Винокур)							
Профессиональное развитие и самоусовершенствование (Винокур)							
Общая самооценка (Винокур)	0,657						
Состояние здоровья и общая адаптация (Винокур)							

Условные обозначения: ОП – Общий показатель эмпатии; РКЭ – Рациональный канал эмпатии; ЭКЭ – Эмоциональный канал эмпатии; ИКЭ – Интуитивный канал эмпатии; У – Установки, способствующие эмпатии; ПС – Проникающая способность в эмпатии; И – Идентификация в эмпатии.

Описывая результаты корреляционного анализа, представленного в таблице, можно отметить, что:

– Общий показатель эмпатии у педагогов имеет значимую положительную взаимосвязь с показателем общей самооценки. Это означает, что при более высоком уровне эмпатии будет наблюдаться более высокий уровень самооценки.

– Показатели «Эмоциональное истощение» и «Деперсонализация» у педагогов имеют значимую взаимосвязь с показателем рациональный канал эмпатии. Это говорит о том, что чем больше педагог погружается в состояние другого человека, тем в больше он отстраняется от себя. Что и приводит к эмоциональному выгоранию.

– Самооценка качества работы у педагогов имеет значимую положительную взаимосвязь с показателем идентификация в эмпатии. Это значит, что умение адекватно оценить себя способствует проявлению инициативы, расширению и углублению навыков предприимчивости и коммуникации способствует повышению понимания на уровне чувств, стремление эмоционально откликнуться на проблемы другого человека. При этом такой способ проявления эмпатии не связан с признаками эмоционального выгорания.

Высокий уровень эмпатии связан с высоким показателем общей самооценки. Также можно говорить о том, что показатели профессионального выгорания у педагогов имеют взаимосвязь с эмпатическими способностями и отношением к работе. Можно сделать вывод, синдром эмоционального выгорания зависит от уровня эмпатии, т.е. чем ниже уровень эмпатии, тем меньше эмоциональное выгорание.

Литература

1. Борисова М.В. Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов. – Ярославль: гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – 2003. – 18 с.
2. Влах Н.И. Эмоциональное выгорание у представителей «помогающих» профессий / Н.И. Влах, Э.Б. Карпова, А.В. Цымбал. – Челябинск: Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2015. – С. 96–103.
3. Водопьянова Н.Е. Профессиональное выгорание и ресурсы его преодоления / Учебник Психология здоровья. – СПб.: Изд-во «Питер». – 2003 – С. 548–573.
4. Методика «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой. – URL: <http://gymn9.sochi-schools.ru/wp-content/uploads/2021/03/Profvygoranie-Maslach-Dzhekson-v-obrabotke.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).
5. Методика «Экспресс-оценка выгорания» В. Каппони, Т. Новак. – URL: <http://www.academy.edu.by/files/prof%20em%20vigorania%202019/Oprosnik%20Karoni.pdf> pdf (дата обращения: 17.02.2021).
6. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко. – URL: https://ryb79dom.edu.yar.ru/dokumenty_sluzhbi_mediatsii/test_na_empatiyu_v_v_boyko.pdf pdf (дата обращения: 17.02.2021).
7. Опросник «Отношение к работе и профессиональное выгорание» Винокур В.А. – URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_1_12/pomer/pomer21.php (дата обращения: 17.02.2021).
8. Орел В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 90–101.

9. Полякова О.Б. Деперсонализация как составляющая профессиональных деформаций и психологическая защита педагогов и психологов // Педагогика. – 2009. – № 10. – 28 с.

ПРИНЦИП ПРИРОДОСООБРАЗНОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕТСКОМ САДУ

Д.И. Гозбенко, Ю.В. Батенова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия

Качество образования, прежде всего, обеспечивается переходом на демократические принципы и стандарты. Проблема статьи заключается в соблюдении принципа природосообразности при цифровизации образовательного процесса. Интерактивные технологии дополняют традиционные методы обучения, воспитания детей дошкольного возраста, но не заменяют их. Они должны обогащать педагогический процесс, делать его ориентированным на особенности восприятия, мышления и воображения современного ребёнка при соблюдении всех принципов.

Современное общество трудно вообразить в отсутствие развивающейся системы образования. Правительство стремится размышлять заранее, определяя стратегию и тактику развития и совершенствования образования в промежуток вплоть до 2030 года. Вследствие данному, педагогическое сообщество стремительно внедряет интерактивные технологии во просветительную работу, что даёт возможность перейти от объяснительно-иллюстрационного к деятельностному способу обучения, при котором ребёнок непосредственно берет на себя интенсивное содействие. Но в складывающихся условиях появляется противоречие между стремлением соответствовать современным трендам, вызванным цифровизацией образования на всех уровнях, и риском утратить накопленные достижения человеческого интеллекта по причине неизбежной смены орудий труда (согласно концепции Л.С. Выготского о генезисе высших психических функций).

Организация современной цифровой среды в детском саду содействует осуществлению ключевых принципов, целей и задач Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования.

Интерактивность – это способность коммуницировать или находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо (например, человеком) или с чем-либо (например, компьютером). Значит, интерактивное обучение это, в первую очередь, диалоговое обучение, созданное на взаимодействии детей с учебным окружением, образовательной средой, которое служит областью

осваиваемого опыта, в ходе которого реализуется взаимодействие педагога и воспитанника.

Внедрение интерактивных технологий в новой и занимательной для дошкольников форме помогает решать задачи речевого, экологического, эстетического математического развития, а также помогает развивать память, творческие способности, воображение, навыки ориентации в пространстве, логическое и абстрактное мышление [3].

Интерактивные технологии реализуются с помощью средств обучения нестандартного характера, главными из которых являются:

1. Интерактивная доска. Следует применять не только мультимедийное оборудование, но и интерактивную доску при демонстрации презентаций, просмотров научных и художественных по теме занятия фильмов, так как внимание дошкольников становится более концентрированным при изучении материала, отличающегося красочностью и наглядностью.

2. Конструкторы LEGO. Робототехника. Это не просто занятия по конструированию, а мощнейший инновационный общеобразовательный механизм, который демонстрирует высокую результативность в воспитательном процессе. Он отлично способствует решению проблемы социальной адаптации детей разного возраста.

3. Интерактивная песочница. Это песочница, оборудованная компьютером, специальными сенсорами, проектором, с разработанным программным обеспечением. Способен применяться как метод коррекционного воздействия при наличии эмоциональных нарушений у детей дошкольного возраста, так и в качестве дополнительного метода, помогающего снимать напряжение и развивать сенсорные навыки.

4. Интерактивный скалодром. Занятия скалолазанием не только развивают физические способности дошкольника, упражняют ловкость и силу воли, формируют координацию движений, но и способствуют воспитанию человека, который способен к самостоятельной поисковой и творческой деятельности. А если этот скалодром устроен как квест, где, например, надо поймать обезьянку, но для этого ребенку необходимо знать форму, размер и цвет объектов, то подобные задачи превращаются в увлекательное приключение для командной или индивидуальной работы.

5. Мобильный планетарий. Мобильный, передвижной планетарий – проекционный специальный аппарат, позволяющий проецировать на экран изображения различных небесных тел, а также моделировать их движение. Это позволяет добиться полного погружения в материал. При использовании подобных комплексов можно не беспокоиться об учебной мотивации.

Интерактивные технологии в дошкольной образовательной организации сконцентрированы на создании современных компонентов и приёмов, основной целью которых является модернизация образовательного процесса. Благодаря этому педагогические коллективы разрабатывают инди-

видуальные, инновационные модели по воспитанию и интеллектуальному развитию воспитанников с опорой на их жизненный опыт.

Рассмотрим особенности интерактивного обучения:

– взаимодействие характеризуется высокой степенью насыщенности общения его участников, их коммуникации;

– базируется на прямом взаимодействии детей со своим опытом и опытом своих сверстников (важно помнить, что новое умение формируется на основе и в связи с опытом);

– задания не предполагают одного правильного ответа, равно как и мнения (значим сам процесс нахождения верного решения, который основывается на опыте ребёнка);

– в ходе работы дошкольники учатся грамотно высказывать собственные идеи, строить доказательства своей точки зрения, вести дискуссию, уважать мнение собеседника;

– в ходе общения у участников формируются умение критически мыслить, решать двойственные проблемы на основе полученной информации.

Контакт ребёнка с интерактивным оборудованием носит систематический, многосторонний характер. Использование современных средств обучения должно реализовываться с учётом здоровьесберегающих и здоровьесберегающих аспектов информатизации. Такое взаимодействие ребёнка с информационно-коммуникационными технологиями целесообразно анализировать посредством реализации принципа природосообразности, согласно которому педагог при организации деятельности руководствуется факторами естественного, природного развития ребёнка [1].

Воспитание должно основываться на научном понимании естественных и социальных процессов, согласовываться с общими законами развития природы и человека, формировать у него ответственность за эволюцию ноосферы и самого себя. Принцип природосообразности предусматривает воспитание в соответствии с полом и возрастом ребёнка; согласование с общими законами развития природы и человека; формирование этических установок по отношению к планете, развитие природоохранного мышления.

Обеспечение безопасности воспитанников при использовании средств информатизации образования определяют требования СанПиНа к использованию интерактивного оборудования в дошкольном учреждении, носящие рекомендательный характер, и вступившие в силу с 01 января 2021 года. В них раскрываются положения о предъявляемых требованиях к самим технологиям и их использования без вреда для здоровья детей.

В данном документе установлены требования к установке и эксплуатации интерактивного оборудования, определена длительность непрерывного использования технических средств обучения для детей разного дошкольного возраста (5–7 минут), отмечена важность включения динамиче-

ских пауз, зарядки глаз, смены поз при выполнении. Указанный в требованиях временной период может смутить родителей и дезориентировать педагогов, однако здесь следует отметить, что речь идет о непрерывном использовании экрана, то есть той части цифрового устройства, которой непосредственно в используемой ребенком интерактивной технологии нет [2]. Следовательно, во время занятия мы можем не единожды обращаться к интерактивной доске или экранам ноутбуков с длительностью их использования до 5-7 минут, предусмотрев перерыв и гимнастику для глаз, и не нанося вред здоровью детей.

Таким образом, инновационные цифровые методы, внедряемые в учебный процесс образовательных учреждений, содействуют улучшению усвоения информации, не оказывая негативного влияния на здоровье обучающихся, учитываются индивидуальные особенности роста-развития каждого ребенка, в полной мере воплощается детская инициативность и активность. Реализация принципа природосообразности позволяет удерживать баланс между технократизацией и гуманизацией образовательного процесса, является эффективным способом предотвращения цифровых рисков для умственного и личностного развития детей дошкольного возраста.

Литература

1. Батенова Ю.В. Анализ особенностей взаимодействия старшего дошкольника с информационными технологиями // Актуальные проблемы психологического знания. – 2014. – № 3. – С.56–60.
2. Батенова Ю.В. Готовность педагогов к использованию информационно-коммуникационных технологий для развития дошкольников // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2017. – № 2. – С. 42–49.
3. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании. М.: Издательский центр «Академия». – 2010.
4. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: монография / Под ред. Б. Дендева. М.: ИИТОЮНЕСКО. – 2013.
5. Садовая Е.С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений // Южно-российский журнал социальных наук. – 2018. – Т. 19. – № 3. – С. 6–20.

ОПЫТ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МИРЕ

Д.А. Лаврентьев, Ю.В. Богинская

Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО КФУ
им. В.И. Вернадского в г. Ялте, Республика Крым, Россия

В статье рассмотрен ведущий опыт инклюзивного образования в зарубежных странах. Представлены особенности медицинской и социальной модели развития инклюзивного образования. Выделены особенности исторического развития образования детей с ограниченными возможностями здоровья.

Сегодня в мире в связи с экологической ситуацией и стилем жизни современного человека все чаще рождаются дети с ограниченными возможностями здоровья. Нынешняя социальная политика обязана решить главную задачу-обеспечить максимально комфортную адаптацию лиц с ограниченными возможностями. Одним из основных способов решения этой является реализация права каждого ребенка на образование, то есть внедрение инклюзивного образования.

ЮНЕСКО определяет инклюзию как «процесс обращения и реагирования на разнообразие потребностей всех обучающихся через увеличение участия в обучении, культурах и сообществах, и сокращении отказа от поступления в школы и исключения из них». На сегодняшний день развитием идеи инклюзивного образования занимаются такие ученые как Богинская Ю.В., Гуркина О.А., Курмышева Л.К., Мушкина И.А.

История развития этого феномена затрагивает несколько важных событий. Так первой моделью развития инклюзивного образования была медицинская и действовала она до 1965 года. Эта модель характеризовалась изоляцией лиц с ограниченными возможностями здоровья путем помещения их в закрытые школы-интернаты. В то же время страны, которые ориентировались на демократические основы общества, выступали с протестами и призывами реформировать систему образования лиц с ОВЗ, так как изоляция не служит гуманным способом адаптации личности.

К 1965 году в европейских странах начинаются совместные поиски путей совместного образования здоровых детей и детей с особыми образовательными потребностями. Например, в Скандинавских странах этот путь начался с нормативных основ, регламентирующих деятельность этого направления, а в США совместное обучение началось с педагогических поисков и практических экспериментов. Уже в 1962 году М.С. Рейнольдс опубликовал программу специального образования для лиц с ОВЗ, которая позволяла таким детям большее участие в общеобразовательном процессе совместно со здоровыми детьми.

А в 70-х годах в Скандинавии появляется новое понятие «нормализация», которое является альтернативой «медицинской модели» и определя-

ет политику системы образования в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья.

Уже в конце 80-х годов прошлого столетия был принят ряд международных документов, который обеспечил изменение отношения к детям с ОВЗ. В 1989 году Генеральной Ассамблеей ООН была единогласно принята Конвенция о правах ребенка, которую на сегодняшний день подписали 193 страны, в том числе и Россия. Вслед за этим в 1994 году произошло еще одно важное событие. Под защитой ЮНЕСКО в Саламанке (Испания) прошла Всемирная конференция по образованию лиц с особыми потребностями, на которой был введен в обиход термин «инклюзия» и провозглашен принцип инклюзивного образования [1].

Каждая страна пошла по индивидуальному пути внедрения инклюзивного образования. Так в США в 1975 годы был принят Закон об образовании для всех особенных. Этот закон стал закономерным результатом долголетней работы, направленной на социальную интеграцию расовых меньшинств и лиц с ОВЗ и ориентация на совместное образование.

Индивидуальная траектория развития была присуща и скандинавским странам, которые являются «колыбелью интеграции. Западная Европа стала родиной специального образования, но даже в странах Европейского союза, где такие понятия как: «специальное образование», «интегрированное обучение», «инклюзия» применялись одновременно, инклюзивное образование реализовалось по-разному. Это обусловлено различной историей развития инклюзивного образования и особенностями менталитета [3].

Рассматривая скандинавскую модель инклюзивного образования, можно сделать вывод, что она является идеальной по сравнению со странами Южной Европы. Так же важно отметить, что такая страна как Дания первой в мире приняла закон о специальном образовании. Уже в 1817 году был принят акт об обучении глухонемых, в то время как в нашей стране подобный закон был принят только в 2015 году.

Период с 1961 по 1980 годы характеризуется серьезной социально-педагогической работой, направленной на освоение и осмысление педагогами и родителями новых технологий инклюзивного образования в Дании и других скандинавских странах. Этот процесс характеризовался множеством движений общественных инициатив, не регламентированных властью. В таких странах как США, продвижение инклюзивного образования исходило от общественности. Также важно отметить, что только после полного социального принятия модели интеграции инклюзивное образование было узаконено, в январе 1980 года был принят Закон о реформе образования, который предусматривал нормализацию отношений с лицами с ограниченными возможностями здоровья.

В то же время, копирование зарубежного опыта инклюзивного образования для создания собственной модели не целесообразно, однако изучать его необходимо. В западных традициях образования лиц с ограничен-

ными возможностями, особое внимание уделяется формированию здорового отношения общества к детям и семьям с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Но также в это время в некоторых европейских странах можно наблюдать обратную тенденцию. Так, например, в Испании родители отдают предпочтение инклюзивным школам, специализированным в зависимости от нозологии ребенка.

Сегодня в мире создано три наиболее успешные программы инклюзивного образования в таких странах как Израиль, Великобритания и Канада. Здесь каждому ребенку с ограниченными возможностями здоровья оказывается поддержка правительства для посещения школы. Активно развивается повышение квалификации учителей в инклюзивном направлении, созданы программы подготовки тьюторов. Правительство активно развивает архитектурную доступность учебных заведений [2].

Ведущим в мире в этом направлении является опыт Канады. Там в 70-х годах правительство совместно с неравнодушными родителями создали концепцию, в соответствии с которой дети с ограниченными возможностями здоровья получили возможность обучения в массовых школах по месту жительства, а не в закрытых школах-интернатах. Было законодательно закреплено равное положение всех обучающихся, что позволило исключить дискриминацию лиц с ОВЗ в рамках образования.

В современности в Великобритании получила развитие социальная модель инвалидности. На данный момент вопросы перехода учащихся с ограниченными возможностями из школы в вуз, а из вуза на работу являются одними из ключевых в политике страны. Именно с прямым следствием стратегии, принятой в школах и высших учебных заведениях для создания перехода к высшему образованию и подготовке старшеклассников средней школы к тому, чтобы они могли справиться с требованиями взрослой жизни, связывают рост доли молодых людей с ОВЗ и инвалидов в системе высшего образования. Средняя школа в целом направлена на обеспечение старшеклассников с инвалидностью информацией, которая позволит им принимать обоснованные решения на основе их способностей и профессиональных устремлений. В системе высшего образования для Великобритании характерны учебно-реабилитационные учреждения, которые занимаются созданием реабилитационной базы, организацией медицинской поддержки, разработкой рекомендаций по организации учебного процесса, психологическим консультированием, разработкой индивидуальных программ реабилитации, сотрудничеством с местными и региональными центрами и службами реабилитации. Оплата за обучение инвалидами происходит следующим образом: студенты, обучаясь на стационаре, с ограниченными возможностями получают основной правительственный грант. Так же в этой стране существует собственная классификация инвалидности: с дислексией, со скрытыми заболеваниями, с психическими

расстройствами, с нарушениями слуха, с нарушениями зрения, с нарушениями опорно-двигательного аппарата [5].

Еще одним примером успешной организации системы высшего образования инвалидов служит Германия. Развитая законодательная база обеспечивает доступ студентов и поступающих к различным социальным службам. На время обучения в вузе студенты с инвалидностью имеют право выбрать себе личного помощника, либо получить денежные средства для самостоятельного выбора ассистента. Для этой страны характерны научно-исследовательские центры, в сферу деятельности которых входит проведение научных исследований по проблемам инвалидности, апробация разработанных технологий в первую очередь в условиях вуза, написание диссертаций, организация работы с преподавателями и сотрудниками-инвалидами и апробация различных технологий, адаптированных для данной категории, издание журнала, научных статей, монографий. Для обучения в высшем учебном заведении инвалидам предоставляются студенческие кредиты.

На современном этапе развития общества инклюзивное образование активно внедряется в систему среднего и высшего образования, для обучающихся с особыми потребностями создаются дополнительные условия в обучении, реконструируют здания для архитектурной доступности, аудитории оборудуют дополнительными техническими средствами. Для улучшения системы инклюзивного образования необходимы особые знания, умения и навыки преподавателей, внедрение в систему Российского образования системы активного тьюторства для обучающихся с особыми потребностями. Для этого также прилагаются усилия, в обучении педагогов и тьюторов владению техникой для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Литература

1. Гуркина О.А., Новикова Е.М. Зарубежный опыт социальной и образовательной инклюзии людей с ОВЗ на примере исследования высшего образования. – современная зарубежная психология. – 2014. – № 1.
2. Богинская Ю.В. Обеспечение доступности высшего образования для молодежи с инвалидностью в зарубежных // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 8–2.
3. Богинская Ю.В. Службы сопровождения студентов с инвалидностью в высших учебных заведениях // Инновационная наука. – 2016. – № 7.
4. Курмышева Л.К. Инклюзивное образование: зарубежный опыт. // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 9.
5. Мушкина И.А., Бородина Н.В., Садилова О.П. Развитие инклюзивного образования в России и за рубежом // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2015. – № 3 (162).

ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ САМООТНОШЕНИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА С ХАРАКТЕРОМ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В УЧЕБНОМ КОЛЛЕКТИВЕ

С.С. Боровкова, Е.В. Гудкова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В данной статье рассматриваются теоретические аспекты изучения самоотношения и взаимоотношений военных в коллективе, а также представлены результаты исследования самоотношения курсантов военного ВУЗа и характер их взаимоотношений.

Служба в войсках в мирное и в военное время предъявляет высокие требования к духовным, моральным и физическим качествам военнослужащих. К числу наиболее значимых компетенций, необходимых для эффективного освоения профессии военнослужащего, является способность устанавливать конструктивные межличностные отношения с сослуживцами. Информативным показателем этой способности является социометрический статус.

Чаще всего развитие этой компетенции связывают с формированием навыков коммуникации и сотрудничества. Однако, теоретический анализ позволил нам сделать предположение о том, что проявление человека в межличностных отношениях связано с его самоотношением. Подтверждение этой гипотезы открывает новые возможности для психологической подготовки военнослужащих.

Термин «самоотношение» впервые в психологии ввел в 1974 г. Н.И. Сарджвеладзе как «отношение субъекта потребности к ситуации её удовлетворения, которое направлено на самого себя» [3].

С.Р. Пантिलеев определял самоотношение как «динамическую иерархическую систему, в которой та или иная особенная модальность эмоционального отношения качестве ядерной структуры системы, занимая ведущее место в иерархии других аспектов самоотношения, и фактически определяет содержание и выраженность обобщенного устойчивого самоотношения» [2].

По мнению М.С. Кагана межличностное взаимодействие есть материально-практическое взаимодействие участников единого коллективного деятельностного процесса, в котором они выступают как полноценные субъекты, как равно активные и равно свободные партнеры, ориентирующиеся друг на друга именно как инициативно самодействующих субъектов [1].

Можно сказать, то в межличностном взаимодействии каждый субъект проявляется исходя из собственных побуждений и потребностей, соотнося их с потребностями и действиями другого (или других). Позитивное отношение к себе является необходимым условием для понимания собственных потребностей и инициации внутренне детерминированной активности, направленной на достижение собственных целей.

Цель исследования: изучить особенности самооотношения курсантов военного ВУЗа в связи с их социометрическим статусом в коллективе.

Для реализации цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить компоненты самооотношения курсантов военного ВУЗа (в том числе самоуверенность, открытость-закрытость, саморуководство, самооценности, самопринятия, самопривязанности, отраженное самооотношение, самообвинение, внутреннюю конфликтность).

2. Исследовать особенности взаимоотношения курсантов военного ВУЗа (в том числе социометрический статус).

3. Исследовать связь компонентов самооотношения курсантов с их социометрическим статусом.

Объект исследования: система субъективных и объективных отношений курсантов военного ВУЗа в учебном коллективе.

Предмет исследования: самооотношение курсантов военного ВУЗа и их взаимоотношения в коллективе.

Гипотеза исследования: характер взаимоотношений курсантов в учебном коллективе связан с особенностями их самооотношения.

В данном исследовании приняли участие 51 курсант военного ВУЗа. Использовались методики Шкала приемлемости Богардуса адаптация Н.В. Бахаревой и методика исследования самооотношения С.Р. Панталева.

Результаты исследования

Результаты диагностики особенностей самооотношения представлены на рис. 1.

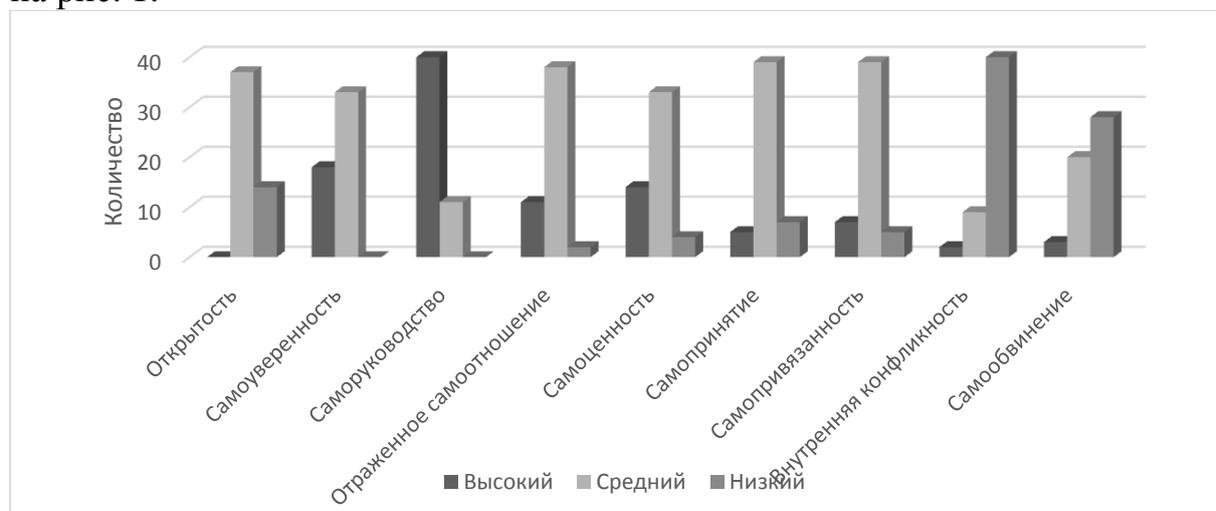

Рис. 1. Распределение по уровням шкал методики исследования самооотношения в выборке курсантов

Как видно из рис. 1, в целом по выборке, средние значения преобладают в данной методике по шкалам «Открытость», «Самоуверенность», «Отраженное самоотношение», «Самоценность», «Самопринятие», «Самопривязанность».

Высокий уровень преобладает по шкале «Саморуководство», что характерно для людей, которые склонны считать себя основным источником развития своей личности, регулятором достижений и успехов; ощущают себя способными оказывать сопротивление внешним влияниям и событиям.

Низкие значения преобладают по шкалам «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение». Такие респонденты в целом довольны собой, складывающейся жизненной ситуацией и своим окружением; они ощущают баланс между притязаниями и возможностями. Однако, могут в некоторых случаях поверхностно относиться к себе и отрицать наличие проблем. Личность с низким уровнем самообвинения характеризуется отрицанием своей вины в ситуациях конфликта и переносе ответственности на окружающих. Это сопровождается обвинением окружающих в неприятностях, которые случаются с человеком, и их порицанием.

Результаты диагностики реального и ожидаемого социометрических статусов представлены на рис. 2.

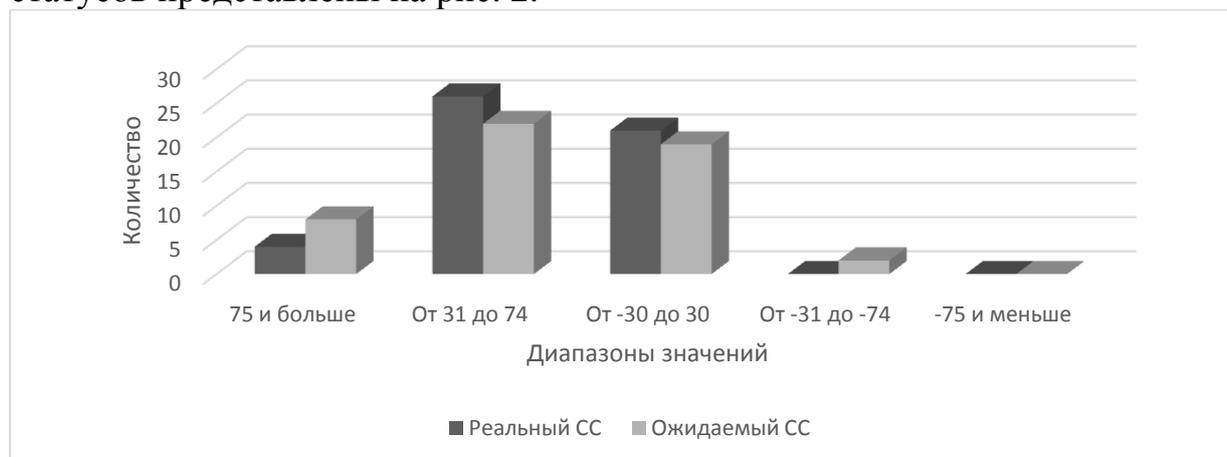

Рис. 2. Распределение по уровням социометрических статусов курсантов

Как видим из рис. 2, как реальный, так и ожидаемый социометрические статусы преимущественно находятся в диапазонах от 31 до 74 и от -30 до 30 баллов. Однако, присутствуют респонденты, которые показали очень высокий уровень ожидаемой оценки и реальной, а также 2 курсантов ожидали, что будут оценены группой как «отверженные».

В обследованной выборке преобладают курсанты с средними уровнями ожидаемого социометрического статуса: 22 оценивают себя, как человека, который принят коллективом – не лидер, но имеющий определенную важную роль в коллективе, мнение которого учитывается. 19 человек оценили себя как людей, которые находятся в зоне игнорирования коллекти-

вом. Они могут чувствовать напряжение во взаимодействии с членами группы, понимают, что не занимают ни лидирующих позиций в коллективе, ни резко негативных.

Те, кто набрали наибольшие баллы по группы оценивают свою значимость в группе очень высоко: по их мнению, они абсолютно приняты коллективом, к ним прислушиваются, они обладают какими-либо качествами, за которые их ценят. Те же, кто показал низкий уровень ожидаемого социометрического статуса, наоборот, оценивают свою значимость для коллектива низко, считают себя коллективом непринятыми, не играющими важной роли в группе.

Из рис. 2 видно, что половина группы (51,0%) набрали высокий уровень реального социометрического статуса в группе, 41,2% – средний уровень и 4 человека (что соответствует 7,8%) – очень высокий уровень.

Люди с высоким уровнем были оценены коллективом как принятые, играющие значимую роль в коллективе; группа к ним испытывает симпатию.

Далее нами была изучена корреляционная связь между результатами прохождения методик «Шкала приемлемости» Н.В. Бахаревой и «Методикой исследования самооотношения» С.Р. Панталева. Результаты исследования приведены в табл.

Таблица

Корреляционная связь между особенностями самооотношения курсантов и их взаимоотношениями

Шкалы	Ожидаемый СС	Реальный СС
Открытость	0,285*	0,298*
Самоуверенность	0,279*	0,219
Саморуководство	0,317*	0,291*
Отраженное самооотношение	0,359**	0,268
Самоценность	0,136	0,189
Самопринятие	0,159	0,123
Самопривязанность	0,170	0,151
Внутренняя конфликтность	0,059	-0,145
Самообвинение	-0,192	-0,088

Условные обозначения: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

Как видим по результатам, представленным в таблице, существуют значимые статистические взаимосвязи особенностей самооотношения курсантов военного ВУЗа с их взаимоотношениями.

Открытость и саморуководство как компоненты самоотношения положительно коррелируют как с ожидаемым социометрическим статусом, так и с реальным ($r=0,285$ и $r=0,298$, $r=0,317$ и $r=0,291$ соответственно при $p<0,05$). Это означает, что на положительное или отрицательное восприятие группой конкретного ее члена прямо влияет открытость человека, а также чем более открыт человек, обладает способностью контролировать себя, свои эмоции и поведение, тем более положительное отношение к себе он будет ожидать, и наоборот.

Самоуверенность положительно коррелирует с ожидаемым социометрическим статусом ($r=0,279$ при $p<0,05$). Следовательно, чем более человек уверен в себе, тем более положительный отклик он ожидает от группы, и наоборот.

Высокая значимая корреляционная связь была выявлена между шкалами «Отраженное самоотношение» и «Ожидаемый социометрический статус» ($r=0,359$ при $p<0,01$). Это означает, что чем выше ожидания личности относительно отношения к нему со стороны окружающих, тем более высокую оценку себя он будет ожидать, и наоборот.

Итак, можно сделать выводы, что:

1. В обследованной группе курсантов показатели самоотношения находятся в основном в диапазоне средних значений, за исключением преобладающих высоких значений по шкале саморуководства и низких значений по шкалам «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение»;

2. Среди показателей ожидаемого и реального социометрического статуса преобладают средние оценки. Однако, большой процент испытуемых отстоят себя к «игнорируемым». Это относится как к ожидаемому социометрическому статусу, так и к реальному.

3. Ожидаемый социометрический статус положительно коррелирует с открытостью, самоуверенностью, саморуководством, отраженным самоотношением; реальный социометрический статус имеет корреляционные связи с открытостью и саморуководством.

Таким образом, гипотеза, сформулированная нами в результате теоретического анализа, подтвердилась. Однако требуется проведение дальнейших исследований на более многочисленных и разнородных выборках. В обследованной нами группе предполагается провести формирующий эксперимент, направленный на улучшение качества межличностного взаимодействия посредством тренингов (например, тренинга уверенности в себе, тренинга самопринятия и т.д.)

Литература

1. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М.: Воениздат. – 1986. – 198 с.

2. Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1991. – 100 с.

3. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба. – 1989. – 197 с.

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ У ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ

А.Е. Медведев, Я.А. Мазуренко

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия

В статье представлены результаты эмпирического исследования по выявлению особенностей самоотношения и удовлетворенности жизнью применительно к предпринимателям и наемным работникам. Сделаны выводы о различиях психологического благополучия, жизненной удовлетворенности, социальной фрустрированности и самоотношения (шкалы «Самоуверенность», «Самопонимание») у предпринимателей и наемных работников

В настоящее время крайне остро стоит вопрос психологического здоровья личности, который охватывает широкий спектр факторов, влияющих на внутреннее состояние человека, а, как результат, и на его жизнь в целом. В связи с этим отечественные и зарубежные исследователи все больше внимания уделяют вопросу удовлетворенности личности, связывая данное понятие как внутренними, так и с внешними аспектами ее жизни. Изучением самоотношения и удовлетворенности жизнью личности, занимаются многие отечественные и зарубежные исследователи [1–14]. Однако все еще остается дискуссионным и нерешенным вопрос особенностей самоотношения и удовлетворенности жизнью личности, особенно если речь идет о людях, которые заняты в одной или нескольких профессиях и отсутствием научных работ по теме исследования применительно к предпринимателям и наемным работникам.

Целью нашего исследования является изучение особенностей самоотношения и удовлетворенности жизнью у людей занятых в одной и нескольких профессиях на примере предпринимателей и наемных работников. Нами вынесено предположение о различиях в самоотношении и удовлетворенности жизнью у людей, занятых в одной и нескольких профессиях, а именно: предприниматели имеют более высокий уровень психологического благополучия, чем у наемных работников (шкала «Управление средой»); предприниматели в большей степени удовлетворены жизнью, чем наемные работники (шкала «Уровень жизненной удовлетворенности»); у предпринимателей выше самоотношение (шкала «Самоуверенность» и шкала «Самопонимание»); наемные работники имеют более вы-

раженную социальную фрустрированность (шкала «Социальная фрустрированность»).

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутых предположений использовались авторская анкета и диагностические методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко), опросник «Индекс жизненной удовлетворенности» Б. Ньюгартена (адаптация Н.В. Паниной), опросник самоотношения В. Столина и С.Р. Пантелеева, методика «Уровень социальной фрустрированности» В.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко). Для изучения особенностей самоотношения и удовлетворенности жизнью у предпринимателей и наемных работников был использован расчет первичных статистик и непараметрический критерий сравнения двух независимых групп U–Манна–Уитни с использованием специализированного программного обеспечения STATISTICA 10.

Выборка исследования включает 80 человек, из которых 38 человек – женщины и 42 человека – мужчины. Возраст испытуемых от 30 до 50 лет. Выборка исследования была равномерно разделена на 40 испытуемых, являющихся частными предпринимателями, остальные 40 испытуемых – наемными работниками.

Базой исследования выступили ряд российских компаний, чье руководство и сотрудники дали добровольное согласие на участие в эмпирическом исследовании. В ходе экспериментального исследования испытуемые отвечали на предложенные опросники онлайн, учитывая их занятость и отсутствие возможности личной встречи с каждым из предпринимателей и наемных работников. Именно поэтому вся коммуникация на данном этапе осуществлялась дистанционно, с применением современных технических и информационных средств, включая личные сообщения в различных мессенджерах.

В ходе проведенного сравнительного анализа с помощью непараметрического критерия сравнения 2-х независимых групп U–Манна–Уитни было выявлено 16 значимых различий между группами «Предприниматели» и «Наемные работники».

Так по результатам методики «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко) выявлены различия по параметрам «Управление средой» ($U=535,5$; $p=0,01$), при этом показатели исследуемого параметра выше в группе «Предприниматели» ($M=64,5$), чем «Наемные работники» ($M=60,4$). Также по параметру «Самопринятие» ($U=501,0$; $p=0,004$) группа «Предприниматели» ($M=66,6$) имеет более высокие показатели, чем в группе «Наемные работники» ($M=62,4$). Тогда как по параметру «Баланс аффекта» выявленные различия ($U=582,0$; $p=0,04$) по средним значениям выше в группе «Наемные работники» ($M=85,7$), чем в группе «Предприниматели» ($M=78,1$).

На основе полученных результатов на данной выборке возможно сделать вывод, что предприниматели более объективно оценивают и принимают свои сильные и слабые стороны личности, что помогает им в большей степени поддерживать коммуникацию с окружающими в рамках переговорного процесса и управления людьми. Также более развитые компетенции по управлению окружающими способствует лучшему контролю своей деятельности и позволяют эффективнее использовать предоставленные возможности или создания необходимых условий для удовлетворения личных целей, чем у наемных работников.

По результатам теста «Индекса жизненной удовлетворенности» Б. Ньюгартена (адаптация Н.В. Паниной) выявлены 2 значимых различия между исследуемыми группами. «Согласованность между поставленными и достигнутыми целями» в группе «Наемные работники» выше, чем у «Предпринимателей» ($U=584,5$; $p=0,04$; $M_1=5,9$; $M_2=6,5$). Тогда как по параметру «Общий фон настроения» выявленные различия ($U=471,0$; $p=0,002$) по средним значениям выше в группе «Предпринимателей» ($M=6,9$), чем в группе «Наемные работники» ($M=6,0$). На основе полученных результатов можно предположить, что наемные работники в большей степени ставят перед собой более доступные цели, нежели предприниматели. В то время как последние больше чем наемные работники удовлетворены своей жизнью и более оптимистично оценивают настоящее и более оптимистично смотрят в будущее время.

Наибольшее количество различий (11 различий) было выявлено с помощью тест-опросника самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). На данной выборке достоверные различия, с вероятностью ошибки менее одного процента были выявлены по следующим шкалам: «Шкала S» ($U=437,5$; $p=0,001$; $M_1=17,8$; $M_2=21,7$); «Ожидаемое отношение от других» ($U=249,0$; $p=0,001$; $M_1=7,8$; $M_2=11,1$); «Самоинтерес» ($U=150,0$; $p=0,001$; $M_1=5,0$; $M_2=7,6$); «Отношение других» ($U=314,0$; $p=0,001$; $M_1=3,7$; $M_2=6,0$); «Самопринятие» ($U=464,5,0$; $p=0,001$; $M_1=3,8$; $M_2=6,2$); «Саморуководство» ($U=369,5$; $p=0,001$; $M_1=3,4$; $M_2=4,8$); «Самообвинение» ($U=430,5$; $p=0,001$; $M_1=2,1$; $M_2=3,5$); «Самоинтерес» ($U=303,5$; $p=0,001$; $M_1=5,0$; $M_2=6,8$). Также с вероятностью ошибки менее 5% были выявлены различия по шкалам: «Аутосимпатия» ($U=550,0$; $p=0,02$; $M_1=9,7$; $M_2=11,3$); «Самоуверенность» ($U=537,0$; $p=0,01$; $M_1=4,7$; $M_2=5,8$); «Самопонимание» ($U=534,0$; $p=0,01$; $M_1=4,4$; $M_2=3,7$).

На основе этих различий можем сделать следующие выводы: у наемных работников в большей степени наблюдается недифференцированное чувство в отношении себя, чем у предпринимателей. Это проявляется тем, что наемные работники в большей степени уверены в своих силах и способностях, чем предприниматели, но в тоже время и более ориентированы на мнение других людей. Симпатия к самому себе у наемных работников носит полюсной характер, т.е. у наемных работников в большей степени,

чем у предпринимателей наблюдается присутствие одобрения самого себя, своих «удачных» действий и поступков, и в тоже время самообвинение, и низкая самооценка при неудачах. Также у наемных работников в большей степени выражен интерес к собственному «Я», они больше уверены в своей интересности, а также имеется внутренне чувство в компетенции по эмоциональному регулированию. Предприниматели в тоже время больше, чем наемные работники понимают и принимают свои слабые и сильные стороны и умеют эффективно пользоваться своими достоинствами, при минимизации недостатков. По всем остальным параметрам значимых различий не выявлено.

Таким образом, выдвинутые нами предположения, что предприниматели имеют более высокий уровень психологического благополучия, чем у наемных работников (шкала «Управление средой») – подтвердилось; что предприниматели в большей степени удовлетворены жизнью, чем наемные работники (шкала «Уровень жизненной удовлетворенности») и у них выше самоотношение (шкала «Самоуверенность» и шкала «Самопонимание») – подтвердилось частично. Предположение что наемные работники имеют большую социальную фрустрированность (шкала «Социальная фрустрированность») – не подтвердилось, ввиду того, что данное свойство, по нашему мнению, является особенностью личности и не зависит от вида профессиональной деятельности. Нами планируется дальнейшее исследование данного феномена.

Таким образом, на основе полученных результатов можем сделать вывод, что отличительной особенностью предпринимателей является то, что они в большей степени знают и принимают свои слабые и сильные стороны личности и умеют эффективно пользоваться своими достоинствами при минимизации недостатков в профессиональной деятельности, чем наемные работники. Данная особенность предпринимателей помогает им в общении с людьми, при ведении переговоров и организации управленческой деятельности. Дальнейшие перспективы исследования видятся в более глубоком изучении самоотношения и удовлетворенности жизнью личности с применением более широкого инструментария и в условиях прямой коммуникации для уточнения полученных результатов.

Литература

1. Анисимова О.М., Терра Т.К. Самоотношение и удовлетворенность жизнью у мужчин в разные периоды взрослости // Вестник Санкт-петербургского Университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 3. – С. 128–137.
2. Аринушкина Н.С. Факторы удовлетворенностью жизнью у представителей разных типов профессий // Пензенский психологический вестник. – 2016. – С. 75–93.

3. Астрецов Д.А. Методологические подходы к изучению самоотношения в психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2015. – Т. 8. – № 1. – С. 62–78.
4. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. – 2012. – № 4. – С. 53–63.
5. Водопьянова Н.Е. Оценка уровня удовлетворённости качеством жизни // Практикум по психологии здоровья. Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер. – 2005. – С. 148–155.
6. Гайфулин А.В. Различные теоретические подходы в определении понятия самооценки // Вестник ТГПУ. – 2009. – № 1 (79). – С. 73–76.
7. Куликов Л.В. Детерминанты удовлетворённости жизнью // Общество и политика. Под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С. Петербургского ун-та. – 2000. – С. 476–510.
8. Леонтьев Д.А. Переживание счастья как зависимая переменная в психологических исследованиях // Психология психических состояний. Вып. 6. Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – 2006. – С. 36–58.
9. Новгородова Е.Ф., Яремчук С.В. Перфекционизм, самопринятие и удовлетворенность жизнью в системе саморазвития личности учащейся молодежи // Вестник высшей школы. Педагогика и психология. – 2015. – № 2. – С. 58–62.
10. Позднякова Е.П. Понятие феномена «психологическое благополучие» в современной психологии личности // Психологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 87–102.
11. Шевеленкова Т., Фесенко П., Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. Обнинск: Психологический институт РАО. – 2005. – № 3. – С. 95–129.
12. Diener E., Suh E., Subjective well-being and age: an international analysis // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. – 1998. – № 17. – P. 304–324.
13. Ryff C.D., Keyes C. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – P. 719–727.
14. Sheldon K., Ryan R., Deci E., Kasser T. The independent effects of goal contents and motives on well-being: it's both what you pursue and why you pursue it // By the society for personality and social psychology. – 2004. – № 30 (4). – P. 475–486.

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ МЛАДШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА

Е.А. Пурикова, Л.Д. Мошкина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В данной работе проанализированы исследования стрессоустойчивости, а также приведены результаты исследования стрессоустойчивости младшего медицинского персонала.

По широте, сложности, разнообразию и обширности задач работа медицинского персонала всегда была одной из самых выделяющихся, особенно ярко это показали события 2020 года во время пандемии.

В связи с прошедшей пандемией стала очевидна важность социальной роли сотрудников здравоохранения в условиях современной политической и социально-экономической нестабильности в обществе, необходимость изучения влияния их профессиональной деятельности на личность, профессиональную адаптацию и преодоление профессионального стресса.

Деятельность сотрудников здравоохранения сопряжена с постоянным стрессом. Большой сложностью в работе медиков является ответственность за жизнь и здоровье других людей, огромная моральная и юридическая ответственность, длительное обучение, постоянное повышение квалификации. Также причиной, аккумулирующей стрессогенные факторы, является ненормированность графика и возможность экстренного вызова на работу [1, с. 305–307]. Расхождение между вознаграждением и условиями работы также является стрессогенным фактором. Всё это влияет и на отношения сотрудников внутри семьи и отношений с близкими людьми.

Одной из самых больших проблем для персонала больниц, хосписов и других медицинских учреждений является синдром эмоционального выгорания, который развивается на фоне постоянного стресса в том числе [2, с. 29].

В ходе работы были поставлены следующие задачи:

1. Провести теоретический анализ источников по проблеме стресса и стрессоустойчивости;
2. Изучить уровень стрессоустойчивости сотрудников младшего медицинского персонала.
3. Выявить значимые различия в группах стрессоустойчивых и не стрессоустойчивых сотрудников младшего медицинского персонала.
4. Определить взаимосвязи личностных качеств и показателей стрессоустойчивости.

Профессиональная деятельность медицинского работника отличается высокой эмоциональной нагрузкой. Это часто связано также с тяжелой физической перегрузкой от рабочих часов. [6, с. 316].

Серьезный психологический кризис у медицинского работника может быть связан с неблагоприятным течением заболевания у пациента, в том числе с летальным исходом [3, с. 117–120]. В случае летального исхода эмоциональное отключение от ситуации может быть невозможно [8].

Для понимания механизмов управления психологическим стрессом концепция Селье содержит три основных и важных положения. Так физиологическая реакция на стресс не зависит от характеристик стрессора. Синдром ответной реакции - универсальная модель защитного ответа на поддержание целостности тела [7, с. 32]. Селье выделил три стадии адаптации.

1. Стадия тревоги или мобилизации, когда происходят изменения в организме, характерные для первоначального воздействия стресса, и сопротивление организма временно снижается.

2. Резистентность и устойчивость адаптации к стрессорам. В организме исчезают тревожные реакции и появляются изменения, свидетельствующие о том, что вы адаптировались к этим ситуациям.

3. При длительном воздействии стресса наступает стадия истощения. Она происходит вследствие того, что адаптационные возможности организма не безграничны и начинают истощаться. На этом этапе снова появляются характерные симптомы фаз тревоги и истощения

Данное положение связано с силой и продолжительностью защитной реакции тела. Когда защитная реакция продлевается и ресурсы физиологических механизмов истощаются, они переходят в состояние адаптивного заболевания и, возможно, в смерть.

А. Каган и Л. Леви развили представления Г. Селье [4, с. 115] о стрессе посредством теоретической модели, описывающей психологические факторы как посредники физических заболеваний. Согласно их концепции, внешние воздействия (психосоциальные стимулы) переплетаются с генетическими факторами и предыдущими средовыми влияниями (реакциями), образуя так называемую психобиологическую программу. Эта программа создает «тенденцию реагировать на определенные шаблоны». Наряду с психобиологической программой психосоциальные стимулы определяют реакцию на стресс, которая может спровоцировать предболезненное состояние, а затем и само заболевание [5, с. 336].

На каждом этапе этого процесса могут вмешиваться различные промежуточные процессы (внутренние или внешние, психические или физические), чтобы скорректировать влияние причинных факторов (психосоциальные стимулы и психобиологические программы). Психосоциальные модели внесли важный вклад в наше понимание стресса, который стал рассматриваться не как односторонний процесс, а как процесс с неотделимыми реакциями между всеми причинными факторами. Стресс как реакция и психофизическое состояние тела начали оцениваться с точки зрения их влияния на продуктивность деятельности [5, с. 336].

Конечно, изменившиеся условия существования и кризисные ситуации следует включать в стрессовые ситуации. Сюда входят ситуации, когда к человеческому телу предъявляются очень высокие или низкие требования (чрезмерная или недостаточная нагрузка) с точки зрения активности, при которых баланс нарушается или разрушается. К стрессогенным ситуациям на работе относятся многие ситуации, связанные с профессиональным развитием, карьерным продвижением и оценкой профессиональной компетентности. Особую группу стрессогенных ситуаций в организациях образуют различные виды конфликтных ситуаций. Одной из психодиагностических задач является определение субъективных и объективных параметров стрессовых ситуаций, вызывающих те или иные стрессовые последствия (реакции, состояния, синдромы, болезни адаптации).

Исследование проводилось на базе Городской клинической больницы № 8. В нём приняли участие 60 медиков. Все являются сотрудниками младшего медицинского персонала (медсестры).

Изучение стрессоустойчивости сотрудников младшего медицинского персонала осуществлялся посредством проведения тестирования испытуемых, с целью сбора данных. Полученные данные впоследствии были обработаны с помощью пакета компьютерной программы «SPSS».

На основании полученных в результате тестирования респондентов результатов по методике СМИЛ, нами были выделены две исследовательские группы. Группа стрессоустойчивых сотрудников (20 человек) и группа нестрессоустойчивых сотрудников младшего медицинского персонала (20 человек).

Для выявления взаимосвязей между показателями стрессоустойчивости был проведён корреляционный анализ. Были получены следующие результаты:

1. Выявлена положительная взаимосвязь показателя С (эмоциональная стабильность\неустойчивость) с показателем 5 (мужественность-женственность) равная 0,53. Таким образом, мы можем говорить о том, что чем выше эмоциональная устойчивость сотрудника, тем выше его выдержанность, спокойствие, трезвый взгляд на вещи, постоянство интересов, тем сильнее у него проявляется склонность к сглаживанию конфликтов, сдерживанию агрессивных или антисоциальных тенденций.

2. Выявлена отрицательная взаимосвязь показателя F (озабоченность-беззаботность) с показателем 3 (эмоциональная лабильность) равная $-0,53$. Наличие данной взаимосвязи позволяет нам говорить о том, что чем открытее, откровеннее, активнее ведет себя человек, тем устойчивее его эмоциональное состояние. На наш взгляд, это может объясняться тем, что человек выражает эмоции по мере их возникновения, не накапливая их в себе, не «загоняя» глубоко внутрь себя.

3. Выявлена отрицательная взаимосвязь показателя L (доверчивость-подозрительность) с показателем 1 (сверхконтроль) равная $-0,48$. Таким

образом, чем больше наблюдается сдерживание активной самореализации сотрудником, его контроль над агрессивностью, гиперсоциальная направленность интересов, ориентация на правила, инструкции, инертность в принятии решений, избегание серьезной ответственности из страха не справиться, тем он доверчивей, покладистой.

4. Выявлена отрицательная взаимосвязь показателя О (спокойствие-тревожность) с показателем 7 (тревожность) равная $-0,74$. Чем больше проявляется уверенность респондента в себе, спокойствие, невозмутимость, веселость и жизнерадостность, тем степень выраженности тревоги ниже.

5. Выявлена отрицательная взаимосвязь показателя Q2 (зависимость-самодостаточность) с показателем 7 (тревожность) равная $-0,53$. Таким образом, чем выше неуверенность человека в себе и в стабильности ситуации, тем большую подозрительность проявляет он к новым людям, сомневается в новых идеях, а также тем терпимей он к повседневным, традиционным трудностям.

6. Выявлена отрицательная взаимосвязь показателя Q3 (низкое самонимение-самоконтроль) с показателем 7 (тревожность) равная $-0,49$. На основании полученной взаимосвязи мы можем говорить о том, что чем выше неуверенность человека в себе и в стабильности ситуации, тем ниже его социальная интеграция.

Это означает:

– чем выше эмоциональная устойчивость сотрудника, чем выше его выдержанность, спокойствие, трезвый взгляд на вещи, постоянство интересов, тем сильнее у него проявляется склонность к сглаживанию конфликтов, сдерживанию агрессивных или антисоциальных тенденций;

– чем открытей, откровенней, активней ведет себя сотрудники младшего медицинского персонала, тем устойчивее его эмоциональное состояние;

– чем больше наблюдается сдерживание активной самореализации сотрудником, его контроль над агрессивностью, гиперсоциальная направленность интересов, ориентация на правила, инструкции, инертность в принятии решений, избегание серьезной ответственности из страха не справиться, тем он доверчивей и покладистой;

– чем больше проявляется уверенность респондента в себе, спокойствие, невозмутимость, веселость и жизнерадостность, тем ниже степень выраженности тревоги;

– чем выше неуверенность человека в себе и в стабильности ситуации, тем большую подозрительность проявляет он к новым людям, сомневается в новых идеях, а также тем терпимей он к повседневным, традиционным трудностям;

– что чем выше неуверенность человека в себе и в стабильности ситуации, тем ниже его социальная интеграция.

Таким образом, в ходе проведённого исследования мы выявили, что стрессоустойчивость медиков зависит от:

- способности человека реально учитывать обстановку, реалистически относясь к жизни;
- открытости, откровенности;
- естественности, непосредственности;
- ответственности и умении принимать решения самостоятельно, не опираясь на мнение группы;
- интеллектуальных способностей

Литература

1. Амиров Н.Х., Берхеева З.М., Гарипова Р.В., Шакирова Л.В., Берхеев И.М. Профессиональная деятельность как основа формирования профпатологии у работников здравоохранения. Казанский медицинский журнал. – 2004. № 85 (4). – С. 305–307.
2. Багрий М.А. Особенности развития профессионального стресса у врачей разных специальностей: автореф. дис. канд. психол. наук. Москва. – 2009. – 29 с.
3. Бердяева И.А., Войт Л.Н. Синдром эмоционального выгорания у врачей различных специальностей. Дальневосточный медицинский журнал. – 2012. – № 2. – С. 117–120.
4. Бодров В.А. Проблема преодоления стресса. Часть 2: Проблемы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 113–123.
5. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. – СПб. – 2009. – 336 с.
6. Зеер Э.Ф. Психология профессий. – М.: Академический проект. – 2004. – 316 с.
7. Селье Г. Стресс без дистресса. – Рига. – 1992. – 109 с.
8. Фонарев Л.Р. Формы становления личности в процессе ее профессионализации // Вопросы психологии. – 1997. – № 2.

ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ФЕХТОВАНИЕМ

Э.Х. Хамзин, Н.В. Дроздова

Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия

В статье приводится описание результатов эмпирического исследования особенностей стрессоустойчивости в соревновательной деятельности у подростков, занимающихся фехтованием. Автором приводятся данные о развитии отдельных составляющих стрессоустойчивости (волевые качества, особенности саморегуляции поведения, мотивация достижения, ситуативная тревожность) и общем уровне развития стрессоустойчивости у спортсменов-фехтовальщиков подросткового возраста. Делается вывод о недостаточно развитой стрессоустойчивости в соревновательной деятельности у большинства подростков-фехтовальщиков.

Проблема стрессоустойчивости спортсменов в соревновательной деятельности не теряет своей актуальности с течением времени в силу того, что достижения в современном спорте требуют от личности все больших физических усилий, преодоления себя, что может приводить к особой напряженности соревновательной деятельности. Активный рост самосознания на фоне общего развития всех личностных структур в подростковом возрасте нередко определяет наличие выраженных, острых переживаний стресса в спортивной соревновательной деятельности, так как достижение определенного результата воспринимается не только как спортивная задача, но и как жизненно важная цель. Относительно подростков-фехтовальщиков такой стресс усиливается специфичностью самого вида спорта, где индивидуальное поражение в соревновании может отразиться на результатах всей команды и, следовательно, значимых в этом возрасте отношениях со сверстниками. В свою очередь, обладая определенными характеристиками стрессоустойчивости в соревновательной деятельности, подросток может минимизировать негативные переживания и достигать более высоких результатов. В связи с этим встает вопрос о необходимости выявления особенностей стрессоустойчивости в соревновательной деятельности у спортсменов-фехтовальщиков подросткового возраста.

Проанализировав различные концепции и подходы, мы пришли к выводу, что под стрессоустойчивостью спортсмена следует понимать интегративное свойство личности, характеризующееся взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности индивидуума, направленных на преодоление и противодействие стресс-факторам напряженной соревновательной дея-

тельности. Стрессоустойчивость спортсмена представляет собой способность преодолеть возникающие неприятные эмоции и восстановить потерянную уравновешенность. Стрессоустойчивость, таким образом, является одной из предпосылок к успешной спортивной (соревновательной) деятельности [1; 2; 3; 4]. Вслед за Р.М. Шагиевым, мы считаем, что структура стрессоустойчивости спортсмена в соревновательной деятельности включает следующие базовые компоненты: волевые качества, особенности саморегуляции поведения, мотивация достижения, ситуативная тревожность [5].

В организованном нами эмпирическом исследовании принимали участие 80 подростков-фехтовальщиков в возрасте 13–14 лет, в числе которых 44 мальчика и 36 девочек. Все подростки, включенные в состав выборки имеют опыт соревновательной деятельности и регулярно участвуют в соревнованиях различного уровня.

Для получения эмпирических данных применялись следующие методики: методика М.В. Чумакова на выявление уровня развития волевых качеств личности; методика В.И. Моросановой на определение стиля саморегуляции поведения; экспресс-методика Ч. Спилбергера на выявление уровня ситуативной тревожности; опросник «Мотивация стремления к успеху» Т. Элерса. Методика Ч. Спилбергера на выявления уровня ситуативной тревожности проводилась непосредственно в условиях соревновательной деятельности – за 1–3 часа до начала соревнований, что позволило выявить уровень ситуативной тревожности непосредственно в ситуации соревнования. Остальные методики были проведены в обычные дни, независимо от тренировочного и соревновательного процессов. Для обработки полученных данных применялись метод стандартизации данных в шкалу стэнов, позволивший привести все полученные по отдельным методикам результаты в единую шкалу и построить профиль стрессоустойчивости спортсменов-фехтовальщиков подросткового возраста, а также определить общий уровень развития стрессоустойчивости в соревновательной деятельности.

Проведенный анализ полученных эмпирических данных показал, что у подростков-фехтовальщиков выявляются преимущественно средние показатели развития стрессоустойчивости по большинству измеряемых параметров. Проведенная математико-статистическая обработка позволила построить общий профиль стрессоустойчивости в соревновательной деятельности для выборки подростков-фехтовальщиков, что позволило более наглядно представить полученные данные (рис. 1).

Рис. 1. Профиль стрессоустойчивости спортсменов-фехтовальщиков подросткового возраста

На рис. 1 можно видеть, что в профиле стрессоустойчивости, построенном для выборки подростков-фехтовальщиков, большинство значений лежат в диапазоне среднего уровня (4–6 стэнов). При этом выше среднего показатели (среднее в диапазоне от 6 до 7 стэнов) выявляются по ряду волевых (инициативность, решительность, самостоятельность, энергичность) и саморегуляционных (гибкость, самостоятельность) характеристик. Низкие показатели (ниже 4 стэнов) выявляются только по волевой характеристике внимательности. Высокие показатели (выше 7 стэнов) выявлены только относительно ситуативной тревожности в соревновательной деятельности, а также относительно мотивации стремления к успеху. Так, в выборке подростков-фехтовальщиков можно говорить о том, что стрессоустойчивость не является достаточно развитой: при высоких показателях ситуационной тревожности в соревновательной деятельности выявляются преимущественно средние показатели развития большинства волевых и саморегуляционных качеств, способствующих преодолению соревновательного стресса. При этом высокий уровень мотивации стремления к успеху в данном случае может как способствовать преодолению соревновательного стресса, так и нет: при высокой ситуативной тревожности стремление к успеху может только усиливать негативные тревожные переживания.

Также нами рассматривались показатели уровня развития стрессоустойчивости в соревновательной деятельности в выборке подростков-фехтовальщиков (рис. 2).

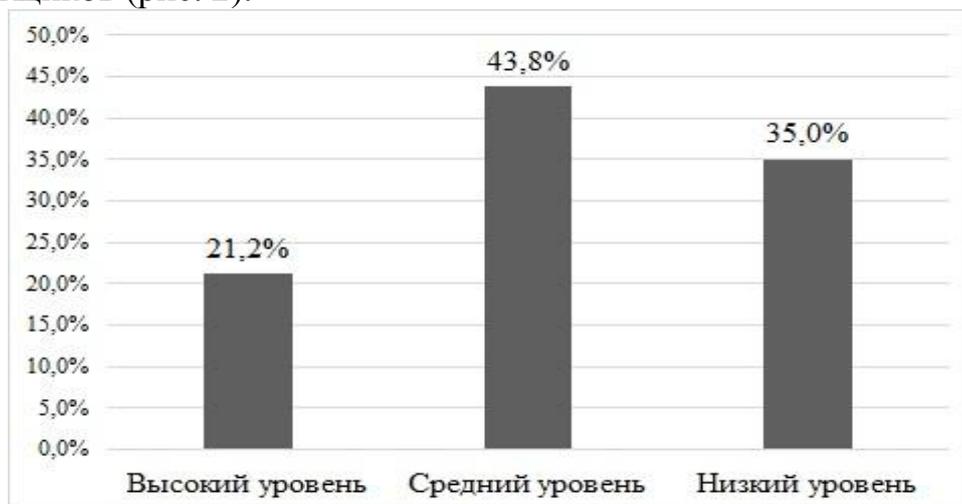

Рис. 2. Уровни развития стрессоустойчивости в соревновательной деятельности у спортсменов-фехтовальщиков подросткового возраста

По данным, представленным на рисунке 2, можно видеть, что наибольший объем выборки представлен подростками-фехтовальщиками, имеющими средний уровень развития стрессоустойчивости в соревновательной деятельности (43,8%). При таком уровне подростки могут испытывать выраженную ситуативную тревожность в период соревнования, но не всегда эффективно справляются с негативными переживаниями. Вторую по объему группу составили подростки-фехтовальщики с низким уровнем развития стрессоустойчивости в соревновательной деятельности (35%). При таких результатах можно говорить о том, что испытуемые не умеют справляться с соревновательным стрессом: негативные переживания могут дестабилизировать подростка и его соревновательная деятельность становится нерезультативной, несмотря на хороший уровень подготовленности к соревнованиям в плане спортивного мастерства. Наименьшая группа в выборке представлена подростками-фехтовальщиками с высоким уровнем стрессоустойчивости в соревновательной деятельности (21,2%). Подростки с такими результатами умеют справляться с негативными переживаниями, а соревновательный стресс может выполнять мобилизирующую функцию, способствуя настрою на победу.

Таким образом, у большинства спортсменов-фехтовальщиков подросткового возраста стрессоустойчивость не является достаточно развитой: средний уровень показывают 43,8%, низкий – 35%, высокий – 21,2%. У большинства подростков-фехтовальщиков при высоких показателях ситуационной тревожности и мотивации стремления к успеху в соревновательной деятельности выявляются преимущественно средние показатели развития большинства волевых (ответственность, выдержка, настойчи-

вость, внимательность, целеустремленность) и саморегуляционных (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, общий уровень саморегуляции) качеств, способствующих преодолению соревновательного стресса.

Литература

1. Босенко Ю.М., Берилова Е.И. Личностные и когнитивные факторы стрессоустойчивости спортсменов высокого класса // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2015. – № 2.

2. Вяткин Б.А. Управление психическим стрессом в спортивных соревнованиях. М.: Физкультура и спорт. – 2001. – 112 с.

3. Колошеина В.В. Психологическая устойчивость в спорте // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – С. 549–551.

4. Социальный стресс и психическое здоровье / Под ред. Т.Б. Дмитриевской, А.И. Воложина. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ. – 2001. – 248 с.

5. Шагиев Р.М. Структурно-функциональные характеристики стрессоустойчивости в спортивной деятельности: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.03. Ярославль. – 2009. – 226 с.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ С РАЗЛИЧНЫМИ ПОЛОВОЗРАСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

В.А. Шаульская, Ю.А. Шипилова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье представлены результаты исследования уровня эмоционального выгорания у сотрудников уголовно – исполнительной системы с различными половозрастными характеристиками (от 21 до 45 лет). Приведены результаты сравнительного анализа показателей эмоционального выгорания. Выявлено, что эмоциональное выгорание не связано с половыми признаками, но взаимосвязано с возрастными характеристиками.

Исследование причинно-следственных связей столь сложного явления. Эмоциональное истощение особенно актуально и важно. сегодня для специалистов этих профессий, их деятельность требует много моральных и личных качеств. Сотрудники, их эмоциональная выносливость, психологическая подготовка

Среди причин, влияющих на возникновение разрушения личности сотрудников, как правило, учитываются их профессиональная деформация и профессиональное выгорание из-за стрессовых условий труда. Хотя фено-

мен профессионального выгорания среди тюремных работников был выявлен учеными еще в конце 1960-х годов (Bradley, 1969), его закономерности активно изучаются, в основном, среди представителей «помогающих» профессий, а о сотрудниках ГУФСИН имеется мало данных.

Важной особенностью деятельности работника является непоследовательность ситуаций, в которых разворачивается работник пенитенциарной системы, а работник пенитенциарной службы продолжает служить. Конфликт действий проявляется по-разному. Если сотрудник взаимодействует со специальным контингентом, он активно противостоит давлению. Ему приходится преодолевать попытки преступников замаскировать свои действия, обманывать работника и даже провоцировать неправомерные противоправные действия [1, 5].

Цель: изучить особенности эмоционального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными половозрастными характеристиками.

Объект исследования: эмоциональное истощение работников пенитенциарной системы (УИС).

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ литературы по проблеме выгорания;
2. Определить выраженность проявлений профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы.
3. Определите основные факторы, влияющие на формирование синдрома выгорания у персонала, пенитенциарной системы.

Гипотеза исследования: возникновение и развитие синдрома эмоционального выгорания у работников уголовно-исполнительной системы зависит от половозрастных характеристик.

Методики исследования:

1. Методика «Диагностика эмоционального выгорания» К.Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е.Водопьяновой [2];
2. Опросник «Экспресс-оценка выгорания» В. Каппони, Т. Новак [3];
3. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко [4].

Экспериментальная база исследования: исследование проводилось среди сотрудников уголовно-исполнительной системы. Испытуемые сотрудников уголовно-исполнительной системы были различного пола, возраста и с разным профессиональным стажем.

Результаты исследования:

Анализируя результаты по методике диагностика эмоционального выгорания К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой, следует отметить, что у 20,0% сотрудников уголовно-исполнительной системы показатель эмоционального выгорания на среднем уровне. Низкий уровень эмоционального истощения также у 20,0%. Это означает, что у большей

части испытуемых 60,0% – высокий уровень эмоциональное выгорание, что вероятно, обусловлено спецификой работы в уголовно-исполнительной системе: «Эмоциональное истощение» проявляется в переживаниях снижения эмоционального тонуса, повышенного умственного истощения и эмоциональной лабильности, потери интереса и положительных чувств по отношению к другим, чувства «сытости» работой и неудовлетворенности жизнью в целом.

Мы можем наблюдать, что у 40,0% сотрудников показатель деперсонализации находится на среднем уровне. Высокий уровень зафиксирован у 60,0% сотрудников, это может проявляться в эмоциональной отстраненности и безразличии, в формальном исполнении профессиональных обязанностей без личного участия и сочувствия, а в некоторых случаях в негативном и циничном отношении. Поведенческая «деперсонализация» проявляется в высокомерном поведении, использовании технического жаргона, юмора и ярлыков. Низкий уровень деперсонализации не выявлен.

Низкий уровень редукции профессиональных достижений выявлен у 13,3%. Полученные данные из таблицы №1 свидетельствуют о том, что у 66,7% респондентов высокий показатель по шкале «Редукция персональных достижений». Это значит, что 66,7% сотрудника удовлетворены собой как личностью и как профессионалом. Средний уровень был выявлен у трех сотрудников и составляет 20,0%.

По результатам методики «диагностики уровня эмпатических способностей» В. В. Бойко наименьший процент (6,7%) составляют испытуемые с высоким уровнем. Наиболее выраженными по результатам методики В.В. Бойко являются очень низкий (46,7%), средний (26,7%) и заниженный (20,0%) уровни эмпатии.

Таким образом, данные по высокому (6,7%) уровню эмпатии заметно снижены по сравнению с процентом испытуемых с заниженным (20,0%), очень низким (46,7%) уровнем эмпатии и средним (26,7%) уровнем. Возможно, это обусловлено тем, что у сотрудников уголовно – исполнительной системы эмпатия не является ключевым навыком.

По результатам методики «Экспресс-оценка выгорания» В. Каппони, Т. Новак низкий уровень не выявлен. У 9 человек (60,0%) выявлен средний уровень, это значит, что испытуемым с таким уровнем необходим отдых или смена деятельности. И у 6 испытуемого (40,0%) был выявлен высокий уровень, в этом случае рекомендуется сменить работу, либо стиль жизни.

Сравнительный анализ параметров исследования у сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными половозрастными характеристиками проводился с помощью U–критерий Манна–Уитни. Уровень выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы был изучен при помощи методик: «Диагностики эмоционального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой, «Экспресс-оценки выго-

рания» В. Каппони, Т. Новак, и методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко.

Для проведения сравнительного анализа разделили испытуемых на две группы по полу и на две группы по возрасту (первая группа от 21 года до 35 лет, вторая группа от 36 лет до 45 лет).

Согласно полученным результатам, по методике «диагностики уровня эмпатических способностей» В.В. Бойко: по половым различиям, результаты были не выявлены, следовательно, не являются статистически значимыми. По возрастным показателям различия были выявлены, следовательно, результаты являются статистически значимыми. В группе старшей по возрасту, выявлена значительно большая степень выгорания. В группе старшей по возрасту, выявлена значительно большая степень выгорания.

По результатам методике диагностики эмоционального выгорания К. Маслач: по шкалам «Эмоциональное выгорание», «Деперсонализация», «Редукция личных достижений», различия по половым показателям не были выявлены. По возрастным показателям различия были выявлены только по двум шкалам, по шкале редукция личных достижений не было выявлено различий, результаты являются статистически значимыми только по двум шкалам. В группе старшей по возрасту, выявлена значительно большая степень выгорания.

Согласно полученным результатам, методике «Экспресс-оценки выгорания» В. Каппони, Т. Новак: по половым различиям, результаты были не выявлены, следовательно, не являются статистически значимыми. По возрастным показателям различия были выявлены являются статистически значимыми. В группе старшей по возрасту, выявлена значительно большая степень выгорания.

По результатам проведенных методик можно сделать вывод, что эмоциональное выгорание не связано с половыми признаками (либо есть вероятность, что данные различия требуют углубленного изучения на значительно большей выборке), но взаимосвязано с возрастными характеристиками. Чем старше испытуемый, тем большая степень ЭВ у него наблюдается. Согласно результатам, сотрудники более старшего возраста чаще испытывают угнетенность, апатию, высокую утомляемость, и эмоциональную опустошенность. Так же можно говорить о выраженном черстве, формальном отношении с коллегами, постоянным ощущением несправедливого к себе отношения со их стороны и со стороны руководства.

Литература

1. Барабанова М.В. Изучение психологического содержания синдрома выгорания // Вестник Московского университета. Серия 14. «Психология». М.: Издательство МГУ. – 1995. – № 1.

2. Методика «Диагностика профессионального выгорания» К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой. – URL: <http://gymn9.sochi->

schools.ru/wp-content/uploads/2021/03/Profvygoranie-Maslach-Dzhekson-v-obrabotke.pdf (дата обращения: 23.10.2020).

3. Методика «Экспресс-оценка выгорания» В. Каппони, Т. Новак. – URL: <http://www.academy.edu.by/files/prof%20em%20vigorania%202019/Oprosnik%20Karoni.pdf> (дата обращения: 23.10.2020).

4. Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко. – URL: https://ryb79dom.edu.yar.ru/dokumenti_sluzhbi_mediatsii/test_na_empatiuyu_v_v_boyko.pdf (дата обращения: 23.10.2020).

5. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. М.: Наука. – 2002. – Т. 23. – № 3.

МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ МЧС РОССИИ И ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ СРЕДЫ

А.Д. Шрамкова, П.Н. Баринов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В статье анализируется взаимосвязь между мотивационной сферой сотрудников МЧС России и их профессиональной деятельностью в экстремальных условиях среды. Представлен психологический портрет сотрудников МЧС России, составленный в ходе изучения мотивационной сферы личности сотрудников пожарно-спасательных формирований МЧС России. В результате исследования были получены данные о том, что опытные сотрудники более адаптированы к действиям в экстремальных условиях среды.

В настоящий период мотивация профессиональной деятельности является одной из наиболее актуальных задач. Ответ на вопрос о том, что стимулирует человека к деятельности, является основой для понимания мотивов его деятельности.

В современных условиях работа сотрудников МЧС России связана с высокой степенью риска. Сотрудники МЧС, работая в экстремальной ситуации, испытывают огромные физические нагрузки, нервно-психическое напряжение, ответственность за принятое решение по спасению простых граждан и их материальное имущество в короткий промежуток времени. Их деятельность сопровождается неблагоприятным воздействием различных патогенных факторов, которые вызывают тяжелый физиологический и психоэмоциональный стресс. Следовательно, сотрудник должен обладать таким уровнем мотивации к деятельности в экстремальных условиях, которая будет способна сгладить те негативные последствия, что предъявляет рабочая среда сотруднику МЧС России [5].

Экстремальные ситуации предъявляют повышенные требования к адаптивным способностям сотрудников экстремального профиля. Главной особенностью экстремальной ситуации (П. Лагадек и С. Лихтенштейн) является прямая угроза здоровью и жизни людей, а также их деятельности.

Отсутствие знаний о характере психологических последствий экстремальных ситуаций, навыков психической саморегуляции негативно сказывается на психике сотрудников. У них формируются защитные стили поведения, которые могут либо конструктивно защитить психику, либо приводят к ухудшению состояния [2].

В зоне чрезвычайной ситуации состояние спасателей подчиняется общим законам адаптации к стрессовой ситуации. Данное влияние может быть мощным и одноразовым, например, при взрывах, обрушениях зданий и т.п., либо многократным, требующим адаптации к постоянному источнику стресса.

Для молодого специалиста работа в экстремальных условиях считается одним из стрессовых факторов, в отличие от тех специалистов, которые уже имеют большой опыт работы в экстремальных условиях.

Находясь в центре поражения, личному составу необходимо привлечь и использовать даже критические энергетические запасы своей личности, которые, как правило, не связаны с повседневными условиями работы. Способность к сверхмобилизации является важным качеством спасателя, которое должно целенаправленно формироваться в условиях ежедневной службы и профессиональной подготовки [1].

Таким образом, профессия спасателя обладает характерными особенностями: высокий уровень опасности и травматизации, высокий уровень стресса, риск, высокий уровень ответственности, неопределенность ситуации, действия в условиях ограниченного пространства и дефицита времени [4]. Все это и предопределяет высокие требования к профессионально важным качествам специалистов экстремального профиля, в числе которых находится и мотивационная сфера.

Отечественные исследования мотивации труда проводились в русле общей психологии (Б.Г. Ананьев; Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), психологии развития и возрастной психологии (Л.И. Божович), психологии и социологии труда (Е.И. Гарбер, Е.А. Климов).

В зарубежной психологии изучение мотивации профессиональной деятельности представлено в двух направлениях: содержательные теории мотивации, которые рассматривают соотношение и классификацию потребностей (А. Маслоу Ф. Герцберг, Д. Мак Клелланд, и др), так и процессуальные, которые объясняют механизм воздействия на мотивацию внешних факторов (В. Врум, Л. Портер, Д. Мак Грегор).

Анализ научной литературы показывает, что развитие мотивационной сферы, происходящее под влиянием профессиональной деятельности, связано с переоценкой прежних ценностей, изменением отношения к себе, к

окружающим и к миру (А.Г. Асмолов, Л.А. Китаев-Смык, А.Н. Леонтьев). Поэтому исследования мотивов в сочетании с профессиональной деятельностью являются сегодня важным и актуальным направлением [3].

Способности, особенности личности, а также уровень подготовки и окружение – оказывают сильное влияние на процесс профессионального самоопределения. Оцениваются внешняя ситуация (уровень зарплаты, удобство расположения, график, и др.); здоровье, наличие профессионально важных качеств, уровень образования, а также с собственные интересы.

В процессе освоения специальности идет изменение уровня профессионализации и системы профессиональных мотивов. В начале самостоятельной служебной деятельности, сотрудники, сталкиваются не только с объективной экстремальной ситуацией, но и с личным состоянием психической дезадаптации после нее. Только сформированная эмоциональная устойчивость позволяет эффективно справляться со стрессом в экстремальных ситуациях, уверенно применять приобретенные навыки, принимать правильные решения в обстановке дефицита времени.

То, как проявляется включенность личности в трудовую деятельность, в ее освоение и выполнение зависит от группы мотивов, внешних или внутренних, оказывающих влияние на том или ином этапе профессионального развития. Результаты ряда исследований показывают, что внутренние мотивы имеют свойство доминировать в процессе овладения профессией. Это связано с самоутверждением личности как профессионала. Смена доминирующей мотивации является индивидуальным процессом и зависит от личностных особенностей человека или условий труда.

Успешность профессиональной деятельности специалиста и его удовлетворенность ею, также позитивное отношение к специальности и эффективная психическая адаптация, в современной психологии, обуславливаются таким фактором, как мотив достижения.

Мотивы играют важную роль в профессиональной деятельности сотрудников. Огромное количество мотивов дает возможность с различной силой воздействовать на сотрудника с разных сторон, а также регулировать направления активности в работе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что оптимальной структурой профессиональной мотивации является та, в которой преобладают положительные мотивы: социальные, профессиональные, познавательные мотивы, мотивы самореализации.

Целью проведенного исследования было изучение психологических особенностей мотивации сотрудников МЧС России к деятельности в экстремальных условиях.

Для реализации данной цели, были поставлены следующие **задачи**:

1. Установить значения параметров мотивации достижения успеха и избегания неуспеха, готовности к риску, социально-психологических уста-

новок в мотивационно-потребностной сфере, а также карьерных ориентаций личности сотрудников МЧС России.

2. Выявить различия в мотивационной сфере у сотрудников МЧС России с различным стажем службы.

В исследовании приняли участие сотрудники пожарно – спасательных формирований МЧС России, принимающие непосредственное участие в проведении аварийно-спасательных и других неотложных работ. Всего 60 сотрудников в возрасте от 20 до 45 лет и стажем работы от 1 года до 20 лет.

Гипотеза: Существуют значимые различия между мотивационными сферами личности опытных сотрудников и молодых сотрудников МЧС России. Мотивационная сфера личности сотрудников МЧС России к деятельности в экстремальных условиях имеет свои особенности. Успешность профессиональной деятельности сотрудников МЧС России зависит от уровня форсированности профессиональных мотивов.

Методы исследования. Для решения поставленных задач были использованы следующие методики:

Методика диагностики мотивации к успеху Т. Элерса, методика диагностики мотивации избегания неудачи Т. Элерса, методика диагностики готовности к риску «PSK» Шуберта. Как правило, результаты этих методик рассматривают в совокупности. Выбор методик аргументирован тем, что направленность личности на успех или избегание неудач влияет на успешность выполнения профессиональной деятельности.

Методика диагностики социально психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной. Методика выбрана для того, чтобы определить на какие мотивы опирались сотрудники МЧС России при выборе профессии. Считают ли они выбранную профессию своим предназначением или ими управляли эгоистичные мотивы и стремление к материальной выгоде, ориентированы ли они на процесс трудовой деятельности или на ее результат.

Опросник карьерных ориентаций личности «Якоря карьеры» (опросник Э. Шейна, переведен и адаптирован В.Э. Винокуровой и В.А. Чикер). Данный опросник позволяет выявить на что человек ориентирован при построении карьеры. Своих якорей сотрудник придерживается даже в трудные времена, именно поэтому их необходимо знать и грамотно применять на практике, чтобы повысить производительность труда работника и улучшения эффективности деятельности всего подразделения.

Результаты исследования. В ходе диагностики было выявлено, что группа опытных специалистов адаптирована к профессиональной деятельности в пожарно-спасательных формированиях МЧС России. Сотрудники внимательны, сдержаны и осторожны, но иногда могут проявлять нерешительность и неуверенность в своей позиции. В работе ими движет интерес к делу, что может гарантировать быстрое и качественное выполнение по-

ставленных задач, способны достигать результатов в профессиональной деятельности вопреки суете и помехам. Конкурентоспособны. Также опытные сотрудники имеют установку на автономию, что говорит о стремлении к независимости и стремлении к самостоятельному выполнению работы. Ценят стабильность, баланс во всех сферах жизни. Ориентированы на помощь человечеству. Влияние на других, на общество не является ведущей ценностью данной группы сотрудников, также, как и материальной вознаграждение.

Диагностика показала, что молодые специалисты адаптированы к профессиональной деятельности в подразделениях МЧС России. Данная категория сотрудников рационально оценивает свои возможности, но в определенных ситуациях они могут колебаться в принятии решений. Стремятся качественно выполнять свою работу и получают моральное удовлетворение от нее. Ориентированы на помощь человечеству, демонстрируют бескорыстную заботу о благе общества, имеют склонность действовать в ущерб себе. Стремятся к независимости и самостоятельному выполнению поставленных задач. Ценят стабильность, баланс во всех сферах жизни. Влияние на других, на общество не является ведущей ценностью данной группы сотрудников, также, как и материальной вознаграждение.

Вывод. В результате исследования были получены следующие данные:

Сотрудники со стажем более мотивированы на успех нежели начинающие спасатели, но имеют низкую готовность к риску. Можно предположить, что такие результаты связаны с наличием семьи и детей или же переоценкой ценностей.

Для молодых специалистов в отличие от более опытных имеет немаловажное значение ориентация на результат, способны работать вопреки суете, помехам и неудачам. Также молодежь больше ориентирована на альтруизм.

Общие особенности социально-психологических установок у молодых и опытных спасателей является ориентация на свободу. Ведущей ценностью для обеих групп не является стремление к увеличению своего благосостояния и оказание влияние на других, на общество.

Для обеих групп важным является наличие способностей и талантов в определенной сфере деятельности, полнота ответственности за результат и стремление к тому, чтобы все было сбалансировано. С другой стороны, менее важными оказались место работы, готовность к переезду и стремление создать что-то новое.

Литература

1. Кручинин С.А. Эмоционально-волевая устойчивость сотрудников спасательных формирований МЧС России к профессиональным стрессовым воздействиям: дис. ...канд. психол. наук. – СПб. – 2012. – 149 с.
2. Мелешкина М.С., Уварова О.В. Деадаптационные нарушения сотрудников МЧС как факторы риска в кризисной ситуации. // Психология управления: Жизнестойкость личности и организаций. – 2016. – С. 181–188.
3. Панченков Е.Ю. Динамика мотивационной сферы сотрудников правоохранительных органов. дис. ... канд. психол. наук. – Хабаровск. – 2005 – 176 с.
4. Савинков С.Н. Профессиональные качества сотрудников МЧС России как научная проблема современной психологии // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2011. – №2 (156). – С. 344–347.
5. Титоренко М.С., Шклярук С.П. Влияние экстремальных ситуаций в профессиональной деятельности сотрудников ГПС МЧС России на возникновение морбидных рисков. // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. – 2010. – С. 84–88.

ДОСТИЖЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ, УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ БИЗНЕСА

ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ВОВЛЕЧЁННОСТИ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

П.А. Крупский, А.Н. Крутолевич

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

В ходе исследования опрошено 70 врачей клинической больницы. Исследование показало, что наиболее выраженным симптомом эмоционального выгорания являются «Личностная отстраненность» и «Редукция профессиональных обязанностей». Тем не менее, 84% опрошенных врачей показало среднюю и высокую степень вовлечённости. Трудовой стаж обратно пропорционально связан с эмоциональным выгоранием и прямо связан с вовлечённостью.

Врачи и медицинские работники, чья профессия так или иначе требует вовлечения в непрерывный прямой контакт с различного рода реципиентами – здоровыми людьми, пациентами, детьми и т.д., как и другие представители весьма различных профессий, связаны тем, что их деятельность требует близкий, с эмоциональной точки зрения, прямой контакт с людьми, который, зачастую, очень тяжело поддерживать. Коммуникация между специалистом и клиентом часто насыщена эмоционально. Это сложная ситуация для каждой из сторон [3].

Термин «выгорание» впервые был предложен Дж. Фрейденбергом в 1974 году для описания деморализации, разочарования и крайней усталости, которые он наблюдал у работников психиатрических больниц. Им была разработана модель для рассмотрения функциональных нарушений, связанных с работой. К. Маслач и С.Е. Джексон в 1981 году представили работу, в которой вероятность психического выгорания ограничивалась представителями коммуникативных профессий.

В их работе, синдром эмоционального выгорания представляет собой трёхмерный конструкт. Данный конструкт включает в себя деперсонализацию, эмоциональное истощение и редуцирование личных достижений.

Эмоциональное истощение проявляется в чувстве усталости. Деперсонализация характеризуется развитием негативного отношения к клиентам, к их проблемам и чувствам, пренебрежительного и отдаленного отношения ко всем аспектам работы. А, редуцирование личных достижений проявляется либо в тенденции к негативному оцениванию своих профессиональных способностей, либо в редуцировании собственного достоинств-

ва, ограничении своих возможностей, обязанностей по отношению к другим, снятие с себя ответственности и перекладывание её на других [2].

Синдром эмоционального выгорания развивается стадийно. Сначала наблюдается чрезмерное участие в профессиональной деятельности и ограничение социальных контактов. Далее развивается истощение с выраженным чувством усталости и бессонницей. Затем, по отношению к коллегам, пациентам, ученикам и притупление эмоций, пропадает острота чувств и уровень переживаний; начинают надоедать люди, с которыми приходится работать, в кругу своих коллег «выгорающий» специалист с безразличностью, а то и с иронией рассказывает о некоторых своих пациентах. Такое состояние сопровождается нежеланием выполнять свои обязанности. Все это еще больше влияет на психическое состояние работника. Далее проявляется фаза деструктивного поведения, которая проявляется в развитии депрессивной симптоматики, апатии, подозрительностью и конфликтами с окружающими.

Внимание к феномену «вовлечённость» появилось сравнительно недавно. Понятие «personal engagement» (увлеченность работой) было впервые использовано в работе «Psychological Conditions of Personal Engagement at Work» профессором У. Каном в 1990 году.

К. Маслач и М. Лейтер назвали его термином «увлеченность работой» (work engagement, другой вариант перевода – вовлеченность работу) и его характеристика состоит из обратных выгоранию компонентов: энергичностью, включенностью в работу, самоэффективностью [1].

Так как, по мнению К. Маслач и М. Лейтер, выгорание и увлечённость – это полярные явления, их степень может быть измерена при помощи одной методики – опросника МВІ: о наличии высокой степени увлеченности говорят низкие значения по шкалам истощения, цинизма и высокие показатели личных достижений. Этот подход не получил развития в последующих исследованиях, так как изначально исследователи создали средство для определения уровня выгорания. Опросник МВІ определяет уровень выгорания, а отсутствие выгорания не является признаком выраженности другого явления.

Нидерландские учёные В. Шауфели и А. Бэккер рассматривают увлеченность работой не как полную противоположность выгоранию, а как отдельное явление. Они предположили, что увлеченность и выгорание могут не коррелировать между собой. Они определили увлеченность как позитивное, приносящее удовлетворение и связанное с профессиональной деятельностью явление, которое характеризуется энергичностью, энтузиазмом и поглощенностью [1].

Цель работы: определить взаимосвязь вовлеченности и эмоционального выгорания медицинских работников.

Задачи:

1. Провести теоретический анализ проблемы эмоционального выгорания и вовлечённости медицинских работников.

2. Определить процентное соотношение уровней выраженности каждого фактора эмоционального выгорания медицинских работников.

3. Провести корреляционный анализ взаимосвязи вовлеченности с общим уровнем эмоционального выгорания медицинских работников.

Для определения вовлечённости была использована UWES «Утрехтская шкала вовлеченности», разработанная голландскими учеными В. Шауфели и А. Бэккером, адаптирована на русскоязычной выборке В.А. Кутузовой (2006). Опросник включает в себя 17 вопросов. Показатели до 50 баллов свидетельствуют о низкой вовлечённости; 51–85 – показатели средней вовлечённости; 86 и выше – высокой.

Для изучения эмоционального выгорания использовался опросник «Эмоциональное выгорание» (В.В. Бойко, сокращенный вариант). Предложенная методика дает подробную картину синдрома «эмоционального выгорания». Методика позволяет увидеть ведущие симптомы «выгорания». Для изучения эмоционального выгорания врачей была взята методика «Сокращенный опросник эмоционального выгорания». Методика имеет 5 субшкал составляющих эмоциональное выгорание: «Неудовлетворенность собой», «Загнанность в клетку», «Редукция профессиональных обязанностей», «Эмоциональная отстраненность» и «Личностная отстраненность (деперсонализация)».

Исследование проводилось на базе учреждений здравоохранения города Гомеля. Средний возраст опрошенных врачей составил 43 года, минимальный возраст опрошенных составил 23 года и максимальный возраст – 64 года. Среди всех опрошенных выборку составили 20 мужчин и 50 женщин. Всего опрошено было 70 человек.

В ходе исследования были получены следующие результаты. Минимальное значение по показателю субшкалы «Неудовлетворенность собой» составляет 0, максимальное значение – 18, среднее значение – 5,6, стандартное отклонение составляет $S=4,5$. Показатели субшкалы «Загнанность в клетку» имеет следующие данные: минимальное значение – 0, максимальное значение – 18, среднее значение – 4,9, при стандартном отклонении $S=4,8$. Минимальное значение по показателю субшкалы «Редукция профессиональных обязанностей» составляет 0, максимальное значение – 28, среднее значение – 10,8, стандартное отклонение составляет $S=7,4$. Минимальное значение по показателю субшкалы «Эмоциональная отстранённость» составляет 0, максимальное значение – 25, среднее значение – 8,9, стандартное отклонение составляет $S=5,6$. Показатели субшкалы «Личностная отстранённость» имеет следующие данные: минимальное значение – 0, максимальное значение – 27, среднее значение – 7,9, при стандартном отклонении $S=7,6$.

Процентное соотношение уровней выраженности каждой из 5 субшкал у врачей выборки имело следующее процентное соотношение:

– по субшкале «Неудовлетворенность собой» 81,42 % опрошенных врачей показало не сложившийся симптом; 14,29 % показало складывающийся симптом, а у 4,29 % – сложившийся симптом;

– по субшкале «Загнанность в клетку» 78,5 % опрошенных врачей показало не сложившийся симптом; у 18,6 % опрошенных врачей был выявлен складывающийся симптом, а у 9 % опрошенных врачей – сложившийся симптом;

– по субшкале «Редукция профессиональных обязанностей» у 41,4 % опрошенных врачей выявлен не сложившийся симптом, у 32,9 % опрошенных врачей выявлен складывающийся симптом, а у 25,7 % выявлен сложившийся симптом;

– по субшкале «Эмоциональная отстраненность» у 51,4 % опрошенных врачей выявлен не сложившийся симптом, у 40 % опрошенных врачей выявлен складывающийся симптом, а у 8,6 % – сложившийся симптом;

– по субшкале «Личностная отстраненность (деперсонализация)» у 58,6 % опрошенных врачей выявлен не сложившийся симптом; у 21,4 % опрошенных врачей – складывающийся симптом и у 20 % – сложившийся симптом.

Таким образом, наиболее выраженной симптоматикой эмоционального выгорания медицинских работников является «Личностная отстраненность» и «Редукция профессиональных обязанностей».

В ходе исследования были получены следующие результаты по методике UWES «Утрехтская шкала вовлечённости». Минимальное значение по показателю «Вовлечённость» составляет 34, максимальное значение – 97, среднее значение – 64,3, стандартное отклонение составляет $S=13,7$. Большая часть опрошенных медицинских работников (врачей) – 80% вовлечены в достаточной степени в профессиональную деятельность; 16% опрошенных врачей показало низкую степень вовлеченности, а 4% – высокую степень вовлечённости.

Параметры «Вовлечённость» и «общий уровень» «Эмоционального выгорания» показывают обратно пропорциональную взаимосвязь с коэффициентом корреляции $r=-0,392$ при $p=0,001$. Это говорит о том, что вовлечённые в профессию люди, менее подвержены эмоциональному выгоранию. В процессе работы у медицинских работников может формироваться синдром эмоционального выгорания. Его изучение и изучение зависимости его от вовлечённости даёт возможность разработать профилактические меры по его предотвращению.

Авторы работ, касающихся проблемы выгорания, говорят о нём неоднозначно. В некоторых работах синдром может рассматриваться как средство психологической защиты, которое позволяет защитить психику, а

другие – как профессиональную деформацию, которая негативно отражается на профессиональной деятельности человека.

Стоит отметить, что для синдрома эмоционального выгорания, широко распространенного в среде помогающих профессий, характерно выраженное сочетание симптомов нарушения в психической, соматической и социальной сферах жизни.

Наличие и выраженность тех или иных симптомов определяет степень выгорания, однако все симптомы сразу не проявляются, так как выгорание – это сугубо индивидуальный процесс.

Наряду с эмоциональным интеллектом, в теоретическом анализе рассматривался вопрос о связи вовлеченности с развитием синдрома эмоционального выгорания. В современной научной литературе подчеркивается то, что вовлеченность не является противоположностью эмоционального выгорания. В нашем исследовании вовлеченность рассматривается как феномен, обладающий протективным действием в отношении проявления синдрома эмоционального выгорания.

В данной работе был проведен теоретический анализ литературных источников по вопросам феномена эмоционального выгорания и вовлеченности у медицинских работников.

Целью данного исследования было изучение взаимосвязи эмоционального выгорания и вовлеченности у медицинских работников.

В ходе анализа результатов исследования, были сделаны выводы, касающиеся взаимосвязи эмоционального выгорания и вовлеченности у медицинских работников.

Исследование показало, что вовлеченные в профессию люди, менее подвержены эмоциональному выгоранию, а наиболее выраженной симптоматикой эмоционального выгорания медицинских работников является «Личностная отстраненность» и «Редукция профессиональных обязанностей».

Литература

1. Баробанова М.В. Изучение психологического содержания синдрома «эмоционального сгорания» // Вестник МГУ, сер.14 Психология. – 1995. – № 1. – С. 54–58.
2. Водопьянова, Н.Е. Синдром психического выгорания в коммуникативных профессиях // Психология здоровья. – СПб.: Издательство СПбГУ. – 2000. – С. 443–463.
3. Коновалова В. Управление вовлеченностью персонала: факторы успеха и неудач // Кадровик. – 2014. – № 9. – С 74–84.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА ПРОГРАММИСТОВ

Е.И. Никитенко, Е.В. Гудкова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

В данной статье рассматриваются психологические аспекты профессионально важных качеств программистов, а также представлены результаты исследования профессионально важных качеств программистов в IT-компаниях, ориентированной на продажу и поддержку программных продуктов.

Сегодня мы наблюдаем, как в социуме с помощью современных технологий интегрируются все процессы. Происходит глобальная автоматизация. Высокие технологии проникли во все сферы общественной жизни. Человечество перестало представлять свою жизнь без современной вычислительной техники. Но несмотря на то, что IT-индустрия достаточно востребована и развита, на рынке труда имеется кадровый дефицит, то есть существует нужда в высококвалифицированных сотрудниках. Поэтому объектом нашего исследования стали психологические аспекты профессионального отбора программистов.

Гипотеза исследования – профессионально важные качества программистов в компаниях, ориентированных на продажу и поддержку программных продуктов, имеют направленность на интеллектуальную сферу работы.

Предмет исследования – профессионально важные качества, обеспечивающие программисту продуктивную работу и продвижение в IT-индустрии.

Целью нашего исследования стало определение профессионально важных качеств, обеспечивающих программисту продуктивную работу и продвижение в IT-индустрии.

Методы исследования:

1. Методика определения избирательности внимания Мюнстенберга;
2. Методика исследования переключения внимания Шульте;
3. Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра;
4. Методика С.Д. Некрасова «Рациональное решение задач»;
5. 16-факторный личностный опросник Реймонда Бернара Кеттелла;
6. Опросник ценностей по М.Рокичу;
7. Опросник Элерса для изучения мотивации достижения успеха.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего эффективного отбора соискателей на должность программиста как в данной, так и в аналогичных IT-компаниях.

Вопрос критериев оценки продуктивности программистов рассматривался многими учеными. Т. Дженсон предложил формулу, в которой продуктивность программистов коррелирует с техническими, коммуникативными и управленческими навыками. Также коммуникативность оказалась значимым, потому как умение слушать и слышать, очень помогает в работе заказчика. Отсюда отсутствие способности к коммуникации может стать барьером для успешной карьеры программиста [6].

Детально профессиональные важные качества программистов как систему рассматривали Е.И. Тютюнник и Л.Ф. Шеховцова со стороны типов профессии по Е.А. Климову, в которой программист относится к профессии «человек-знак». В данном профессиональном типе они выделили такие ключевые качества как:

- 1) вербальное мышление;
- 2) вербальная память;
- 3) аккуратность;
- 4) распределение внимания, устойчивость, концентрации;
- 5) усидчивость [1,2].

В нашем исследовании мы рассмотрели работников IT-компании, продающей продукт Битрикс24, предназначенный для автоматизации бизнес-процессов. Основными видами деятельности компании являются продажа продуктов Битрикс24 и их техническое сопровождение

По задачам и обязанностям IT-специалисты в данной компании делятся на 3 категории:

- 1) инженеры сервиса, выполняющие техзадания;
- 2) программисты, решающие задачи клиента;
- 3) специалисты по проектным работам.

Программисты, решающие вопросы клиента проводят минимальное количество времени в офисе, так как основную часть рабочего времени работают на территории у клиента-заказчика. Также к особенностям их условий труда можно отнести:

- 1) сжатые сроки;
- 2) большой объем информации;
- 3) высокий уровень стресса работы как результат постоянного взаимодействия с людьми;
- 4) система денежной мотивации с процентной составляющей по результату оплаты клиентом работ;
- 5) наличие индивидуальных планов по выполнению работ.

В выборку нашего исследования вошли 15 программистов, выполняющих задачи клиента, из которых 10 испытуемых – успешные программисты. Они вошли в 1 группу выборки и 5 испытуемых – неуспешные программисты – во 2 группу.

Эмпирическое исследование было поделено на несколько этапов.

Первый этап заключался в обобщении различных исследований в области профессиональной деятельности. Это стало основой для последующего анализа профессионально важных качеств как психологических аспектов профессионального отбора и отбора специалистов, были сформулированы гипотезы, задачи и логическая схема будущего эмпирического, был выбран и апробирован диагностический инструментарий.

Второй этап состоял из процесса формирования выборки для эмпирического исследования. Выборка строилась по принципу противопоставления уровня успешности специалистов в их профессиональной деятельности. Специалисты с разным уровнем успешности, сравнивались с лучшим представителем профессии. Лучший представитель или наиболее успешный специалист, выбирался на основании объективных показателей эффективности.

Третий этап заключался в оценке общих и специфических профессионально важных качеств программистов.

Четвертый этап представлял собой обработку и интерпретацию полученных эмпирических данных.

Проанализированные данные эмпирического исследования отражены в диаграмме (см. рисунок).

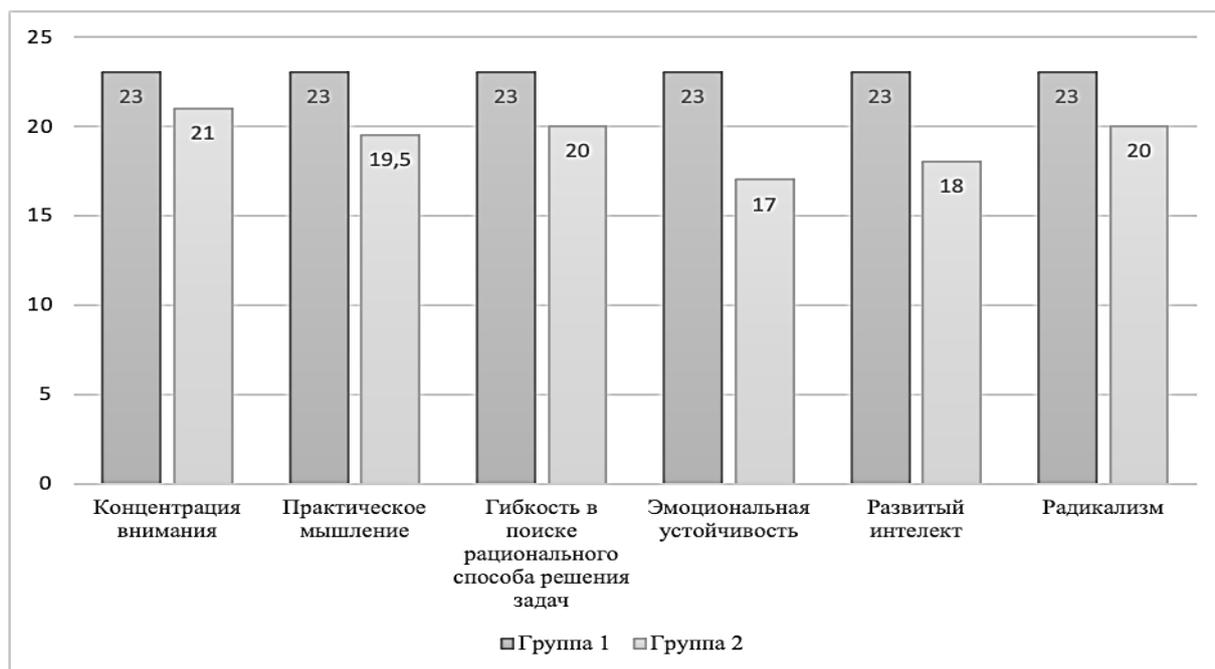

Рис. Анализ психологически важных качеств программистов с разными уровнями профессиональной успешности

Значимость различий в определенных параметрах дает нам основание говорить о том, что эти параметры можно рассматривать как ПВК.

Так, для программистов компании, в которой проводилось эмпирическое исследование, были обнаружены следующие ПВК:

- высокий уровень концентрации внимания;
- практическое мышление;
- гибкость в поиске рационального способа решения задач;
- эмоциональная устойчивость;
- развитый интеллект;
- радикализм.

Таким образом, полученные данные эмпирического исследования профессионально важных качеств программистов могут говорить об определённой направленности данных специалистов.

В качестве ПВК программистов выявились профессионально важные качества с направленностью на интеллектуальную сферу работы.

Литература

1. Бондарев В.П., Гапоненко А.В. Технология профессионального успеха. М.: Изд-во «Просвещение». – 2001. – С. 32–36.
2. Войвод О.В. Оценка профессионально важных качеств // Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2016. – С. 26–30.
3. Забара И.В. Структура психологических отношений к профессиональной деятельности / Крымский гуманитарный вестник: сборник научных статей. – Симферополь; Воронеж: Изд-во Ковчег. – 2017. – С. 81–85.
4. Забара И.В. Содержание компонентов потребностно-технологического отношения к профессиональной деятельности у программистов // Актуальные вопросы науки. Материалы 41-й Международной научно-практической конференции (10 июля 2018). – М.: Изд-во «Спутник +». – 2018. – С. 127–130.
5. Локалова, Н.П. Психология. Введение в профессию: учебное пособие. – СПб.: Питер. – 2010. – С. 82–83.
6. Орел Е.А. Особенности интеллекта профессиональных программистов. М.: Изд-во «Вестник Московского университета». – 2007. – С. 70–79.

СОДЕРЖАНИЕ

Психологические исследования личности в мультипарадигмальной психологии

Башкатов С.А., Гайнуллина С.М. Ответственность как психологическая категория в динамике развития	3
Башкатов С.А., Шахов А.А. Психологический феномен установки в отечественных диссертационных исследованиях	8
Косинова М.С., Зубарева Н.С. Роль алекситимии в межличностных отношениях.....	12
Крючков К.С., Петровский В.А. Этический поступок как надситуативная активность	16
Мальцева В.А., Мальцева А.С. Содержание структурных компонентов экологических установок у студентов	20
Мишустина А.В., Рычкова Л.С. Исторические аспекты изучения мотивации в психологии	26
Моисеева Е.А., Цариценцева О.П. Особенности психологического благополучия учителей	31
Савинцева П.А., Овчинников М.В. Природа эмоционального лидерства и способность обучаться.....	36
Саломатова М.О., Крапивина Е.А. Проблема первичной профилактики интернет-зависимости у обучающихся вуза	40
Харланчук И.В., Крутолевич А.Н. Особенности когнитивной регуляции эмоций у лиц с депрессивной симптоматикой	44
Яро А., Шакурова З.А. Личностные особенности иностранных студентов с разными типами социально-психологической адаптации.....	49

Психология инноваций и творчества

Гусева К.А., Тараканов А.В. Исследование взаимосвязи креативности с параметрами социально-психологической адаптации у студентов.....	55
Емельянов М.И., Грязева-Добшинская В.Г. Цифровизация арт-коммуникаций: возможности, значимость, психологическое влияние на человека	59
Колтунов Е.И. Взаимосвязь ценностных оснований и динамики личностных переживаний после просмотра экранизации классического культурного произведения (кросс-культурный аспект)	63

Кучерявая А.А., Кавун Л.В. Исследование специфики ценностной сферы и характеристик экзистенциальной исполненности у людей, проявляющих творческую активность	68
Лубягина А.Ф., Выбойщик И.В. Виды профессионального выбора в контексте жизненного пути и профессиональной деятельности	73
Никифорова Е.А., Глухов П.С. Открытые инновации в период пандемии COVID-19: рекомендации для управления инновациями в период восстановления.....	78
Орлова В.А., Кавун Л.В. Взаимосвязь характеристик креативности с удовлетворенностью жизнью и экзистенциальной исполненностью у студентов вуза	83
Терещенко М.Н., Сафонова А.К. Педагогические условия развития эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста ..	87

Психологические ресурсы человека и вызовы пандемии Covid-19

Александров В.С., Дмитриева Ю.А. Переживание стресса и отношение к глобальным рискам у студентов в условиях пандемии Covid-19	92
Алфёрова А.Е., Конева О.Б. Особенности межличностного взаимодействия студентов в стрессовых ситуациях	96
Кондратенко Е.Ю., Рыльская Е.А. Стандартизация теста «Жизнеспособность человека».....	100
Маркевич А.В., Пархоменко И.А. Влияние удалённой работы на психологическое здоровье педагогов	104
Маховская О.И. Проблемы психологии солидарности: мобилизующая роль медиа в условиях пандемии Covid-19.....	109
Млкеян Л.А., Рычкова Л.С. Мотивация деятельности волонтеров в условиях повышенной социальной напряженности, вызванной новой коронавирусной инфекцией Covid-19	112
Сырцов Е.А., Гудкова Е.В. Проявления жизнеспособности и психологической дезадаптации личности в условиях самоизоляции ..	117

Личность в социальной группе

Бурундуков А.С., Цыганкова О.Е. Взаимосвязь локуса контроля и оценки стресс-факторов городской среды жителями мегаполиса	121
Скайло А.В., Пархоменко И.А. Гендерные особенности проявления конфликтности в межнациональном браке	125
Тейкина Д.П., Крутолевич А.Н. Взаимосвязь проявлений лжи и параметров потребностно-мотивационной сферы студентов	129

Актуальные проблемы клинической психологии и современные психофизиологические исследования

Астаева А.В., Королева Т.А., Рева И.Е., Решетова Е.А. Нейропсихологические особенности речи у детей младшего школьного возраста, обучающихся в условиях интеграции	133
Боровинских В.Э., Благовещенская И.В. Клинико-психологические особенности стратегий совладания у спортсменов высших достижений, занимающихся каратэ	137
Ведьгун А.А., Крутолевич А.Н. Взаимосвязь проявлений перфекционизма со стилями семейного окружения	142
Горелов К.М., Крутолевич А.Н. Взаимосвязь семейного окружения и общего благополучия девочек-подростков.....	146
Иванова Д.А., Беребин М.А. Обзор подходов к понятию «психопатия» в отечественной и зарубежной практике, связанной с криминальностью личности	150
Косачёв А.Р., Крутолевич А.Н. Исследование взаимосвязи особенностей личности с манифестацией симптоматики панического расстройства.....	154
Никулина Л.А., Разумникова О.М. Социальный интеллект и активность дефолтной сети мозга: современное состояние проблемы	158
Новохацки А.В., Соломатова Л.А., Стафеева Н.В. Формирование приверженности ВААР-терапии у подростков с установленным диагнозом «ВИЧ-инфекции»	163
Руденкова О.С., Крутолевич А.Н. Влияние стрессовых событий на развитие посттравматического стрессового расстройства.....	167
Тактаракова С.С., Логинова И.О. Особенности возникновения рецидивов у пациентов с атопическим дерматитом: частота, характер течения заболевания.....	170

Психология развития и возрастная психология: результаты и перспективы исследований

Афанасьева А.Г., Шишкина А.Я., Конева О.Б. Особенности компьютерных ролевых игр в психическом развитии подростков	176
Базарова В.Н., Дроздова Н.В. Особенности школьной тревожности у детей младшего школьного возраста из семей с разными стилями воспитания	181
Васильева С.Н., Рыльская Е.А. Жизнеспособность пожилого человека: стандартизация методики и перспективы исследований	185

Галимова А.В., Терещенко М.Н. Эмоциональный интеллект дошкольников.....	190
Донковцева Н.Б., Дроздова Н.В. Возможности и ограничения психодиагностической методики «ЭмИн» Д.В. Люсина при изучении эмоционального интеллекта	193
Козлова В.А., Самсоненко Л.С. Особенности способности к прогнозированию у обучающихся старшего школьного возраста.....	197
Комарова А.Ю., Терещенко М.Н. Формирование основ родительства у детей старшего дошкольного возраста в современном мире	202
Кудрина Ю.А., Липская Т.А. Особенности субъектности старшеклассников с разным уровнем готовности к выбору профессии	207
Прибылов И.А., Цариценцева О.П. Особенности копинг-стратегий в подростковом возрасте	212
Сапранкова М.В., Рычкова Л.С. Контент-анализ психологических переменных: отношение к уровню полученных знаний и к качеству образования в период активного развития личности.....	216
Састамойнен Л.В., Ермакова Е.С. Особенности агрессивности и копинг-стратегий подростков 14–15 лет	221
Соколова Е.С., Завьялова И.Ю. Выраженность симптомов стресса и стрессоустойчивость студентов с различными статусами идентичности личности.....	226

Психолого-педагогические проблемы общего, инклюзивного и коррекционного образования

Бельская У.А., Щелокова Е.Г. Особенности профессионального выгорания у представителей помогающих профессий.....	232
Гозбенко Д.И., Батенова Ю.В. Принцип природосообразности в использовании цифровых интерактивных технологий в детском саду	237
Лаврентьев Д.А., Богинская Ю.В. Опыт инклюзивного образования в мире	241

Психология служебной деятельности: теория и практика

Боровкова С.С., Гудкова Е.В. Исследование связи самоотношения курсантов военного ВУЗа с характером их взаимоотношений в учебном коллективе.....	245
Медведев А.Е., Мазуренко Я.А. Особенности самоотношения и удовлетворенности жизнью у предпринимателей и наемных работников.....	250

Пурикова Е.А. Мошкина Л.Д. Стрессоустойчивость младшего медицинского персонала.....	255
Хамзин Э.Х., Дроздова Н.В. Особенности стрессоустойчивости в соревновательной деятельности у подростков, занимающихся фехтованием	260
Шаульская В.А., Шипилова Ю.А. Особенности эмоционального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы с различными половозрастными характеристиками.....	264
Шрамкова А.Д., Баринев П.Н. Мотивационная сфера личности сотрудников МЧС России и их профессиональная деятельность в экстремальных условиях среды.....	268

Достижения организационной психологии, управленческой психологии и психологии бизнеса

Крупский П.А., Крутолевич А.Н. Проблема эмоционального выгорания и вовлечённости у медицинских работников	274
Никитенко Е.И., Гудкова Е.В. Исследование психологических аспектов профессионального отбора программистов.....	279

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ:
ПРОБЛЕМЫ, ГИПОТЕЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов
научной конференции с международным участием,
посвященной 25-летию факультета психологии

Под редакцией Е.А. Рыльской,
А.С. Мальцевой

Техн. редактор *А.В. Миних*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 15.09.2021. Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16,74. Тираж 100 экз. Заказ 286/332.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.